

КАРЯЛАН РАHVАНАН RUNOJA

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Карельский научный центр Российской Академии Наук
Институт языка, литературы и истории

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Хрестоматия

Петрозаводск «Карелия» 1992

Venäjän tiedeakatemian Karjalan tiedekeskus
Kielen, kirjallisuuden ja historian laitos

KARJALAN RAHVAHAN RUNOJA

Lukukirja

Издание подготовила Н. А. Лавонен

Научный редактор А. С. Степанова

*Утверждено Ученым советом
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской Академии Наук
и Министерством народного образования
Республики Карелия*

К 22 **Карельский фольклор: Хрестоматия/Изд. подготовила**
Н. А. Лавонен.— На русском и карельском языках.— Петро-
заводск: Карелия, 1992.— 272 с.

ISBN 5-7545-0553-1

В книге представлены все жанры карельского фольклора: песенные, прозаические, детский фольклор, пословицы, поговорки, загадки.

Тексты публикуются на языке оригинала и в переводе на русский язык.

Каждый раздел сопровождается статьей, дающей общее представление о данном жанре устной поэзии. Приводятся также сведения о наиболее известных карельских и финских рунопевцах.

82.3(2)

К 4306020200—044
М127(03)—92 62—92

© ИЯЛИ Карельского научного
центра РАН

© Н. А. Лавонен, состав,
статьи, 1992

ISBN 5-7545-0553-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом издании впервые одновременно представлены практически все жанры карельского устного народного творчества: песенные, прозаические, «малые» жанры, детский фольклор. Переводы на русский язык дают возможность ознакомиться с ними и читателю, не владеющему карельским или финским языками.

Перед каждым разделом помещена краткая вводная статья, дающая самые общие представления о жанре. При этом необходимо учесть, что не все жанры карельского фольклора изучены в одинаковой степени, по многим отсутствуют монографические работы (ёйги, пословицы, заговоры), а по некоторым и статьи. Карельские былички, предания, легенды практически не публиковались и не исследовались. В переводе на русский язык они здесь представлены впервые. Их публикация осуществляется на основании материалов архива Карельского научного центра РАН, фонотеки Института языка, литературы и истории или изданий финских ученых.

Фольклорные тексты записывались на протяжении XIX и XX вв. собирателями, с разной степенью точности передающими диалекты карельского языка, к тому же и сам язык за 150 лет претерпел изменения. В соответствии с текстологическими нормами архивные и опубликованные материалы не правились, мы не «приближаем» их к диалектам современного карельского языка. Основная задача — представить читателю наиболее характерные образцы карельского фольклора в том виде, как они были записаны. Фольклористы выявляют значительные отличия в бытовании, распространении сюжетов, в художественных особенностях фольклорных жанров в северной, средней и южной Карелии. В рамках небольших статей, представленных в этой книге, мы эти особенности не выделяем. За границами хрестоматии остался фольклор калининских и тихвинских карелов.

Наиболее полно в пределах возможных объемов представлена поэзия калевальской метрики — эпические и лирические песни, заклинания, свадебные песни. В расположении поэтического ма-

териала соблюдается определенная «хронология»: от сюжетов, считающихся древними, — к более поздним, а от них к новым — рифмованным песням, частушкам.

Причитания распределены по обрядам: похоронные и свадебные, за ними следуют бытовые, а внутри обрядовых циклов — по месту, порядку исполнения в обряде. Поскольку в причитаниях нет устоявшихся традиционных названий, то им даны народные названия. Мы следуем сборнику «Карельские причитания», откуда взяты тексты плачей и их переводы на русский язык.

В хрестоматии в основном сохранены переводы тех сборников, из которых взяты тексты (сказки, загадки, пословицы, частушки). Песни калевальской метрики во многих случаях переведены заново Э. Киуру. Тексты, которые публикуются впервые (несказочная проза, детские песни), переведены составителем (отдельные тексты даны без перевода).

Паспортные данные помещены под публикуемыми текстами, в них указывается кем, когда, где, от кого записан текст, в сокращенном виде приводятся источники, если текст опубликован, или место его хранения (архив, фонотека). Если место рождения исполнителя совпадает с местом записи, то оно не повторяется. Административное деление на территории Карелии много раз менялось, деревни относились к разным приходам, волостям, позже к сельским советам и районам. Во всех случаях мы даем современное районирование, в старых записях название современного района заключаем в скобки, например: (н. Лоухский р-н). В скобках непосредственно в тексте или в конце его приводятся комментарии исполнителей, а также даются составителем хрестоматии пояснения, уточнения к переводам.

Сведения о наиболее известных карельских и финских исполнителях и краткие данные об особенностях исполнения народной поэзии приведены в разделе «Рунопевцы».

Заключают хрестоматию список библиографических сокращений и словарь малопонятных слов.

В подготовке рукописи к изданию также принимали участие: Э. П. Кемпинен, О. В. Макарова, Т. М. Семенова и Т. С. Курец. Помимо редактирования работы в целом, А. С. Степанова проверила все тексты, расшифрованные с магнитофонной ленты, и переводы их на русский язык.

ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ. БАЛЛАДЫ

Карельский эпос считается одним из древнейших в мировом фольклоре. В нем сохранились многие архаические сюжеты и мотивы. Древним является его поэтический стиль, получивший в науке название — калевальская поэтическая строка, или калевальская метрика.

Для калевальской метрики характерен восьмисложный стих с хореической стопой (четырёхстопный хорей), с нерифмованным стихом: Tuuti/lasta/tuoma/riksi.

Калевальской поэзии свойственны аллитерация (совпадение звуков в начале слова) и поэтический параллелизм — повторение поэтических строк с помощью синонимического ряда:

Ennen miun tuattoni,
Vakavalta vanhempani
Läksi hanhien hakuhe,
Koukkupolvien pujeluhe...

Поэзия калевальской метрики известна карелам, финнам, эстонцам, води, ижорцам, но ее нет у саамов и вепсов.

Ученые признают, что в вопросе происхождения калевальской метрики много неясного, здесь пока больше догадок, чем научно обоснованных доказательств (*Kuusi*, 1967, 36). Но не вызывает сомнения, что прошла она сложный путь исторического развития, претерпела влияние различных исторических эпох. На возникновение поэтического стиля калевальской метрики оказали воздействие и песни балтийских народов.

Контакты между балтийскими и финно-угорскими народами продолжались на протяжении веков. В основе своей калевальская поэзия могла зародиться в первое тысячелетие до новой эры. Таким образом, древние пласты ее насчитывают около трех тысяч лет, но основные сюжеты сложились значительно позже, примерно в VIII—X вв. новой эры.

Древнейшим считается докалевальский период (*esikalevalainen kausi*) возникновения устной поэзии. К этому времени еще четко

не сформировался размер калевальской метрики. Исследователи допускают, что песни могли исполняться в манере, близкой той, в которой позже исполнялись саамские и карельские ёйги. К этому периоду также можно отнести возникновение причитаний (*Asplund*, 19).

Следующий этап — это период раннекалевальской поэзии (*varhaiskalevalainen kausi*). К нему относят мифы (*synnyt, myyttigut*), повествующие о происхождении земли, неба, солнца, луны, огня, т. е. космогонические мифы. Они имеют общие истоки не только с поэзией финно-угорских народов, но и народов Арктики и Северной Евразии.

В карельском фольклоре часть этих древних мифов сохранилась в виде заговоров, часть перешла в эпические (повествовательные) песни. К этому времени относятся сюжеты о создании мира (*maailman synty*), о рождении огня (*tulen synty*), о большом дубе (*iso tammi*). Сюжет о создании кантеле исследователи также считают архаичным, относят его к раннекалевальской поэзии, к эпике «создания вещей». Эпическое кантеле было создано из костей щуки (*KK*, 149).

В поэзии калевальской метрики не произошло четкого жанрового разграничения. Жанры не выделились в «чистом» виде. В эпических песнях можно найти элементы заклинаний, заклиная сохранили древнейшие мифологические мотивы. Это свойственно для архаической поэзии в целом.

К следующему периоду — среднекалевальскому (*sydänkalevalainen kausi*) — относятся эпические песни героического содержания. Для них в качестве обязательных «компонентов» характерны путешествия и борьба. Распространенными сюжетами этого периода были песни о сватовстве, состязании в пении, цикл, относящийся к сампо. Сюжет о похищении сампо считается более древним, чем его выковывание Илмариненом. Древнее мифологическое мышление не требовало объяснения, откуда оно появилось. Оно находилось у хозяйки Похьелы, хранительницы первопредметов, и этого было достаточно. Сюжет о создании сампо мог возникнуть позже в качестве одного из трудных заданий при сватовстве. В народной поэзии песни о сампо занимали значительно меньшее место, чем в «Калевале», где Э. Леннрот «сделал» их сюжетным стержнем.

Главными действующими лицами песен героического содержания являются Вайнямейнен и Илмаринен.

Вайнямейнен — культурный герой, демиург, так называют главных героев фольклора доклассового общества. Культурный герой был творцом мира, первопредком людей, их родоначальником. Вайнямейнен — демиург, первосоздатель мира и предметов в нем, он действует с помощью заговоров, заклинаний; чтобы стать мудрым — он побывал в чреве Випунена.

Антеро Випунен — мифологический первопредок-великан, хранитель мудрости, давно умерший. Обращение к умершим за мудростью, советом, «добывание знаний» на могилах было известно у саамов еще сравнительно недавно. Финскому фольклористу С. Паулахарью в 1937 году рассказывали, как о подлинном событии, о посещении дедом информатора — с целью стать мудрым (получить шаманскую силу) — могилы известного шамана XVI в. Акмели Антереуса.

Илмаринен — искусный кузнец, он создает мир предметно: выковывает сампо, звезды, небо, золотую жену, первым высек искру, первым создал кузницу.

Вместе с сюжетами менялись и герои эпических песен. В отличие от «старших» героев эпоса Вяйнямейнена и Илмаринена, в которых еще сильны мифологические корни, образ Лемминкяйнена более живой, разноплановый, менее эпичен. С ним связаны сюжеты о пребывании на пиру в чужом роду незванным гостем, гибель и воскресение, приключение на Острове дев.

Куллерво больше известен по «Калевале», в народных песнях это имя встречается редко. Народная поэзия чаще называет его сыном Калевы (Kalevan poika). С сыном Калевы связаны сюжеты «Месть пастуха» и «Подсека сына Калевы». В них прослеживаются мотивы социального протеста, порожденного распадом родового строя и зарождением классового общества. Э. Леннрот отнес к рунам о Куллерво также сюжет об инцесте, в народных вариантах никак не связанный с образом сына Калевы.

В эпоху средневековья (keskiajan kalevalainen kausi) христианство оказало свое воздействие на народную поэзию, усилилось влияние церкви и западной поэзии.

В народных песнях и заклинаниях появились христианские имена и сюжеты, соотносимые с библейскими легендами. Примером такой песни является сюжет «Осуждение Вяйнямейнена» (Väipäntöisen tuomio). В песне дается народная интерпретация легенды об Иисусе Христе. Мотивы этой песни использованы Э. Леннротом в заключительной руне «Калевалы». С христианскими мотивами связана также песня-легенда «Хозяин и раб» (Ora ja isäntä).

К периоду средневековья относится появление лиро-эпических песен, баллад. Они передают уже совсем иное мировосприятие в сравнении с древними песнями мифологического содержания. Баллады повествуют не об архаическом восприятии мира, перво-создателях, героях-демиургах, какими были Вяйнямейнен и Илмаринен, а о взаимоотношениях между людьми, родственниками, о семейных отношениях. Главным действующим лицом в них становится женщина с ее повседневными делами и заботами.

Развитие действия в балладах замедленное, все диалоги повторяются несколько раз (три или пять). К таким песням-балладам

относятся «Гибель Элины» (Elinan surma), «Утерянные украшения» (Kadotetut koristeet), «Сваты из моря» (Meren kosijat) и др.

К позднекалевальскому периоду (myöhäiskalevalainen kausi) относятся исторические песни. Они по-прежнему связаны с древней эпической традицией, не произошло их четкого выделения из традиционных эпических песен. Как правило, исторические песни значительно короче эпических, для них повторы менее характерны.

В Карелии известны исторические песни о Северной войне, об осаде Выборга. Народная память связывает их с именами Ивана Грозного (Iivana iso isäntä) и Петра Первого (Pietari, kuuluisa kuningas).

События, о которых повествуют исторические песни, нельзя представлять буквально, хотя они в какой-то мере соответствуют конкретным событиям и конкретным лицам. «Конкретно-исторический характер жанра состоит вовсе не в том, что здесь фиксируются реальные факты, а в том, что песни отражают в форме конкретно-исторических сюжетов реальные политические конфликты, характерные для данного исторического момента и почему-либо важные для народа» (Путилов, 8).

Luominen

Создание мира

Hiän on liedo Lemmingäni,
Hiän on virkki tuon šanoikse:
»Elä on ammu Väinämöstä:
Kuin on ammut Väinämözen,

⁵ Ilot ilmalda lankezi,
Laulut mualda langietah.
Iloiss' ilmalla parembi,
Laulušš' olis mualla
luaskavembi!»
Kuitengi ambu Väinämözen.

¹⁰ Ei ožannut Väinämözeh,
Ožai Väinämön hebožeh,
Läbi laukin landehista,
Läbi lämbimien lihojen.
Šormin on mereh šordu,

¹⁵ Kāzin kiāndy landehilla;
Šielä kulgi kuuži vuotta,
Šelu šeiččemän kežyā,

То был славный
Лемминкяйнен,
Он сказал слова такие:
«Не стреляй ты в рунопевца:
Вяйнямейнена застрелишь —
⁵ Радость вся уйдет из мира,
Песни сгинут на земле.
С радостью житье милее,
С песней ласковой бытье!»
Все же выстрелил он в Вяйно,

¹⁰ Не попал в него — промазал,
В лошадь та стрела попала,
Бедра лошади пронзила,
В мякоть теплую прошла.
В море Вяйнямейнен сверзся,
¹⁵ В волны — пальцы разведя.
Шесть годов он плавал в море,
На волнах семь лет качался,

Kulgi kuuzina hagoina,
 Pedäjäzinä pölkynpäinä.
 20 Ehtinyttä ečittih,
 Kadonutta kaiveldih,
 Kežällä venoin keboin,
 Talvella lylyin livoin,—
 Ei o l'öytyt Väinämöstä.

25 Tuo oli šotka šorža lindu,
 Ečči on pežän šijua,
 Liideliekše luadeliekše
 Väinämözen polven piähä,
 Pani hiän ših d'äičät.
 30 Mi d'äičäštä alini puoli —
 Alizekše muaemäkše;
 Mi d'äičäštä ylini puoli —
 Ylizekše taivazekše;
 Mi d'äičäštä šoruja piązöy —
 35 Tähtilöikše taivahalla;
 Mi d'äičäštä valgeida piązöy —
 Kuudamakše paistamah;
 Mi d'äičäštä ruškeida piązöy —
 Päivazekše paistamah.

Зап. И. Пажлаков в 1939 г. в с. Ругозеро (н. Муезерский р-н) от П. Т. Ивачевой, 1877 г. рожд. Публ.: КЭП, № 95. Перевод Э. Киуру.

Šeppä

Yöllä šynty Ilmollini,
 Päivällä mäni pajahe,
 Šoan on lukkuja takouve,
 Tuhannen avoamia.
 5 Ei ole šeppä sen parempi,
 Eikäni tarkempi takoja,
 Još šynty šysimäjellä,
 Kašvoi hiilikankahalla.
 Še šeppä, joka jumala,
 10 Joka on taivosen takonut,
 Ilman koaret kalkutellut,
 Ei tunnu vasaran jälki,
 Eikäni pihtien pitely,
 Hoararauvan halličenta.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 34 (SKVRI, 136).

Топляком он плыл еловым,
 Чуркою нырял сосновой.
 20 Сгинувшего все искали,
 Разыскать его старались.
 Летом едут в легких лодках,
 А зимой — на скользких
 лыжах,

Ездят, а найти не могут.
 25 Утка синяя летела,
 Место для гнезда искала,
 Полетала, покружила,
 Села Вяино на колено
 И на нем снесла яичко.
 30 Что в яйце являлось низом —
 Стало матерью-землей;
 Что в яйце являлось верхом —
 Это верхним небом стало;
 Что еще остались крошки —
 35 Звездами на небе стали;
 Что белком в яйце являлось —
 Месяцем светлейшим стало;
 Что желтком яйца являлось —
 Стало солнышком светить.

Кузнец

В ночь родился Илмоллини,
 Днем отправился к горнилу —
 Сто задвижек изготовил,
 Тысячу ключей сковал к ним.
 5 Лучше ведь не тот кователь
 И не тот кузнец искусней,
 Кто на углях родился,
 На поляне углежога;
 Тот кователь истый бог,
 10 Кто сковал небесный купол,
 Кто сковал для неба своды —
 Вмятин молота не видно,
 Не заметен след клещей,
 Оттиски щипцов железных.

Olipa ennen neljä neittä,
 Koko kolme morsienta,
 Valehtiin lempilehti,
 Vietih maalle kasvajalle,
⁵ Orolle ylenevälle.
 Siihen kasvo kaunis tammi,
 Yleni vihanta virpi:
 Latva täytti taivosehen,
 Lehvät ilmoille levisi,
¹⁰ Pietti pilvet juoksemasta,
 Hattarat hajuomasta.
 Pilvess' pität pisarat,
 Pisarissa laajat lammit,
 Lammiss' on veno punaset,
¹⁵ Venehessä nuoret miehet,
 Nuoret miehet naimattomat,
 Punovat punasta köyttä,
 Köyttä rauta rahnikoivat
 Sitoa meren sivua,
²⁰ Lahta kannan kaakistaa,
 Jotta tyynenä pysyisi,
 Kannan laksi kaunehena,
 Vieä Vienan neitosie,
 Kaupunnin kotikanoja.

Было их четыре девы,
 Было целых три невесты,
 Сделали любовный листик,
 В почве доброй посадили,
⁵ В той долине плодородной.
 Дуб красивый там поднялся,
 Там побег зеленый вырос —
 Небо достает вершиной,
 Ветки по небу раскинул,
¹⁰ Преградил дорогу тучам,
 Облакам закрыл проходы.
 Капли длинные в той туче,
 В них — широкие озера,
 Красные в озерах лодки,
¹⁵ В лодках парни молодые,
 Молодые, холостые.
 Красную плетут веревку,
 Вьют они канат железный,
 Чтоб связать концы у моря,
²⁰ Затянуть заливу горло,
 Чтоб залив не волновался,
 Не плескалась Канталакша,
 Чтобы увозить девиц,
 Городских невест домашних.

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латваряви (н. Калевальский р-н) от А. Перт-
 тунена, 1769 г. рожд. Публ.: РНН, № 14 (SKVRI₂1230).

Kilpalaulanta

Состязание в пении

Vaka vanha Väinämöini,
 Toin oli nuori Joukahaini
 Ajettih tiellä vaššakkah.
 Puuttu vemmел vемpelehe,
⁵ Rähis rahkehen nenäh.
 Veri tippu vемpelestä,
 Rašva rahkehen nenästä.
 Šano nuori Joukahaini:
 »Kumpani on tiijolta parempi,
¹⁰ Šen on tiellä šeisomine!»

Старый мудрый Вяйнямейнен,
 Молодой тот Еукахайнен
 Повстречались на пути.
 За дугу дуга задела,
⁵ Гуж с гужом сцепился
 крепко —
 Кровь с концов дуги точилась,
 Жир стекал с концов гужей.
 Молвил юный Еукахайнен:
 «Кто в познаниях сильнее,
¹⁰ Тот поедет по дороге!»

Šano vanha Väinämöini:
 »Enkä tiijä enkä taija,
 Tiijän kuitenkin vähäsen.
 Omat on kolkot kuokkimani,
 15 Kalahauvat kaivamani,
 Ilman pielet pistämäni,
 Omat šuamani šanani,
 Tuhantehen tukkuomani!»
 Laulo nuoren Joukahaisen,

20 Laulo šuoh šuoniloista,
 Kainaloista kankahah.
 Šano nuori Joukahaini:
 »Oi on, vanha Väinämöini,
 Pyörrytä pyhät šanasi,
 25 Peräytä laušuesi.

Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankieu!»
 Šanou vanha Väinämöini:
 »Mitä annat lunnahiksi?»

30 Šanou nuori Joukahaini:
 »Annan kultia kyperän,
 Hopijoita tuopin täyen!»
 Šanou vanha Väinämöini:
 »Kušen konna kultihis,

35 Muaranin hopeihis,
 Jo on ruoštun Ruočin kulta,
 Šuaštun Šaksan hopei!»
 Šano nuori Joukahaini:
 »Pyörrytä pyhät šanas,

40 Peräytä laušuesi,
 Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankieu!»
 »Mitä annat lunnahiksi?»
 »Annan ainuon oroni.»

45 Šanou vanha Väinämöini:
 »Jo on miulla oro ičellä
 Kahta mointa kaunehempi,
 Viittä kuutta kuulusampi:
 Juoššen juomaha mänöy,

50 Juoššen juomašta tulou,
 Šelkie vesi selkäluillla,
 Vesilammit lautasilla!»

Молвил старый Ваянямейнен:
 «Что могу я знать, что ведать?
 Знаю все-таки маленько:
 Сам копал я в море ямы,
 15 Сам для рыбы сделал тони,
 Сам опоры неба ставил,
 Сам добыл слова для песен,
 Сам сложил из слов
 заклатья!»

Еукахайнена заклал он,
 20 Юного загнал в болото,
 В бор сухой запел по плечи.
 Молвил юный Еукахайнен:
 «Ой ты, старый Ваянямейнен,
 Возврати слова святые,

25 Поверни ты вспять заклатья.
 Больше я терпеть не в силах,
 Дольше вынести невмочь!»
 Молвил старый Ваянямейнен:
 «А какой ты дашь мне выкуп?»

30 Молвил юный Еукахайнен:
 «Золота насыплю шлемом,
 Кружку выдам серебра!»
 Молвил старый Ваянямейнен:
 «Наплевать хотел на злато,

35 Намарать на серебро,
 Ржавое то злато Руоччи,
 Заскорузло серебро!»
 Молвил юный Еукахайнен:
 «Возврати слова святые,

40 Поверни ты вспять заклатья,
 Больше я теперь не в силах,
 Дольше вынести невмочь!»
 «А какой ты дашь мне выкуп?»
 «Своего дам жеребца!»

45 Молвил старый Ваянямейнен:
 «Жеребца я сам имею —
 Вдвое лучше твоего,
 В пять и шесть раз
 знаменителей:

Рысью мчится к водопою,
 50 Рысью к дому прибегает,
 Шерсть блестит, на крупе
 блюдце,
 Бедра словно жир лоснятся!»

Šanou nuori Joukahaini:
 »Oi on, vanha Väinämöini,
 55 Pyörrytä pyhät šanasi,
 Peräytä lausuesi,
 Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankieu!»
 Šanou vanha Väinämöini:
 60 »Mitä annat lunnahiksi?»
 Šanou nuori Joukahaini:
 »Annan ainuan sisaren,
 Lainuan emoni lapšen
 Väinämöisellä varakši,
 65 Turvakši tutisijalla,
 Ilokši ikilopulla.»
 Noštau šuošta šuoniloista,
 Niityštä nisulihoišta,
 Kainaloista kankahašta.
 70 Läksi ajua karetelomah
 Alla päin, pahoilla mielin,
 Kaiken kallella kypärin.
 Emo vaštaha tulo:
 »Poikueni, ainuani,
 75 Mit' olet pahalla mielin,
 Kaiken kallella kyperin?»
 »Šit olen pahalla mielin,
 Kun annoin ainuon sisaren,
 Lainasin emoni lapšen
 80 Väinämöisellä varakši,
 Turvakši tutisijalla,
 Ilokši ikilopulla.»
 »Tuota vuotin tuon ikäni,
 Halki polveni halasin
 85 Vävykšeni Väinämöistä,
 Turvakši tutisijua,
 Ilokši ikiloppua!»

Молвил юный Еукахайнен:
 «Ой ты, старый Вьяннямейнен,
 55 Возврати слова святые,
 Поверни ты вспять заклатья.
 Больше я терпеть не в силах,
 Дольше вынести невмочь!»
 Молвил старый Вьяннямейнен:
 60 «А какой ты дашь мне выкуп?»
 Молвил юный Еукахайнен:
 «Выдам за тебя сестрицу,
 Дочку матери вручу —
 Вьяннямейнену в подруги,
 65 Старцу дряхлому в защиту,
 Перестарку на забаву!»
 Вытянул его из топи,
 Взяв за грудь, из луга вынул,
 За плечо из бора поднял.
 70 Восвояси он поехал,
 Свесив голову в унынье,
 Мрачно шлем на бровь
 надвинув.
 Дома мать ему навстречу:
 «Мой единственный сыночек,
 75 Чем ты, сын мой, опечален,
 Отчего твой шлем опущен?»
 «Оттого я опечален,
 Что отдал сестру родную,
 Обещал твою дочурку
 80 Вьяннямейнену в подруги —
 Старцу дряхлому в защиту,
 Перестарку на забаву!»
 «Я о том весь век мечтала,
 Поколение все желала,
 85 Вьяннямейнен чтоб стал зятем,
 Мудрый старец стал защитой,
 Дал бы радость перестарок».

Зап. К. Луото в 1941 г. в дер. Кентозеро (н. Калевальский р-н) от Е. И. Лесонен, 1884 г. рожд. Публ.: КЭП, № 67. Перевод Э. Киуру.

- Lappalainen kyyttösilmä
Piti viikosta vihoa,
Kaukaista ylen katsetta
Päälle vanhan Väinämöisen.
⁵ Vuotti illoin, vuotti aamuin
Tulovakse Väinämöistä,
Soavakse Umentolaista.
Sillon vanha Väinämöinen
Rekehensä reutosihen,
- ¹⁰ Korjahan korentelihen.
Orihilla olkisella,
Hernevarrella hevolla
Ajoa karettelooپی
Selvällä meren selällä,
¹⁵ Ulapalla aukialla.
Lappalainen kyyttösilmä
Niin päivänä muutamana,
Huomenna monikahana
Keksi mustasen merellä,
²⁰ Sinervöisen lainehilla.
Niin koppo tulisen jousen
Korvalta kovan tulisen;
Jännitti tulisen jousen,
Nuolen juonelle asetti,
²⁵ Valitsi parahan varren.
Niin siitä sanoiksi virkko:
»Kun käsi alentanoovi,
Niin nuoli ylentyöhö;
Kun käsi ylentänoövi,
³⁰ Niin nuoli alentuoho!»
Ampu olkisen orihin
Alta vanhan Väinämöisen,
Hernevirtisen heposen
Läpi länkiluun lihasta,
- ³⁵ Oikeista olkapäästä,
Kautti kainalon vasemman.
Sillon vanha Väinämöinen
Sortu sormin lainehille,
Kämmenin vesille kääntyi.

- Лаппалайнен узкоглазый
Злобу давнюю таил,
Стародавнее презреньє
К Вяйнямейнену седому.
⁵ Ждал под вечер, ждал под
утро,
Не появится ли Вяйно,
Старец Умента туманной;
Наконец-то Вяйнямейнен
В розвальни свои уселся,
¹⁰ В расписных расположился.
На соломенном коне,
На гороховой лошадке
Едет он неторопливо,
По раздолью моря катит,
¹⁵ По открытому простору.
Лаппалайнен узкоглазый
Днем однажды присмотрелся,
Пригляделся как-то утром —
Видит черное на море,
²⁰ Видит синее на волнах.
Лук каленый он хватает,
Лук тугой с плеча срывает,
Тянет огненную жилу,
На нее кладет стрелу,
²⁵ Отобрав получше стержень,
Говорит слова такие:
«Коль рука нацелит ниже —
Пусть стрела возьмет повыше,
Коль рука нацелит выше —
³⁰ Пусть стрела возьмет
пониже».
Подстрелил под старцем
Вяйно
Он соломенную лошадь,
Угодил стрелю в шею
Той гороховой лошадке,
³⁵ Правую пронзил ключицу,
В левую попал лопатку.
Старый верный Вяйнямейнен
В волны пал, расставив
пальцы,
В воду — выставив ладони.

40 Siellä kulki kuusi vuotta,
 Seiso seitsemän keseä,
 Kulki kuusissa hakona,
 Petäjäisä pölkyn päänä.
 Itkiä tihusteloopi,
 45 Ukkoa rukoiloopi,
 Pavannaista palveloopi:
 »Nosta, ukko, suuri tuuli,
 Sään mänjö määritöntä;
 Nosta mustia muria
 50 Päälle selvien vesien!»
 Nosti ukko suuren tuulen,
 Sään mänösen määrittömän;
 Nosti mustia muria
 Päälle selvien vesien.
 55 Kanto vanhan Väinämöisen
 Pimiähän Pohjolahan,
 Kiven kirjavan sivulle,
 Paaen paksun lappehille.
 Itkiä tihusteloopi.
 60 Pohjon akka harvahammas
 Nousi aivon aikasehen,
 Aivon aika huomenessa;
 Pian pirtin lämmitteli,
 Pyyhki pitkin pirttiähän.
 65 Lattiatahan lakaisi;
 Viepi ulos rikkasa
 Pellolle perimmäiselle;
 Rikoillahan seisotakse.
 Tuosta kuuli kuusien,
 70 Tajusi kaheksialle;
 Kuuli miehen itkeväkse,
 Uroon urisevakse:
 Ei uo itku naisen itku
 Eikä itku lapsen itku,
 75 Tämä on itku Väinämöisen,
 Urajanta Untamoisen.
 Siitä sillon Pohjon akka
 Viitisekse, vaatisekse,
 Pääsomille suoreille,
 80 Pätöville pääsomille.
 Meni luoksi Väinämöisen,
 Sanan virkko, noin nimesi:

40 Шесть годов он плыл по морю,
 Семь годов в воде качался,
 Плавал чуркою еловой,
 Двигался бревном сосновым.
 Жалуется, стонет Вяйно,
 45 Страстно умоляет Укко,
 Паванайнена он просит:
 «Подыми великий ветер,
 Непогоду сделай, Укко,
 Чтобы черный ил поднялся
 50 На прозрачную поверхность».
 Сотворил великий ветер,
 Непогоду сделал Укко,
 Черный ил поднял на волны,
 На прозрачную поверхность.
 55 Вяйнямейнена погнало
 В темные владенья Похьи,
 К основанию утеса,
 К той скале большой, узорной.
 Жалуется, плачет Вяйно.
 60 Редкозубая старуха,
 Края Похьелы хозяйка,
 Поутру пораньше встала,
 Натопила печку в доме,
 Все в избе своей обтерла,
 65 Подмела полы метелкой,
 Мусор вынесла из дому,
 Выбросила в дальнем поле,
 А сама на мусор встала.
 Шесть прослушала сторон,
 70 В восемь вслушалась ветров:
 Плач слышала мужчины,
 Различила стон героя,
 Этот плач — не женский плач,
 Этот плач — не плач ребенка,
 75 Это плачет Вяйнямейнен,
 Это Унтамойнен стонет.
 Края Похьелы хозяйка
 Приделась, нарядилась,
 Головной убор надела,
 80 Дорогие украшения,
 К Вяйнямейнену приходит,
 Говорит слова такие:

- »Mitä itet, Väinämöinen,
Kuta, Untamo, uriset?»
- 85 Sano vanha Väinämöinen:
»Tuota iten tuon ikäni,
Puhki polveni murehin,
Jo uin maille vierahille,
Äkki ouoille oville.»
- 90 Niin sanoopi Pohjon akka:
»Niin mitä minulle annat,
Kun saatan omille maille,
Oman kukon kuuluville,
Näiltä mailta vierahilta,
- 95 Äkki ouoilta ovilta?»
Sano vanha Väinämöinen:
»Mitäpä kysyt minulta?»
Niin sanoopi Pohjon akka:
»Kun sie laait uuen sammon,
- 100 Kirjokannen kirjoalet
Yhen joukosen sulasta,
Yhen värkkinä murusta,
Yhen villan kylkyvöstä,
Maiosta mahovan lehmän,
- 105 Yhen otrasen jyvästä.»
Sano vanha Väinämöinen:
»En minä takoa taia
Enkä kantta kirjoalla;
Työnnän sepon Ilmorisen,
- 110 Se on taitavin takoja,
Se on kannet kirjoapi.»
Siit' on Pohjon akka
Otti miehen kuolomasta,
Otti vanhan Väinämöisen,
- 115 Vei sitä kotihin sitte;
Syötti miehen, juotti miehen,
Kostutteli kuolomasta;
Pani otton juoksumahan,
Liinaharjan liikkumahan
- 120 Pimiästä Pohjolasta,
Summasta Sarajahasta,
Miehen syövästä kylästä,
Urohon upottajasta.
Kotihinsa tultuoho
- 125 Meni luoksi sepon siellä,
- «Что ты плачешь,
Вяйнямейнен,
Что ты, Унтамо, стенаешь?»
- 85 Молвил старый Вяйнямейнен:
«Здесь поэтому я плачу,
Потому весь век рыдаю,
Что пригнало на чужбину,
Что к чужим дверям прибило!»
- 90 Говорит хозяйка Похьи:
«Что ты дашь мне, чем
отплатишь,
Коль сvezу в края родные,
Где петух родимый слышен,
Из краев тебе немилых,
- 95 От чужих дверей противных?»
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Что ты у меня попросишь?»
Говорит хозяйка Похьи:
«Выкуй новое мне сампо,
100 Расписную сделай крышку
Из лебяжьего пера,
Из кусочка веретенца,
Из шерстиночки овечьей,
Молока коровы ялой,
105 Из ячменного зерна».
- Молвил старый Вяйнямейнен:
«Я ковать ведь не умею,
Расписную делать крышку.
Илморинена пришлю я —
- 110 Он искуснейший кователь,
Он тебе распишет крышку».
Вот тогда хозяйка Похьи
Мужа отняла у смерти,
Вяйнямейнена спасла,
- 115 Привела к себе в жилище;
Накормила, напоила,
Ободрила, оживила,
На гнедого посадила,
На коня со светлой гривой,
- 120 Погнала из Похьи темной,
Вечно мрачной Сариолы —
Пожирающей героев,
Поглощающей людей.
Возвратившись, Вяйнямейнен
- 125 Прямо к кузнецу приходит,

Sanan virkko, noin nimesi:
 »Siinä seppo Ilmorinen,
 Langoni, emoni lapsi,
 Lähe neittä noutamahan,
 130 Päättä kassa katsomahan
 Pimiästä Pohjolasta.
 Nyt on neiti kosjottuna,
 Päättä kassa kaupattuna.»
 Sillon seppo Ilmorinen
 135 Peseksen, puhasteleksen
 Sykysyisistä sysistä,
 Tavonnoista talvisista;
 Veran äärillä veäksen,
 Lustuilla solkieksen;
 140 Rekeensä reutuoksen,
 Korjahan kohenteleksen.
 Laski virkkua vitsalla,
 Helähytti helmivyöllä;
 Oro juoksi, matka joutu,

145 Pimiähän Pohjolahan,
 Summahan Sarajahan,
 Miesten syöjähän kylähän,
 Urohon upottajahan.
 Pohjolahan mentyöön

150 Pohjon akka harvahammas
 Pani sammon laintaan,
 Kirjokannen kirjantaan
 Yhen joukosen sulasta,
 Yhen otrasen jyvästä,
 155 Yhen villan kylkyöstä,
 Maiosta mahovan lehmän,
 Yhen värttinän murusta.
 Sillon seppo Ilmorinen
 Päivät sampuo rakenti,
 160 Yöt neittä lepyttelöpi.
 Sillon seppo Ilmorinen
 Saapi sammon valmihiksi,
 Kirjokannen kirjatuksi,
 Ei neittä lepytetyksi.

165 Siit' on jauho uusi sampo,
 Kirjokansi kiikutteli:
 Jauho purnon puhteessa,

Говорит слова такие:
 «Ты послушай, Илморинен,
 Матери своей сыночек,
 Поезжай-ка за невестой,
 130 За девицей длиннокосой,
 В темные владенья Похьи.
 Там сосватана невеста,
 Длиннокошая девица».
 Тут кователь Илморинен
 135 Добела помылся в бане,
 Смыл осенний уголь с тела,
 Гарь от зимнего кованья,
 Натянул наряд суконный,
 С пряжками надел доспехи.
 140 В розвальни свои уселся,
 В расписных расположился,
 Вицею коня ударил,
 Резвого — кнутом

жемчужным.

Конь бежит, пути все меньше,
 145 К темной Похье все ближе,
 К Сарае извечно мрачной —
 Пожирающей героев,
 Поглощающей людей.
 В Похьелу лишь только

прибыл,

150 Редкозубая хозяйка
 Ставит гостя строить сампо,
 Расписную крышку делать
 Из лебяжьего пера,
 Из ячменного зерна,
 155 Из шерстиночки овечьей,
 Молока коровы ялой,
 Из кусочка веретенца.
 Тот кователь Илморинен
 День-деньской готовит сампо,
 160 Ночью деву укрощает.
 Вот кователь Илморинен
 Смастерил уже и сампо,
 Расписал узором крышку,
 Укротить не смог девицу.

165 Вот уже и мелет сампо,
 Ходит крышка расписная:
 Мелет в сумерки за вечер

- Jauho purnon syötäviä,
Jauho purnon myötäviä,
- ¹⁷⁰ Kolmannen pieltäviä.
Niin ihastu Pohjon akka,
Anto oman tyttärehen
Sepolle Ilmoriselle
Ikusekse puolisokse,
- ¹⁷⁵ Kainaloiseksi kanakse,
Paniakse päänalaisen,
Jalkoin jaksajakse.
Sillon seppo Ilmorinen
Kotihinsa tullessansa,
- ¹⁸⁰ Käkyöt kukahteloopi
Korjan kirjavan kokilla,
Oravaiset juoksenteli
Aisoilla vaahterisilla,
Tetryöt kukerteloopi
- ¹⁸⁵ Päällä luokin kyyräppäisen.
Sepolla Ilmorisella
Käsi on kirjokintahissa,
Toinen neitosen nisissä;
Jalka on Saksan saappoassa,
- ¹⁹⁰ Toinen reisien välissä
Pohjolasta tullessansa.
Kotihinsa tultuohon
Meni vanha Väinämöinen
Luokse sepon Ilmorisen,
- ¹⁹⁵ Kysytteli, lausutteli:
»Velli seppo Ilmorinen,
Lankoni, emoni lapsi,
Joko laait uuen sammon,
Kirjokannen kirjoalit?»
- ²⁰⁰ Sano seppo Ilmorinen:
»Jo mie laain uuen sammon
Maiosta mahovan lehmän,
Yhen villan kylkyöstä,
Yhen värttinän murusta,
- ²⁰⁵ Yhen otrasen jyvistä.»
Sano vanha Väinämöinen:
»Joko jauho uusi sampo,
Kirjokansi kiikutteli?»
Sano seppo Ilmorinen:
- ²¹⁰ »Jopa jauho uusi sampo,

- Полный ларь —
на пропитанье,
На продажу — ларь другой,
- ¹⁷⁰ Третий — на расходы в доме.
Рада Похьелы хозяйка,
Отдала родную дочку
Илморинену в супруги,
В жены кузнецу навеки,
- ¹⁷⁵ Курочкой ему под мышку,
Чтоб постель ему стелила,
Раздевала, разувала.
Вот кователь Илморинен
Возвращается из Похьи —
- ¹⁸⁰ На санях поют кукушки,
На головках расписных,
Белки весело резвятся
На оглобелях кленовых,
Тетерев токует звонко
- ¹⁸⁵ На узорчатой дуге.
Едет с девой Илморинен,
Держит руку в рукавице,
На грудях ее — другую,
Ногу — в сапоге саксонском,
- ¹⁹⁰ Вдоль бедра ее — другую,
На пути из Похьи темной.
Вот кузнец домой вернулся,
Тут к нему явился Вяйно,
Кузнеца пришел проведать,
- ¹⁹⁵ Спрашивает, вопрошает:
«Братец ты мой, Илморинен,
Славный матери сыночек,
Изготовил ли ты сampo,
Сделал ли с узором крышку?»
- ²⁰⁰ Отвечает Илморинен:
«Сделал новое я сampo
Из шерстиночки овечьей,
Молока коровы ялой,
Из кусочка веретенца,
- ²⁰⁵ Из ячменного зерна».
Тут промолвил Вяйнмейнен:
«Мелет ли уже то сampo,
Вертится ль с узорной
крышкой?»
- Отвечает Илморинен:
²¹⁰ «Сampo новое уж мелет,

- Kirjokansi kiikutteli,
 Jauho purnon puhteheassa,
 Jauho purnon syötäviä,
 Jauho purnon myötäviä,
- ²¹⁵ Kolmannen pieltäviä.»
 Sillon vanha Väinämöinen,
 Kun tunsi toet sanomat,
 Rakenteli laivoansa,
 Laski laivansa merehen,
²²⁰ Sanan virkko, noin nimesi:
 »Ku on tuolla toissa miessä
 Vanhalla Väinämöisellä?
 Iku Tiera, Nieran poika,
 Ylimmäinen ystäväni.»
²²⁵ Nosti päälle purjepuunsa,
 Kun on männikön mäellä;
 Laskoopi sinistä merta
 Melan koukkupään nojassa.
 Laski päivän, laski toisen;
- ²³⁰ Portit Pohjolan näkyypi,
 Paistaapi pahat saranat,
 Pahan ukset ulvottaapi.
 Tapasi on taskuhunsa,
 Sillon vanha Väinämöinen
- ²³⁵ Löihen kukkaroisehensa;
 Niin otti uniset nieklat,
 Nukutteli nuuan joukon,
 Paineli pakanan kansan.
 Laskoopi sinistä merta
²⁴⁰ Pimiähän Pohjolahan.
 Sanan virkko, noin nimesi:
 »Iku Tiera, Nieran poika,
 Ylimmäinen ystäväni,
 Mene sie sampo ottamahan,
- ²⁴⁵ Kirjokansi kantamahan!»
 Iku Tiera, Nieran poika,
 Hyvä kielas käskieki,
 Kепiä kehuttoaki,
 Meni sammon ottamahan,

- Вертится с узорной крышкой:
 Мелет в сумерки за вечер
 Полный ларь — на
 пропитанье,
 На продажу — ларь другой,
²¹⁵ Третий — на расходы в доме». —
 Вот тогда-то Вяйнямейнен,
 Весть правдивую услышав,
 Новенький корабль построил,
 Судно на воду спустил.
²²⁰ Слово молвил, так сказал он:
 «Кто пойдет вторым со мною,
 Кто помощником мне будет?
 Ику Тиера, Ниеры отпрыск,
 Это друг мой самый лучший».
²²⁵ Он поднял на судне мачты —
 Словно лес на горке вырос.
 Едет в лодке синим морем,
 Налегает на правило,
 Правит день, второй уж
 правит —
²³⁰ Похьелы видны ворота,
 Петли злых видны притворов,
 Слышен скрип дверей
 поганных.
 Старый верный Вяйнямейнен
 Тут в карман засунул руку,
²³⁵ Кошелек достал оттуда,
 Иглы сонные он вынул —
 Усыпил народ усталый,
 Повалил толпу поганных.
 Едет в лодке синим морем
²⁴⁰ В темные владенья Похьи.
 Слово молвил, так сказал он:
 «Ику Тиера, Ниеры отпрыск,
 Мой дружок ты самый
 лучший,
 Ты поди, сходи за сampo,
²⁴⁵ За узорной этой крышкой».
 Ику Тиера, Ниеры отпрыск, —
 Он послушный, коль
 прикажешь,
 Он проворный, коль
 похвалишь, —
 Отправляется за сampo,

²⁵⁰ Kirjokannen kantamahan,
 Eipä sampo liikukkana,
 Kirjokansi kihnakkana,
 Juuret maahan juurutettu.
 Itse vanha Väinämöinen
²⁵⁵ Läksi sammon ottamahan,
 Kirjokannen kantamahan,
 Eipä sampo liikukkana,
 Juuret maahan juurutettu.
 Sillon vanha Väinämöinen
²⁶⁰ Sillon kynti sammon juuret
 Satasarvella härällä,
 Tuhatpäällä tursahalla;
 Vei sammon venosehensa,
 Talu talkapohjahansa.
²⁶⁵ Nosti päälle purjepuita;
 Laskoopi sinistä merta,
 Laski päivän, laski toisen.
 Niin päivänä kolmantena
 Muurahainen mulkupoika
²⁷⁰ Se kusi kuren jalalle
 Pimiässä Pohjolassa.
 Kurki laski suuren kulkun,
 Parkasi pahan sävelen;
 Kaikki Pohjola heräsi,
²⁷⁵ Paha valta valveutu.
 Pohjon akka harvahammas
 Tapasihe sampoansa:
 »Jo on sampo muunne viety,
 Kirjokansi kannettuna!»
²⁸⁰ Niin rakenti Pohjon purren:
 Sata miestä sauomihin,
 Sata airooh urosta,
 Sata miestä miekallista,
 Sata miestä ampujата
²⁸⁵ Laskoopi sinistä merta.
 Iku Tiera, Nieran poika,
 Sanan virkko, noin nimesi:
 »Sie, vanha Väinämöinen,
 Laula sie, hyvä sukuni,

²⁵⁰ За узорной этой крышкой.
 Но не стронуть сampo с места,
 Крышку пеструю не
 сдвинуть —
 Корни запустила в землю.
 Тут уж старый Вяйнямейнен
²⁵⁵ Сам отправился за сampo,
 За узорной этой крышкой,
 Но не стронуть сampo
 с места —
 Запустило корни в землю.
 Вот тогда-то Вяйнямейнен
²⁶⁰ Корни выпахал у сampo,
 На быке вспахал сторогом,
 На тысячеглавом туре;
 Перенес он сampo в лодку,
 Положил его на днище,
²⁶⁵ Поднял мачты, поднял парус,
 В море свой челнок направил.
 День плывет, второй плывет.
 Вот на третий день неожиданно
 Муравей, мужик паршивый,
²⁷⁰ Брызнул журавлю на ногу
 Во владеньях Похьи темной.
 Глотку тут журавль
 разверзнул,
 Выкрикнул мотив противный,
 Так что Похьела проснулась,
²⁷⁵ Злое царство пробудилось.
 Редкозубая хозяйка
 Сampo сразу же хватилась:
 «Утащили наше сampo,
 Крышку пеструю украли!»
²⁸⁰ Снаряжает лодку Похьи:
 Сто мужчин с шестами ставит,
 Сотню с веслами сажает,
 Сто мужей с мечами садит,
 Сто мужей — стрелков
 отменных,
²⁸⁵ Едет в лодке синим морем.
 Ику Тиера, Ниеры отпрыск,
 Вымолвил слова такие:
 «Спой нам, старый
 Вяйнямейнен,
 Рода славного напевы,

290 Hyvän sammon saatuosi,
 Tien hyvän käveltyösi!»
 Sano vanha Väinämöinen:
 »Aikanen ois ilon teoksi,
 Varahainen laulannaksi;
 295 Portit Pohjolan näkyypi,
 Paistaapi pahat saranat,
 Pahat ukset ulvottaapi.
 Kun omat ovet näkyisi,
 Omat ukset ulvottaisi,

300 Äsen laulanta sopisi,
 Ilon teentä kelpoaisi.»
 Niin sano sanalla tuolla
 Itse vanha Väinämöinen:
 »Ylimmäinen ystäväni,
 305 Nouse purjepuun nenääh,
 Kasisliekaah kavaa;
 Katso iät, katso lännet,
 Katso pitkin Pohjon ranta!»
 Iku Tiera, Nieran poika,
 310 Hyvä kielas käskieki,
 Kapiä kehuttooki,
 Nousi purjepuun nenääh,
 Kasisliekaah kavahti,
 Katso iän, katso lännen,

315 Katso pitkin Pohjon rannan,
 Niin sano sanalla tuolla:
 »Jo tuloovi Pohjon pursi,
 Sata hanka hakkoapi;
 Sata miestä sauomissa,
 320 Sata airossa urosta,
 Sata miestä miekallista,
 Sata toinen ampujoa.»
 Sillon vanha Väinämöinen
 Jo näki tuhon tulevan,

325 Hätäpäivän päälle saavan,
 Tapasi on taskuhunsa,
 Löihen kukkaroisehensa,
 Löysi piitä pikkaraisen,
 Takloa taki vähäsen,

290 Славное добывши сampo,
 Славную пройдя дорогу!»
 Отвечает Вайнямейнен:
 «Рано вроде веселиться,
 Не ко времени здесь песни,
 295 Похьелы видны ворота,
 Петли злых видны притворов,
 Слышен скрип дверей
 поганных.
 Если б дом родной был виден,
 Скрип родных дверей был

слышен,
 300 Вот тогда запеть бы можно,
 Впору было бы веселье». —
 Старый верный Вайнямейнен
 Вымолвил слова такие:
 «Мой товарищ самый лучший,
 305 Заберись на кончик мачты,
 Поднимись-ка на вершину,
 Огляди восток и запад,
 Осмотри весь берег Похьи». —
 Ику Тиера, Ниеры отпрыск, —
 310 Он послушный, коль
 прикажешь,
 Он проворный, коль
 похвалишь, —
 Вмиг на мачту он взобрался,
 Поднялся на самый кончик,
 Оглядел восток и запад,
 315 Осмотрел весь берег Похьи;
 Говорит слова такие:
 «Лодка Похьелы несется,
 Стоуключинная мчится,
 Сто мужчин сидят с шестами,
 320 Сто мужей сидят на веслах,
 Сто мужей сидят с мечами,
 Сто мужей — стрелков
 отменных».

Вот тогда-то старый Вайно
 Понял, что конец приходит,
 325 Что погибель наступает.
 Он в карман засунул руку,
 Кошелек достал оттуда,
 Вынул он осколок кремня,
 Маленький кусочек трута,

330 Neki mestasi merehen,
 Saattaapi Sarajahansa,
 Yli oikien olansa,
 Kautti kainalon vasemman,
 Itse noin sanoiksi virkko:
 335 »Luotihin merehen luoto,
 Sala saari siunattihi
 Itähän ikäti pitkä,
 Luotehelle loppumaton,
 Pohjolan polveksehen,
 340 Johon purret puuttuoho,
 Venehet takeltuoho!»
 Niin on puuttunt Pohjon pursi,
 Vene hankava halennut.
 Pohjon akka harvahammas

345 Nousi leivon lentimille,
 Sirkun siiville kohosi,
 Vassat siiviksi sivalti
 Kokoon kynkkäluun nenille;
 Lenteä lepettelöopi
 350 Selvällä meren selällä,
 Ulapalla aukiella.
 Liiteleksen, laateleksen
 Päähän pielen Väinämöisen;
 Tahtoo pursi päin puota.
 355 Laiva lassuin lohkiella.
 Niin sanoopi Väinämöinen:
 »Iku Tiera, Nieran poika,
 Ylimmäinen ystäväni,
 Ota nyt miekkasi omasi

360 Käelläsi oikiella
 Vasemmelta reieltäsi,
 Kokon koprille sivalla,
 Vaakalinnun varpahille!»
 Iku Tiera, Nieran poika,
 365 Otti miekkansa omansa
 Käellähän oikiella
 Vasemmelta reieltänsä,
 Kokon koprille sivalti,
 Vaakalinnun varpahille;
 370 Vaan ei vuole vermentännä,
 Ota ei orvaskettuona.
 Iski kerran, iski toisen,

330 В глубину морскую кинул,
 В Сарая, в пучину бросил
 Через правое плечо,
 Через левую подмышку,
 Сам такое слово молвил:
 335 «Сотворим на море остров,
 Отмель скрытую устроим:
 На восток длиною в вечность,
 Бесконечную — на запад,
 К северу — на век мужчины.
 340 Пусть на отмель сядут лодки,
 Пусть на скалах здесь
 застрянут!»
 Лодка Похьелы застряла,
 Разломился челн на части.
 Редкозубая хозяйка
 345 Жаворонком полетела,
 Поднялась на крыльях птицы,
 Сделав крыльями метелки,
 Веники к плечам приладив;
 Так летит, крылами машет,
 350 Над раздольем моря мчится
 По открытому простору.
 Полетела, опустилась
 К Вайнямейнену на мачту —
 Чуть не повалился парус,
 355 Чуть не раскололась лодка.
 Тут промолвил Вайнямейнен:
 «Ику Тиера, Ниеры отпрыск,
 Ты, дружок мой самый
 лучший,

Выхвати свой меч скорее,
 360 Правую возьми рукою
 С левого бедра из ножен,
 По когтям ударь орлицу,
 Отсеки ты грифу пальцы!»
 Ику Тиера, Ниеры отпрыск,
 365 Выхватил свой меч железный,
 Правую схватил рукою
 С левого бедра из ножен,
 По когтям орла ударил,
 Грифа по могучим пальцам,
 370 Но не срезал и чешуйки,
 Даже кожи не царапнул.
 Раз ударил, бьет второй,

Kohta kolmet si rapuopi;
 Tuo ei viere vermentänä,
³⁷⁵ Ottat orvaskettuona.
 Itse vanha Väinämöinen
 Melan on merestä nosti,
 Lapiensa lainehesta,
 Kokon koprille sivalti,
³⁸⁰ Vaakalinnun varpahille.
 Jäi yksi nimetön sormi
 Sampuo pitelemähän,
 Kirjokantta kantamahan.
 Sillon vanha Väinämöinen
³⁸⁵ Otti miekkansa omansa
 Käellä on oikiella
 Vasemmelta reieltään.
 Sillon sampuo murotti,

³⁹⁰ Selvällä meren selällä,
 Ulapalla aukiella.
 Noita tuuli tuuvitteli,
 Ilman lieto liikutteli
 Ympäri meren sinisen.
³⁹⁵ Muut kaikki muruset viepi
 Rannalle meryttä vasten,
 Vasten merta hyvyänettä.
 Pohjon akka harvahammas
 Kannen kanto Pohjolahan,
⁴⁰⁰ Rivan kylmähän kylähän
 Sormella nimettömällä,
 Vasemmella varpahalla.

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латварви (н. Калевальский р-н) от А. Пертунена, 1769 г. рожд. Публ.: РНН, № 1 (СКВRI, 54).

Косинта

Vaka vanha Väinämöinen
 Läksi neittä katsomahan,
 Eli neittä kosjomahan,
 Päättä kassa katsomahan
⁵ Pimiästä Pohjolasta,
 Miehen syöjästä kylästä,
 Urohon upottajasta.

Третий — со всего размаху,
 Не нанес и малой раны,
³⁷⁵ Даже кожи не царапнул.
 Тут уж старый Вяйнямейнен
 Из волны весло вздымает,
 Тащит из воды кормило —
 По когтям орла ударил,
³⁸⁰ Грифа по могучим пальцам.
 Только пальцем безымянным
 Птица сампо удержала,
 Расписную крышку когтем.
 Тут уж старый Вяйнямейнен
³⁸⁵ Выхватил свой меч могучий,
 Взял его рукою правой
 С левого бедра из ножен,
 На куски разносит сампо,
 Расписную крышку —

в щепки.

³⁹⁰ Там среди раздолья моря,
 На просторе том открытом,
 Щепочки волна качает,
 Те обломки ветер носит
 По морским просторам синим.
³⁹⁵ Все кусочки остальные
 Унесло на побережье,
 К краю моря ледяного.
 Редкозубая старуха
 В Похьелу уносит крышку,
⁴⁰⁰ Ручку в край несет холодный
 Цепким пальцем на руке,
 Малым когтем на ноге.

Сватовство

Старый верный Вяйнямейнен
 Девушку поехал сватать,
 Присмотреть себе невесту,
 Деву с длинною косою,
⁵ В темные владенья Похьи,
 В край, съедающий героев,
 Поглощающий людей.

Sillon laivah lasekse,
Alasehen astelekse,
10 Nosti päälle purjepuita,
Niin kun mäntyjä mäellä,
Karahkoita kankahilla,
Laskoopi sinistä merta,
Melan koukkupään nojassa.

15 Annikki, saaren neiti,
Sisar seppo Ilmorisen
Joutu sotkut sotkomassa,
Vaattiet viruttamassa
Rannalla meryttä vasten,
20 Vasten merta hiuenetta.
Keksi mustasen mereltä,
Sinervöisen lainehilta.
Sanan virkko, noin nimesi:

»Kuin lienet vesikivonen,
25 Vesi päällesi vetäköö;
Eli lienet lintukarja,
Niin sie lentoh levitö;
Kun lienet kalanen karja,
Niin sie uimah uretu;
30 Kun lienet isoni pursi,
Eli veioni venonen,
Niin kohin kotihin käännny,
Perin muille valkamoille;
Lienet pursi Väinämöisen,
35 Niin perin kotio käännny,
Kohin muita valkamoita.
Tämä pursi Väinämöisen,
Niin perin kotiin käänty,
Kohin muita valkamoita.

40 Annikki, saaren neiti,
Sisar seppo Ilmorisen
Heitti sotkut sotkomatta,
Vaattiet viruttamatta
Rannalla meryttä vasten,

45 Vasten merta hiuenetta.
Niitä tuuli tuuvitteli,
Ilma lieto liikutteli
Rannalla meryttä vasten.
Annikki, saaren neiti,

На корабль поднялся Вяйно,
На свое взошел он судно;
10 Лишь поднял на судне
мачты —
Словно лес на горке вырос,
Бор поднялся сухостойный;
Едет в лодке синим морем,
Налегает на правило.

15 Анникки, островитянка,
Илморинена сестрица,
Полоскать белье спешила,
Шла стирать на берег платье,
На морское побережье,
20 На песочек вышла мелкий.
Видит черное на море,
Видит синее на волнах.

Говорит слова такие:
«Если там подводный камень,
25 Пусть укроется под волны;
Если это птичья стая,
Пусть поднимется на крыльях;
Если же там рыба стая,
Пусть в глубины уплывает;
30 Если же отцова лодка
Иль челнок родного брата,
Пусть направит лодку к дому,
К пристаням чужим — корму.
Если ж это лодка Вяйно,

35 К нам кормой пусть
повернется,
Носом к пристаням другим».
Вяйнямейнен плыл по морю,
Повернул он к нам кормой,
Носом к пристаням другим.

40 Анникки, островитянка,
Кузнеца сестра родная,
Полоскать белье не стала,
Бросила стирать одежды
Там, на береге морском,

45 На песчаном бережочке.
Вдруг одежды подхватило,
Далеко волной погнало
По воде вдоль бережочка.
Анни, с острова девица,

⁵⁰ Sisar seppo Ilmorisen
 Meni juossulla kotioh,
 Samolla pihalla saapi,
 Sanan virkko, noin nimesi:
 »Veli, seppo Ilmorinen,
⁵⁵ Naitiin nainen naitusi,
 Otettih ostettusi,
 Vuosin kolmin kosjottusi.»
 Annikki, saaren neiti,
 Meni luoksi Väinämöisen,
⁶⁰ Sanan virkko, noin nimesi:
 »Kunne läksit, Väinämöinen,
 Urkenit, umentolainen?»
 Sano vanha Väinämöinen:
 »Läksin hanhien ajoh,
⁶⁵ Eli joutsenen joruhек,
 Pitkäkaglan katseloh
 Tuolta Tuonelan joesta,
 Manalan alantehesta.»
 Aina Annikki sanoopi,
⁷⁰ Tinarinta riitelöo:
 »Jo tunnen valehtelovan,
 Tajuolen kielastajan,
 Toisin ennen miun isoni,
 Muiten valta vanhempani
⁷⁵ Läksi hanhien ajohon,
 Eli joutsenen joruhек,
 Pitkäkaglan katselohon:
 Hyvä koira kahlehisssa,
 Hyvä kaari kainalossa,
⁸⁰ Viini nuolie selässä.»
 Sano vanha Väinämöinen:
 »Läksin lohta kuultamah,
 Taimenta tavottamah
 Tuolta Tuonelan joesta,
⁸⁵ Manalan alantehesta.»
 Aina Annikki sanoopi,
 Tinarinta riitelööpi:
 »Jo tunnen valehtelovan,
 Tajuolen kielastajan,
⁹⁰ Toisin ennen miun isoni
 Läksi lohta kuultamah,
 Taimenta tavottamahok
 Tuosta Tuonelan joesta,
 Verkkoja venosen täysi:

⁵⁰ Илморинена сестрица,
 Быстро к дому побежала,
 На подворье заспешила,
 Слово молвила, сказала:
 «Брат, кузнец мой Илморинен,
⁵⁵ На твоей жене женились,
 Взяли ту, что выкупал ты,
 Года три девицу сватал».
 Анникки, островитянка,
 К Вяйнямейнену приходит,
⁶⁰ Молвит слово, вопрошает:
 «Ты куда поехал, Вяйно,
 Сын тумана, в путь пустился?»
 Молвил старый Вяйнямейнен:
 «Поохотиться на гуся,
⁶⁵ Песню лебедей послушать,
 Посмотреть на длинношеих
 В заводях потока Туони,
 В устье Маналы широкой».
 Анникки в ответ сказала,
⁷⁰ Дева с брошкой возразила:
 «Слышу ложь в твоём ответе,
 Чую в нем твое лукавство.
 Ведь не так отец мой прежде,
 Ведь иначе мой родитель
⁷⁵ Шел охотиться на гуся,
 Песню лебеда послушать,
 Посмотреть на длинношеих:
 Вел на поводке собаку,
 Лук тугой был за спиною,
⁸⁰ Стрелами колчан набитый».
 Молвил старый Вяйнямейнен:
 «Лосося лучить я еду,
 Острогию бить тайменя
 В заводях реки Туони,
⁸⁵ В устьях Маналы широкой».
 Анникки в ответ сказала,
 Дева с брошкой возразила:
 «Слышу ложь в твоём ответе,
 Чую в нем твое лукавство.
⁹⁰ Ведь не так отец мой прежде
 Лосося лучить ходил,
 Острогию бить тайменя
 В заводях реки Туони.
 Сети лодку заполняли,

⁹⁵ Täysi laiva laskimia.»
 Sano vanha Väinämöinen:
 »Toki ma sanon toetki,
 Jos vähän valehtelenki:
 Läksin neittä kosjomahan,
¹⁰⁰ Päätä kassa katsomahan
 Pimeästä Pohjolasta,
 Summasta Sarajahasta,
 Miehen syöjästä kylästä,
 Urohon upottajasta.»
¹⁰⁵ Annikki, saaren neiti,
 Sisar seppo Ilmorisen,
 Kun tunsi toet sanomat,
 Meni juossulla kotih,
 Samolla pihalle saapi,
¹¹⁰ Pian pirttiä meneepi,
 Alle kattojen ajaksen,
 Sanan virkko, noin nimesi:
 »Veli, seppo Ilmorinen,
 Langoni, emoni lapsi,
¹¹⁵ Näitih nainen naitusi,
 Otettih ostettusi,
 Vuosih kolmih kosjottusi,
 Saoin markoin maksettusi,
 Tuhansin lunastettusi;
¹²⁰ Jo meneepi Väinämöinen
 Selässä meren sinisen,
 Melan koukkupään nojassa.»
 Sano seppo Ilmorinen:
 »Annikki, sisaruuten,
¹²⁵ Lämmitä saloa sauna,
 Pian pirtti riuvuttele
 Puuhusilla pienosilla,
 Pienillä pilastehilla,
 Joissa peiponen pesekse,
¹³⁰ Pulmonen puhasteleke
 Sykysyisistä sysistä,
 Taonnoista talvisista.»
 Annikki, saaren neiti,
 Pian pirtin riuvutteli,
¹³⁵ Lämmitti saloa saunan;
 Sillon peiponen pesihin,
 Pulmonen puhasteliin
 Sykysyisistä sysistä,
 Taonnoista talvisista.

⁹⁵ Невода — большой корабль». Молвил старый Вяйнэмейнен:
 «А теперь скажу я правду,
 Хоть немного и лукавил:
 Деву я поехал сватать,
¹⁰⁰ Деву с длинною косою,
 Во владеньях темной Похьи,
 В Сарае извечно мрачной,
 В крае, что мужей съедает,
 Поглощает всех героев».
¹⁰⁵ Анникки, островитянка,
 Илморинена сестрица,
 Поняла, что слышит правду,
 Быстро к дому побежала,
 На подворье заспешила.
¹¹⁰ Быстренько заходит в избу,
 Поспешает под навесы,
 Говорит слова такие:
 «Брат, кузнец мой Илморинен,
 Славный матери сыночек,
¹¹⁵ На твоей жене женились,
 Взяли ту, что выкупал ты,
 Года три девицу сватал,
 Заплатил ты сотню марок,
 Выкуп в тысячу дал марок;
¹²⁰ Вяйнэмейнен к ней поехал,
 Едет в лодке синим морем,
 Налегает на правило».
 Молвил слово Илморинен:
 «Анникки, моя сестрица,
¹²⁵ Натопи мне тайно баню,
 Побыстрее нагрей избушку —
 Дров помельче набери,
 Колотых возьми поленьев,
 Чтоб я, зяблик, мог помыться,
¹³⁰ Смог очиститься, как пунка,
 Смыть осенний уголь с тела,
 Гарь от зимнего кованья».
 Анникки, островитянка,
 Быстренько избу нагрела,
¹³⁵ Баню тайно истопила.
 Братец, зяблик мой, помылся,
 Он почистился, как пунка,
 Смыл осенний уголь с тела,
 Гарь от зимнего кованья.

¹⁴⁰ Pani paian palttinaisen
Iholle alastomalle,
Vyötti vyön kullan karvasen
Päälle paian palttinaisen,
Veran äärillä veäke,
¹⁴⁵ Lustuilla solkieksen:
Lustuissa mies lujempi,
Rautapannoissa parempi,
Teräsvöissä tehtosampi.
Pani oron juoksomaan,

¹⁵⁰ Liinaharjan liikkumaan,
Laski virkkua vitsalla,
Helähytti helmivyöllä,
Oro juoksi, matka joutu.
Pimiässä Pohjolassa

¹⁵⁵ Sillon haukku suuri koira,
Linnan luppä luskutteli,
Saaren vartio valitti.
Perän peltoon sysäten,
Hännän maahan torjutellen.

¹⁶⁰ Sokie sopesta virkko,
Akka vanha vaattiessa,
Niin sano Pohjan akka:
»Mene, renki, katsomaan,
Ei koira viatta hauku,

¹⁶⁵ Peni syyttä syyättele.»
Renki noin sanoiksi virkki:
»Menepä itse katsomaan,
Mie en joua kuitenkana,
Pinos on suuri pilkottava,
¹⁷⁰ Pino suuri, halot hienot,
Pilkkoja vähäväkinen.»
Aina haukku suuri koira,
Linnan luppä luskutteli,
Saaren vartio valitti,

¹⁷⁵ Perän peltoon sysäten,
Hännän maahan torjutellen.
Niin sano Pohjan akka:
»Mene, piika, katsomaan,
Ei koira viatta hauku,

¹⁴⁰ Плотнянкую рубашку
Надевает он на тело,
Золоченым поясочком
Подпоясал он рубаху,
Сам затем в сукно оделся,
¹⁴⁵ Сам в доспехи облачился:
Муж всегда в броне сильнее,
Крепче в обручах железных,
В поясах стальных —

отважней;
Жеребца пустил он рысью,
¹⁵⁰ Что есть сил погнал гнедого.
Лошадь вицею ударил,
Поясом стегнул жемчужным.
Конь бежит — пути все
меньше.

Во владеньях Похьи темной
¹⁵⁵ Вдруг огромный пес залаял,
Заскулил кобель мохнатый,
Сторож крепости затыкал,
Зад прижав к земле покрепче,
Меж ногами хвост упрятав.
¹⁶⁰ Молвила в углу слепая,
Бабка дряхлая в закуте,
Мрачной Похьелы старуха:
«Эй, батрак, узнай, в чем
дело?»

Без причины пес не лает,
¹⁶⁵ Зря не твякает собака».
Тут работник так ответил:
«Ты сама узнай, в чем дело,
Недосуг сейчас мне бегать.
Дров костер еще колоть мне,
¹⁷⁰ Дров — гора, поленья тонки,
Дровосек же слабосильный».
Лает громче пес огромный,
Все ярится вислоухий,
Островной скулит кобель,

¹⁷⁵ Зад прижав к земле покрепче,
Хвост свой меж ногами
спрятав.
Молвит Похьелы старуха:
«Посмотри сходи, служанка,
Без причины пес не лает,

180 Peni syyttä syyättele.»
 Piika noin sanoiksi virkki:
 »Mene itse katsomaan,
 Mie en joua kuitenkana,
 Kivi suuri jauhettava,
 185 Kivi suuri, jauhot hienot,
 Jauhaja vähäväkinen.»
 Aina haukku suuri koira,
 Linnan luppa luspatteli,
 Saaren vartio valitti.
 190 Niin sano Pohjan akka:
 »Mene, tyttö, katsomaan,
 Ei koira viatta hauku,
 Peni syyttä syyhättele.»
 Meni tyttö katsomaan,
 195 Sano tuolta tultuansa:
 »Ajetaah kirjokorjin
 Maapuolin simo salosta,
 Lasetah laivon suurin
 Selänpuolin Lemmen lahta.»

200 Niin sano Pohjan akka:
 »Ne tulee naimakansa.
 Kummillen menet tyttöni?
 Konsti korjalla ajaapi,
 Kirjavalla kiiättäapi,

205 Ken laskee laivon suurin,
 Alus on täynnä aartehtia.
 Kummalle menet tyttöni?»
 Niin tyttö sanoiksi virkki:
 »Oi emoni kantajani!

210 Ei ole meitä ennenkänä,
 Ei meitä rahojen myöty,
 Ain' on ilman annettuna
 Miehillä anovaisille.»

Sillon vanha Väinämöinen
 215 Oli eellä ennättäjä,
 Heti tungeksen tupahan,
 Alle kattojen ajaksen,
 Kintahin kirjottimille,
 Lakin päästä laskomille,

220 Oven suuhun, orren alle.
 Itse noin sanoiksi virkki:

180 Зря не твякает собака».
 Так ответила служанка:
 «Ты сама узнай, в чем дело,
 Недосуг сейчас мне бегать —
 Тяжкий жернов я вращаю,
 185 Жернов тяжкий, мелет мелко,
 А батрачка слабосильна».
 Лает громче пес огромный,
 Все скулит кобель мохнатый,
 Сторож острова рычит.
 190 Молвит Похьелы хозяйка:
 «Посмотреть сходи ты, дочка,
 Без причины пес не лает,
 Зря не твякает собака».
 Девушка пошла смотреть,
 195 Молвила, придя обратно:
 «В расписных санях к нам
 едут,
 Посуху, медовым бором;
 К нам большой корабль
 несется,
 Уж залив проходит Лемпи».

200 Говорит старуха Похьи:
 «Это свататься к нам едут.
 За кого пойдешь ты, дочка?
 Едет в саночках тех мастер,
 В расписных стремглав
 несется;

205 Тот, что к нам плывет на судне,
 Тот везет корабль сокровиш.
 За кого пойдешь ты, дочка?»
 Девушка в ответ сказала:

«Ой ты, мать моя родная,
 210 Никогда, бывало, прежде
 Дочерей не продавали,
 А бесплатно выдавали
 За того, кто их сосватал».

Старый верный Вяйнämейнен,
 215 Подоспел других пораньше,
 Поскорей в избу проходит,
 Поспешает под навесы,
 Где снимают рукавицы;

С головы снимает шапку,
 220 Стал под воронцом у двери,
 Говорит слова такие:

»Lienekkö miulla neittä
Ikusekse puolisokse,
Kainaloiseksi kanakse,
225 Siani levittäjäksi,
Paniaksi päänalasen?»
Niin sano Pohjan akka:
»Kuin sie kynnät kyisen pellon,
Vakuolet maan matosen,

230 Niin se neiti annetah,
Nossat kyitä kynnökselle,
Käännökselle käärmehiä.»
Sillon vanha Väinämöinen
Sillon kynti kyisen pellon,
235 Käänti maata käärmehistä,
Sillon kyyt käsin piteli,
Maot koprin kollotteli.
Sano tuolta tultuansa:
»Jo mie kynnin kyisen pellon,
240 Käännin maata käärmehistä.
Joko neiti annetaan?»
Niin sanoo Pohjan akka:
»Äsen neiti annetaan,
Kun sie valkin valjastelet,
245 Längität hyvän hevosen
Vihannalle vainiolle,
Pyhän pellon pientarelle.»
Sillon vanha Väinämöinen
Varsan valjat kysyypi,
250 Suvi kunnan suitsiloita,
Astua taputteloo
Vihannalle vainiolle,
Pyhän pellon pientarelle,
Saa valkin valjahisin,
255 Längi on hyvän hevosen.
Sillon vanha Väinämöinen
Iski silmänsä itäh,
Käänti päätä päivän alle.
Itse noin sanoiksi virkki:
260 »Isä ilma, Auver taivo,
Taivo auvoksi avauto,
Ilma riehoksi revitä,
Taivon kansi kahtaloksi,
Sa'a lunta sauan varsi

«Для меня найдется ль дева,
Чтоб супругой стала вечной,
Курочкою мне под мышку,
225 Чтобы мне постель стелила,
Чтоб взбивала мне подушки?»
Говорит старуха Похьи:
«Ты вспаши гадючье поле,
Взборозди пустырь

змеинный —

230 Лишь тогда отдам девицу;
Выкорчуй гадюк из поля,
Вывороти змей из пашни». Старый верный Вяйнямейнен
Распахал гадючье поле,
235 Взбороздил пустырь змеинный,
Перебрал всех змей руками,
Пальцами собрал гадюк.
Воротился с поля, молвил:
«Я вспахал гадючье поле,
240 Взбороздил пустырь змеинный,
Отдадите ли девицу?»
Говорит старуха Похьи:
«Лишь тогда дадим девицу,
Если запряжешь гнедого,
245 Добрую взнуздаешь лошадь
На лужайке на зеленой,
На краю полей священных». Старый верный Вяйнямейнен
Просит сбрую жеребенка,
250 Ту уздечку сеголетка.
Бодро он затем шагает
На зеленую лужайку,
На межу полей священных,
Чтобы там запрячь гнедого,
255 Чтоб хомут надеть на лошадь.
Старый верный Вяйнямейнен
На восток свой взор бросает,
К солнцу голову воротит,
Говорит слова такие:
260 «Неба свет, отец погоды,
Твердь небес скорей
разверзни,
Разорви на части воздух,
Расколи ты крышку неба,
С посох набросай ты снега

²⁶⁵ Harjalle hyvän heposen,
 Pyhän laukin lautaselle,
 Kylmä jäätä kyynärejä
 Otsah pyhän orihin.»
 Sato lunta sauan varren
²⁷⁰ Harjalle hyvän heposen,
 Hyvän laukin lautaselle,
 Kylmi jäätä kyynärejä
 Otsah pyhän orihin.
 Sillon valkin valjasteli,
²⁷⁵ Längitti hyvän hevosen
 Vihannalla vainiolla,
 Pyhän pellon pientarella.
 Sano tuolta tultuansa:
 »Joko neiti annetah,
²⁸⁰ Jo mie kynnin kyisen pellon,
 Jo mie valkin valjastelin,
 Längitin hyvän hevosen
 Vihannalla vainiolla,
 Pyhän pellon pientarella?»
²⁸⁵ Niin sano Pohjan akka:
 »Äsen neiti annetahan,
 Saanet suuren suomuhauin,
 Liikkuja kalan lihavan
 Anopille antehiksi
²⁹⁰ Tuolta Tuonelan joelta.»
 Sillon vanha Väinämöinen
 Tohti toisiksi ruveta,
 Ruohti muuksi muutellate,
 Nousi leivon lentimille,
²⁹⁵ Sirkun siiville kohosi,
 Kokon kynkkäluun nenille,
 Lenteä lepyttelöö
 Tuolle Tuonelan joelle,
 Manalan alentehelle.
³⁰⁰ Liitelekse, laatelekse,
 Keksi suuren suomuhauin,
 Liikkuja kalan lihavan,
 Iski kiinni kynsillähän.
 Sillon suuri suomuhauki
³⁰⁵ Niin paino kokon kynimön
 Alle selvien vesien,
 Päälle mustien murien.
 Niin sillon kynime kokko
 Kohta kolmitsi kokoopi,

²⁶⁵ Лошади святой на гриву,
 Доброму коню на спину,
 Чтобы с локоть льда намерзло
 Жеребцу на лоб святому».

²⁷⁰ Лошади святой на гриву,
 Доброму коню на спину.
 С локоть льда затем намерзло
 Жеребцу на лоб святому.
 Он тогда запряг гнедого,

²⁷⁵ Лошадь добрую взнуздal
 На зеленой на лужайке,
 На меже полей священных.
 Воротаясь оттуда, молвил:
 «Отдадите ли девицу?

²⁸⁰ Я вспахал гадючье поле,
 Я уже запряг гнедого,
 Добрую взнуздal я лошадь
 На зеленой на лужайке,
 На меже полей священных».

²⁸⁵ Так ответила старуха:
 «Лишь тогда дадим девицу,
 Если выловишь ты щуку,
 Жирную большую рыбу,
 На гостинец для свекрови

²⁹⁰ В Туонеле-реке широкой».

Вот уж старый Вяйнямейнен
 Порешил сменить свой облик,
 В оборотня превратился,
 Обернулся жаворонком.

²⁹⁵ Полетел он малой пташкой,
 На орлиных взвился крыльях,
 Он летит себе по ветру
 К Туонеле-реке широкой,
 В устье Маналы-потока.

³⁰⁰ Полетал над водной гладью,
 Увидал большую щуку,
 Жирную большую рыбу,
 В спину ей вонзил он когти.
 И тогда большая щука

³⁰⁵ Потянула птицу в реку,
 В воду чистую поглубже,
 Увлекла ее в пучину.
 И тогда орел могучий
 Трижды силы собирает,

310 Niin kerralla kolmannella
 Niin nosti kynime kokko,
 Nosti suuren suomuhauin,
 Liikkuja kalan lihavan
 Oksalle omena tammen,
 315 Latvalle lakan petäjän,
 Tuossa maisteli makuo,
 Tuossa riipo rintapäätä.
 Kanto suuren suomuhauin,
 Liikkuja kalan lihavan
 320 Anopille ante'ikse.
 Itse noin sanoiksi virkki:
 »Jo mie kynnin kyisen pellon,
 Jo mie valkin valjastelin,
 Längitin hyvän hevosen
 325 Vihannalla vainiolla,
 Pyhän pellon pientarella,
 Sain mie suuret suomuhauit,
 Liikkuvat kalat lihavat
 Anopille ante'ikse,
 330 Jok' on neiti annetahan?»
 Niin sano Pohjan akka:
 »Pahoinpa siäki laait,
 Kun sie maistelit makuo,
 Kohta riivot rintapäätä!»
 335 Sano vanha Väinämöinen:
 »Ei saalis viatta saaha
 Paikoilta paremmiltana,
 Saani Tuonelan joesta.»
 Niin on siitä Pohjan akka
 340 Anto oman tyttärehе
 Vanhalle Väinämöiselle,
 Ikuselle tietäjälle,
 Polvuhuiselle runolle.
 Sillon seppo Ilmorinen
 345 Alla päin, pahoilla mielin
 Kotih tullessansa
 Keräsi kekosen puita,
 Kolmekymmettä rekiä;
 Siitä poltti hiililöiksi.
 350 Pani kultie tuleh,
 Hopehia huopan täyen,
 Pani orjat lietsomah,
 Palkkalaiset painamah.
 Orjat lietso löyhytteli

310 Вот на третий раз пернатый
 Подымается и тянет
 Из воды большую щуку,
 Рыбу жирную понес он
 На высокий дуб с плодами,
 315 На сосну с широкой кроной.
 Тут на вкус отведал щуку,
 Отщипнул кусок грудины.
 Он понес большую щуку,
 Жирную большую рыбу,
 320 На гостинец для свекрови.
 Сам сказал слова такие:
 «Я вспахал гадючье поле,
 Я уже запряг гнедого,
 Добрую взнуздаю я лошадь
 325 На зеленой на лужайке,
 На меже полей священных,
 Я добыл большую щуку,
 Жирную большую рыбу,
 На гостинец для свекрови;
 330 Отдадите ли девицу?»
 Говорит старуха Похьи:
 «Поступил ты очень дурно,
 Что на вкус отведал щуки,
 Отщипнул кусок грудины».
 335 Молвил старый Вяйнямейнен:
 «Нет добычи без изъяна,
 Взятый даже в лучшем месте,
 В Туонеле-реке — подавно».
 И тогда старуха Похьи
 340 Выдала свою девицу
 Вяйнямейнену седому —
 Вековечному певцу,
 Рунопевцу в поколеньях.
 Тут кователь Илморинен
 345 Низко голову повесил;
 Дома он за дело взялся —
 Дров большой костер наделал,
 Тридцать навозил возов,
 Сам нажег угля в достатке.
 350 Бросил золото в горнило,
 Шапку серебра насыпал.
 Батраков к мехам поставил —
 Раздувать огонь, наемных.
 Во всю мощь рабы качали:

355 Kintaittoman kätösen,
 Hatuttoman hartiesen,
 Talvisella taivalla;
 Ei orjat hyvästi lietso
 Eikä paina palkkalaiset.
 360 Itse löihe lietsomahe,
 Lietso kerran löyhäytti,
 Lietso toisen löyhäytti,
 Niin kerralla kolmannella
 Katso ahjonsa aluksen,
 365 Lietsimensä liepehille;
 Miekka tungeksa tulesta,
 Terä kulta kuumoksesta.
 Ois miekka hyvän näkönen,
 Vai miekka paha tapanen:

370 Joka päivä miehen tappo.
 Niin miekan tuleh tunki,
 Vielä kultia lisäks,
 Hopehia huopan täyen.
 Orjat pani lietsomahan.
 375 Orjat lietso löyhytteli
 Talvisella taivahalla,
 Kintaittoman kätösen,
 Hatuttoman hartiesen;
 Ei orjat hyvästi lietso
 380 Eikä paina palkkalaiset.
 Itse löihen lietsomahe,
 Lietso kerran löyhäytti,
 Lietso toisen löyhäytti,
 Katso ahjonsa aluksen,
 385 Lietsemensä liepehillä:
 Ori tungeksa tulesta,
 Harja kulta kuumoksesta.
 On ori hyvä näkönen,
 Vaan ori paha tapanen:

390 Joka päivä tamman tappo.
 Niin oron tuleh tunki,
 Vielä kultia lisäks,
 Hopehia huopin täyen.
 Pani orjat lietsomahan,
 395 Palkkalaiset painamahan,
 Orjat lietso löyhytteli
 Kintahittoman kätehen,

355 Поснимали рукавицы,
 Скинули свои накидки
 Под открытым зимним небом.
 Плохо пламя раздували,
 Кое-как рабы качали.
 360 Сам он раздувать принялся.
 Раз качнул он с полной силой,
 На другой — еще сильнее,
 Как на третий раз качнул,
 Заглянул кузнец в горнило,
 365 Оглядел очаг свой мастер:
 Меч из пламени выходит,
 Золотой клинок из горна;
 Был тот меч хороший с виду,
 Только с норовом был

скверным —
 370 Каждый день губил мужчину.
 Сунул меч обратно в пламя,
 Золота еще добавил,
 Меру серебра досыпал.
 Батраков к мехам поставил.
 375 Во всю мощь рабы качали:
 Под открытым зимним небом
 Поснимали рукавицы,
 Сбросили свои накидки.
 Плохо пламя раздували,
 380 Кое-как мехи качали.
 Сам он раздувать принялся.
 Раз качнул он с полной силой,
 На другой — еще сильнее,
 Заглянул кузнец в горнило,
 385 Оглядел очаг свой мастер:
 Жеребец возник из горна,
 Из огня — золотогривый.
 С виду был хорош жеребчик,
 Только с норовом был

скверным —
 390 Каждый день губил кобылу.
 Жеребца он сунул в пламя,
 Золота еще добавил,
 Меру серебра досыпал.
 Батраков к мехам поставил —
 395 Раздувать огонь, наемных.
 Во всю мощь рабы качали:
 Поснимали рукавицы,

Hatuttoman hartiehen
 Talvisella taivahalla;
 400 Ei orjat hyvästi lietso
 Eikä paina palkkalaiset.
 Itse löihe lietsomahe,
 Lietso kerran löyhäytti,
 Lietso toisen löyhäytti,
 405 Katso ahjonsa aluksen,
 Lietsimensä liepehille:
 Neiti tungekse tulesta,
 Kassa kulta kuumoksesta.
 Sillon seppo Ilmorinen:
 410 Ois neiti hyvä näkönen.
 Heti öissä ensimmäissä
 Nuoren neitosen keralla
 Niin tuossa lepäelee
 Perinnöillä pehmeillä,
 415 Pätövillä pääaloilla.
 Varoaksen vaippaansa,
 Turvoaksen turkkiinsa;
 Ku oli kylki neittä vasten,
 Se kylki kyllä kylmä,
 420 Ku oli vasten vaippoansa,
 Vasten vaate riepuansa,
 Oli kylki kyllä lämmin.
 Niin tuossa lepäelöö
 Nuoren neitosen keralla,
 425 Ku on kullasta kuvattu,
 Hopiasta siunaeltu.
 Niin on yönä kolmantena
 Turvoaksen turkkihinsa,
 Varoaksen vaippaansa;
 430 Sillon yönä kolmantena
 Ku oli vasten vaippoansa,
 Vasten vaate riepuansa,
 Oli kylki kyllä lämmin;
 Ku oli kylki neittä vasten,
 435 Ku oli kullasta kuvattu,
 Hopiasta siunaeltu,
 Oli kylki kylmäämässä,
 Oli hyyksi hyyttymässä,
 Meren jääksi jähtymässä,
 440 Kiveksi kovoamassa.
 Niin neien tulehen tunki,
 Kassa kullan kuumoksehen,

Сбросили свои накидки
 Под открытым зимним небом.
 400 Плохо пламя раздували,
 Кое-как мехи качали.
 Сам он раздувать принялся.
 Раз качнул он с полной силой,
 Раз другой — еще сильнее,
 405 Заглянул кузнец в горнило,
 Оглядел очаг свой мастер:
 Дева из огня выходит,
 С золотой косой — из горна.
 Илморинен тут подумал:
 410 Хороша собой девица.
 Сразу в первую же ночь
 С девой молодой улегся
 Мастер славный отдохнуть
 На перинах мягких, чистых,
 415 На подушках, пышно взбитых,
 Но согрелся в одеяле,
 В шубе лишь нашел спасенье:
 Бок, прижатый к боку девы,
 Замерзал и был холодный;
 420 Бок, укрытый одеялом,
 Спрятанный под покрывалом,
 Оставался очень теплым.
 Так с девицей отдыхал он,
 С молодой лежал красоткой,
 425 Спал он с девой золотою,
 Созданной из серебра.
 Третья ночь уж наступила,
 Шубой снова он укрылся,
 Спрятался под одеяло;
 430 И тогда, на третью ночку,
 Бок, укрытый одеялом,
 Спрятанный под покрывалом,
 Также теплым оставался;
 Бок, прижатый к боку девы,
 435 К боку девы золотой,
 Созданной из серебра,
 Замерзал тот бок тихонько,
 Изморозью облекался,
 Льдом, как море, покрывался,
 440 Камнем твердым становился.
 Тут он деву в пламя бросил,
 С золотой косой — в горнило,

Vielä kultia lisäksi,
 Itse noin sanoiksi virkki:
 445 »Eikö etinen kansa,
 Neittä kullasta kuvailko,
 Hopeesta puolisoa,
 Vilun kulta kuumottaapi.
 Elkäätte etinen kansa,
 450 Elkäätte takanen kansa,
 Lähkö uimah uhalla,
 Veikasta vesien päällä.
 Elkäätte etinen kansa,
 Elkäätte takanen kansa
 455 Kilvon neittä kosjomahan
 Kera vanhan Väinämöisen.»

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от А. Перт-
 тунена, 1769 г. рожд. Публ.: PHH, № 2 (SKVRI, 469).

Vellamon neito

Oli lieto Lemminkäini,
 Oli onkella olija,
 Kälyksillä aina käyjä
 Nenäššä utusen niemen,
 5 Peäššä šoaren terhentyisen.
 Hopieni šiima šoiku,
 Voapa vaškini tärisi,
 Pojan lemмен onkiessa.
 Kala puuttu onkeheni,
 10 Taimen talkarautahani.
 Kaččelouve, keäntelöyve:
 Šiliehk' on šiikasekse,
 Haliehk' on haukisekse,
 Evätöin lohikalakse,
 15 Vyötöin Väinön tyttärekse.
 Jop' on hauvin halkoaue,
 Lohen pulškan puhkoaue.
 Loimahti lohi merehe,
 Kala kirjo kimmertihe.
 20 Vašta peätäšä kohotti
 Vihurilla viijennellä,

Золота еще добавил,
 Сам сказал слова такие:
 445 «Впредь не надо вам, потомки,
 Делать золотою деву,
 Лить из серебра супругу —
 Дышит золото морозом.
 Впредь не надо вам, потомки,
 450 Люди старших поколений,
 В глубину на спор бросаться,
 Вплавь пускаться средь
 пучины.
 Впредь не надо вам, потомки,
 Старших поколений люди,
 455 Деву сватать, состязаясь
 С Вьянмяейненом седым».

Дева Велламо

Был беспечный Лемминкяйни,
 Удил, как всегда, он рыбу,
 Загонял он рыбу в сети
 На мысочке на туманном,
 5 Там, на острове на мгlistом.
 Нить серебряная пела,
 Медная уда дрожала
 От усердий сына Лемпи.
 На уду попалась рыба,
 10 На крючок таймень попался.
 Стал рассматривать добычу:
 Для сига гладка уж слишком,
 Слишком светлая для шуки,
 Плавников нет — быть
 лососем,
 15 Пояса нет — дочкой Вьяно.
 Стал пластать он эту шуку,
 Лосося большого резать.
 Ускользнула рыба в море,
 В волны пестрая метнулась.
 20 Подняла из вод головку
 Лишь на пятом буруне,

Oallolla yhekšännellä:
 »Oi šie hullu mielineše,
 Typeräini peäsi kautta!
 25 En mie šiula tullutkana
 Murkinaisekse murukse,
 Oamusikse atrivoikse,
 Lohi viiploin viiltävikse,
 Kala katkoal'tavikse.
 30 Tulin mie on šiula
 Ikusekše puolisokše,
 Šijasi levittäjäkše,
 Panijakše peänalasen.»
 Niin on lieto Lemminkäinni
 35 Alla päin, pahalla mielin,
 Kaiken kallella kypärin.

На девятой на волне:
 «Ой ты, парень бестолковый,
 Неразумный, непутевый!
 25 Ведь к тебе я приходила
 Не закускою на завтрак,
 Не едою на обед,
 Чтоб ты лосося разрезал,
 Чтоб ты рыбу распластал.
 30 А к тебе я приходила,
 Чтоб навеки стать супругой,
 Застилать тебе постель,
 Чтоб взбивать тебе подушки».
 Тут беспечный Лемминкяйни
 35 Свесил голову в унынье,
 Наклонил в печали шапку.

Зап. А. Борениус в 1871 г. в дер. Латваряви (н. Калевальский р-н) от М. Перт-
 тунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 40 (SKVRI,253).

Vipusessa käynti

Vaka vanha Väinämöinen
 Teki tiolla venettä,
 Lato purtta laulamalla.
 Uupu kolmie sanoa
 5 Päähän laian päästessänsä,
 Hankoja hakatessansa,
 Tehessään on teljopuita.
 Niin sano sanalla tuolla:
 »Ois tuolla sata sanoa
 10 Pääskyparven päälaella.
 Ois tuolla sata sanoa
 Hanhilauman hartehilla,
 Joutsenkarjan juonenpäässä,
 Suussa valkian oravan,
 15 Kesäpetran kielen alla.»
 Tappo parven pääskylöitä,
 Lauman hanhia hajotti,
 Tappo joukon joutsenia,
 Oravoita orren tappo,
 20 Pellon petroja levitti;
 Ei saanut sanoakana
 Eikä puoltana sanoa.

Путешествие к Випунену

Мудрый старый Ваянямейнен
 Лодку делал заклинанием,
 Парусную строил пеньем.
 Трех словечек не хватило,
 5 Чтоб борта доделать лодки,
 Чтоб уключины устроить,
 Укрепить в челне сиденья.
 Он сказал слова такие:
 «Верно, сотня слов найдется
 10 В стае ласточек-касаток,
 Верно, сотня слов найдется
 В косяке гусей на спинках,
 На конце в лебяжьем клине
 Ил во рту у белой белки,
 15 Под оленьим языком».
 Стаю ласточек набил,
 Настрелял он гурт гусиный,
 Загубил он клин лебяжий,
 Жердь навешал шкурок белки,
 20 Настрелял оленей поле —
 Не нашел он даже слова,
 Не добыл и полсловечка.

»Ois tuolla sata sanoa,
 Tuhat virren turkelmosta
 25 Suussa Antervo Vipusen,
 Ku on viikon maassa maannut,
 Kauan levossa levännyt;
 Leuall' on leviä lehto,
 Pajupehko parran päällä,
 30 Venehhaapa harte'illa.
 Vaan on matkoja pahoja,
 Miesten miekkojen teriä,
 Naisten nieklojen neniä.»
 Lähtie luku tuleepi,
 35 Toinen käyä kelpoaapi,
 Kun on muinen kasakan,
 Elik orjan palkollisen.
 Astu päivän helkytteli
 Miesten miekkojen teriä,
 40 Astu päivän, astu toisen
 Naisten nieklojen neniä,
 Niin päivänä kolmantena
 Torkahti toisen jalkaah,
 Vaapahti vaasemutensa
 45 Suuh Antervo Vipusen,
 Ku on viikon maassa maannut,
 Kauan maannussa levännyt.
 Sillon vanha Väinämöinen
 Toivo polvensa palavan,
 50 Jäsenensä lämpievän
 Suussa Antervo Vipusen.
 Pani paitansa pajaksi,
 Turkkinsa tuhuttimeksi,
 Vasaraksi kyynäspäänsä,
 55 Pienet sormensa pihiksi,
 Takuo taputtelooi,
 Tako rautasen korennen.
 Syösti rautasen korennen
 Suuh Antervo Vipusen.
 60 Sillon Antervo Vipunen
 Puri poikki mellon rauan,
 Ei tiennyt terästä purra
 Eikä syöä rauan syäntä.
 Sillon Antervo Vipunen
 65 Sanan virkki, noin nimesi:
 »Mene, konna, kulkustani,

«Верно, сотня слов найдется,
 Тысячу хранит заклятий
 25 Випунен в своих устах.
 Он давно лежит в могиле,
 Долго спит в сырой земле —
 Роща выросла на скулах,
 Ивы куст — на подбородке,
 30 Меж лопатками — осина.
 Только путь туда нелегок —
 По мечам героев острым,
 По концам иголок женских».
 Но нужда пойти заставит,
 35 Добывать слова принудит,
 Словно батрака простого,
 Как наемного раба.
 Целый день шагает бодро
 По мечам героев острым,
 40 День идет, второй шагает
 По концам иголок женских,
 Наконец на третий день
 Подвернулось вдруг колено,
 Левая нога увязла,
 45 К Випунену в рот попала —
 Он давно лежит в могиле,
 Долго спит в сырой земле.
 Старый верный Вяйнямейнен
 Думает: горит колено,
 50 Вся нога огнем пылает,
 Там, у Випунена в глотке.
 Превратил рубаху в кузню,
 Шубу он мехами сделал,
 Локоть в молот обратил,
 55 Пальцы маленькие —
 в клещи.
 Знай кует неторопливо
 Коромысло из железа.
 Из железа лом вгоняет
 Старцу Випунену в глотку.
 60 Антерво тогда озлился,
 Ковкое сжевал железо,
 Сталь не знал, как раскусить,
 Съесть железа сердцевину.
 Випунен тогда подумал,
 65 Слово молвил, так сказал:
 «Выходи из глотки, жаба,

Maan valio, maksoistani,
 Syet suuhuni tuloopi,
 Rauan kuonat kulkkuhuni.»
 70 Niin sanoopi Väinämöinen:
 »Lähen, konna, kulkustasi,
 Maan valio, maksostasi,
 Kun sanot sata sanuo,
 Tuhat virren tutkalmuo.»

75 Sillon Antervo Vipunen,
 Ku on viikon maassa maannut,
 Kauan mannussa levännyt,
 Niin sano sata sanuo,
 Tuhat virren tutkalmuo.

80 Sillon vanha Väinämöinen
 Sai venosen valmeheksi.

Муж почтенный — из печенки,
 Угли сыплются мне в глотку,
 Зев окалина забила».

70 Вьянямейнен так ответил:
 «Выйду я из глотки, жаба,
 Муж почтенный — из печенки,
 Коль ты сто мне слов
 откроешь,
 Тысячу отдашь заклятий».

75 Випунен тот, Антервойнен,—
 Он давно лежит в могиле,
 Долго спит в земле сырой —
 Передал сто слов заветных,
 Тысячу отдал заклятий.

80 Тут уж старый Вьянямейнен
 Быстро свой челнок достроил.

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от А. Пертунена, 1769 г. рожд. Публ.: РНН, № 4 (SKVRI,399).

Tuonelan matka

Päivölä pitoja laati,
 Sariola juominkia.
 Niin sanoopi olut punanen:
 »Kun ei tullo juojoani,

5 Juojoani, syöjööri,
 Potin poikki vanteheni,
 Ulos pohjani porotan.»
 Etsittiin laulajata,
 Etsittiin, eipä löytty.

10 Tuotu hauki laulajaksi;
 Ei hauissa laulajata,
 Kuonasuussa kukkujata,
 Hauin hampahat hajalla.
 Tuotu lohi laulajaksi;

15 Ei lohessa laulajata,
 Lohen leuat longallaan.
 Tuotu vanha Väinämöinen
 Lailliseksi laulajaksi,
 Kujelleksi kukkujaksi.

Посещение Туонелы

В Пяйвеле на пир сходились,
 В Сариоле — на попойку.
 Пиво красное сказало:
 «Коль меня здесь пить

не станут,
 5 Пить не станут, есть
 не станут,

Обручи порву бочонка,
 Вышибу я дно кадушки». —
 Тут певца искать пустились,
 Как ни ищут — не находят.

10 Пригласили шуку петь,
 Только шука не умеет,
 Петь, слюнявая, не может —
 Редкозубый рот у шуки.
 Лосося приводят петь,

15 Но какой певец из лоха? —
 Челюстей свести не может.
 Приглашен был Вьянямейнен
 К торжеству певцом законным
 Петь и куковать искусно.

20 Sillon vanha Väinämöinen
 Heti ottaapi olosta,
 Niin on laululle rupesi,
 Töille virtten työntelihen.
 Laulo päivän, laulo toisen,
 25 Niin päivänä kolmantena
 Rikkohen reki runolta,
 Jalas taittu laulajalta
 Alla vanhan Väinämöisen
 Niissä Päivölän pioissa,
 30 Sariolan juominkissa.
 Niin sano sanalla tuolla,
 Itse vanha Väinämöinen
 Sanan virkki, noin nimesi:
 »Onko tässä nuorisossa,
 35 Nuorisossa pienisössä,
 Eli suuressa su'ussa,
 Isossa isän alassa
 Käyjä Tuonelta oroa,
 Manalalta vääntiötä,
 40 Reki uusi laatieni,
 Ratsuo rakentoani?»
 Sekä nuoremmat sanoopi,
 Jotta vanhemmat sanoo:
 »Ei ole tässä nuorisossa
 45 Eikä suuressa su'ussa,
 Käyjä Tuonelta oroa,
 Manalalta vääntiötä,
 Reen uuen laatieh,
 Ratsuja rakentoase,
 50 Äiä on sinne mennehiä,
 Ei paljo palannehia,
 Vähä sieltä tullehia.»
 Itse vanha Väinämöinen
 Läksi Tuonelta oroa,
 55 Manalalta vääntiötä,
 Reen uuen laatieh,
 Ratsuo rakentoase.
 Astu tietä asteloopi,
 Astua taputteloopi
 60 Tuolle Tuonelan joelle,
 Niin huhuta huiahutti:
 »Tuos venettä, tuonen tytti,
 Karpassu, kapo Manalan,

20 Старый мудрый Вяйнямейнен
 Для начала выпил пива,
 Лишь тогда запел он песню,
 Лишь тогда трудиться начал.
 День поет, поет другой,
 25 Вот на третий день неожиданно
 Сани у певца сломались,
 Песенный сломался полоз
 Под певцом старейшим Вяйно
 В Пяйвеле на том пиру,
 30 В Сариоле на попойке.
 Старый верный Вяйнямейнен
 Тут сказал слова такие,
 Так промолвил, так сказал:
 «Есть ли здесь среди
 молодежи,
 35 В этом юном поколении,
 Есть ли в племени великом,
 В поколении отцовском,
 Кто б сверло принес из Туони,
 Кто б из Маналы доставил —
 40 Новые построить сани,
 Снарядить певцу коня?»
 Так сказали молодые,
 Повторили пожилые:
 «Нет средь этой молодежи,
 45 Нету в племени великом,
 Кто б сверло принес из Туони,
 Кто б из Маналы доставил —
 Новые построить сани,
 Снарядить певцу коня.
 50 Многие туда уходят,
 Но не все назад приходят,
 Мало тех, кто бы вернулся».
 Сам старейший Вяйнямейнен
 За сверлом уходит в Туони,
 55 В Маналу идет за шилом —
 Новые построить сани,
 Снарядить певцу коня.
 Пошагал он по дороге,
 В путь пустился по тропинке
 60 К берегу реки Туони.
 Вызывать стал громко лодку:
 «Лодку дай мне, дочка Туони,
 Дева Маналы, дай карбас,

Yli salmen saahakseni,
 65 Joen poikki päästäkseni!»
 Tuonen tyttäret sanovat,
 Kalman neiot kantelovat:
 »Mi on sun Manalle tuonut,
 Mi on tuonut Tuonelahan?»
 70 Sano vanha Väinämöinen:
 »Tuoni mun Manalle tuonut,
 Tuoni tuonut Tuonelahan.»
 Tuonen tyttäret toruvat,
 Kalman neiot kantelovat:
 75 »Jo tunnen valehtelian,
 Tajuolen kielastajan,
 Kun Tuoni Manalle tuopi,
 Tuoni suusta tupruapi.»
 Sano vanha Väinämöinen:

80 »Vesi on mun Manalle tuonut,
 Vesi tuonut Tuonelahan.»
 Tuonen tyttäret toruvat,
 Kalman neiot kantelovat:
 »Jo tunnen valehtelian,
 85 Tajuolen kielastajan,
 Kun vesi Manalle tuo,
 Vaattiet vesin valuu,
 Lainehin lapahteloo.»
 Sano vanha Väinämöinen:
 90 »Toki mä sanon toetki,
 Jos vähän valehtelinki:
 Rauta mun Manalle tuonut,
 Rauta tuonut Tuonelahan.»
 Tuonen tyttäret toruvat,
 95 Kalman neiot kantelovat:
 »Jo tunnen valehtelian,
 Tajuolen kielastajan,
 Kun rauta Manalle tuopi,
 Tuopi rauta Tuonelahan,

100 Vaattiet verin valuisi,
 Hurmehin norahteloisi.»
 Sano vanha Väinämöinen:
 »Toki mä sanon toetki,
 Jos vähän valehtelinki,
 105 Olin Päivölän pioissa,
 Sariolan juominkissa

Чтоб залив мне переехать,
 65 Через речку перебраться!»
 Дочки Туонелы сказали,
 Девы Калмы отвечали:
 «Как ты в Маналу приехал,
 В Туонеле как очутился?»
 70 Молвил старый Вьянямейнен:
 «В Маналу привел сам Туони,
 Туони в Туонелу доставил».
 Туони дочери ругают,
 Девы Калмы укоряют:
 75 «Слышу ложь в твоём ответе,
 Чую в нём твоё лукавство.
 Коль позвал бы Туони

в Ману —

Изо рта дышал бы Туони».
 Молвил старый Вьянямейнен:
 80 «Привела вода к вам в Ману,
 В Туонелу водой пригнало».
 Заругались дочери Туони,
 Девы Калмы забранились:
 «Слышу ложь в твоём ответе,
 85 Чую в нём твоё лукавство.
 Если бы вода пригнала,
 С платья бы струилась влага,
 Волны падали б с одежды».
 Молвил старый Вьянямейнен:
 90 «А теперь скажу я правду,
 Хоть немного и лукавил:
 Привело меня железо,
 Сталь меня сюда пригнала».
 Туони дочери ругают,
 95 Девы Калмы укоряют:
 «Слышу ложь в твоём ответе,
 Чую в нём твоё лукавство.
 Коль сюда ведет железо,
 Коли сталь приводит

в Туони —

100 Кровь тогда струится с платья,
 Каплет красная с одежды».
 Молвил старый Вьянямейнен:
 «Наконец скажу я правду,
 Хоть немного и лукавил:
 105 Был я в Пяйвеле на пире,
 В Сарииле на попойке.

Parahina laulajina,
 Tietävämpinä runoina.
 110 Laulon päivän, laulon toisen,
 Niin päivänä kolmantena
 Rikkoho reki runolta,
 Jalas taittu laulajalta,
 Alla vanhan Väinämöisen
 115 Niissä päivölän pioissa,
 Sariolan juominkissa.
 Läksin Tuonelta oroa,
 Manalalta vääntiötä,
 Reen uuen laatieni,
 Ratsun rakentoani,
 120 Tuos venettä, Tuonen tyttö,
 Yli salmen soutakseni,
 Joen poikki päästäkseni.»
 Toi venehen Tuonen tyttö,
 Yli salmen saatteloo,
 125 Joen poikki päästelö;
 Syötti miehen, juotti miehen,
 Pani maata matkamiehen;
 Mies makaa, vaatteet valvo.
 Tuonen tyttö rautasormi,
 130 Rautasormi, rautanäppi
 Rauta rihman kesräpi,
 Vaskinlangojen valava.
 Tuonen poika rautasormi,
 Rautasormi, rautanäppi,
 135 Rautaverkkojen kutoja,
 Vaskiverkkojen valaja.
 Sillon verkkoja veettih
 Poikki Tuonelan joesta,
 Sekä pitkin, jotta poikki,
 140 Jotta vieläi vitahan
 Manalan alantehesta,
 Jottei päässä Väinämöisen,
 Selvitä Umentolaisen
 Tuolta Tuonelan joesta,
 145 Manalan iki majasta.
 Sillon vanha Väinämöinen
 Jo näki tuhon tulevan,
 Hätäpäivän päälle saavan,
 Tohti toisikse ruveta,

Лучшим был я песнопевцем,
 Рунопевцем самым мудрым,
 Пел я день и пел второй,
 110 А на третий день неожиданно
 Сани у певца сломались,
 Песенный сломался полоз
 Под певцом старейшим Вяйно
 В Пяйвеле на том пиру,
 115 В Сариоле на попойке.
 За сверлом пошел я в Туони,
 В Маналу за буравом —
 Новые построить сани,
 Снарядить певцу коня.
 120 Дай-ка лодку, дочка Туони,
 Чтоб залив мне переехать,
 Через речку перебраться». —
 В лодку села дочка Туони,
 По заливу проводила,
 125 По реке перевезла,
 Накормила, напоила,
 Уложила спать героя:
 Путник спит, не спит одежда.
 Туони дочь с железной пядью,
 130 С пядью, с пальцами
 стальными,
 Пряла нити из железа,
 Отливала нить из меди.
 Туони сын с железной пядью,
 С пядью, с пальцами
 стальными,
 135 Вяжет сети из железа,
 Отливает их из меди.
 Протянули эти сети
 Через воды речки Туони,
 Через речку, вдоль потока,
 140 Наискось по речке Туони,
 В устье Маналы широкой,
 Чтобы Вяйно не ушел,
 Не сбежал Ументолайнен
 Из реки широкой Туони,
 145 Маны вечного жилища.
 И тогда-то Вяйнямейнен
 Понял, что конец приходит,
 Что погибель наступает.
 Он решил сменить свой облик,

¹⁵⁰ Ruohti muuksi muutellaita:
 Mato rautassa matona,
 Kulki kyissä käärmehinä
 Poikki Tuonelan joesta,
 Läpi Tuonen verkkoloista.
¹⁵⁵ Sano tuolta tultuoh
 Nousevalle nuorisolle,
 Kansalle ylenevälle:
 »Äiä on sinne mennehiä,
 Ei paljo palannehia
¹⁶⁰ Tuolta Tuonelan koista,
 Manalan iki majasta,
 Ei on pojat puolet.
 Elkääte etinenkänä,
 Elkääte takanenkana
¹⁶⁵ Lökkö Tuonelta oroa,
 Manalalta vääntiötä,
 Rekilöitä laatioa,
 Ratsuja rakentaa!
 Äiän sinne mennehiä,
¹⁷⁰ Ei paljo palannehia.»
 Sillon vanha Väinämöinen
 Sekä soitti, jotta laulo,
 Kuulla noien kultasien,
 Tietä mielitehtosien,
¹⁷⁵ Nuorisolle nousevalle,
 Kansalle ylenevälle.

¹⁵⁰ В оборотня обратиться:
 Вяино стал железным змеем,
 Он пополз проворным гадом
 По реке широкой Туони,
 Через сети Туони вечной.
¹⁵⁵ Молвил, воротясь оттуда,
 К молодежи обращаясь,
 К подрастающему люду:
 «Многие туда уходят,
 Да вернувшихся немного
¹⁶⁰ Из покоев Туони мрачных,
 Маны вечного жилища —
 Нет таких и половины.
 Заклинаю тех, кто старше,
 Заклинаю, кто моложе:
¹⁶⁵ К Туони не ходить за шилом,
 В Маналу за буравами —
 Сани новые построить,
 Снаряжать певцу коня.
 Многие туда уходят,
¹⁷⁰ Да вернувшихся немного».

Снова старый Вяйнямейнен
 Стал играть и петь искусно
 Для народа золотого,
 Для улады добрым людям,
¹⁷⁵ В назиданье молодежи,
 Подрастающему люду.

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латваряви (н. Калевальский р-н) от А. Перт-
 тунена, 1769 г. рожд. Публ.: РНН, № 5 (SKVRI,362).

Päivölän pidot

Saaren neidot

Päivölä pitoja loati,
 Salajoukko juominkia,
 Kutsu rujot, kutsu rammat,
 Sokiet venehin souti,
⁵ Rujot reen reutoeli.
 Tuo kaunis Kaukomieli
 Sen on heitti kutsumatta.

Пир в Пяйвеле

Посещение дев Острова

В Пяйвеле собрался пир,
 Люд коварный на попойку.
 Всех калек, хромых созвали,
 Привезли слепых на лодках,
⁵ На санях — калек убогих.
 Лишь прекрасный Каукомиели
 Обойден был приглашеньем.

Sillon kaunis Kaukomieli
 Sanan virkki, noin nimesi:
 10 »Oi emoni kantajani,
 Tuos tänne sotisomani,
 Kannas vainovaattieni,
 Lähen Päivölän pitohin,
 Sariolan juominkihin.»
 15 Iso käski, emo kielti,
 Epäsi kavetta kaksi,
 Kielti kolme Luonnotarta:
 »Elä lähe, Kaukomieli,
 Monet on kummat matkallasi,
 20 Monet tielläsi imehet!»
 »Mipä on kumma ensimmäinen?»
 »Mäki on täynnä seipähiä,
 Ne on täynnä miehen päitä,
 Yks' on seiväs ilman jäänyt,

25 Pään varalla Kaukomielen.»
 Sano kaunis Kaukomieli:
 »Kyllä siihen keinon keksin,
 Otan kallon kuollehelta,
 Menneeltä pään mäkäsen,
 30 Senki seipähän nenähän.»
 Itse noin sanoiksi virkki:
 »Oi emoni kantajani,
 Tuos mulle sotisomani,
 Kanna vainovaattieni,
 35 Lähen Päivölän pitohin,
 Sariolan juominkihin.»
 Iso käski, emo kielti,
 Epäsi kavetta kaksi,
 Kielti kolme Luonnotarta:
 40 »Ellös lähkö, Kaukomieli,
 Monet on kummat matkallasi.
 Monet tielläsi imehet!»
 »Mipä on siitä toinen kumma?»
 »Matallas tulinen koski,
 45 Kosessa tulinen koivu,
 Latvassa tulinen kokko,
 Yöt se hammasta hiopi,
 Päivät kynttä kitkuttaapi
 Päälle kaglan Kaukomielen.»
 50 »Kyllä siihen keinon keksin,
 Keinon keksin, tien osoan,

Тут прекрасный Каукомиели
 Слово молвил, так сказал:
 10 «Ой ты, мать моя родная,
 Принеси мои доспехи,
 Дай военные одежды,
 В Пяйвелу на пир пойду я,
 На попойку в Сариолу».
 15 Против мать, отец не против,
 Лишь противятся две деvy,
 Все три дочери природы:
 «Ты не езди, Каукомиели,
 На пути преград немало,
 20 Злых чудес полно в дороге».
 «Первое какое чудо?»
 «Кольями утыкан холм,
 Головы на них людские,
 Лишь один из них
 свободный —
 25 Припасен для Каукомиели».
 Так промолвил Каукомиели:
 «Знаю я, что надо делать,—
 Череп мертвеца возьму,
 С трупа голову сниму,
 30 Насажу на кол свободный».
 Говорит слова такие:
 «Ой ты, мать моя родная,
 Принеси мои доспехи,
 Дай военные одежды,
 35 В Пяйвелу на пир пойду,
 На попойку в Сариолу».
 Против мать, отец не против,
 Лишь противятся две деvy,
 Все три дочери природы:
 40 «Ты не езди, Каукомиели,
 Полон путь преград опасных,
 Злых чудес полно в дороге».
 «Каково второе чудо?»
 «Водопад в пути горящий,
 45 В пламени стоит береза,
 Огненный орел на ветке,—
 По ночам он точит клюв,
 Когти днем упорно точит
 На погибель Каукомиели».
 50 «Знаю я, что надо делать,
 Что мне делать, как пройти,—

Laulan leppäsen urohon
 Koprihin kokon kynimen,
 Vaakalinnun varpahisin,
 55 Sillä sen rovin vaellan,
 Pääsen päiväyksen.
 Oi emoni kantajani,
 Tuo tänne sotisomani,
 Kanna vainovaattieni!»
 60 Iso käski, emo kielti,
 Epäsi kavetta kaksi,
 Kielti kolme Luonnotarta:
 »Elä lähe Kaukomieli,
 Monet on kummat matkollasi,
 65 Monet tielläsi imehet.»
 »Mikä on siitä kolmas
 kumma?»
 »Suet on pantu suitsi suuhun,
 Karhut rautakahleihin,
 Veräjillä vastahasi,
 70 Pään varalla Kaukomielen.»
 »Kyllä siihen keinon keksin,
 Laulan lauman lampahia,
 Kinkon kierävillasia
 Suuhun Untamon susien,
 75 Kitaan kirokavetten,
 Sillä sen rovin vaellan.
 Tuos nyt on sotisomani,
 Kanna vainovaattieni!»
 Niin tuopi sotisomansa,
 80 Kanto vainovaattiansa.
 Sillon läksi Kaukomieli,
 Otti kallon kuollehelta,
 Menneheltä pään mäkäsi,
 Ku on seiväs ilman jäänyt,
 85 Pään varalla Kaukomielen.
 Laulo leppäsen urohon
 Eellään samoamahan,
 Koprille kokon kynimen.
 Laulo lauman lampahia,
 90 Kinkon kierävillasia
 Suuhun Untamon susien,
 Kitahan kirokavetten.
 Sillä sen roven vaelti,
 Sillä pääsi päiväyksen.

Из ольхи мужчину пенъем
 Сотворю орлу я в лапы,
 Страшному грифону в пальцы.
 55 Так опасность одолею,
 Так пройду пути отрезок.
 Ой ты, мать моя родная,
 Принеси мои доспехи,
 Дай военные одежды!»
 60 Против мать, отец не против,
 Лишь противятся две девы,
 Все три дочери природы:
 «Ты не езд, Каукомиели,
 Полон путь преград опасных,
 65 Злых чудес полно в дороге».
 «Каково же третье чудо?»
 «Там привязанные волки,
 На цепи стальной медведи —
 Зорко стерегут ворота
 70 На погибель Каукомиели».
 «Знаю я, что надо делать,—
 Сотворю овец отару,
 Наколдую гурт курчавых
 На съедение волкам,
 75 Унтамо проклятым тварям —
 Так опасность одолею.
 Принеси теперь доспехи,
 Дай военные одежды!»
 Сам принес свои доспехи,
 80 Взял военные одежды.
 Каукомиели в путь пустился:
 Взял он череп мертвеца,
 Взял он голову у трупа,
 Насадил на кол свободный,
 85 Что для Кауко уготован.
 Из ольхи мужчину пенъем
 Сотворил, послал вперед
 Страшному грифону в когти.
 Сотворил овец отару,
 90 Гурт наколдовал курчавых
 На съедение волкам,
 Унтамо проклятым тварям.
 Так опасность одолел,
 Так прошел пути отрезок.

95 Jo on tungenksen tupahan,
 Alla kattojen ajaksen,
 Lakin päästä laskomille,
 Kintahan kirvotimille.
 Ruma Ruotus paitulainen
 100 Syöpi, juopi pöyän päässä,
 Päässä pöyän paiallaan,
 Aivin aivinaisillaan.
 Sano kaunis Kaukomieli:
 »Kutsuit rujoj, kutsuit rammat,

105 Sokiet venehin souit,
 Rammat ratsahin ajelit.
 Muut ne kanta kauhasella,
 Muut on tiiskillä tiputti
 Noihin Päivölän pitoihin,
 110 Sariolan juominkihin.
 Niin mikset kutsunut minua,
 Minä en määrin mätkäellyt,
 Minä en purnon putkaellut
 Noihin Päivölän pitoihin,
 115 Sariolan juominkihin.
 Ruma Ruotus paitulainen
 Pian suuttu ja vihasta,
 Sanan virkki, noin nimesi:
 »Mitelkämme miekkojamme,
 120 Katselkamme kalpojamme;
 Kummill' on pitempi miekka,
 Kumman kalpa kaunehempi,
 Senpä eellä iskemähän!»
 Sano kaunis Kaukomieli:
 125 »Läkkämme ulos pihalle,
 Pihall' on veri parempi,
 Päässä heinän halpehempi,
 Kanarvoilla kaunehempi,
 Pessyt penkit hierellemme,
 130 Tuvan uuen turmelemme.»
 Mentih ulos pihalle,
 Mitellään miekkojansa,
 Katsellaan kalpojansa.
 Sano kaunis Kaukomieli:
 135 »Sinun on pitempi miekka,
 Sinun kalpa kaunehempi,
 Minun on luissa lohkiellut,

95 Вот и в избу он заходит,
 В дом под кровлю попадает,
 Стал, где шапку все снимают,
 Сбрасывают рукавицы.
 Мерзкий Ротус безобразный
 100 Ест и пьет, на лавке сидя,
 За столом в одной рубашке,
 В той сорочке полотняной.
 Каукомиели слово молвит:
 «Всех калек, хромых созвал

ты,
 105 Всех слепых привез на лодках,
 Привозил калек верхами.
 Лишь в ковше несли иные,
 Те же — в чашечках поменьше
 В Пяйвеле на этот пир,
 110 На попойку в Сариоле.
 Что ж меня вы не позвали,
 Меру от меня не взяли,
 Ларь зерна не захотели
 В Пяйвеле на пир великий,
 115 На попойку в Сариоле?
 Мерзкий Ротус безобразный
 Рассердился, обозлился,
 Слово молвил, так сказал:
 «Станем мериться мечами,
 120 Станем сравнивать клинки —
 У кого клинок длиннее,
 Или меч покрасивее,
 Тот пускай ударит первым».
 Так промолвил Каукомиели:
 125 «Надо выйти на подворье,
 Будет кровь не так противна,
 На траве она нежнее,
 Среди вереска приятней,
 Здесь же вымыты скамейки,
 130 Здесь испачкаем весь дом».
 Вышли оба на подворье,
 Стали мериться мечами,
 Стали сравнивать клинки.
 Так промолвил Каукомиели:
 135 «Твой, видать, клинок

длиннее,
 Меч твой, видно, красивее,
 Мой же выщерблен костями,

Pääkasuissa katkiellut,
 Siä eellä iskömään.»
 140 Ruma Ruotus paitulainen
 Iski miestä miekallaan,
 Eipä vuole vermentänä,
 Ottant orvaskettuana,
 Iski kerran, iski toisen,
 145 Kohta kolmetsi rapuupi.
 Ei ou tuosta tuon parempi.
 Sano kaunis Kaukomieli:
 »Anna mieki miekallani,
 Jos on luissa lohkiellut,
 150 Pääkasuissa katkiellut!»
 Laski pään päältä olkan,
 Niinkun naatin nakrihista,
 Evän kaikesta kalasta.
 Sillon kaunis Kaukomieli
 155 Alla päin, paholla mielin,
 Kahta kallella kypärin
 Kotihinsa tullessaan.
 Emo vastaah tuleepi:
 »Poikuoni nuorempani,
 160 Lapseni vakavuuteni,
 Mit' olet pahalla mielin,
 Kahta kallella kypärin
 Kotihisi tullessasi,
 Onko čarkoa vaarettuna
 165 Noissa Päivölän pioissa?»
 »Oi emoni kantajani,
 Ken mun sarkoin vaartelesi,
 Vaartaisin sata urosta,
 Tuhat muuta tunnustaisin.»
 170 Niin emo sano:
 »Oletko naisin nakrettuna?»
 »Oi emoni kantajani,
 Ken mun naisin nakraneisi,
 Nakraisin sata naista,
 175 Tuhat muuta tunnustaisin.»
 Niin emo sano:
 »Oletko herjattu heposin
 Noissa Päivölän pioissa?
 Sie osta ori parempi
 180 Isän saamalla eloilla,

Весь зазубрен черепами,
 Твой черед ударить первым».
 140 Мерзкий Ротус безобразный
 Бьет мечом своим героя,
 Но не срезал и чешуйки,
 Даже кожи не царапнул.
 Раз ударил и второй раз,
 145 Третий — со всего размаху,
 Но махал он безуспешно.
 Молвил так прекрасный
 Кауко:
 «Дай-ка я мечом ударю,
 Хоть он выщерблен костями,
 150 Весь зазубрен черепами».
 Голову снимает с плеч,
 Как ботву срезает с репы
 Иль плавник от целой рыбы.
 Тут прекрасный Каукомиели
 155 Голову склонил в унынье,
 Хмуро шлем на лоб надвинул,
 Он пришел домой угрюмый.
 Дома мать его встречает:
 «Ой, сынок мой самый
 младший,
 160 Ты, дитя мое родное,
 Отчего ты опечален,
 Хмуро шлем на лоб надвинул,
 Ты пришел домой угрюмый?
 Или чаркой обделили
 165 В Пяйвеле на той пирушке?»
 «Ой ты, мать моя родная,
 Если б чаркой обделили,
 Обделил бы сам я сотню,
 Тысячу других героев».
 170 Снова мать ему сказала:
 «Может, женщиной осмеян?»
 «Ой ты, мать моя родная,
 Был бы женщиной осмеян,
 Осмеял бы сотню женщин,
 175 Тыщу целую девиц».
 Снова мать его спросила:
 «Может, опозорил конь
 В Пяйвеле на той пирушке?
 Жеребца купи получше
 180 На отцовское богатство,

Vanhemman varustamoilla.»
 »Oi emoni kantajani,
 Ken mun herjoais heposin,
 Herjaisin sata heposta,
 185 Tuhat muuta tunnustaisin.
 Oi emoni kantajani,
 Tuota iten tuon ikäni,
 Tapoin miehen kun urohon
 Noissa Päivölän pioissa.
 190 Sariolan juominkissa,
 Tapoin miehen kun urohon,
 En tieä sitä sioa,
 Jossa piiltä pillomuksen,
 Ja paata pahatapasen.»
 195 Emo taiten vastoali:
 »Tuoll' ennen isosi piili
 Selässä meren sinisen
 Suurina sotikesinä,
 Vainovuonna voimatoinna.»
 200 Sillon kaunis Kaukomieli
 Sillon laivahan lasekse,
 Alasehen astelekse;
 Nosti päälle purjepuita,
 Niinkun männikön mäellä;
 205 Laskoo sinistä merta
 Saarehen selällisehen,
 Manterehen puuttomahan.
 Niin sano sanalla tuolla:
 »Onko saarella sioa,
 210 Onko maata saaren maalla
 Piiltä miehen pillomuksen,
 Paata pahatapaisen?»
 Sekä nuorimat sano,
 Jotta vanhimat sano:
 215 »Onpa saarella sioa,
 Onpa maata saaren maalla
 Piiltä miehen pillomuksen,
 Paata pahatapaisen.»
 Aina purtta auttelovat,
 220 Veteä venettä maalle,
 Purtta kuivilla kumata.
 Sillon kaunis Kaukomieli
 Saarella selällisessä
 Yhtenä kesässä yönä

На родительские деньги».
 «Ой ты, мать моя родная,
 Если б опозорил конь,
 Сто коней бы опозорил,
 185 Тысячу других лошадок.
 Ой ты, мать моя родная,
 Оттого я век свой плачу,
 Что убил я в схватке мужа
 В Пяйвеле на том пиру,
 190 На попойке в Сариоле.
 Погубил героя, мужа,
 Но не ведаю я места,
 Где б укрыться смог виновный,
 Человек лихой спасись».
 195 Мать на это отвечала:
 «Там отец твой укрывался.
 В синем море средь
 простора —
 В годы войн великих летних,
 В год гонений непомерных».
 200 Тут прекрасный Каукомиели
 На корабль на свой поднялся,
 На свою ладью взошел.
 Поднял он на судне мачты —
 Как сосняк возник на взгорье.
 205 Едет в лодке синим морем
 К острову среди простора,
 К этой суше без деревьев.
 Молвил он слова такие:
 «Есть на острове местечко,
 210 Клок земли на ваших землях,
 Где б укрыться смог виновный,
 Человек лихой спасись?»
 Младшие в ответ сказали,
 Пожилые повторили:
 215 «Есть на острове местечко,
 Клок земли на наших землях,
 Где б укрыться смог виновный,
 Человек лихой спасись».
 Тянут лодку, помогают
 220 Судно затянуть на берег,
 Опрокинуть челн на суше.
 Тут прекрасный Каукомиели
 Там, на острове далеком,
 Летнею одной лишь ночью

- 225 Sata neitosta makasi,
Tuhat tunki morsienta.
Sillon kaunis Kaukomieli
Jo päivänä muutamena,
Huomenna monikahana
- 230 Kävi kymmenin kyleä,
Kylä puoli kymmenettä.
Ei nähnyt sitä taloa,
Kuss' ei kolmia kotoa,
Ei ollut sitä kotoa,
- 235 Kuss' ei kolmia urosta,
Ei ollut sitä urosta,
Jok' ei miekkoa hivonut
Päälle kaglan Kaukomielen.
Sillon kaunis Kaukomieli
- 240 Jo näki tuhon tulevan,
Hätäpäivän päälle saavan.
Niin päivänä muutamena
Nousi aivon aikaisin,
Aivon aika huomenessa,
- 245 Sanan virkko, noin nimesi:
»Voi päivänen päiväyt nousi,
Armas auringo kohosi,
En kuullut kukotta nossa,
Kanan lapsetta kavata;
- 250 Voi päivönen päivä nousi,
Armas auringo kohosi,
Jää neiet syliemättä,
Syletyt makoamatta.»
Laski laivansa merehen,
- 255 Nosti päälle purjepuita,
Laski sinistä merta
Melan koukkupään nojassa.
Sini itki saaren immet,
Sini saaren morsiamet,
- 260 Kun ei purjepuu näkynyt,
Rautahankki haimentaa,
Itse noin sanoiksi virkko:
»En mie ite purjepuita,
Rautahankkia hala'a,
- 265 Iten purjepuun alasta,
Rautahankin haltieta.»
Sini itki Kaukomieli,
- 225 С сотней переспал девиц,
С тысячей невест сошелся.
Тут прекрасный Каукомиели
Среди бела дня однажды,
Спозаранок как-то утром,
- 230 Десять деревень обходит,
Полдеревни сверх девятой.
Не было двора такого,
Где б три дома не стояло;
Не было такого дома,
- 235 Где б трех не было героев;
Не было такого мужа,
Чтобы меч свой не точил
На погибель Каукомиели.
Тут прекрасный Каукомиели
- 240 Понял, что конец приходит,
Черный день уж наступает.
Как-то в день один
прекрасный
Встал он утром очень рано,
Очень рано на рассвете,
- 245 Молвил слово, так сказал:
«Поднялось уже и солнце,
Милое взошло светило.
Я ж до петухов проспал,
Встать не смог до пенья птицы;
- 250 Поднялось уже и солнце,
Милое взошло светило,
Всех девиц не приласкал я,
Переспал не с каждой девой».
Свой корабль спустил на море,
- 255 Поднял он на судне мачты,
Едет в лодке синим морем,
Налегает на правило.
Девы острова горюют,
Плачут острова невесты,
- 260 Парус тот пока им виден,
Челн в уключинах железных.
Говорят слова такие:
«Не о парусе мы плачем,
Не уключины жалеем,
- 265 А о том, кто поднял парус,
Кто уключиною правит».
Плакал также Каукомиели,

Kun ei saaren maa näkyvyi,
Kirkon harjut heimentaa,
270 Itse noin sanoiksi virkko:
»En mä ite saaren maita,
Kirkon harjuja halaja,
Iten saaren impysyä,
Nenän niemen neitosia.»
275 Siitä sinne tie meneepi.

Остров видя в отдаленье,
Где маячил купол церкви.
270 Сам слова сказал такие:
«Не об острове я плачу,
Не о церкви я горюю —
Дев на острове жалею,
Девственниц на том мысочке».
275 Тут стезя певцам открыта.

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от А. Пертунена, 1769 г. рожд. Публ.: РНН, № 11 (SKVR1₂759).

Hiirolasta kosinta

Kirguu manžoihut mäjel,
Buolukkaine randijal;
Piädy neidoine kuulemah,
Seinän ual seizomah.
⁵ Lāhtöy manžoihuttu ottamah,
Löydäy manžoihuon mäjel,
Buolukkaizen randijal;
Panou manžoihuon huuliel,
Sen vaččaizeh lainuou.
¹⁰ Kazvau vačču nenän tagan,
Suau häi kolme poigastu.
»Oi sinä, muamoinne
kandajoine,
Magien maijon andajoine,
Lämmitä kyly lätäsköitäl!»
¹⁵ »Maltoit poigaizet suada,
Malta i kyly lämmittiä!»
Lämmittäy häi iče kylyzen,
Viey kolme poigastu kilyh,
Piähüöt pezöy, kui pelvas
pivoizekse,
²⁰ Muun rungan, kui lumi
kabuizekse.
»Oi sinä, muamoinne
kandajoine,
Magien maijon andajoine,
Ihalan imettäjäine,
Mene tuo sinä pappinel!»
²⁵ »Maltoit suada,
Malta i pappine tuuvval!»

Сватовство в Хийтола

Кличет с горки земляничка,
С берега зовет брусничка;
Зов девица услышала —
У стены как раз стояла —
5 Землянику брать пошла
На пригорок земляничный,
На берег пошла брусничный.
Ягодку в уста вложила,
Земляничку проглотила —
10 Выше носа стал живот,
Родила трех сыновей.
«Ой ты, мать моя родная,
Ой, кормилица моя,
Натопи, наладь мне баню!»
15 «Без меня детей родила —
Без меня натопишь баню».
Натопила дева баню,
Сыновей туда снесла,
Волосы, как лен, намыла,
20 Словно снег тельца детей.
«Ой ты, мать моя родная,
Ой, кормилица моя,
Ты кормила, ты поила
Приведи попа к ребятам!»
25 Без меня родить сумела —
Приведи сама попа!»

»Rubien minä iče papikse:
 Kudai vahnin synnyndöine,
 Se olgah Väinämöine;
³⁰ Kudai nuorin synnyndöine,
 Se olgah D'olgamoine;
 Kudai keskin synnyndöine,
 Se olgah seppy Ilmoilline,
³⁵ Ilmoin raudojen tagoju,
 Ilmoin hiilijen hiiluttaju».

Laudiu seppy pajaizen,
 Rubieu häi tagomah;
 Tagou häi, taputtau,
 Lendäy kyyhkyihyt kynnyksil:
⁴⁰ »Oi sinä, seppy Ilmoilline,
 Ilmoin raudojen tagoju,
 Ilmoin hiilijen hiiluttaju,
 Eulis sinul tagonduaijat,
 Pidäis mennä sulhaizikse
⁴⁵ Kauneheh Katerinah!»

»Ga pidäh siit lähtie sulhazikse;
 Oi sinä, muamoine kandajoine,
 Magien maijon andajoine,
 Ihalan imettäjäine,
⁵⁰ Tuo paidaine kui pellervoine,
 Kuadijalaizet kui lumikabuizet!
 Oi sinä, vanhin Väinämöine,
 Val'l'asta vil'l'oi varzu,
 Viijen suan maksaju!
⁵⁵ Oi sinä, nuorin D'olgamoine,
 Laula kuldukägizet
 Vembelile kukkumahe,
 Laula raččilinduizet
 Landehile laulamahe!»

⁶⁰ Lähtietäh hyö ajamah,
 Kauneheh Katerinah
 Sulhaiziksi karettamah.
 Sulua merdy myöten ajetah,
 Pitkin merdy karetetah.
⁶⁵ Siändyi heil pimie Pohd'olaine,
 Turmoi heidy pimie

Pohd'olaine:

Katkenou heil d'allaksut,
 Levies heijän kord'aizes.
 »Oi sinä, vahnin Väinämöine,

«Я сама попом им стану:
 Тот, что раньше родился,
 Вьянмяейне нареку;
³⁰ Тот, кто позже всех родился,
 Дёлгамойне назову;
 Тот, кто средним родился,
 То кователь Илмоллине,
 Станет ковалем небесным,
³⁵ Углежогом мировым».

Выстроил кователь кузню,
 Тут же начал он ковать.
 Знай кует неторопливо.
 На порог голубка села:
⁴⁰ «Ой, кузнец ты Илмоллине,
 Сам кователь ты небесный,
 Углежог ты мировой,
 Днесь ковать тебе не время,
 Должен свататься поехать
⁴⁵ Ты к прекрасной Катерине.
 Коли надо, я отправлюсь».

«Ой ты, мать моя родная,
 Ой, кормилица моя,
 Грудью ты меня вскормила,
⁵⁰ Дай льняную мне рубашку,
 Дай мне белые штаны.
 Ой ты, старший Вьянмяейне,
 Заложи коня резвее,
 Запряги в ценюй пятьсот!
⁵⁵ Ой ты, юный Дёлгамойне,
 Золотых напой кукушек,
 Пусть кукуют на дуге;
 Ты напой дроздов певучих,
 Пусть сидят на конском

крупе».

⁶⁰ И пустились в путь-дорогу
 Ко прекрасной Катерине,
 Сватать деву поезжали.
 Талым морем едут братья,
 Мчат морскою водной гладью.
⁶⁵ Злой, слепой тот Похьелайне,
 Напустил на них несчастье:
 У саней сломался полоз,
 Развалилась вся повозка.
 «Ой ты, старший Вьянмяейне,

- 70 Laula sinä koivuine suari
dorogal,
Kai koivut lyngäçyt!»
Lauloi vahnin Väinämöine
Koivuizen suaren dorogal,
Kai koivut lyngäçyt.
- 75 Pannah kord'ah d'allakset,
Lähtietäh hyö ajamah
Sulua merdy myöten.
Siändyi heile pimie Pohd'olaine,
Turmoi heidy pimie
Pohd'olaine:
- 80 Katkenou heil vembelyt,
Levies heijän kord'aizes.
Seppy Ilmoilline sanou:
»Oi sinä, nuorin D'olgamoine,
Laula tuomine suarut dorogal,
- 85 Kai tuomet lyngäçyt!»
Laulau nuorin D'olgamoine,
Tuomizen suaren dorogal,
Kai tuomet lyngäçyt.
Pannah kord'ah vembelyt,
- 90 Lähtietäh hyö ajamah
Sulua merdy myöten.
Ajetah hyö kaunehen Katerinan
luo,
Dai suahah kaunehen
Katerinan,
Ga kadoubou heil kaunis
Katerin.
- 95 Seppy Ilmoilline sanou:
»Oi sinä, vahnin Väinämöine,
Luve sinä kai tiähtet taivahas!
Eigo sinne peittynyh
Neçe kaunis Katerin?»
- 100 Lugou häi kai tiähtet taivahas,
Ei siel löydynyh kaunistu
Katerinua.
Seppy Ilmoilline sanou:
»Oi sinä, nuorin D'olgamoine,
Luve sinä kai zvierizet mečas!
- 105 Eigo siel kaunis Katerin ole?»
Lugou häi kai zvieret mečas,
- 70 Островок напой с березой,
Рощицу кривых стволов!»
И напел тут Вяйнямейне
Остров на пути с березой,
Рощу с гнутыми стволами.
- 75 Вот полозья поменяли,
Вот продолжили свой путь
По морской, по талой глади.
Злой, слепой тот Похьелайне,
Вновь на них наслад
несчастье:
- 80 Лопнула дуга в упряжке,
Развалилась вся упряжка.
Илмоллине так сказал:
«Ой ты, юный Дёлгамоине,
Островок напой на море,
- 85 Чтоб черемуха росла».
Дёлгамоине напевает,
Островок в пути на море,
Где черемуха росла.
Вот дугу они сменили
- 90 И продолжили свой путь
По морской по талой глади.
К Катерине прибывают,
Катерину добывают —
И прекрасную теряют.
- 95 Вот кузнец слова сказал:
«Ой ты, старший Вяйнямейне,
Сосчитай ты звезды в небе,
Нет ли там средь них
прекрасной,
Нет ли в небе Катерины?»
Сосчитал он звезды в небе —
- 100 Не нашел там Катерины.
Тут кузнец слова сказал:
«Ой ты, младший Дёлгамоине,
Сосчитай зверей в лесу,
- 105 Нет ли в чаще Катерины?»
Сосчитал зверей в лесу —

- Ei siel löydynh kaunistu
Katerinua.
Seppy Ilmoilline sanou:
»Vuota lähten minä iče
¹¹⁰ Meren pohd'ah kaččomah,
Čuuruloi siel lugemah,
Eigo siel ole kaunistu
Katerinua?»
Lähti häi meren pohd'ah
Čuuruloi siel lugemah.
¹¹⁵ Lugou, lugou, ei hänel löydynh
Hänen kaunis Katerin.
Haukkuau händy harmua
haugi.
Ilmoilline seppy vačas,
Luadi paidaizes pajan,
¹²⁰ Kuadijaizis — palgehuot,
Polvenpäis — aluzimet,
Kulakkoizis pal'iaizet.
Rubieu häi tagomah
taputtamah,
Tagomah hauvil vačas.
¹²⁵ Siit se harmua haugi sanou:
»Oi sinä, seppy Ilmoilline,
Lähte sinä vačas iäreht!»
»En minä sinul vačas lähte,
Kuni sinä et andane
¹³⁰ Minun kaunistu Katerinua!»
Andau hänel harmua haugi
Saman kaunehen Katerinan.
Lähtöy kaunis Katerin,
Menöy oman muaman luo.
¹³⁵ Sanou seppy muamalleh:
»Nygöi annat Katerinan?»
»En vie minä anna händy;
Annan kaunehen Katerinan,
Kui madopellon kylvänet
¹⁴⁰ Kengättömin d'algaizin,
Vyöttömin rungaizin,
Šuapkattomin piähyizin!»
Sen pellon seppy kylvi,
Da i mäni muamah luo.
- Не нашел там Катерины.
Илмоллине так сказал:
«Дай-ка сам я вслед
отправлюсь,
¹¹⁰ Погружусь на дно морское,
Сосчитаю там песчинки,
Нет ли в море Катерины?»
Он нырнул на дно морское,
Стал считать он там песчинки.
Как ни ищет, не находит
¹¹⁵ Он прекрасной Катерины.
Вдруг его глотает щука.
Илмоллине там, в утробе,
Из рубашки сделал кузню,
¹²⁰ Превратил штаны в мехи,
А колено — в наковальню,
В молот обратил кулак.
Начал там ковать да хлопать,
В щучьем животе работать.
¹²⁵ Щука молвит кузнецу:
«Ой, кузнец ты Илмоллине,
Выйди из моей утробы!»
«Не уйду я из утробы,
Не отдашь коль мне
прекрасной,
¹³⁰ Не воротишь Катерины!»
Щука серая сдалася,
Катерину возвратила.
Та прекрасная девица
К матери пошла обратно.
¹³⁵ Молвил матери кузнец:
«Выдашь ли мне Катерину?»
«Нет, не выдам Катерину,
Лишь тогда я дочку выдам,
Если вспашешь луг змеиный,
¹⁴⁰ Коль босым пройдешь по
змеям,
Распоясанным — к тому же,
Коль без шапки поле
вспашешь!»
Поле то кузнец засеял,
Свататься опять пошел.

¹⁴⁵ »Nygöi annat Katerinan?»
 »En vie minä anna händy;
 Annan kaunehen Katerinan,
 Kui tulikylyn kylbänet». Ei Ilmoilline rubie

¹⁵⁰ Tulistu kylyö kylbemäh.
 Käsköy seppy Ilmoilline:
 »Oi sinä, vahnin Väinämöine,
 Laula kaunistu Katerinua
 Meren pohd'ah havokse,

¹⁵⁵ Tukat laula n'ualiheinikse,
 Tuuliloil da virroil
 lekutettavakse!»

Itköy kaunis Katerin:
 »Elgiä minua laulakkua
 Meren pohd'ah havokse!»

¹⁶⁰ Käsköy seppy Ilmoilline:
 »Oi sinä, nuorin D'olgamoine,
 Laula händy zvierikse
 meččäh!»

Kaunis Katerin sanou:
 »Elgiä minua laulakkua

¹⁶⁵ Pimieh meččäh zvierikse,
 Laulakkua muukse mikse
 tahto!»

Seppy Ilmoilline sanou:
 »Laulammogo händy myö
 Kaunehekse kajaizekse,

¹⁷⁰ Vasturannal valvottamah,
 Verkon silmie katkomah,
 Meren kaloi kuolustamah,
 Ristikanzoil kirottavakse!»

¹⁴⁵ «Выдашь ли мне Катери́ну?»
 «Нет, не выдам Катери́ну,
 Лишь тогда я дочку выдам,
 Коль попаришься в огне». Илмоллине отказался

¹⁵⁰ В бане огненной купаться.
 Илмоллине попросил:
 «Ой ты, старший Вя́нямейне,
 Закляни ты Катери́ну,
 Преврати в топляк на дне,
 Волос сделай водорослю,
 Чтоб трепал поток и ветер!»

¹⁵⁵ Плачет дева Катерина:
 «Вы меня не заклиняйте,
 Вы в топляк не превращайте!»

¹⁶⁰ Илмоллине попросил:
 «Ой ты, младший Де́лгамойне,
 Обрати ее ты в зверя!»
 Молвит, плача, Катерина:
 «Вы меня не заклиняйте,

¹⁶⁵ Не хочу быть диким зверем,
 Сделайте хоть что угодно!»
 Илмоллине так сказал:
 «Превратим-ка мы девицу,
 Обернем красивой чайкой

¹⁷⁰ И пошлем на берег дальний
 Вечно ждать и сети рвать.
 Воровать из сенок рыбу,
 Чтобы люди проклинали!»

Зап. В. Евсеев в 1934 г. в дер. Эльмитозеро (н. Кондопожский р-н) от М. Ф. Архиповой, 1866 г. рожд. Публ.: КЭП, № 129. Перевод Э. Киуру.

Paimenen kosto

Olin pal'l'o paimenešša,
 Leinä lehmien ajošša,
 Kurja karjan kaččelušša
 Yhekšissä vellissäni,
⁵ Yhekšissä minnoissani.
 Syöjätärtä šyötetähe,

Месть пастуха

Долго был я пастушонком,
 Жалкий, я ходил за стадом,
 Пас коров я, горемычный,
 Девяти батрачил братьям,
⁵ Девяти служил невесткам.
 Злую Сюоятар кормили,

Juojatarta juotetahe
 Yhekšissä vellissäni,
 Yhekšissä minnoissani.
¹⁰ Kivet leipo leipihini,
 Poajet paimenmöykkyhyini.
 Vejin on veiččeni kivehe,
 Karahutin kal'l'ivoho.
 Niin paimen šanuo šoatto:
¹⁵ »Kule päivä kuušikolla,
 Viere vehnä koivikolla.»
 Illan tullen, yön pimiten,
 Hämärän pihalla šoahen
 Ajo kontiet kotihe,
²⁰ Metsän karhut kartanolla,
 Niin siitä šanuo šoatto
 Kotihis on šoatuohē:
 »Män', emäntä, lypšämähe
 Kiululla kultakorvalla,
²⁵ Valimella vaškisella.»
 Emäntä šanuo šoatto:
 »Mintäh nyt kontiet kotihe,
 Metsän karhut kartanolla?»
 »Se palkka pahan emännän,
³⁰ Kivet kuin leipo leipihini,
 Poajet paimenmöykkyhyini.
 Ajoin kontiet kotihe,
 Metsän karhut kartanolla.»

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 43 (СКВР1,926).

Рутса

Tuo on kaunis Kaukamoini
 Läksi viemähä vetuo,
 Moarahoja makšamahe,
 Ajoa karettelouve
⁵ Šelvällä meren šelällä,
 Ulapalla aukiella.
 Neiti vaštaha tulouve.
 Niin on kaunis Kaukamoini
 Niin heän sanoiksi saattoi:

Ведьму злобную поили
 Девять братьев, где батрачил,
 Девять снох, где я служил.
¹⁰ Запекла мне в хлеб булыжник,
 Спрятала в краюху камень.
 Я ножом провел по камню,
 По булыжнику скользнул,
 Так тогда пастух промолвил:
¹⁵ «Опустись за ельник, солнце,
 За березовую рошу».
 Только смерклось, как
 стемнело,
 Сумерки на двор спустились—
 Он домой пригнал медведей,
²⁰ Косолапых на подворье.
 Так тогда пастух промолвил,
 Так сказал, домой явившись:
 «Подои коров, хозяйка,
 В шайку с ручкой золотую,
²⁵ С медной ручкою подойник».
 Тут промолвила хозяйка:
 «Почему пригнал медведей,
 Косолапых на подворье?»
 «За насмешку злой хозяйки —
³⁰ Запекла мне в хлеб булыжник,
 Спрятала в краюху камень —
 Вот за что пригнал медведей,
 Косолапых на подворье».

Инецст

Каукомойни, парень стройный,
 Подати платить поехал,
 Поземельные налоги.
 Едет он неторопливо,
⁵ По раздолью моря катит —
 По открытому простору.
 Повстречал в пути девицу.
 Каукомойни, парень стройный,
 Говорит слова такие:

- 10 »Tuleš, neiti, korjahani
Niin lašete laipeihe.»
Neiti varšin vastoauve:
»Konnapa tulkoh korjahasi,
Mana matkalan rekehe.»

15 Tuo on kaunis Kaukamoini
Avasi šanasen arkun,
Virsilippahan viritti
Poikki puolín polvillahe.
Tuosta sampo sanoja soapi,

20 Umpilampi ahvenia,
Meri pieniä kaloja.
Neiti korjahan kohosi,
Niin laškihi laipeihe.
Niin on kaunis Kaukamoini

25 Puhutteli matkamiehen,
Laušutteli tien kävijän:
»Oletkoš šukuo šuurta,
Vain olet šukuo pientä,
Isuo ison aloa,

30 Levietä leisiertä?»
Neitipä varšin vaštaeli:
»En ole šukuo šuurta,
En ole šukuo pientä,
Isuo ison aloa,

35 Levietä leisiertä,
Tytttö tyhmän Tuuretuisen,
Lapsi keijon Keiretyisen.»
»Oi polosen päiviäni,
Oi ankehen aikojani,

40 Kuin makasin moamon lapšen,
Rinnakka riuvottelin!»
Niin heän veiččehe vetäyve,
Tupeštaha tuiman rauvan,
Käsin rahvo rahkeheša,

45 Veičin länkešä lävisti,
Hyppäsi hyvän šelällä,
Hyvän laukin lautasella:
Lampi šuuri lautasella,
Vesi on selvä šelkäluulla,

10 »Ты садись ко мне, девица,
В пошевни мои взбирайся».
Дева молвила в ответ:
«Пусть сам черт к тебе
садится,
Мана пусть с тобою едет!»

15 Парень стройный,
Каукомойни,
Распахнул словесный короб,
Ларчик песенный настроил,
На колени положил —
Сампо слов вмещает много,

20 Ламбушки глухие — рыбы,
Море — мелких окуней.
Дева в сани забралась,
Села в пошевни красотка.
Каукомойни, парень стройный,

25 Спутницу тогда спросил,
Девике вопрос он задал:
«Из большого ли ты рода
Иль из рода небольшого,
Славен ли твой род отцовский,

30 Широка ль твоя родня?»
Молвила в ответ девица:
«Я из рода не большого,
Не из малого я рода —
Славен, славен род отцовский,

35 Широка моя родня —
Туйретуйнена я дочка,
Кейретуйнена, бедняги».
«О, несчастный я на свете,
Горемычный я бедняга!

40 Матери испортил дочку,
Опозорил я сестру!»
Нож он выхватил из ножен,
Вынул лютое железо.
Разорвал гужи руками,

45 Весь хомут ножом порезал,
Сам вскочил скорей на
лошадь,
На коня верхом уселся —
Озеро рябит на крупе,
На спине родник прозрачный,

⁵⁰ Tuosta noiat vettä juovat,
Lappalaiset lainnuoli.
Löi on virkkuo viçalla,
Helähytti helmispeällä.

⁵⁰ Колдуны там воду пили,
Лопари хлебали жадно.
Резвого прутот ударил,
Плеткою с жемчужной ручкой.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латварви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 44 (СКВР1,979а).

Iso härkä

Большой бык

Läkkä, çikko, Läkköläh,
Poikki pellon Prokkolah,
Prokko tiellä propati,
Prokon naini nakramah,
⁵ Prokon lapset itkömäh,
Prokon koirat haukkumah.
Miepä mänin lepikköh, ka
Lepikkö miula šauvasen,
Šauvani miun tieh šuatto,
¹⁰ Tie miun taloh veti.
Siin' oli akka taikinoita
tarpomašša,
Leškakka leipomašša.
Mie kepin akalla,
Akka miula kakun,
¹⁵ Mie kakun kalamiehellä,
Kalamieš miula kalua,
Mie kalat riuhimiehillä,
Riihimiehet miula jylvie,
Mie jyvät pompolla,
²⁰ Pomppo miula puolen kylkie,
Mie kylen koirilla,
Koirat miula orava haukuttih,
Mie oravan papilla,
Pappi miula liinapaijan,
²⁵ Hiemattoman, helmattoman,
Mie šen vaivasilla,
Vaivaset miula vasikka
juotettih,
Jošta kašvo šuuri šonni,
Häntä häily Hämeheššä,

Пойдем, сестра, в Ляккеля,
Через поле в Прокколя,
Прокко по дороге пропал —
Жена Прокко смеяться,
⁵ Дети Прокко плакать,
Собаки Прокко лаять.
Я пошел в ольшаник —
Ольшаник мне посох,
Посох меня на дорогу вывел,
¹⁰ Дорога к дому привела.
Там баба тесто месила,
Вдова стряпала.
Я палку бабе —
Баба мне пирог,

¹⁵ Я пирог рыболову —
Рыболов мне рыбы,
Я рыбу молотильщику —
Молотильщик мне зерна,
Я зерна богачу —
²⁰ Богач мне полбока,
Я полбока собакам —
Собаки мне белку облаяли,
Я белку попу —
Поп мне льняную рубаху
²⁵ Без рукавов, без подола,
Я ее убогим —
Убогие мне теленка выпоили,
Из которого вырос большой
бык,
Хвост (у него) в Хяме
покачивался,

³⁰ Piä Turku Torniošša,
Šarvi moata viili,

³⁰ Голова в Турку на башне,
(Один) рог землю бороздил,

Toini taivašta jakeli.
Pikkumies mereštä nousi,
Peikalon pituvuini,

³⁵ Patapuijen pakšuvuini,
Pikku kirves on käješšä,
Pikku kattila kainelošša,
Härkyä tappamah.
Viisi venehtä vertä piäsi,

⁴⁰ Kuusi venehtä kuuta,
Šata šuavia lihua.

Другой до неба доставал.
Маленький мужчина из моря
поднялся,

С большой палес длиною,
³⁵ С ухват толщиной,
Маленький топорик в руке,
Маленький котелок под
мышкой,

Быка убивать.
Пять лодок крови вышло,
⁴⁰ Шесть лодок сала,
Сто ушатов мяса.

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски, З. Трофимчик в 1979 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд. дер. Корпьярви. Публ.: ПФКК, № 14

Viron orja

Oli ennen Virošša orja,
Pajarissa karjan paimen,
Pahoin palkka maksettiin,
Pahoin palkka, veärin vaivat.
⁵ Lupa orjan annettiin,
Lupa orjan, valta vankin,
Juošša jouluna kotihin,
Peäpyhinä peäštäkšensä.
Orja šuistuvi šuvehen,

¹⁰ Šuin šuvehen, päin šuvehen,
Koprin ilmahan kovahan,
Piin on pilvehen pahahan.
Šiihen uupu orja rukka,
Kuoli kurja käšskyläini.

¹⁵ Tuli kolme Tuonen neittä,
Kerättih hyö kuollehia,
Löyvettih hyö orjan šielu,
Otettih hyö orjan šielu,
Talutettih taivahahe.

²⁰ Avattih hyö pieni ovi,
Kultaportti peäššettiin,
Orjan šoahešša šisällä.
Tuotihin hopia tuoli,
Kultaskammi kannettiin:

Раб из Виро

В крае Виро раб служи,
В пастухах ходил боярских:
Плохо за труды платили
Жалованье — не по служб.
⁵ Дали все ж на праздник вслю,
Подневольному — свободу
Побывать на Святках дома,
В главный праздник —
у своих.

Побежал бедняга к югу,
¹⁰ Сбилс с ног, в сугроб упал,
Голыми руками — в стужу,
Головой — в туман морозный.
Тут скончался раб
несчастный,

Так преставился невольник.
¹⁵ Подошли три дочки Туони,
Что умерших подбирали,
Душу мертвого нашли,
Подняли, под руки взяли,
К Богу в небо повели.
²⁰ Маленькую дверь открыли,
Золотые створы вскрыли
Для восшествия раба.
Стул серебряный приносят,
Золотую ту скамью:

25 »Issu tuošša, orja rukka!
 Jo olet šoan pahemmaššaki
 Orjuuvešša olleššasi,
 Käkyläisnä käyveššäsi,
 Istuva kovalla puulla,
 30 Sekä miten seišovaki.»
 Tuotihin hopia tuoppi,
 Kultakannu kannettiin:
 »Juopa tuošta, orja rukka!
 Jo olet šoan pahemmaštaki
 35 Orjuuvešša olleššasi.
 Käkyläisnä käyveššäsi,
 Juuva šuolta šuovesiä,
 Tajevesie tanhuelta.»
 Kulu aikoa vähäsen,
 40 Kuolevi iso isäntä.
 Tuli kolme Tuonen neittä,
 Kerättih hyö kuollehia,
 Löyvettih isännän sielu,
 Vietihin šurutupahan,
 45 Helvettihin heitettiin.
 »Šeiso tuoll, iso isäntä!
 Jo olet šoannu istuakin,
 Isäntänä olleššasi,
 Käkijänä käyveššäsi
 50 Isoissa šalituviissa,
 Kaunehissa kammareissa.»
 Tuotihin tulini tuoppi,
 Tervatuoppi temmattihi,
 Tulta tervoa šisäššä,
 55 Čičiliuškuja, matoja:
 »Juopa tuošta, iso isäntä,
 Jo olet šoanun
 parahammaštaki
 Isäntänä olleššasi,
 Käkijänä käyveššäsi.
 60 Jo olet šoanun olutta juuvva
 Kaunehista kannuloista,
 Pöyhkijänä pöyvvän peäššä.»
 »Minkätähen tämä miulla?»
 »Šentähen tämä siulla,
 65 Pahoin makšoit orjan palkan,
 Pahoin palkan, veärin vaivat,
 Lyhysillä kyynärillä,

25 «Посиди ты, раб, на стуле,
 Посидел в дурных местах,
 Будучи рабом несчастным,
 Подневольником презренным,
 Насиделся ты на жестком,
 30 Настоялся на ногах».

Вот серебряную кружку,
 Золотой несут кувшин:
 «Пей теперь из этой кружки,
 Из плохих попил ты вволю,
 35 Будучи рабом несчастным,
 Подневольником презренным,
 Попил ты болотной жижи,
 Попил из навозной лужи!»

Мало времени проходит,
 40 Умирает сам хозяин.
 Подошли тут дочки Туони,
 Что умерших подбирали,
 Душу мертвого нашли,
 Отнесли в избу печали,
 45 В ад втокнули эту душу.
 «Здесь постой, большой

хозяин,

В жизни вдоволь насиделся,
 Будучи большим владыкой,
 Повелителем великим.
 50 Ты хозяин был хоромов,
 Разукрашенных светелок».

Дали огненный черпак,
 Со смолой кипящей кружку,
 В ней смола огнем бурлила,
 55 Змеи в ней кишмя кишели:
 «Пей теперь из этой кружки,
 Ты из лучших пил при жизни,
 Будучи большим владыкой,
 Повелителем великим.

60 Пива ты напился вволю
 Из красивеньких кувшинов,
 За столом надменно сидя.
 «А за что же мне такое?»
 «А за то тебе такое,
 65 Что платил рабам ты плохо,
 Жаловал их не по службе,
 Отмерял короткой мерой,

Šaralla hapannehella,
 Pienimmillä kappasilla,
 70 Ruumenisilla jyvillä.»
 Kävelöy isännän šielu,
 Kävelöy kivikatua,
 Kivetietä kölläjääpi,
 Pitkä arššina käjessä,
 75 Verkapakka kainalošša.
 »Ota, ota, orjaseni,
 Verkoja šaran sijašta,
 Kymmeniä kyynäröitä
 Yhen kyynärän tilašta!
 80 Ota, ota, orjani,
 Vehnijä rukehisista,
 Karpia kapana tilasta,
 Ota, ota, orjaseni,
 Kačo paraš karjastani!»
 85 »En ota, isäntä raukka,
 Mahoit silloin palkan makšoa,
 Kun mie olin orjanasi,
 Kun mie riieheššä rimasin,
 Alla paršien pamasin,
 90 Olin olkihuonehešša.
 Luulit rukihe ripšavakše,
 Kun miun ripšai rintaluuni.
 Luulit orren ohkavakše,
 Kun miun ohki olkapeäni.
 95 Luulit parren paukkavakše,
 Kun miun paukkoi pallijani.
 Nuopa annoit roattavakše:
 Rannašta ravein karttu,
 Šaunašta juoksein loukku,
 100 Riihešta rivein riusa,
 Šuurin taikko tanhuošta.
 Nuopa annoit šyötäväkše:
 Luut lihoista, peät kaloista,
 Kuoret leivistä kovista,
 105 Čiitolet sija lihoista.»

И гнилой платил дерюгой,
 Насыпал ты малой мерой
 70 Жита пополам с мякиной».

Мается в аду душонка,
 Мечется по мостовой,
 Суетится на булыжной,
 С длинным бегаёт аршином,
 75 С тюком доброго сукна.
 «Получи, мой раб несчастный,
 Получи теперь сукна,
 Выдам десять я локтей
 За один лишь прежний локоть.
 80 Получи, мой раб несчастный,
 Вместо ржи я дам пшеницу,
 Вместо меры — целый короб,
 Дам тебе, мой раб несчастный,
 Лучшую корову в стаде!»
 85 «Не возьму, хозяин бедный,
 Надо было расплатиться
 Был когда твоим рабом,
 И когда трудился в риге,
 Под навесом, под жердями,
 90 В той соломенной светлице.
 Думал, рассыпают зерна,
 Рассыпались мои ребра.
 Думал, колосник скрипит,
 То мои скрипели плечи.
 95 Думал, лопаются жерди,
 Лопался ремень у пряжки.
 Как трудиться заставлял?
 Колоти вальком резвее,
 Мялкой хлопай побойчее,
 100 В риге всех быстрее — цепом,
 Больше всех кидай навоза.
 Чем же ты меня кормил?
 Кость давал мне вместо мяса,
 Головы лишь — вместо рыбы,
 105 Корки хлеба, шкварки жира».

Зап. П. Куйкка в 1934 г. в с. Вокнаволоок (н. Калевальский р-н) от М. А. Ремшу,
 1865 г. рожд., дер. Кивиярви. Публ.: КЭП, № 51. Перевод Э. Киуру.

Kadotetut koristeet

Anni tytti aino neiti
 Läksi vastoa metsästä,
 Päitä vassan varvikosta,
 Taitto vassan taatollahe,
⁵ Toisen laati veiollahe,
 Kolmatta vanhimmalla
 veikollahe.

Osmotar orosta virkki,
 Kalevatar kaskesmaasta:
 »Kasva, neiti, miussa mielin,
¹⁰ Minussa mielin, minussa kielin,
 Kasva kaioissa somissa,
 Veny verkavaattehissa,
 Kasva leivän kannikoilla,
 Veny vehnä viiplosilla.»
¹⁵ Anni tytti aino neiti
 Alla päin, pahalla mielin,
 Kaiken kallella kypärin,
 Meni itkien kotihin,
 Kallotteli kartanolle.
²⁰ Veräjällä velli pääty:
 »Mit' olet pahalla mielin,
 Kuta kallella kypärin?»
 »Kirpo sormus sormestani.»
 Itse eillehen menevi.
²⁵ Isä pääty ikkunassa.
 »Anni tytti aino neiti,
 Mit' olet pahalla mielin?»
 »Kirpo risti rinnaltani.»
 Itse eillehen menevi.
³⁰ Sisar pääty sillan päässä.
 »Kirpo sormus sormestani,
 Kirpo risti rinnaltani,
 Sinilangat silmiltäni,
 Kultalangat kulmiltani.»
³⁵ Itse eillehen menevi.
 Emä aitan kynnyksellä
 Kesävoita suoloapi:
 »Mit' olet pahalla mielin,
 Kuta kal'ella kypärin?»
⁴⁰ »Läksin vastoa metsästä,
 Päitä vassan varvikosta,
 Taiton vassan taatollani,

Утеранные украшения

Дочь единственная Анни
 Шла за вениками в рощу,
 В лес за ветками березы.
 Веник для отца связала,
⁵ Брату веник наломала,
 Третий — старшему из
 братьев.

Осмо вышел из ложбины,
 Калева пожар покинул:
 «Для меня расти, девица,
¹⁰ Обо мне, девица, думай,
 Подрастай в нарядах узких,
 В одеяниях суконных,
 Вырастай на хлебных корках,
 На ломтях пшеничной булки.»
¹⁵ Дочь единственная Анни
 Пригорюнилась, поникла,
 Скорбно голову склонила,
 Вся в слезах домой пришла,
 Горько плача — на подворье.
²⁰ Брат спросил ее в воротах:
 «Почему ты приуныла,
 Скорбно голову склонила?»
 «Обронила я свой перстень».
 А сама проходит дальше.
²⁵ У окна отец окликнул:
 «Дочь единственная Анни,
 Почему ты приуныла?»
 «Обронила я свой крестик».
 А сама проходит дальше.
³⁰ С мостика сестра спросила.
 «Обронила я свой перстень,
 Обронила я свой крестик,
 Синие порвались нити,
 Золотой пропал налобник».
³⁵ А сама проходит дальше.
 У амбара мать сидела,
 Масло летнее солила:
 «Почему ты приуныла,
 Скорбно голову склонила?»
⁴⁰ «Шла за вениками в рощу,
 В лес за ветками березы,
 Веник для отца связала,

Toisen taiton veiollani,
 Kolmatta kohottolimme,
 45 Osmotar orosta nousi,
 Kalevatar kaskesmaasta:
 »Kasva, neiti, miussa mielin,
 Kasva leivän kannikoilla,
 Veny vehnä viiploisilla.»
 50 Emä varsin vastoavi:
 »Assu aittah mäellä,
 Nossa arkku arkun päälle,
 Lipas lippan lomah,
 Avoas parahin arkku,

55 Syö vuosi sian lihoa,
 Toinen syö suloa voita,
 Kolmas kuore kakkaroit.»
 Astu aittahan mäellä,
 Avasi pahimma arkun,

60 Löyti pakloa palasen,
 Kuuristihe, kaakistihe,
 Emä piti katsomatta,
 Piti yötä kaksi, kolme.
 Meni siitä katsomahan:

65 Jo on kuollut Anni tyttö.
 Emä täyty itkemähän,
 Juoksevi jokea kolme
 Yhen vaimon kyynelistä,
 Kasvo kolme koivuaki
 70 Kunki kosen korvaselle.
 Niin kukku käkeä kolme
 Kunki koivun latvasessa.
 Käki kukku lemмен,
 Toinen armon,
 75 Kolmas auon
 Lapselle auottomalle.
 Niin hän sanoiksi virkko:
 »Elköhön emoton lapsi,
 Elköhön sinä ikänä

80 Kuunnello kevätkäkeä,
 Päivän puolelta mäkeä,
 Kyynäran ikä kuluvi,

Брату веник наломала,
 Стала делать третий веник —
 45 Осмо из ложбины вышел.
 Калева пожар покинул:
 «Для меня расти, девица,
 Вырастай на хлебных корках,
 На ломтях пшеничной булки».
 50 Мать спокойно отвечает
 «Ты пойдй в амбар на горке,
 Короб подними на короб,
 Ставь шкатулку на шкатулку,
 Лучший ты раскрой сундук,

55 Ешь ты в первый год свинину,
 Во второй — ешь только
 масло.
 В третий год — блины с
 сметаной».

Вот пришла в амбар на горке,
 Короб худший раскрывает,
 60 Ленты в нем нашла обрывок,
 На обрывке удавилась.
 Мать смотреть не приходила,
 Не была там две-три ночи,
 А когда пошла проводить,

65 Умерла уж дочка Анни.
 Горько мать по дочке плачет,
 Три реки образовали
 Слезы женщины одной,
 Выросло по три березы
 70 Возле каждого порога,
 А на каждой три кукушки
 Куковали среди веток.
 Славилa любовь кукушка,
 Милосердие — другая,
 75 Третья счастье призывала
 К дочери ее несчастной.
 Молвила такое слово:
 «Пусть не слушает сиротка»
 Никогда в течение жизни

80 Кукования кукушки
 По весне на южном склоне.
 Жизнь на локоть сократится,

Vaaksan vatsa vanhanevi,
Kuultuo kevätäkösен.»

На вершок короче станет,
Кто кукушку ту услышит».

Зап. Э. Леннрот в 1835 г. в дер. Келловара (н. Муезерский р-н) от Моарие Перттунен, род. в дер. Латваярви (год рождения неизвестен). Публ.: РНН, № 69 (SKVRI,208).

Meren kosijat

Морские женихи

Neiti istuu Turun korolla,
Turun koron korvasella,
Vuottau miestä mielehistä,
Šulhaista šulošanaista.

⁵ Vaškimies merešta nousi,
Vaški šuušša, vaški kiäššä,
Vaskikihlät kormanošša,
Vaškikelkkani jäleššä,
Vaškikirveš kelkkasešša.

¹⁰ »Tuletkos, neiti, miulla?»
»Enkä tule enkä ole
Etkä ole šyötty etkä juottu
Etkä koistani luvattu
Etkä koista toivotettu.»

¹⁵ Neiti istuu Turun korolla,
Turun koron korvasella,
Vuottau miestä mielehistä,
Šulhaista šulošanaista.

²⁰ Hopiemies mereštä nousi,
Hopie šuušša, hopie kiäššä,
Hopiekihlät kormanošša.
Hopiekelkkani jäleššä,
Hopiekirveš kelkkasešša.

»Tuletko, neiti, miulla?»
²⁵ »Enkä tule enkä ole
Etkä ole šyötty etkä juottu
Etkä koistani luvattu
Etkä koista toivotettu.»

Neiti istuu Turun korolla,
³⁰ Turun koron korvasella,
Mieštä vuottau mielehistä,
Šulhaista šulašanaista.
Kultamieš mereštä nousi,
Kulta šuušša, kulta kiäššä,

В Турку девушка на камне,
На морском сидит утесе —
Суженого ждет невеста,
Милого ждет жениха.

⁵ Медный муж из моря
вышел —

Медные уста и руки,
Медные принес подарки,
Медные тянул он санки,
Медный в саночках топор.

¹⁰ «За меня пойдешь ли, дева?»
«Не пойду, ты мне не пара,
Не тебе я стол накрою,
Замуж за тебя не пустят,
Ты не нужен в нашем доме».

¹⁵ В Турку девушка на камне,
На морском сидит утесе —
Суженого ждет невеста,
Милого ждет жениха.

Муж серебряный выходит —

²⁰ Руки, рот из серебра,
Серебра принес в подарок,
Вез серебряные санки,
Был серебряным топор.

«За меня пойдешь ли, дева?»

²⁵ «Не пойду, ты мне не пара,
Не тебе я стол накрою,
Замуж за тебя не пустят,
Ты не нужен в нашем доме».

В Турку девушка на камне,
³⁰ На морском сидит утесе —
Суженого ждет невеста,
Милого ждет жениха.

Муж выходит золотой —
Золотые рот и руки,

- 35 Kultakihlat kormanošša.
 »Tuletko, neiti, miulla?»
 »Enkä tule enkä ole
 Etkä šyötty etkä juottu
 Etkä koistani luvattu
 40 Etkä koista toivotettu.»
 Neiti istuu Turun korolla,
 Turun koron korvasella,
 Vuottau mieštä mielehistä,
 Sulhaista šulošanaista.
 45 Leipämieš mereštä nousi,
 Leipä šuušša, leipä kiäššä,
 Leipäkelkkani jäleššä,
 Leipäkirveš kelkkasešša.
 »Tuletko, neiti, miulla?»
 50 »Šekä tulen jotta olen,
 Šekä šyötty jotta juottu,
 Jotta koistani luvattu.
 Šek' olet koista toivotettu.»
 Niin šanovi šiitä neiti,
 55 Jotta šuapi neiti luotuhuš,
 Šulhani šuvettuhuš,
 Vuottau naista kuolevakše,
 Eli nuorta kašvavakše.

- 35 И подарки золотые.
 «За меня пойдешь ли, дева?»
 «Не пойду, ты мне не пара,
 Не тебе я стол накрою,
 Замуж за тебя не пустят,
 40 Ты не нужен в нашем доме». В Турку девушка на камне,
 На морском сидит утесе —
 Суженого ждет невеста,
 Милого ждет жениха.
 45 Хлебный муж из моря
 вышел —
 Хлебные уста и руки,
 С хлебом саночки везет,
 Хлебный в саночках топор.
 «За меня пойдешь ли, дева?»
 50 «С радостью к тебе пойду,
 Для тебя я стол накрою,
 Замуж за тебя отпустят,
 Нужен будешь в нашем доме». Тут промолвила девица,
 55 Что желанный ей достался,
 А желанная — ему.
 Ждет он, чтоб жена
 скончалась,
 Молодая подросла.

Зап. Э. Хуттари (Тимонен) в 1948 г. в с. Ухта (н. пос. Калевала) от Т. А. Перт-
 тунен, 1879 (1880) г. рожд., дер. Латваярви (н. Калевальский р-н). Публ.: РНН,
 № 83 (KKRII 226).

Иивана, iso isäntä

- Иивана, iso isäntä,
 Šuorieu šotašopih,
 Šatoja on šapeli vyöllä,
 Tuhanšie on turkki piällä,
 5 Orušat on olkapäillä,
 Miehet kaikki miekka vyöllä.
 Hevot hirnuu tanterella,
 Miešten lähtöä odottau.
 Jopa mäntih Šakšan mualla.
 10 Иивана, iso isäntä,
 Kyšyy linnalta olutta:

Иван-царь

- Ийвана, большой хозяин,
 Снаряжаться стал в доспехи;
 Сотни саблей вооружил,
 Тысячам надел он шубы,
 5 Ружья дал мужам на плечи,
 Сабли каждому на пояс.
 Ржали кони в нетерпенье,
 Выступление торопили.
 Вот пришли на землю саксов.
 10 Ийвана, большой хозяин,
 Пива в крепости спросил:

»Onko linnalla olutta,
Venäläisellä verokše?»
»Onpa linnalla olutta,

¹⁵ Hevot on kuštu tynnyrih
Iivanalla iltasekše,
Venäläisellä verokše.»
Kyšyy Iivana, iso isäntä:
»Onko voita Vollarissa

²⁰ Iivanalla iltasekše,
Venäläisellä verokše?»
»Onpa voita Vollarissa
Ijän kaiken istunutta,
Šatavuotista talia

25 Iivanalla iltasekše,
Venäläisellä verokše!»
Tuošta hiän šiänty, tuošta
šuuttu.

Murti piätä, viänti šuuta,
Murti muštua haventa.

³⁰ Pani hiän pyššyt pyykkämähä,
Avorinnat röyhkämähä;
Linnan räyštähät rämäsi,
Papin paččahat pamasi.
Pappi juoksi paijattah,

35 Aluſhouſutta pakeni;
Alko myſſypäitä myllähellä,
Kesräpäitä kellahella.
Jo Kaarlo-polu polvillah
leſſä livana-iſännän:

40 »Venäläini veikkoseni,
Heitä vielä heikko henki,
Anna vettä juuvakseni!»
Iivana iso isäntä
Vaštuau varmoilla šanoilla:
45 »Ompa vettä venosen alla,
Laivaš alla lakkimista!»
Kaarlo varšin vaštuaupi:
»Verellä on vesi väkövä,
Rannat Ruočin ruatoloilla!»

⁵⁰ Kaarlo šanou Iivanalla:
»Issun tässä illan kaiken

«В крепости найдется ль пиво —
Подать русским уплатить?»

«В крепости найдется пиво —
15 Бочка конской есть мочи,
Хватит вечер пить Ийвану,
Хватит подать уплатить».
Так спросил Ийван-хозяин:
«В Воллари найдется льн
масло —

20 К ужину на хлеб Ийвану,
Подать русским уплатить?»
«В Воллари найдется масло —
Целый век оно лежало,
Сто годов тот жир хранили,
25 К ужину на хлеб Ийвану,
Подать русским уплатить».
Тут он сильно обозлился,
Хмурит брови, сводит губы,
Бороду он мнет рукою.

³⁰ Ружьям кашлять повелел,
Грохотать широким глоткам.
Затряслись у крыши стрехи,
Дрогнули домов колонны,
Без рубашки поп бежал,

35 Без портов куда-то скрылся.
Головы в чепцах летели,
Кудреватые катились.
Бедный Карло на колени
Встал покорно пред Ийваном:
40 «Дорогой мой русский братец,
Сохрани мне жизнь худую,
Дай хотя б воды попить».
Ийвана, большой хозяин,
Он уверенно ответил:

45 «Вон вода, под вашей лодкой,
Вон питье под кораблями».
Карло вымолвил в ответ:
«С кровью смешана водица,
Берега все в шведских
трупах».

⁵⁰ Говорит Ийвану Карло:
«Вот сижу в твоей я лодке,

Venäläisen venosešša,
Kaunehaisen skammin piäššä!»

В русском судне целый вечер,
На твоей скамье красивой».

Зап. В. Евсеев в 1948 г. в с. Ухта (н. пос. Калевала Калевальского р-на)
от Е. И. Хямяляйнен 1882 г. рожд., дер. Кивиярви. Публ.: КЭП, № 18. Перевод
Э. Киуру.

Karlen sotaretki

Поход Карла

Läksi Karle kaupunkihe,
Ruočin murha murkinalla,
Verolla verikäpälä,
Pillomuško Piiterihe.

Карл-король пошел на город,
Злобный швед пошел
кормиться,

Брать налог, кроваволапый,—
В Петари шел, нечестивец.

⁵ Piiterin väki väkövä,
Kuninkahan miehet kuulut
Kiikarista kiimottaue:

⁵ Петари народ могучий,

Karle kaukoa näkyve,
Šinišorkko šinnempeä

Знатные мужи царевы,

¹⁰ Meren luotojen lomačči,
Kahen kallivon kesičči.

Навели свои бинокли,

Piiterin väki väkövä,
Kuninkahan miehet kuulut

Карла в море увидали,

Niin leipo kiviset leivät,

Король в чулочках синих,

¹⁵ Koakut paisto kallivošta,

¹⁰ Между скалами морскими,
Среди двух больших утесов.

Poasitaikinat taputti

Петари народ могучий,

Tulovilla vierahilla,

Знатные мужи царевы,

Soavilla käkiövillä.

Хлеб ему пекут из камня,

²⁰ Kuninkahan miehet kuulut

¹⁵ Из скалы — для гостя булки,

Pani pyššyt pyytämähe,

Каменное месят тесто —

Tinapallit paiskomahe,

Прибывающим гостям,

Avokulkut ammomahe,

Пожелавшим покормиться.

Jäntiet järismähe,

Петари народ могучий,

²⁵ Kohti Karlen karpassuo,
Punaparran pitkin purtta.
Ampu päivän, ampu toisen,
Jo on päivänä kolmantena

²⁰ Знатные мужи царевы,

Hämmäšty väki vähäkše,

Приказали ружьям бить,

³⁰ Mastot maiskavi vetehe,

Извергать свинец из дудок,

Stiirupuut tipahtelouve.

Ядра — из разверстых

Työnsi linnalla šanoa:

глоток,

Грохотать велели пушкам

²⁵ По карбасам короля,

Карла с красною бородкой.

День стреляли, два стреляли,

Наконец на третий день

Дрогнуло в смятенье войско —

³⁰ Мачты полетели в море,

Перекладыны — на волны.

В крепость весть послал

такую:

»Venäläini, veikkoseni,
Heitä miula heikko henki!

- ³⁵ Kuin mie tullen toisen kerran,
Mieli miulta lähtiöhöt,
Šilmät peästä siirtyöhöt.»
Venäläini vet šanouve,
Komanta kohittelouve:
⁴⁰ »Jo šie tiesit tullesšäše:
Piiterin väki väkövä,
Kuninkahan miehet kuulut
Ei ne anna antamalla,
Eipä syötä syöttämällä,
⁴⁵ Nepä anto ampumalla,
Nepä syötti šyöksömällä.»
Työnsi linnalla sanoa:
»Venäläini veikkoseni,
Anna sie verokše vettä!»

- ⁵⁰ Venäläini vet šanouve,
Komanto kohittelouve:
»Juo vettä venosen alta,
Alta laian laškimien,
Verell' on vesi mereššä,
⁵⁵ Rannat Ruočin roatoloina.»

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латварви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 52 (СКВRI,1071).

Jäniksen opetus pojallensa

Jänis šanoi pojallanša,
Kolme yötä korjallanša:
»Kačot šellaiset šilmät on
šinulla,

- Näet olevan minulla,
⁵ Kuin olet orpo minušta,
Aivan äititön äpäreh.
Ilmanrinne on isäsi,
Lehen lempi on emosi,
Huavan okšat haltiasi,
¹⁰ Kolme kantoa katsojasi,
Honga on hyvä emäntä,

«Русский брат мой, друг мой
русский,

- Пощади меня, помилуй!
³⁵ Коль приду сюда я снова,
Пусть меня оставит разум,
Пусть повылезут глаза». —
Тут же русский отвечает,
Говорит ему команда:
⁴⁰ «Ты же знал, идя войною,
Петари народ могучий,
Знатные мужи царевы,
Податей платить не будут,
Накрывать столы не станут,
⁴⁵ Подати пальбой заплатят,
Угостят огнем из пушек». —
В крепость весть послал

такую:
«Русский брат мой, друг мой
русский,

- Дай ты мне хотя б напиться!»
⁵⁰ Тут же русский отвечает,
Говорит ему команда:
«Из-под лодки пей водицу,
Из-под борта нахлебайся —
Вся вода красна от крови,
⁵⁵ Берег шведами усыпан».

Поучения зайчонку

Говорит зайчиха сыну,
Возрастом всего в три ночи:
«Вижу, ты раскрыл глазенки,
Смотришь, как смотрю и я,

- ⁵ Я теперь тебя оставляю,
Брошу жалким сиротою.
За отца оставляю ветер,
А за мать — зеленый листик,
Даст приют тебе осина,
¹⁰ Нянчить будут три пенечка,
Старшей — стройная сосна.

Tapia on tarkka vaimo,
 Še sinua šukesi,
 Karvat kaunista pitävät.
¹⁵ Kuulet talven tulevani,
 Vilun ilman ilmestyvän,
 Ota paita pakkasella,
 Uuši turkki tuiskusella,
 Tule talvella tutuksi,
²⁰ Kylmän ilman köykelökši.
 Elä kačo katkerutta,
 Talviruuvan rumevutta,
 Järitä jäistä kuorta,
 Huavan varpoja valiče.
²⁵ Nyt olet koulusi kokenun,
 Aštunun atamisesi,
 Ilman kukkaroš kuluttamatta,
 Eväšlaukun laittamatta.
 Haje ruis halmehija,
³⁰ Haje kaura halmehija,
 Haje nauris halmehija,
 Haje osra halmehija,
 Ruis halmehišša rupia,
 Šiin on lepoieipä hyvä.

Тапио жену научит
 Гребешком тебя чесать,
 Шерсточку твою разгладить.
¹⁵ Как зима придет — узнаешь,
 Холода грядут — учуешь,
 На мороз готовь рубаху,
 Шубку новую — к метели.
 Изучи зимы повадки,
²⁰ Стужи зябкие ужимки.
 Не смотри на горечь пищи,
 Неприглядность мерзлой
 корки,
 Смело в мерзлоту вгрызайся,
 Выбирай побег осины.
²⁵ Вот и кончил ты ученье,
 Одолеl букварь науки,
 Кошелек не отошал твой,
 И сума не похудела.
 Ты ищи в лесу поляны,
³⁰ Где в овсы медведь приходит,
 Где в пожогe сеют репу,
 Где растет ячень отменный,
 Где посевы ржи взoшли,
 Там найдешь ты добрый хлеб».

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на
 от А. Е. Салониemi, 1885 г. рoжд., дер. Корпиярви. Публ.: ПФКК, № 39. Перевод
 Э. Киуру.

ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНИЯ

Заговоры и заклинания относятся к обрядовой поэзии, им принадлежала магическая функция в обрядах. Связаны они с древними народными верованиями, своими истоками уходят в глубокую древность. Финский фольклорист Е. Хаутала считал, что первоначально заговоры выражали простейший приказ, повеление, запрет, пожелание, по форме они могли быть прозаическими. В процессе исторического развития тексты заговоров менялись и приобрели поэтическую форму калевальской метрики.

Наиболее распространенными являются заговоры, восходящие к *synty* (буквально: рождение, начало, рассказ, повествование о начале чего-то). *Synty* — специфическое явление карельского и финского фольклора, исследователи сближают их с мифами.

Состоят заговоры, как правило, из двух частей: в первой, мифологической, части *synty* в доступной древнему миропониманию форме пытались объяснить явления мира, происхождение предметов, их «историю», дать ответы на вопросы: откуда, как, почему явления и предметы мира получили свое начало. Древняя калевальская поэзия — это мифы о происхождении земли, неба, солнца, луны, огня, морских животных и т. д. Часть древних мифов сохранилась в виде заговоров, часть «перешла» в эпические песни. В силу единого поэтического стиля и общности некоторых мотивов не всегда легко провести четкую грань между эпическими песнями и заговорами, заклинаниями.

Первоначально в магических целях исполняли не только заговоры, но и эпические песни. Позже магическая функция сохранилась только за заговорами (*Kuusi*, 1967, 38—39).

Synty вошли в состав заговоров, поскольку в древности полагали, что зная историю происхождения явления (болезни, раны, сглаза), можно его победить. После выявления «биографии» исполняли вторую часть заговоров — это могло быть увещевание, уговор, просьба или, наоборот, угроза, порицание, повеление.

В Карелии к заговорам обращались в сложные, поворотные периоды жизни и в повседневной бытовой практике. Заговоры

произносили, отправляясь на охоту и рыбную ловлю, переходя жить в новый дом, выпуская стадо в поле, желая уберечь урожай от заморозков, стремясь «присушить» жениха девушке, приступая к обмолоту зерна в риге. С помощью заговоров «изгоняли» болезни, парили ребенка в бане, оберегая от сглаза, и т. д.

Из всех многочисленных разновидностей этого древнего жанра в большей степени сохранились те, к которым чаще обращались в повседневной практике: лечебные, любовные, из промысловых — те, что произносились при отправлении на рыбную ловлю. К другим заговорам в последние десятилетия практически не обращались, поскольку в них отпала необходимость — изменилась хозяйственная деятельность, экономические и социальные условия жизни населения.

Большое значение придавали способам исполнения заговоров. По народным представлениям, произнесение заговоров не является самостоятельным актом, а только как бы дополнением, приложением к совершаемым магическим действиям.

Произнесение лечебного заговора совместно с магическими действиями называется *ottua* (*ottaa*) *vihat* — изъять, «снять» враждебную силу, зло, боль, воспаление. Исходя из этого, заговоры имеют народные названия: *rauvan-*, *ruun-*, *tuun* (*maan*)-, *vejen-*, *tulen-*, *tuulen-*, *mavon-vihat*. Об исполнении заговора также говорят: *luvettih sanat* (прочитали слова), хотя их, естественно, не читали, а произносили наизусть, «проговаривали» — в отличие от эпических песен, которые пели.

Какое-то количество заговоров «для себя» (*omiksi tarpehiksi*) знал каждый. Их произносили шепотом, в стороне от посторонних глаз, лечебные — чаще в бане.

В особо сложных случаях (утра коровы в лесу, серьезная болезнь) обращались к известным заклинателям (*tietäjät*). Действенность заговоров связывали с исполнительским мастерством заклинателя. Они должны были произносить заговоры в состоянии эмоционального возбуждения, с большой силой, громко («*karjuttih*»), скрипя зубами, жестикулируя. Ему полагалось хотя бы чисто внешне прийти в экстаз. Для этого произносили специальные заговоры (см. с. 70). Считалось, что в состоянии аффекта заклинатель способен вступать в контакт с потусторонним миром, откуда получал свои знания, силу, мудрость.

В заговорах выявляются архаические пласты народной культуры. В наши дни они являются памятниками древней поэзии карельского народа, примером художественного совершенства устной поэзии.

Luonnonnostatus

Noušeš luontoni lovešta,
Havon alta haltiani,
Havon alta, hattu peästä,
Moan alta makoamašta,
⁵ Kiven alta kinnaš' keässä.
Mi luonnon loveh on pannut,
Moan alle makoamahe...

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 54 (СКВРІ₄12).

Поднятие духа

Ты воспрянь, мой дух, из щели,
Дух-хранитель, из-под корня,
Выйди в шапке из колоды,
Из земли, где спал ты долго,
⁵ Из-под камня — в рукавицах.
Что загнало дух мой в землю,
Под землею усыпило?..

Varaus

Aijan rautasen rakennan
Moašta šoate taivosehe,
Teräksisen šeivon temmon,
Čičiliuskuilla šitelen,
⁵ Keärmehillä keännättelen,
Hännät uloš häilymähe,
Peät muunne kehajamahe,
Šyömähän kylän kirjoja,
Kylän noita poppomahe;
¹⁰ Katehi' on kaikki paikat,
Velhoja joka veräjä.
Eipä ennen miun isoni,
Eipäni valta vanhempani,
Eipäni lahjot lappalaista,
¹⁵ Eipäni noutanut noian mieltä.
Lappalainen lankekkohot
Omahanša miekkahanša,
Tekömähänsä terähe,
Velho veiččirautohoise.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 61 (СКВРІ₄86).

Заговор-оберег

Возведу забор железный
От самой земли до неба,
Я воткну стальные колья,
Ящерицами свяжу,
⁵ Змеями скреплю я жерди,
Чтоб хвосты снаружи вились,
Головы внутри шипели,
Чтобы грызли чародеев,
Чтобы колдунов клевали;
¹⁰ Злых волхвов в деревне много,
Знахари во всех воротах.
Мой отец, бывало, прежде,
Раньше мой родитель славный
Лопарю не покорялся,
¹⁵ Колдуну не поддавался.
Пусть теперь лопарь погибнет,
Пусть на свой же меч
наткнется,
На свое оружие злое,
Пусть его свой нож погубит.

(Lauletaan karhun tappuun lähtiissä:)

- Suksi vuotti uutta lunta,
 Lyly liukasta lipuva,
 Janhus hankea jaloa,
 Niinkuin neiti nuorta miestä,
⁵ Sulo impi sulhastansa,
 Puna poski huolissansa.
 Halla aamuna varahin,
 Aivoin aika huommenessa
¹⁰ Jo lykkäin lylyn lumelle,
 Uuven suksen suijahutin.
 Oi ukko, ylinen luoja,
 Vaari vanha taivahainen,
 Tieät meille tien sanoa,
 Olet onnahin opassa;
¹⁵ Hiihata hihasta miestä,
 Takin helmasta taluta,
 Saata sauvan suoverosta,
 Vejä verkakauluksesta!
 Saata tuolle saarekselle.
²⁰ Sille kummulle kuleta,
 Jossa on kuuset kulta võissä,
 Varvat vaski renkahissa,
 Josta saalis saataisiin,
 Erän toimi tuotaisihin!
- ²⁵ Nouse pois, nokinen poika,
 Nokiselta nuotijolta,
 Havusilta vuotehilta,
 Pihkasilta pään aloilta,
 Tummilta tuli sijoilta.
³⁰ Nouse, kulta, kulkemahan,
 Hopea, vajeltamah,
 Raha, rannan kierräntähän
 Kulusta kujoa myöten,
 Hopejaista tietä myöten,
³⁵ Maata maksan karvallista!
 Hongatar, hyvä emäntä,

(Поют, отправляясь на охоту на медведя:)

- Ждали снега мои лыжи,
 Люлю — ходкого скольженья,
 Янхус — наста для опоры,
 Юношу так дева ждет,
⁵ Суженого — невеста,
 Рдея в томном ожиданье.
 Вот морозным ранним утром
 На рассвете спозаранок
 Я на снег бросаю лыжи,
¹⁰ Пробую скольжение люлю.
 Ой ты, Укко, бог верховный,
 Старый старец, небожитель,
 Ты лесные тропки знаешь,
 Ты мудрейший проводник;
¹⁵ За рукав веدي ты мужа,
 За полу возьмись кафтана,
 Направляй его за палки,
 Подтолкни за воротник!
 Проведи на нужный остров,
²⁰ Выведи на тот пригорок,
 В золоте стоят где елки,
 В кольцах медных прутья,
 ветки,
 Где добычу взять мы сможем,
 Где возьмем богатство леса!
²⁵ Поднимись-ка, парень в саже,
 Дымную оставь нодью,
 С ложа хвойного сойди ты,
 С изголовья смоляного,
 Ты оставь костер угасший.
³⁰ Золотце, пойдем-ка с нами,
 Серебро, пустишь в дорогу,
 Денежная шкура — в путь,
 Золотым пойдем проулком,
 По серебряной тропинке,
³⁵ По земле с печенкой схожей
 (т. е. бурой)!
 Хонгатар, сосны хозяйка,

Katajatar, kaunis vaimo,
 Vestä pilkat pitkin puita,
 Rastit vaaroihin rapaja,
 40 Josta näkis' vieras tiensä,
 Uros outokin osaisi!

Славная ты Катаятар,
 На стволах зарубки сделай,
 Вешки ты поставь на сопках,
 40 Чтоб чужой нашел дорогу,
 Незнакомец путь увидел.

Зап. Х. Мериялянен в 1888 г. в дер. Тухкала (н. Лоухский р-н) от Сампа Рийко. Публ.: SKVRI, 1199. Перевод Э. Киуру.

2

*(Ennen tappamista kuin pesällä
 männäh:)*

Miten silloin lauletahe,
 Kuin silloin šanottanehe,
 Kuin männäh Ohon ovilla,
 Sinipiiparin pihoilla,
 5 Havulaačin lattiella.
 Missä mies varottelekse
 Meččolah on männeššähe?
 Tuola mieš varottelekse
 Oven šuušša, alla orren,
 10 Pirtin pihtipuolisešša,
 Keikku keškilattiella,
 Liehu šillan liitokšilla.
 Ohtoseni, lulluseni!
 Niin šie, Ohto, keāntelete,
 15 Niin kuin pyy pešäše peällä,
 Raššaš raunivoisellahe
 Vaššen mieštä valkieta,
 Kohin koivun karvallista.
 Terveh on, Ohto, tultuoše,
 20 Mesikämmen käytyöše!
 Viikon viivyt, kauvon juoksit
 Viron moata juoššessahe.

*(Kuin lähetäh kotih; kotih kuin
 pesästä veetäh:)*

Ohtoseni, lulluseni,
 Heitä nyt kylmillä kotiše,

2

*(Когда идут к берлоге бить
 медведя, поют:)*

Песнь тогда поют какую,
 Что за слово произносят,
 Коль идут к воротам Охто,
 На подворье колобочка,
 5 На полы еловой лапы?
 Где ты принял обереги,
 В Метсолу идущий муж?
 Обереги принял я
 У дверей избы под грядкой,
 10 У дверных причелин дома,
 Прыгал посередке пола,
 Исполнял там важный танец.
 Охто мой, голубчик славный,
 Повернись проворно, Охто,
 15 Словно рябчик на гнезде,
 Словно дрозд на куче камня.
 Повернись к мужчине в белом,
 В белом, словно ствол березы.
 Здравствуй, Охто, к нам
 прибывший,
 20 Медолапый, нас почтивший!
 Долго не был, долго бегал,
 Бегал ты по землям Виро.

*(Затем отправляются домой.
 Придя домой, поют:)*

Охто, голубок мой славный,
 Ты покинь свое жилище,

- ²⁵ Ašumaaše autiekše.
 Lāheš, kulta, kulkomahe,
 Hopie, vajeltamahe,
 Rahakarva, koalamahe
³⁰ Urohoisešša vāješšā,
 Miehiššā joukkiešša.

*(Kuin tullah tupah; kartanolla;
 pirtti:)*

- Elkiät akat varato,
 Peät on lakkilankiello
 Ohon on tullesšä tulilla,
 Rahakarvan koaloassa.
³⁵ Joko teol on penkit pešty,
 Joko lattiet lakaistu
 Tulovalla vierahalla,
 Šoavalla kākievällä?

(Akat koissa vaššatah:)

- Mipä lienou miehilläni,
⁴⁰ Ku kumma urohillani,
 Kuin on lauloan tuletta,
 Hyreksien tänne šoatta,
 Metisenköš anto meččā,
 Kultasenkoš moan kuninkaš?
⁴⁵ Jopa teäl' on penkit pesty,
 Jo on lattiet lakaistu
 Tulovalla vierahalla,
 Šoavalla kākievällä,
 Jopa vuotin vierastani
⁵⁰ Jalkani šulah on moaha,
 Šulat moat somerikoikse.
 Anna vaštaki, jumala,
 Toiččiki, totini luoja,
 Iällä tämän isännän,
⁵⁵ Elinaijalla emännän
 Ohonko tulilla tulla,
 Rahakarvan kartanolla.

- ²⁵ Пустовать оставь свой дом,
 С нами, золотко, пойдем,
 Серебро, пойдем в дорогу,
 В гости, денежная шуба,
 Мы пойдем в строю героев,
³⁰ Пошагаем всем народом.

*(Когда приходят в дом, захо-
 дят на повесть, затем в избу:)*

- Вы не бойтесь Охто, жены,
 Бабы в киках, не робейте.
 Хоть к огню идет сам Охто,
 В гости, денежная шуба.
³⁵ Вымыты ли здесь скамейки,
 Выметен ли пол в избе
 Для ступающего в избу,
 Прибывающего в дом?

*(Находящиеся в доме жен-
 щины поют в ответ:)*

- Что с героями случилось,
⁴⁰ Приключилось что с мужами,
 Почему идете с песней,
 Возвращаетесь с напевом,
 Может, меду дал вам лес,
 Золотого — царь земли?
⁴⁵ Вымыты у нас скамейки,
 Выметен и пол в избе
 Для ступающего в избу,
 Прибывающего в дом.
 Гостя славного ждала я,
⁵⁰ Вытоптала снег до почвы,
 Почву — до песка и гальки,
 Дай нам, боже, чтобы присно,
 Чтоб всегда у нас так было,
 У хозяина — всю жизнь,
⁵⁵ На весь век хозяйки дома,
 Чтобы Охто приходил к нам,
 Шуба денежная, в дом.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 53 (SKVR1,1223).

— — (Yksi miehistä kävi lähel-
lä pesää, teki lumeen viisikan-
nan ja sittä asetuttiin kuuten tai
seitsemän sylen päähän pesästä
ja yksi meni pesän päälle ja pu-
totti koivu pölikän pesään ja hiih-
toi tiehensä. Silloin laulettiin he-
rätysanoja että:)

Nouse pois, tätini poika,
Nokiselta nuotiolta,
Havusilta pään aloilta.

(Silloin se tormasi ryntäilleen
pesän suulle — — — ja heti
laukauksen kaiun kuoltua oli
kaikki hiljaista, koiratkin taukosi
haukkumasta. Sitten käteltiin
joka mies ja laulettiin:)

Ole kiitetty, jumala,
⁵ Ylistetty, luoja yksin,
Kuin meitä kuuluna kuletit,
Maine miessä matkaelit,
Kuletit kuuluhun kylähän,
Kuulun kylän kujosille,

¹⁰ Tapiolan tanhuille jne.

(Sittä leikattiin huuli panta ja
pantiin sen miehen lakin ympäril-
le, jonka pyssystä oli saanut suu-
rimman haavan.)

Зап. Х. Мериляйнен в 1889 г. в северной Карелии. Исполнитель не указан. Публ.:
SKVRI,1213.

(Один из мужчин подходил к
берлоге, очертив на снегу пяти-
конечник, и все замирали в шес-
ти-семи саженьях от берлоги, а
один подходил к берлоге и бросал
березовый чурбан в берлогу
и сразу же убегал (на лыжах).
Затем пели слова «бужения»:)

Поднимись, сын тѣти,
С кострища дымного,
С изголовья хвойного.

(Тогда медведь по грудь по-
являлся у выхода из берлоги...
и сразу после того, как замирал
звук выстрела, становилось тихо,
даже собаки переставали лаять.
Затем мужчины пожимали друг
другу руки и пели:)

Благодарим бога,
⁵ Возвеличиваем создателя
единого
За то, что вел нас как знатных,
Со славой мы путь прошли,
Привел в знаменитую
деревню,
В проулки известной деревни,
¹⁰ Во дворы Тапиолы и т. д.

(Затем из морды медведя
вырезали обруч и клали его на
шапку тому из мужчин, который
сильнее всего ранил медведя.)

(Karhua tappaissa)

(Jos karhu alkaa tulla päälle, tehdään vasemella kantapäällä maahan viisikanta. Sen parempi, jos kolme kerkejää tehdä. Siinä hyvin karaistulla luonnolla sanotaan että:)

Villa suusi, villa pääsi,
Villa viisi hammastasi,
Villaset sinun vihasi.
Kätke kynnet karvohisi,

⁵ Hampahat ikenihisi!

(Sittä peruutuu takasi kolme askelta, niin jos karhu tuleeekin siihen viisi kantaan asti, niin siitä yli ei tule, siihen saa tappaa.)

Зап. Х. Мерилайнен в 1888 г. в дер. Катослампи (н. Лоухский р-н) от М. Васильюса. Публ.: SKVR1,1217.

Oravaa metsästäessä

(Oravan metsästyksessä otetaan kolme kuusen latva kerkkää taskuussa, ja kuin koira löytää oravan ja ampuja menee sen luo ja kuin näkee sen oravan, niin silloin panee ne kuusen kerkät hampaihesa ja lukee että:)

Oravainen, värtäjäinen,
Metsän valkie vasanen,
Puun puria puhtahainen,
Korven kirjo lähtemäinen,
⁵ Ojennaite oksaselle,
Levitäite lehväselle,

(Если медведь начинает нападать, левой пяткой на земле делают пятиконечник. Еще лучше, если успеют сделать три. Затем в состоянии аффекта произносят:)

Шерстяной (т. е. мягкий) рот,
шерстяная голова,
Шерстяные пять (твоих)
зубов,
Шерстяная твоя злость.

Спрячь когти в свой мех,
⁵ Зубы в десна!

(Затем отступить на три шага; если медведь и дойдет до пятиконечника, то через него не пройдет, здесь его можно убить.)

Заговор при охоте на белку

(При охоте на белку берут с еловой ветки и кладут в карман три молодых побега. Когда собака находит белку, охотник подходит и видит белку, он берет эти еловые побеги в зубы и произносит:)

Белочка, зверек бесценный,
Беленькая телка бора,
Грызунок лесных деревьев,
Нетель пестрая в чашобе,
⁵ Растянись-ка ты на ветках,
Ты ложись спокойно в сучьях,

Lapsimies on ampumassa,
Pentu koira haukkumassa,
Päre jouset, puikko nuolet,

¹⁰ Ei ne kauvas kannattane.

*(Niin orava ei liiku, vaan istuu
vasten ampujaa, sillä ei ole tietä
ylemmäs, kuin on latvapuusta am-
pujalla hampaissa.)*

Зап. Х. Мерилайнен в 1888 г. в дер. Хяме (н. Калевальский р-н) от А. Хуотарине. Публ.: SKVRI, 1293.

Ведь стрелок еще ребенок,
Лаает же щенок неумный,
Лук из щепки, стрелы —
стружки,

¹⁰ Не летят они далеко.

*(И белка не двигается, сидит
перед стреляющим, ей нет пути
выше, поскольку вершинки де-
рева у стрелка в зубах.)*

Kalavesi päästetään pilauksesta

Vein Ahti, vaahtipaita,
Meren ukko, ruokorinta,
Anna mulle antimesi,
Vetisen pihan väkeä,
⁵ Alla aallon asuvia!
En minä ilman taho,
Kenkiksi en kuihuttele,
Kullalla mie kuihuttelen,
Hopealla houkuttelen,
¹⁰ Antimillani anelen.

(Niin leppyy veten haltija.)

Зап. Х. Мерилайнен в 1888 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Ахоне. Публ.: SKVRI, 1309. Перевод Э. Киуру.

Karjan varaus

Hiiest' on hyvä heponen,
Vuoressa valitut varsat,
Hyvälle hypittäjälle,
Ajajalle ankaralle.
⁵ Tahvanus, heposten herra,
Lumisorkka, luu kapió,
Kun katsoit katollisessa,
Varoit alla varjolauan,
Alla kaunihiin katoksen.

Заговор от порчи рыбного озера

Ахти вод в рубашке пенной,
Старичок с тростовой грудью,
Выдай мне свои богатства,
Шли мне жителей подводных,
⁵ Под волной крутой живущих!
Не прошу даров задаром,
Не молю добра бесплатно.
Я за золото прошу,
Серебром я рассчитаюсь,
¹⁰ За свои прошу подарки.

*(После этого хозяин воды пе-
рестанет сердиться.)*

Заклинание стада

Добрая у Хийси лошадь,
Ладные в пещере кони
Для такого коновода,
Для наездника лихого.
⁵ Тахванус, коней хозяин,
Опекун однокопытных,
Скот берег зимой под крышей,
Обихаживал под кровлей,
Холил под настилом прочным,

¹⁰ Kahen alla kattolauan!
Niin Jesus kesän tekee,
Jumala suvet aukesi.
Heitin maah marhaminnan,
Hietah helyt heposen.

¹⁵ Työnnän pieneni pihalle,
Kauneheni kartanolle
Alta kaunihiin katoksen,
Toisen alta kattolauan.
²⁰ Nyt katso katottomassa,
Havuselle vuotehelle.
Risusille pääaloille,
Kun katsot katollisessa,
Varoit alla varjolauan,
Alla ainosen käteni,
²⁵ Alla pienen peukaloni,
Viatonna, vilmittönnä,
Sanatoissa, saamatonna.
Neisyt Maaria emonen,
Rakas äiti armollinen,
³⁰ Sie vanhin vaimoksie,
Eläjiä ensimmäinen,
Työnnä pitin piikojasi,
Paras palkkalaisiesi
Minun karjan katselooh,
³⁵ Minun viljan viitsintääh.
Yöt seiso suka käessä,
Päivät vihko kainalossa.
Sekä syötä, jotta juota
Herasesta hettiestä,

⁴⁰ Lääkkyivistä lähteistä!
Ota sie torvi tuolta maalta,
Tuolta tuomikko puroilta,
Puhu tuohon torveesi,
Kumahuta kuuluhusi.
⁴⁵ Puhu kummut kukkahaksi,
Ahovieret armahakse,
Suovieret somerikoks,
Syöä suolta suoviesi,
Ahon päästä aumojasi,
⁵⁰ Anna suot sopusin olla,
Ahon vieret armahina!
Mielikki, metsän miniä,

¹⁰ Под двойным стерег навесом.
Лето нам послал Иисус,
Пору теплую нам создал.
Брошу обороть на землю,
На песок — уздечку

в бляшках,

¹⁵ Выпущу конька на волю,
Лошадь выведу на двор
Из-под крепкого навеса,
Из-под сдвоенных настилов.
Присмотри за ним на воле,
²⁰ Где подстилочка из хвои,
Где подушечка из веток;
Ты присматривал под крышей,
Обихаживал под кровлей
Под моей рукою чуткой,
²⁵ Под моей ладонью нежной.
Не было вреда, ущерба
Бессловесным, беззащитным.
Дева Марья, божья мать,
Прародительница наша,
³⁰ Ты, старейшая из женщин,
Первый житель на земле,
Первую пришли служанку,
Лучшую из всех наемниц,
Стадо наше постеречь,
³⁵ За моим смотреть богатством.
Гребешком пройдишь ты
ночью,
Днем с мочалкою помой.
Ты корми, пои животных
Из ключа водою чистой,
⁴⁰ Из источника — прозрачной.
Ты возьми свой рог чудесный
За черемуховой речкой,
В дудочку свою дохни,
В знаменитый рог чудесный,
⁴⁵ Сделай холмы цветами,
Сделай милыми поляны,
Берега болот — из гальки,
Накорми из скирд болотных,
Из стогов лесных полянок,
⁵⁰ Безопасной сделай топь,
Поприветливей поляны!
Меликки, невестка леса,

Tillervo, Tapion neiti,
 Utupaita, helma hieno,
 55 Kun sie kuulet kellon äänen.
 Ohtonen, metsän omena,
 Mesikämmen källeröinen,
 En mie kiellä kiertämästä
 Enkä käymästä epeä,
 60 Yhet maat, eri evähät,
 Erin on kullaki emua.
 Mielikki, metsän emäntä,
 Tuurikki, tytär Tapion,
 Utupaita, helma hieno,
 65 Sekä syötä syölääksi,
 Jotta juota juolaaksi,
 Apata alanenäksi
 Tänä Jesuksen kesänä,
 Maarian sulana syyssä,
 70 Turvuta turila'asi,
 Ilman ruoko ruohottani,
 Ilman henki heinittäni!
 Ohtonen, metsän omena,
 Käy sie kaiten karjamaita,
 75 Kiertien kellojen remuja!
 Kun sie kuulet karjan kellon,
 Heliän hevosen kellon,
 Pääsi tunge turpehesen,
 Mätä viljo mättähi!
 80 Metsolan metinen amme
 Napata tyhyttelöpi
 Alla kuusen kukkalatvan,
 Alla pehkovan petäjän.
 Siit' ei syöen syömät puutu,
 85 Juoen juomiset vähene.
 Siitä syötä syölääksi,
 Apata alanenäksi,
 Iälläni, ajallani,
 Pojan polvi päivinäni!
 90 Mielikki, metsän emäntä,
 Tuurikki, tytär Tapion,
 Ohtonen, metsän omena,
 Mesikämmen källeröinen,
 Tapelkaan talviaiat,
 95 Lumi ajat luskoallo
 Kesän tullen, suon sulaten,
 Lätäköien lämmitessä,

Тиллерво, дочь Тапиолы,
 Ты в сорочке из тумана,
 55 Колокольца звон послушай.
 Охто, яблочко лесное,
 Колобок медоволапый,
 Ты ходи себе по лесу,
 Я тебе не запрещаю —
 60 Земли общи, врозь пожитки,
 Доля каждому своя.
 Меликки, хозяйка леса,
 Турикки, дочь Тапиолы,
 Ты в сорочке из тумана,
 65 Накорми свой скот досыта,
 Напой скотинку вдоволь,
 До истомы всех попотчуй,
 В пору летнюю Иисуса,
 В божье лето, в божью осень
 70 Ты насыть своих зверей
 Без травы моей зеленой,
 Без моих запасов корма!
 Охто, яблочко лесное,
 Обходи загон ты скотный,
 75 Звон бубенчиков не слушай!
 Если колокол услышишь,
 Звонкий лошади бубенчик,
 Голову засунь под землю,
 В муравейник, полный пищи;
 80 Метсолы медовый чан
 Непочатым прокисает,
 Там, под елкою цветущей,
 Под сосною полусгнившей,
 Там еда не убывает,
 85 Там питья не станет меньше.
 Накорми зверей оттуда,
 До истомы их напотчуй,
 В годы жизни, в мое время,
 В продолжение поколенья.
 90 Меликки, хозяйка леса,
 Турикки, дочь Тапиолы,
 Охто, яблочко лесное,
 Колобок медоволапый,
 Драться нам с тобой зимою,
 95 Бой устраивать по снегу.
 Летом, как болота стают,
 Как нагреются все лужи,

Anna suot sopusin olla,
 Ahon vieret armahana,
¹⁰⁰ Kamomatta karjan käyä,
 Vihomatta viljan juosta,
 Jott' ei karja kaipahtaisi,
 Ei viho emännän vilja
¹⁰⁵ Tänä Jesuksen kesänä,
 Maarian sulana sunna,
 Herran hellänä hyvänä!
 Ohtonen, metsän omena,
 Mesikämmen källeröinen,
 Jos sulle halu tuloo,
¹¹⁰ Metsään vihasi visko,
 Närehille närävasi,
 Lepän oksille levitä;
 Elä kose konnanaka,
 Rupia rumanakana
¹¹⁵ Ylitse tahon Jumalan,
 Päitse auvon autuahan,
 Niin teemmä sulat sovinnot,
 Kesä rauhat ratkoamma,
 Iäksemme ilmasekse,
¹²⁰ Pojan polvi päivikseni!
 Siitä sinne tie menevi,
 Rata uusi urkenevi
 Paremmille laulajille,
 Tietävämmille runoille.

Безопасны будут топи,
 Поприветливей опушки.
¹⁰⁰ Пусть без страха ходит стадо,
 Без боязни пусть гуляет,
 Чтоб скотина не терялась,
 Не было ущерба стаду,
 В летнюю Христову пору,
¹⁰⁵ В божье лето, в божью осень,
 В теплое Христово время.
 Охто, яблочко лесное,
 Колобок медоволапый,
 Если вдруг придет желанье,
¹¹⁰ Злобу раскидай по лесу,
 Лихоманку всю — по елкам,
 По ольхам — дурные мысли;
 Скот не трогай ты, негодник,
 Стадо трогать не пытайся
¹¹⁵ Без господнего веленья,
 Доброту презревши божью.
 Заключим союз, любезный,
 Установим мир на лето,
 Впредь на будущее время,
¹²⁰ В продолжение поколенья!
 Тут стезя певцам открыта,
 Дальше новый путь
 продолжен
 Для хороших рунопевцев,
 Знатоков красивых песен.

Зап. Э. Леннрот в 1834 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от А. Перт-
 тунена, 1769 г. рожд. Публ.: РНН, № 24 (СКВР1,1397).

Lehmyä ostaessa

Nyt on matka matattava,
 Kulku kulettava.
 Fu, tiälä on isännät, emännät
 kuoltu,
 Kaikki karjan laitumet palettu,
⁵ Nyt on matka matattava,
 Kulku kulettava.
 Tiälä on isännät, emännät
 kuoltu,

Заговор при покупке коровы

Теперь надо в путь
 отправляться,
 Дорогу пройти.
 Фу, здесь хозяин, хозяйка
 умерли,
 Все выгоны сгорели,
⁵ Теперь надо в путь
 отправляться,
 Дорогу пройти.
 Здесь хозяин, хозяйка
 умерли,

Kaikki karjan laitumet palettu,
Šeil' ollah isännät, emännät
elošša

¹⁰ Ta karjan laitumet kaunehet,
Šinne nyt on šiun mäntävä.
Nyt on isännät, emännät tiälä
kuoltu,

Kaikki karjan laitumet palettu,
Šielä ollah isännät, emännät
elošša,

¹⁵ Karjan laitumet kaunehet.
Šinne šiun pitäy matata,
Hospodi, blahoslovi.

Все выгоны сгорели.
Там хозяин, хозяйка живы

¹⁰ И выгоны красивые,
Туда тебе теперь надо
отправляться.

Теперь здесь хозяин, хозяйка
умерли,

Все выгоны сгорели,
Там хозяин, хозяйка живы,

¹⁵ Выгоны красивые.
Туда тебе надо
отправляться,
Господи, благослови.

[*Nyt on lehmä valmis, ottak-
kah kella pitänöy.*]

(*Теперь корова готова, берите
кому надо.*)

Зап. Н. Лавонен в 1983 г в дер. Зашеек Лоухского р-на от М. А. Исакова,
1902 г. рожд. дер. Костоваара. Фон. 2718а/6. Публ.: ПФКК, № 91.

Peltoa leikatessa

(*Sirppiä suuvellah:*)

Olkie leikkoamah
Eikä kättä,
Yhestä tuumin lähemmä
Olkie leikkoamah

(*Kun kättä leikkaa, niin hau-
kutah:*)

⁵ Eik' ollun' siulla
Olkie mitä leikata,
Kun käsie rupesit leikkoamah?

Зап. С. Паулахарью в 1915 г. в дер. Войница (н. Калевальский р-н) от А. Лех-
тонен, 1866 г. рожд. Публ.: SKVR1, 1765.

Заговор перед началом жатвы

(*Заговаривают серп:*)

Солому жать,
А не руку,
Дружно (букв.:
единомышленниками) пойдем
Солому жать.

(*Если порежется рука, так ру-
гают:*)

Разве не было у тебя
Соломы, (чтобы) резать,
Раз начал руки резать?

Vil'p'akekuo tehtäessä

Hiiret hiiteh,
Mykrät myötäh,
Jänikset jälkeh,
Osrat kekoh!

(Tai rukiita pantaessa:)

⁵ Rukehet kekoh!

Заговор при скирдовании зерновых

Мыши к лешему,
Кроты мимо,
Зайцы следом,
Ячмень в скирду!

(Если рожь скирдуют:)

⁵ Рожь в скирду!

Зап. С. Паулахарью в 1911 г. в дер. Войница (н. Калевальский р-н) от А. Лехтонен, 1866 г. рожд. Публ.: SKVRI,1788.

Veren sulku

Miten silloin lauletahan,
Kuin silloin sanottanehen,
Kun rauta ravon tekööve,
Terä hieno hilpuave?
⁵ Miten silloin lauletahan,
Kuin silloin sanottanehen?
Tuo sie, Hiisi, hippoasi,
Lempo, leiri lakkiasi
Tulovalla tukkieksi,
¹⁰ Salvaksi samuojalla!
Ei tuo pie pikuista,
Veäjeä ni väheänä.
Tuotu on tuohini vesiltä,
Lastu leppä lainehilta
¹⁵ Tulovalla tukkieksi,
Veren tiellä telkieksi,
Salvaksi samuojalla;
Ei tuo pie ni pikuista,
Veäjeä väheäkänä.
²⁰ Neitsy Moarie emoni,
Rakas äiti armullini,
Tules tänne tarvitessa,
Käys tänne kutsuttaessa,
Sie olet vanhin vaimoksista,

²⁵ Eläjistä ensimmäini.
Jo nyt tukka turhiih tuloovi,

Заговор от кровотечения

Заговор какой поется,
Говорят слова какие,
Коли рана от железа,
Коль порез от острой стали?
⁵ Заговор какой поется,
Говорят слова какие?
Хийси, принеси колпак свой,
Лемпо, шляпу дай с полями,
Чтоб заткнуть поток покрепче,
¹⁰ Запереть струю надежней!
Только в этом нету пользы,
Проку нет и малой доли.
Принеси с воды бересту,
Щепку от ольхи — с волны,
¹⁵ Чтоб поток заткнуть покрепче,
Чтоб унять кровотеченье,
Запереть струю получше.
Только в этом нету пользы,
Проку нет и малой доли.
²⁰ Дева Марья, мать родная,
Милосердная, святая,
К страждущим приди на
помощь,
Дай просящему подмогу,
Ты ведь старшая из женщин,
²⁵ Первая из всех живущих.
С головы уж волос лезет,

Hivus hiuki lankiovi
 Tullessa verisen tulvan,
 Soahessa veri satehen.
³⁰ Neitsy Moarie emoni,
 Rakas äiti armullini,
 Niin on tänne tultuose
 Silkki silmillä sivalla,
 Kultalanka peäh lajella,
³⁵ Sivo silkkirihmallase,
 Pane palmikoisellase!
 Veri seiso niinkuin seinä,
 Hurme asu niinkuin aita
 Lihan lämpösen sisällä!
⁴⁰ Siell' on suosi ollaksesi,
 Lempi lenkoallaksesi,
 Kouhkoiss' on siun kotisi,
 Maksoissa siun majasi,
 Alla vuolten vuotiesi.

⁴⁵ Jovet suista salvatahe,
 Jovet suista, järvet päistä,
 Soaret niemien nenistä,
 Kaijemmista kannaksista,
 Sanan voimalla Jumalan,
⁵⁰ Toimella totisen Luojan.
 Miepä luomme Luojahani,
 Heitäimme Jumalahani;
 Ei Herra hyviä heitä,
 Luoja kaunista kavota.

Зап. М. Варонен в 1886 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 58 (СКВР1,171).

Rauvan vihat

Rauta raukka, koite kuona,
 Teräs tenhopäivällini,
 Mipä rauan raivotteli,
 Rauan kielen kiihutteli,
⁵ Rauan raivohon rakenti,
 Summušša muhajamahe,
 Miksiš veštit velliesi,
 Laštusit emosi lašta?

Падает напрасно в землю
 От того потока крови,
 Водопада кровавого.
³⁰ Дева Марья, мать родная,
 Милосердная, святая,
 Приходи скорей на помощь,
 Шелком повяжи глаза,
 Волос ниткой золотой,
³⁵ Ниткой шелковой свяжи,
 Волос в косу заплети!
 Стань и стой стеною, кровь,
 Утвердись заплотом в жилах,
 В мясе теплом оставайся.
⁴⁰ Там тебе прекрасно жить,
 Мило нежиться спокойно.
 Легкие — твой дом родной,
 Печень — твой очаг
 домашний,
 В мякоти твоя постель.
⁴⁵ Устья речек запирает,
 Устья рек, озер заливы,
 Вяжет островов концы,
 Перешейки в узком месте
 Сила божеского слова,
⁵⁰ Истинного бога мощь.
 Уповаем мы на бога,
 Мы под властью бога ходим,
 Милостью нас не оставит,
 В горе добрых не покинет.

Заклинание железа

Жалкий шлак, железо злое,
 Сталь с могуществом
 волшебным,
 Что железо обозлило,
 Распалило жало стали?
⁵ Что железо разъярило,
 Стали черный рот скривило?
 Почему ты брата режешь,
 Сына матери кромсаешь?

Rauta raukka, koite kuona,
¹⁰ Teräs tenhopäivällini,
 Etpo sillon suuri ollut
 Etkä suuri etkä pieni
 Etkäni kovin korie
 Kuin on šuošta šotkettihe,

¹⁵ Vetelästä vellottihe,
 Moan murista muokattihe,
 Nytp' on šuurekše šukehuit,
 Nytp' on kasvoit kauhiekse,
 Kuin šeisoit šepo pajassa,
²⁰ Alla ahjon Ilmollisen,
 Kuin vannoit vasaran alla,
 Kiivahašta kiekuttelit,
 Olit vyöllä Väinämöisen
 Kolmen jatkošša tupessa,

²⁵ Tuohisessa kantimessa.
 Šoitkö vaivani valasi,
 Petit koirra kunnivoše,
 Kuin on vannoit velliššyttä
 Kera vanhan Väinämöisen,
³⁰ Šanoit puuta purraksesi,
 Haukatakseksi hakuo,
 Puun on syöntä syyvākšese,
 Jo nyt liuskahit lihahe.

Зап. А. Борениус в 1872 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: PNH, № 57 (SKVRI, 169a).

Rauvan vihat

Fu fu fu,
 Rauta raukka, t'fu,
 Miksi vijattoman veren rikoit?
 Eikö ollut puuta purrakšeš,

⁵ Närettä n'äpätäkšeš?
 Fu fu fu,
 Rauta raukka,
 Miksi vijattoman veren rikoit?
 Eikö ollut puuta purrakšeš,

Жалкий шлак, железо злое,
¹⁰ Сталь с могуществом
 волшебным,
 Не было ведь ты великим,
 Ни великим и ни малым,
 Гордым не было в то время,
 Как тебя в болоте брали,
¹⁵ В зыбких хлябях добывали,
 Из земли месили черной,
 А теперь великим стало,
 А теперь явилось грозным.
 Ты же в кузнице когда-то,
²⁰ У кователя в горниле
 Под кувалдой поклялось,
 Клятвенное слово дало
 Там, на поясе у Вяйно,
 В тех ножнах из трех
 надставок,

²⁵ В том чехле берестяном.
 Клятву ты свою сожрало,
 Запятнало честь, собака.
 Братом быть ты обещало
 Вяйнямейнену седому,
³⁰ Дерево клялось кусать,
 Разгрызть одни поленья,
 Сердцевину есть ствола —
 Соскользнуло вдруг на мясо.

Заклинание железа

Фу, фу, фу,
 Ой ты, жалкое железо,
 Кровь зачем безвинно
 рушишь?
 Разве мало древесины,
⁵ Разве елки грызть не лучше?
 Фу, фу, фу,
 Ой ты, жалкое железо,
 Кровь зачем безвинно
 рушишь?
 Разве мало древесины,

¹⁰ Närettä n'äpätäkšes?
Ših šulasit, ših katosit, ših
loppusit
Alta kuulumattomaksi,
Piältä tuntumattomaksi.

(No kyllä še nyt alko vähäsen vakautuo ka, joko hän sovsem loppunou?)

Ah, šie rauta raukka,
15 Miksi vijattoman veren rikoit?
Eikö ollun puuta purrakšeš,
Närettä n'äpätäkšeš?
Ših sulasit, ših loppusit,
ših katosit
Alta kuulumattomakši,
20 Piältä tuntumattomakši,
Keškeltä kivuttomakši.
Ota omaš, peri kivaš,
Anna miula omani.

¹⁰ Разве елку грызть не лучше?
Перестань бежать, исякни,
Сделайся внутри неслышным,
Незаметным стань снаружи.

(Ну вот, уже начинает понемногу успокаиваться, не прекратится ли уже совсем?)

Ах ты, жалкое железо,
15 Кровь зачем безвинно
рушишь?
Разве мало древесины,
Разве елку грызть не лучше?
Перестань бежать, иссякни,
Сделайся внутри неслышным,
20 Незаметным стань снаружи,
Посередке стань небольшим.
Больними, возьми свое,
Мне мое отдай обратно.

Зап. Н. Лавонен в 1983 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от М. А. Исакова, 1902 г. рожд., дер. Костоваара. Фон. 2718а/2. Публ.: ПФКК, № 59. Перевод Э. Киуру.

Tulen vihat

Miepä tiijän tulen synnyn.
 Tulta tuuvitettih kätkyveššä
 Yhekšäššä taivahašša,
 Kultaseššä kätkyveššä,
⁵ Hiihnoissa hopiaisissa.
 Lankesi tuli punani,
 Tuli kuihkui kuušen latvašša,
 Lankesi Laatokan järveh,
 Mäni läpi muašta,
¹⁰ Läpi manašta,
 Läpi kirvehen hamarašta,
 Läpi nieklašta šilmättömästä,
 Keräi kivut kintahah,
 Vaivat vanttuhun nenäh,
¹⁵ Veijuoštehen jokeh,
 Keškellä šinikivie,
 Šijalla šinimättähällä.

Заклинане огня

Знаю я огня рождение.
В люлечке его качали,
В девяти небесных сводах,
В золотой качали зыбке
5 На серебряных веревках.
Выпал красный огонечек,
Вспыхнул на верхушке ели,
В Ладогу упал на дно,
Через ил прошел озерный,
10 Пролетел через Маналу,
Сквозь обух прошел топорный,
Сквозь иглу проник без ушка,
Боли в варежку загнал,
В рукавицу — злые муки,
15 На реку отнес поспешно,
Положил на синий камень,
На середку гладкой кочки.

Vesi vanhin voitehista,
 Tuli nuorin tyttäristä.
²⁰ Muarie, matala neiti,
 Pyhä piika pikkaraini,
 Tule tänne tarvitešša,
 Käy tänne kutsuvešša,
 Tule tulen vihoja ottamah,
²⁵ Tulen lientä lievittämäh,
 Tulen pahoja parentamah,
 Tulen šekoja šelvittämäh.

Зап. Н. Лавонен в 1981 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониеми, 1885 г. рожд., дер. Корпнярви. Фон. 2646/3. Публ.: ПФКК, № 60. Перевод Э. Киуру.

Pakkasen sanat

Pakkani, puhurin poika,
 Vilu ilman kyhelmäini!
 Elä kylmä kynsiäni,
 Elä kohmo kopriani,
⁵ Tulen tunkien sukkihini,
 Kekälehet kenkihini,
 Panun alla paklojeni.
 Pakkani, puhurin poika,
 Vilu ilman kyhelmäini!
¹⁰ Kesät heilut hetteilä,
 Talvet taivahan navalla,
 Šykyšyt sulilla soilla.
 Pakkani, puhurin poika,
 Vilu ilman kyhelmäini!
¹⁵ Kylmä soita, kylmä maita,
 Kylmä kylmiä kiviä,
 Palele vesipajuja!

Зап. А. Борениус в 1872 г. в дер. Латваряви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 55 (SKVRI, 74).

Košen sanat

Košen tytti, kuohun neiti,
 Akka manteren alani,
 Poika pellon pohjimmaini,
 Annapa juošša puisen purren,

Влага старше всех из мазей,
 Искра — младшая из дочек.
²⁰ Муарье, малая девица,
 Девственница пресвятая,
 Приходи помочь в нужде,
 Появись на зов страдальца,
 Огненную боль уйми,
²⁵ Жгучие сними страданья,
 Исцели огня поруху,
 Поврежденья от ожога.

Заговор от обморожения

Ты, мороз, сынок метели,
 Стылым воздухом рожденный!
 Не студи мои ты ногти,
 Не своди мои ты пальцы.
⁵ Я огонь в чулки упрячу,
 В кенги головню засуну,
 Пламя в паголенки втисну.
 Ты, мороз, сынок метели,
 Стылым воздухом рожденный,
¹⁰ В зыбунах живешь ты лето,
 Зиму — в центре небосвода,
 Осень — на болоте талом.
 Ты, мороз, сынок метели,
 Стылым воздухом рожденный!
¹⁵ Ты морозь болота, земли,
 Холоди холодный камень,
 Вербы у воды студи.

Заклинание порога

Дочь порога, дева пены,
 Ты, подземная хозяйка,
 Сын полей, на дне живущий,
 Дайте лодке ход свободный,

⁵ Männä mäntysen venehen,
Risupurren riuvotella!
Kivi, kirsosi alenna,
Poasi, paina pallieše
Ieštä tervatun venehen.

¹⁰ Toisen ieštä tervattoman,
Anna juošša puisen purren,
Männä mäntysen venehen,
Risupurren riuvotella,
Kiven peätä sammalikse,

¹⁵ Vuolekse venehen rinta.
Veteleš, hyvä vetoni,
Mänöväällä matkallaše.

⁵ Путь сосновому челну,
Лодке без помех дорогу.
Валуны, под воду скройтесь,
Спрячьтесь, скалы, под
волною,

Чтобы челн прошел смоленный,
¹⁰ Несмоленный струг промчался.
Дайте лодке ход свободный,
Путь сосновому челну,
Лодке без помех дорогу.
Станьте, камни, мягким

мохом,
¹⁵ Лодка — рыбьим пузырем.
Ты неси, поток, ладью
По теченью, по стремнине.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 64 (SKVRI,2046a).

Puun vihat

Puhun šuulla puhtahalla,
Herra(n) henkellä hyvällä,
Kielellä kivuttomalla.
Kontie juoksi kulpuo myöten,
⁵ Karva peršieštä katkei,
Šiit(ä) on lähten puun alku.
Puu puhaš, jumalan luoma,
Veša vanteren vetämä,
Laštu luojan lohkasema,

¹⁰ Kuin kovin kosit,
Niin kovin paremma.
Ota omaš, peri pahaš,
Anna omani pois.

(Mäne matkahaš.)

Заговор от ушиба деревом

Произношу устами чистыми,
Божьим духом хорошим,
Языком безболезненным.
Медведь бежал по холмам,
⁵ Шерсть с задницы слетела —
Отсюда дерева начало.
Дерево чистое, божье

создание,
Ветка, медведем обломанная,
Щепка, создателем отколотая,
¹⁰ Как сильно причинило боль —
Так быстро и вылечи.
Возьми свое, забери зло,
Отдай мне мое.

(Уходи вон.)

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд., дер. Корпиярви. Фон. 2610/10. Публ.: ПФКК, № 65.

Mavon vihat

Mato muan karvallini,
Toukka tuonen karvallini,
Läpi kulojen kulkija,
Läpi mättähien matkuaja,
⁵ Miksi karvani katkasit,
Miksi lihani liikutit?
Olisit männyn pahan miehen
paijan alla,
Eli pahan miehen parran alla,
Läpi kulojen, läpi pajujen.
¹⁰ Ota omaš, peri pahaš,
Tuo jälelläh omani.
Kanna mettä, mehiläini,
Meijän lintu, tuo mettä,
Tuo mettä tullesšaš,
¹⁵ Kanna mettä kainaloššaš
Kipehillä voitimikse,
Pahoilla parantamiseksi.
Hoo(!), tuonne mänkäh
kaikki...

Зап. А. Степанова в 1966 г. в пос. Калевала Калевальского р-на от Ф. А. Архиповой, 1892 г. рожд., дер. Соукело Лоухского р-на. Фон. 770/8. Публ.: ПФКК, № 72. Перевод Э. Киуру.

Vejen vihat

Vien kultani kuninkaš,
Vien ehtonen emäntä,
Ota omaš, peri pahaš,
Lienen tuhmin tuumainun,
⁵ Smietkoin smiettiny,
Ankehin ajatellun,
Hospoti, plahoslovi.
Täššä on kultaset kostin'čat,
Hopijaiset vyöhitimet.
¹⁰ Hospoti, plahoslovi,
Prossi, prossi.

Зап. Н. Лавонен в 1983 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от М. С. Архиповой, 1905 г. рожд., дер. Лахти. Фон. 2718а/9. Публ.: ПФКК, № 79. Перевод Э. Киуру.

Заговор от укуса змеи

Ты, змея, с землею схожа,
Ты, червяк, на смерть
похожий,
Проползающий сквозь кочки,
⁵ Ты зачем порвал мой волос,
Ты зачем мне плоть нарушил?
Полз бы злему под рубашку,
В бороду плохому мужу,
Под траву, под корни ивы.
¹⁰ Забери свое плохое,
Мне верни мое обратно.
Принеси, пчела, мне меду,
Наша птичка, дай мне меду,
¹⁵ Мед с собою захвати,
Принеси ты мед под мышкой,
Чтобы раны мне намазать,
Повреждение излечить.
Хо-о, уходите все туда...

Заклинание (болезни) от воды

Золотой мой царь воды,
Добрая воды хозяйка,
Вот твое, возьми плохое,
Если плохо я подумал,
⁵ Худо сметкой пораскинул
Иль нелестно поразмыслил,
Господи, благослови!
Вот подарки золотые,
Пояса из серебра.
¹⁰ Господи, благослови,
Прости, прости!

Ruton sanat

Närimys, Narimon poika,
Jeesuksen kirjankantaja,
Kulta nuolen kuljettaja,
Elä minuhun koske
⁵ Eikä minun kumppaniini.
Kirottu sinä minusta,
Manattu mun majastani,
Suvustani suin sysätty.

Зап. Х. Мерилайнен в 1889 г. в дер. Муезеро (н. Муезерский р-н) от И. Нестерине, 1813 г. рожд. Публ.: SKVR II 912. Перевод Э. Киуру.

Kylvetyssanat

1

Miten silloin lauletahan,
Kuin silloin kujerretahan,
Kuin tuloovi liika tunti,
Eriskummaini elämä?
⁵ Männähän saloa saunahan:
Lyös löyly, lähätäs lämmin
Läpi kuumista kivistä,
Läpi saunan sammalista
Kivillä kivuttomilla,
¹⁰ Puilla nuurumattomilla!
Nyt on liijan liikeaika,
Pois pahan pakenoaika.
Lähe liijan liikkuossa,
Vassa löylyn vaipuossa!
¹⁵ Mistä on pulma puuttuna,
Taikie tapahtunut,
Kivestäkö, kannostako,
Vaiko vatturaunivosta,
Vaiko vienosta vejestä,
²⁰ Vesi hiitten hinkalosta,
Lummekorjuhten kojusta?
Vetehen vetini hiisi,
Lummekorjuhten kotihin,
Umpilammin lumpehisi!

Заговор от чумы

Няримус, ты сын Нарима,
Ты Иисуса книгу носишь,
Золотые стрелы держишь,
Ты меня теперь не трогай,
⁵ Не замай моих друзей.
Будь ты проклят мной вовеки,
Будь заклят в моем жилище,
Будь из рода вовсе изгнан.

Заговоры в бане

1

Заговор какой поется,
Говорят слова какие,
Если час придет тяжелый,
Жизнь нелегкая настанет?
⁵ В баню тут идут украдкой:
Пар, ударь, дохни, горячий,
Через камень раскаленный,
Через мох меж бревен бани.
Боль неведома камням,
¹⁰ Бревнам муки незнакомы!
Тут и злу убраться время,
Прочь убраться лихоманке.
Уходи скорее, лихо,
Веника беги, хвороба.
¹⁵ Как возникло наважденье,
Колдовство пришло откуда?
Из коряги ли, из камня,
Из малинника в камнях
Или из воды стоячей,
²⁰ Из подводных яслей Хийси,
Обиталища в кувшинках?
В воду сгнь, подводный,
Хийси,
В обиталище в кувшинках,
Сгнь в тенета тихой ламбы.

- 25 Umpilammin lumpehista,
Vaiko kuolleen kojista,
Ikimennehen ihosta,
Kalmalaisen kartanosta,
Tuhatmalkosen majasta?
- 30 Kun olit kuolleen kojista.
Mäne kuolleen kotihin,
Kalmalaisen kartanohon,
Ikimennehen ihohon,
Tuhatmalkosen majahan!
- 35 Kontien kivenkolosta?
Mäne kontien kivikolohon,
Karhun kirjokartanohon,
Pimieh on Pohjolahan,
Tarkkahan on Tapiolahan,
- 40 Hirven harvoin lihoihin,
Kontien kovihin luihin!
Sill' on luutonta lihoa,
Suonetonta pohkiota
Syyvä miehen nälkähisen,
- 45 Haukata halunalaisen.
Pane kivut kintahaah,
Vaivat vanttuhun nenähän,
Vie kivut Kivuttarella,
Vaiva vamman neitosella!
- 50 Kiputytti, kivun neiti,
Vie kivut kiven sisällä,
Poajen paksun lappiella;
Jos paljon pantanehen,
Määrätön mätettänehen,
- 55 Ei kivi kipuja itke,
Paasi vammoja valita.

Зап. М. Варонен в 1886 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Пертунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 62 (SKVRI, 549).

Terveh löyly, terveh lämmin!
Oma löyly, oma lämmin,

- 25 Если ж не из тихой ламбы,
Если ты из дома мертвых,
Плоти навсегда ушедших,
Со двора пришла ты Калмы,
С домовины мертвеца?
- 30 Если ты из дома мертвых,
К мертвому вернись в домину,
На подворье Калмы скройся,
В плоть вернись навек
ушедших,
В домовину к мертвецу.
- 35 Коль из каменной берлоги,
Уходи в скалу обратно,
Возвратись на двор медвежий,
В Похьеде укройся мрачной,
Спрячься в вещей Тапиоле,
- 40 В мясо лося отправляйся,
В кости крепкие медведя!
Мяса вдоволь там без кости,
Мякоти без сухожилий,
Чтобы мог поесть голодный,
- 45 Напитаться мог несытый.
Положи в перчатку боли,
В варежку вложи недуги,
Отнеси хозяйке болей,
Дочери отдай недугов!
- 50 Дева болей, дочь недугов,
Отнеси ты боли камню,
Спрячь внутри скалы
огромной.
Хоть и будет много болей,
Хоть навалишь их без меры,
- 55 Не пожалуется камень,
Не посетует скала.

Здравствуй, пар, и здравствуй,
жар,
Свой здесь пар, свой здесь
жар,

Mäne miekse mielelleh,
Siimaksi siämmälleh.
⁵ Löyly saunan saunamih,
Kivut kivien al,
Pakot paččahien al,
Itse ajatukset alusparzien al!
Ota, tuli, räkki,
¹⁰ Ota, tuli, tuskus,
Ota, kivi, kivut,
Ota, ägei, ägei!

Ты медком к душе прильни,
Пивом ты пройдишь по сердцу.
⁵ Мох пусть паром тем пронзит,
Боли пусть уйдут под камни,
Под столбы уйдет ломота
Под бревно уйдут и думы!
Ты, огонь, возьми страдания,
¹⁰ Ты, огонь, возьми мученья,
Камень, боли заberi,
Раскаленный, злые муки!

Зап. И. Хярккенен в 1901 г. в дер. Вешкелица (н. Суоярвский р-н) от Офимьи Карповны (фамилия не указана), 1821 г. рожд. Публ.: SKVRII 849. Перевод Э. Киуру.

3

*(Kun menee kyluyn, on ensiksi
syljettävä. Sitten sanotaan hiljaa,
jottei muu rahvas kuule:)*

Kyly kuldaine, löyly mezine,
Oččesine velli, lagi toatto,
Lava moamo,
Muud seinäd sizared,
Iče minä tammi.

*(Sitten taas on syljettävä. Tä-
mä koko temppu tehdään kolmeen
kertaan. Silloin ei tapahdu sau-
nassa mitään pahaa.)*

Зап. Тойвонен в 1921 г. в г. Суоярви от А. Естеева, 1870 г. рожд., дер. Лижма. Публ.: SKVRII 190. Перевод Э. Киуру.

4

Löyly, lämmin kivoini,
Hiki vanhan Väinämöini,
Mäne läpi kuumista kivistä,
Läpi kylyn kypenistä,

3

*(Когда идут в баню, надо
вначале плюнуть. Затем надо
сказать, чтобы другие не слы-
шали:)*

Золотая банька, сладенький
парок,
Задняя стена — мой братец,
Крыша — мой отец,
Полок — моя матушка,
Стены — мои сестры,
Сам я — крепкий дуб.

*(Затем снова надо плюнуть.
Все это надо проделать три раза,
тогда ничего плохого в бане не
случится.)*

4

Теплый пар, камней дыханье,
Вяйнямейнена потенье,
Жаркие пройди ты камни,
В топке угля обдай,

- ⁵ Läpi šaunan šammalista,
Oviloista, ikkunoista,
reppänöistä.
Puhaštelen pulmuistani,
Pešettelen peipoistani,
Näillä luovuilla(?) lauvoilla,
¹⁰ Pyhän šynnyn šiatämällä.
Miun on kiät metiset,
Vaššan lehet šulkkuset.

(Ta hospoti, plahoslovi, kylvetät ta vejellä vaelet.)

- ⁵ Через мох в стене проникни,
Через дверь, душник-окошко.
Пуночку я намываю,
Зяблика здесь начищаю
На полке, что создан богом,
¹⁰ Сотворен был праотцами,
Сладкий мед — мои ладони,
Веник с листьями из шелка.

(Да еще, господи, благослови, попарить да водой обдашь.)

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд., дер. Корпьярви. Фон. 2610/6. Публ.: ПФКК, № 68. Перевод Э. Киуру.

5

5

(Ettei ägie puuttuis' saunasta.)

(Чтобы порча в бане не пристала)

- Phu!
Kylyseni moamoseni,
Löyliseni, sisarueni!
Puhun suulla puhtahalla,
⁵ Herran hengellä hyvällä,
Läipöttelen lämpimällä.
Eigä ole löylyn löytämistä,
Lämpimän lähenömistä.
Mänkeä, lölyt, saunan
sammalii
¹⁰ Tahiga kylyn karsinaa
Kibehisen kylvend' aijaks!

- ТЬфу!
Матушка моя ты, банька,
Сладкий пар, моя сестрица!
Молвлю чистыми устами,
⁵ В божьих помыслах скажу,
С теплым чувством прошепчу.
Пару не на что сердиться,
Жару не за что вредить.
В мох меж бревен, пар,
проникни
¹⁰ Или спрячься под полками,
Дай попариться больному.

Зап. В. Салминен в 1909 г. в дер. Ключина Гора (н. Суоярвский р-н) от А. Тарасова. Публ.: SKVR II 851. Перевод Э. Киуру.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Свадьба в карельской деревне была ярким, красочным, на всю жизнь запоминающимся праздником. Атмосферу праздника создавали свадебные песни и причитания: «Песня создавала праздник, праздник рождал поэзию» (КК, 181).

Песни придавали свадебному обряду торжественный настрой, а причитания символизировали печаль, предстоящую разлуку с близкими.

Свадебные песни исполнялись на свадьбах вплоть до первых десятилетий нашего века, и сейчас еще многие пожилые люди их с удовольствием вспоминают, хотя на свадьбах, начиная с тридцатых годов, они уже не звучат.

Финский фольклорист Уно Харва (Холмберг) выделил в северно-карельской свадебной поэзии десять самостоятельных сюжетов, составляющих своеобразные циклы. Каждая песня была приурочена к определенному моменту свадебного обряда. Носители традиции делят свадебные песни на два больших цикла: »*Kokko lenti koillisesta*» — «Летел орел с северо-востока» и »*Miero vuotti uutta kuuta*» — «Мир ждал новолуния». Первый цикл исполняли в доме невесты, второй — в доме жениха, встречая свадебный поезд с гостями. В эти циклы входят разные по содержанию песни — песня зятю, песни восхваления, корильные; особую песню исполняли при окручивании невесты, когда ее волосы покрывали сорокой — повойником. С помощью свадебных песен невесту морально готовили к уходу из родительского дома, к тем трудностям, которые встретятся на ее жизненном пути. Ее «пугали» картинками будущей жизни в доме мужа.

Исследователи считают, что многие мотивы карельских свадебных песен (особенно песни-советы, наставления молодым) имеют общие мотивы с русским «Домостроем», составленным в XVI в. при Иване Грозном монахом Сильвестром (КК, 175).

Из всех жанров поэзии калевальской метрики по стилистическим особенностям свадебные песни наиболее близки причитаниям и ёйгам.

Впервые свадебные песни были записаны Э. Леннротом в 1833 г. в северно-карельской деревне Вокнаволоок, затем они вошли в «Калевалу», где свадебной поэзии посвящены руны 20—25.

Kokko lenti

Летел орел

- Kokko lenti koilta ilmoiin,
Koilta ilmoiin, alta taivoin,
Siivet muataki šiveli,
Koprat mertä kuopuali,
⁵ Liitelekši, luotelekši,
Kaččelekši, kiäntelekši.
Liiti linnan ikkunalla,
Šeinällä selenäšulka,
Šatašulka šalvokšella.
¹⁰ »Mistä tiešit teltamoini,
Kuulit, kultani omena,
Tämän neijon šyntyjäkši,
Šyntyjäkši, kašvajakši,
Ilmoilla ylenijäkši?»
- ¹⁵ »Noki nousi nuorasešti,
Šavu pakšušti pakeni
Neijon kuulusan kojista,
Mäkätti kevät karičča.»
»Vuotit viikon, vuota vielä.
- ²⁰ Ei ole valmis valvattimeš,
Valmis valvatettavaš:
Vašta on käsi hiemotettu,
Toini on hiemoteltavana.
Vuotit viikon, vuota vielä.
²⁵ Vašta on jalka kenkitetty,
Toini on kenkiteltävänä.
Vuotit viikon, vuota vielä,
Puoli on piätä palmikolla,
Toini puoli palmikoitavana.
³⁰ Vuotit viikon, vuota vielä,
Nyt on valmis valvattimeš,
Valmis valvatettavaš,
Pois, pojat, uloš, urohot,
Pihalla pitimmät miehet.»

- Летел орел с востока,
С востока в поднебесье.
Крыльями земли касался,
Когтями море бороздил!
⁵ Летел плавно, парил,
Оглядывался, поворачивался.
Прилетел к окну крепости,
Коснулся опереньем стены,
Сел стоперый на сруб.
¹⁰ «Откуда ты появился,
Откуда слышал, золотое
яблоко,
Что родилась здесь девушка,
Родилась на свет,
Подросла и выросла?»
¹⁵ «Подымалась сажа ввысь
веревочкой,
Возносился дым густой
Из славного дома девушки.
Проблеял ягненочек
весенний».
«Долго ты ждал — жди еще.
²⁰ Невеста твоя не готова еще,
Не готова подготавливаемая:
Одна рука в рукав одета,
Другая не одета.
Долго ты ждал — жди еще.
²⁵ Одна нога обута,
Другая не обута.
Долго ты ждал — жди еще,
До половины заплетена коса,
Наполовину не заплетена еще.
³⁰ Долго ты ждал — жди еще.
Готова теперь твоя невеста,
Готова ожидаемая.
Выходите, парни, на улицу,
молодцы,
Выходите, самые высокие».

Зап. Л. Кершнер, Э. Тургиайнен в 1951 г. в с. Вокнаволок (н. Калевальский р-н)
от П. Я. Касьяновой. Публ.: КНП, с. 86.

Kokko lenti koillisešta,
 Havulintu halki maista,
 Iskulintu ilman alta.
 Koprat muata kuopattihe,
⁵ Šiivet mertä šiipattihe.
 Liitelekše, luatelekše,
 Kaččelekše, kiäntelekše:
 Liiti linnan ikkunalla,
 Kaččo parvešta parašta,
¹⁰ Kaunehinta kaššapäistä,
 Turpijenta tukkapäistä.
 Ku oli kaunehin kaššapäistä, (2)
 Ku oli turpein tukkapäistä,
 Šenpä kokko kopriissalti. (2)

¹⁵ »Mistäkä tiesit, teltamoisen,
 Tämän neijen šyntynyökše,
 Šyntynyökše, kašvanuokše,
 Ilmoilla šukeutunuokši?» (2)
 »Šavu pakšulta pakeni,
²⁰ Noki nousi nuorasena
 Neijen kuulusan kojista.» (2)
 »Mitäpä issut, isän poika,
 Velleš vanhin, valvattelet?
 Issutko isännän hyvyttä,

²⁵ Vainko emännän rakkahuutta,
 Vainko pirtin valkevuutta,
 Vainko šinčin šiivovuutta?»
 »Enkä isännän hyvyttä,
 Enkä emännän rakkahuutta,

³⁰ Enkä pirtin valkevuutta.
 Issun impijen hyvyttä,
 Kanavarren kaunehuuata,
 Šinišotkan šomevuutta.»
 »Issuit viikon, issui vielä,

³⁵ Vuotit viikon, vuotai vielä,
 Vuota vielä vuosi, toini,
 Kačo vielä kešä, kakši.

Прилетел орел с восхода,
 Через страны мчался, ястреб,
 Грозный коршун, через выси,
 Бороздил когтями землю,
⁵ Море задевал крылами.
 Полетал, паря на небе,
 Присмотрелся, огляделся,
 Сел на крепостном окошке,
 Выбрал лучшую из стайки,
¹⁰ Красивее всех, с косою,
 Статней всех, с тугой
 прической.
 Кто красивей всех с косою,
 Кто стройней, с тугой

прической,
 Ту схватил орел могучий.
¹⁵ «Как узнал ты, подвечный,
 О рождении этой девы,
 Появлении на свете,
 О ее существовании?»
 «Дым густой над домом вился,
²⁰ Сажа черная валила
 Над избой известной девы.
 «Что сидишь ты, сын
 отцовский,
 Что ты ждешь, из братьев
 старший?

Иль хозяин приглянулся,
²⁵ Иль понравилась хозяйка,
 Иль уют в светелке белой,
 Иль намытые крылечки?»
 «Не хозяин приглянулся,
 Не понравилась хозяйка,

³⁰ Не уют в светелке белой.
 А сию я из-за девы,
 Из-за курочки прелестной,
 Синей уточки-нырочка».
 «Коль сидишь — сиди и

дольше,
³⁵ Долго ждал — пожди еще,
 Жди весь год, другой помедли,
 Лето-зиму полюбуйся —

Ei ole valmis valvattimes
Eikä valvatettavasi.

(En voi.)

⁴⁰ Vašt' on käsi kinnašsettu,
Toista vašta kinnašsetah.
Issuit viikon, issui vielä,
Vuotit viikon, vuotai vielä,
Vuota vielä vuosi, toini,

⁴⁵ Kačo vielä kešä, kakši,
Ei ole valmis valvattimes
Eikä valvatettavasi.

Vašt' on palmikko palmikoitu,
Toista vašta palmikoijah,

⁵⁰ Lakki piähä laitettihe,
Mieltä piähä annettihe,
Ajatušta ašetetah. (2)

Mäne myyvven, myöty neiti,
Kanšan kaupattu kanani,
⁵⁵ Kiivaš olit rahan ottoh,
Kärkäš käteš annantahe.»
Pois, pojat, uloš, urohot,
Pihalla, pitimmät miehet,
Ovi kiinni, ošto lämmin. (2)

⁶⁰ Tuoš' on virši kuullakšena,
Toini ilman ollakšena.
Ken miun virren kiittänöy,
(niin)

Šillä poika šyntynehe
Meren ruuvon ruškevuini,
⁶⁵ Meren kasl'an kaunevuini,
Meren korttehen korkevuini.
Ken miun virren moittinou,
(niin)

Šillä tytär šyntykööhe
Pajan pölkyn pakšuvuini,
⁷⁰ Tervatynnyrin pituvuini.
Laki lankei laulajilta,
Kulkku kuivi kukkujilta
Enkä äijyä tahtoiskana
Enkä vähättä välttäiskänä,
⁷⁵ Kopeikka koko šanoilta,
Polttinoin puoliilta šanua,

Суженая не готова,
Жданную твою справляют:

(Не могу.)

⁴⁰ Варежку одну надели,
А другую надевают.
Коль сидишь — сиди и
дольше,

Долго ждал — пожди еще,
Год пожди, другой помедли,

⁴⁵ Лето-зиму полюбуйся —
Суженая не готова,
Жданную твою справляют:
Заплели одну косичку,
А другую заплетают,

⁵⁰ Чепчик девушке надели,
Разума-ума ей дали,
Толку в голову вложили.

Продана — и нас покинешь,
Куплена — иди с купцами,

⁵⁵ Жадная была до денег,
Скорая на рукобилье».
Прочь из дому, вон из хаты,
Поскорей во двор, герои,
Дверь закрыть, тепло храните.

⁶⁰ Вот вам песнь, кто хочет
слушать,
Кто не хочет — тем другая.

Кто мою похвалит песню,
У того пусть сын родится
Красивей тростинки в море,
⁶⁵ Постройнее камышинки,
Красивей тресты морской.
Кто мою охает песню,
У того пусть дочь родится
Толще стула с наковальней,

⁷⁰ Ниже будет бочки с дегтем.
У певца просохло нёбо,
Запершило в певчей глотке.
Мне немного платы надо,
Мало платы — мне не в пору.

⁷⁵ По копеечке за слово,
За полслова — по полтине,

Altтинoin kylän akoilta,
Nellin kriunoin neitosilta.

По алтыну с каждой бабы,
С девы — по четыре гривны.

(Välttää, en voi enämpyä.)

(Хватит, не могу больше.)

Зап. А. Степанова, Н. Лавонен в 1972 г. в дер. Колвица Кандалакшского р-на Мурманской обл. от М. К. Архиповой. Фон. 1695/3. Публ.: ПФКК, № 94. Перевод Э. Киуру.

Miero vuotti

Miero vuotti uutta kuuta,
Kylä päivän nousennaista,
Miepä vuotin min'n'ojani,
Min'n'ojani, veijojani.

⁵ Kenpä šen toven valehti,
Jott' on veijon tyhjin tullun,
Oro jouten juoššun?
Onpa tukku tuotavana,
Tosi torjuteltavana.

¹⁰ Tuoltahan kuuluu ruošan
roikeh,

Rannalta rejen ratina.
Reki vieri, tie mureni,
Paukku patviset jalakšet,
Tutju tuomini vommel,

¹⁵ Vesi tippu vempelistä,
Rašva rahkehien nenistä.
Kuuši kullaista kākōistä
Vempelessä kukkumašša,
Šeiččemen kevätlinnuista

²⁰ Länkilöillä laulamašša,
Kakši kullaista keräistä
Rekilöillä vierömäššä,
Puolella on punani kerä,
Toisella helijä heinä.

²⁵ Noušet, koriija, korjašta,
Hyvä lahja laipivošta,
Et ole muamoš manterilla
Etkä tuattoš tanterilla,
On kylän pistyjä pihoja,

Мир ждал новолунья

Новолунья миром ждали,
Всхода солнца — всей
деревней,

Я свою ждала невестку,
И невесточку, и брата.

⁵ Кто наврал, сказал неправду,
Что ни с чем мой брат
вернулся,
На коне впустую ездил?
На санях примчал он с грузом,
Воз изрядный притащил.

¹⁰ Свист кнута сюда несется
С берега — скрипенье санок.
Сани мчат, крошится зимник,
Треск стоит полозьев крепких,
Гнется прочная дуга,

¹⁵ Из дуги вода струится,
Жир с концов гужей сочитя.
Шесть кукушек-золотушек,
Сидя на дуге, поют,
Славных семь певучих пташек

²⁰ На хомут уселись с песней,
Два клубочка золотые
Катаются с санями рядом.
На боку клубочек красный,
На другом клубок зеленый.

²⁵ Встань, красивая, из санок,
Подымись, подарок добрый.
Не у матери теперь ты,
Не к отцу во двор вошла,
Здесь стоят дома чужие,

- ³⁰ Tašasija tanterija.
 Pane jalka jalakšella,
 Polvi poikkipuolisella,
 Aššu hanhen aškelilla,
 Taputa tavin jaloilla
³⁵ Näitä kylän pistyjä pihoja,
 Tašasija tanterija.
 Niinpä tänä huomenešša
 Aivoin ammu aika Šuopo,
 Aikavihkon antajaista,
⁴⁰ Kaikatti kevät karičča,
 Kainalovihkon kantajaista.
 Hepo hirnu hirviještä
 Hienon heinän heittäjäistä.

(Mikä šitü tulou?)

- Moršivuon, sisaruvuini,
⁴⁵ Kapulehti, laklovuisen,
 Kuule tänne, kuin šanotah:

*(Joko hiän rupei ašteita pe-
 šömäh?)*

- Pijä lusikkaš luvušša,
 Aštijoiseš arvelušša,
 Anna ei kasit kanneltais,
⁵⁰ Koiranpennut peiteltäis.
 Moršivuon, sisaruvuini,
 Kapulehti, laklovuini,
 Rupiet pirttijä pešömäh,
 Pirtti peše, puoli heitä,
⁵⁵ Lošoš peše, toini heitä,
 Laučat peše, rannat heitä.
 Moršievuon, sisaruvuini,
 Kapulehti, laklovuini,
 Rupiet vuatteita pešömäh,
⁶⁰ Ukon vuattiet uloš heitä,
 Akan vuattiet aittah heitä,
 Kyvyn vuattiet kilyh heitä,
 Navon vuattiet nuaklah heitä.

- ³⁰ Здесь широкие дворы.
 Ногу ставь на санный полоз,
 На вязок поставь колено,
 Ты пройди гусиным шагом,
 Ножками чирка протопай,
³⁵ Улицей чужой деревни,
 По широкому подворью.
 Здесь уже с утра пораньше
 В хлеве Суопо помычала —
 Кто б принес охапку сена.
⁴⁰ Блеяла овца в закуте —
 Кто б принес щипок под
 мышкой.
 В стойле лошадь громко
 ржала —
 Кто бы подал мельче сена.

(Что теперь еще будет?)

- Ты, невестушка, сестричка,
⁴⁵ Милая моя гусыня,
 Слушай, что тебе скажу я:

*(Начнет ли она уже посуду
 мыть?)*

- В доме счет ве́ди ты ложкам,
 Знай посуде каждой цену,
 Не давай таскать котятam,
⁵⁰ Прятать не давай щенятam.
 Ты, невестушка, сестричка,
 Милая моя гусыня,
 Станешь в доме прибираться,
 Избу мой наполовину,
⁵⁵ Через половицу — пол,
 Лавку вымой — край не
 трогай.
 Ты, невестушка, сестричка,
 Милочка моя гусыня,
 Станешь ты белье стирать —
⁶⁰ Выбрось вон одежды свекра,
 Брось в амбар свекрови
 платье,
 В бане — деверя одежды,
 На гвозде — золовки платье.

Ukko šusina čupušša,
65 Akka karhu karšinašša.
Ukon luisija leukapielijä,
Akan lihaista kieltä,
Niitä voi kovin varata.
Moršivuisen, sisaruisen,

70 Kuuleš tänne, kuin šanotah...

*(Mikä nyt vielä tulou? En mie
tätä šua loppuh šuati.)*

Свекр сидит, как волк
в закуте,
65 А свекровь — медведь
в подпечье.

Челюстей костлявых свекра,
Злого языка свекрови
Бойся пуше всех напастей.
Ты, невестушка, сестричка,
70 Слушай, что тебе скажу.

*(Что теперь еще будет? Не
могу я эту до конца довести.)*

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на
от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд., дер. Корпиярви. Фон. 2609/7. Публ.: ПФКК,
№ 99. Перевод Э. Киуру.

ПРИЧИТАНИЯ

Причитания (itkuvirret) известны многим народам мира. Исполнялись они в переходные, грустные, горестные в жизни человека моменты. Как происходило развитие жанра в глубине веков, определить трудно. Финский фольклорист Л. Хонко считает, что история бытования причитаний в Восточной Европе насчитывает несколько тысячелетий. Из прибалтийско-финских народов причитания зафиксированы у карелов, ижорцев, сету, води и вепсов, т. е. у народов, исповедующих православие, у лютеран (финнов-ингерманландцев, эстонцев) они неизвестны.

Относительно карельских причитаний остается нерешенным, что древнее — калевальская поэзия или метрика причитаний. В отличие от калевальской поэзии в причитаниях поэтическая строка четко не прослеживается. В них выделяются своеобразные прозаические строфы или периоды, состоящие из нескольких (2-3) предложений. В текстах причитаний ярко и последовательно выражены аллитерация и поэтический параллелизм. А. С. Степанова считает, что объем и художественные особенности строфы (использование аллитерации, метафорических замен) зависят от талантливости и возраста исполнителей; чем они старше, тем более совершенны у них художественные приемы.

Все исследователи и собиратели отмечают своеобразный древний язык карельских причитаний.

Причитания трудны для восприятия даже тем, кто владеет карельским языком. В них сохранилось много архаических слов, которых нет в обычной бытовой лексике и в других жанрах народной поэзии. В основе причитаний — богатый метафорический язык. Без метафоры нет причитаний, они буквально пронизаны метафорическими иносказаниями. Все термины родства (мать, отец, сын, дочь, брат, муж) в причитаниях заменены метафорическими иносказаниями. Замены эти не произвольные, а подчинены определенным традициям, выработанными веками правилами. Один термин может иметь до десятка и больше метафорических замен. Например, все метафорические замены слова «мать» образованы с по-

мощью отглагольных существительных от глаголов, указывающих действия, которые мать совершает по отношению к ребенку: *imet-täjäiseni* (*imettää* — кормить грудью), *suorittajaiseni* (*suorittaa* — пеленать, одевать), *tuuvittajaiseni* (*tuuvittaa* — баюкать), *kantajaiseni* (*kantaa* — носить), *kylvettäjäiseni* (*kylvettää* — парить) и т. д. Для каждого родственника традиция причети находит свои метафорические замены, к которым прибавляется эпитет, как правило, оценочный, положительный. В северно-карельских плачах отец всегда *kallis hyväseni* (*kallis* — дорогой, *hyväseni* — существительное от слова *hyvä* — хороший, с ласкательно-уменьшительным значением), *kuulu* (знатный) *hyväseni*, *orhie* (доблестный) *hyväseni*, *lämmin* (теплый) *hyväseni*. В пределах таких синонимических рядов исполнитель волен выбирать наиболее подходящие к каждому случаю метафоры, эпитеты, что позволяет создавать длинные цепочки аллитерированных слов, когда целые текстовые периоды аллитерированы:

»*Kapuole, kaunis allisen, kakšilla kalovehkätysilläš kahet kanta-pyöräset kallehen hyväseš, tai kaunehien ilmojen piällä kantajaiseš šiatelijäš, tai kahet kaklapuolisiet kajon olkuol'uaikasina kajon omat-tomih vierahin kannettuih*».

Ученые считают, что метафоризация возникла и развилась из табу слов, с запретом в определенных условиях называть людей, предметы своими именами и названиями. Явление табу было известно многим народам мира. Особо опасным представлялось все, связанное со смертью. Умершего родственника в северной Карелии (*Vienan Karjala*) в течение шести недель нельзя было называть покойным, умершим, а называли так же, как и при жизни.

Сложный иносказательный язык карельских причитаний рассматривается в монографии А. С. Степановой «Метафорический мир карельских причитаний» (Л., 1985 г.).

В Карелии исполнение причитаний называется *eänellä itkeä* (плакать голосом), в отличие от обычного плача слезами (*itkeä*). Причитывание требует большого эмоционального напряжения, поэтому нелегко в фольклорных экспедициях уговорить исполнить причитание. Это жанр преимущественно женский, сведения об исполнении причитаний мужчинами зафиксированы только единичные. В прошлом практически каждая женщина-карелка умела причитывать. Исполнительница держала в руке носовой платок или угол передника, вытирая им глаза: недопустимым было ронять слезы на покойника, считалось, что они жгут его.

Причитания относятся к обрядовой лирике, они входят в похоронный и свадебный обряды. Более древними являются похоронные причитания. Они были обязательны в похоронном обряде. Если у покойных не было родственников, причитывали соседки, другие деревенские женщины. Хоронить без причети считалось недопусти-

мым. Причитывание, по древним понятиям, являлось единственным способом общения с потусторонним миром. Считалось, что обычной бытовой речи усопшие не понимают. Причитания были приурочены ко всем важнейшим моментам похоронного обряда, исполнялись они в строгой последовательности, начиная с причитывания при обмывании покойника, его одевании, дальше причитывали тем, кто изготовлял гроб и т. д. В причитаниях гроб называют «домом на века» (ikuinen koti), а кладбище — «деревней усопших» (kuol-leiden kylä). К похоронным относятся и поминальные причитания, исполняемые на девятый и сороковой дни и при любом посещении кладбища. Содержанием похоронных плачей является жизненная канва, «биография» умершего, горе и жалобы осиротевших родственников, забота о том, как покойного «встретят» в Туонела.

Исследовательница карельских причитаний У. С. Конкка считает, что свадебные причитания возникли и развились на основе и по аналогии с похоронными. Известно, что в XIX веке в северо-карельской свадьбе исполняли до 50—60 причитаний. Верили: чем больше плачут на свадьбе, тем меньше придется плакать в жизни. В свадебных плачах невеста прощалась с девичеством, подругами, «обижалась» на родителей, жаловалась, что они отдали — продали ее чужим людям на чужую сторону. По традиции на свадьбе причитания исполняла не сама невеста, а специальная причитальщица (itkettäjä, itettäjä, virzittäjä, ollalline). Их могло быть и две. Причитальщица «вела» свадьбу в доме невесты, причитывая в нужный момент, а невеста сопровождала ее исполнение плачем, слезами. Считалось, что от умения причитальщицы так же, как и патьвашки, зависело счастье молодых, поэтому старались найти хорошую причитальщицу. Свадебные плачи исполняла также мать невесты. В день свадьбы она будила дочь с помощью плача. Свадебная причеть заканчивалась на пороге дома невесты. У жениха в доме не причитывали, там не было причин для горя, для исполнения «поэзии вечной разлуки», там была встреча с новым членом семьи, новым работником. Свадебные причитания ушли из народного быта в 30-е годы нашего века. Похоронные сохранялись более продолжительное время, иногда и в наши дни (с каждым годом все реже и реже) при погребении пожилых людей обращаются к причитаниям.

Выделяется еще одна группа — так называемые бытовые причитания, напрямую не связанные с обрядами. Их исполняли в какие-то особые моменты — при встречах после долгой разлуки, расставании, при проводах в армию, просто в минуту грусти. В последние десятилетия, когда к причитаниям обращаются все реже, хранители традиции как бы в знак благодарности за интерес к древнему жанру исполняли причитания собирателям. Много таких плачей-благодарений посвящено А. С. Степановой, активно собиравшей

карельские причитания. В 60—70-е годы нашего века ею в карельских деревнях были обнаружены многие талантливые исполнители причитаний: Е. Н. Пивоева из дер. Зашеек, Ф. А. Архипова из дер. Соукело, М. В. Маликина из дер. Войница, А. Т. Толошина и М. Н. Меккелева из Падан, П. С. Савельева из Мян-дусельги.

Записанные от них и многих других исполнителей тексты опубликованы в сборнике «Карельские причитания», подготовленном А. С. Степановой и Т. А. Коски (Петрозаводск, 1976). В 1985 г. в Хельсинки вышло исследование У. С. Конкка, посвященное причитаниям: »Ikuinen ikävä: karjalaiset riitti-itkut».

HAUTAJAISITKUT

ПОХОРОННЫЕ ПЛАЧИ

Muamo itköy, kun pessäh kuollutta tytärtä

Valkual'kua vualimaiseni valtajouččenuisien valkevuiksi valkeih šyntysih, jotta valkeih luatusih valkeih šyntysih vaštual'tais valkiet omakuntaset.

Kukkahien kummalintusien kujillisikse kuvašvetysillä kujin luajitelkua ta kuklasien kuvallisiksi työ kujin ašetelkua kuvuamaistani kulu šyntysih. Häntä kun kukkahih luatusih kulu šyntysih kujin ašeteltais.

Ihaloijen ilmajouččenuisien innollisikse innon armaš itvomaiseni innon luajitelkua ihaloih šyntysih ihaloilla enovetysillä.

Tulkua valkeista šyntysistä valmistelomah vaškivajosuisie, kuita myöten valkeih šyntysih vallan kualelou vallan pikkaraini vualimaiseni.

Ettäkö vois tuuvehista šyntysistä, tunnon armahat tuuvehet omakuntaseni, tulituohukšuisie tunnon luajitella, hiän niitä myöte tiän turvasih tunnon kualelis tuuvehieh šyntysih tuuvittamaiseni?

Etkö še vois ni, vallan pikkaraini vualimaiseni, valkeista šyntysistä varpulintusina vallan ylenekšennellä vaimalon vartuvoni esih?

Ta ihaloijen ilmalintusien innollisina ilmaikkunaisien aluštai-silla. Niistä innon šilmittelin inhu vartuvon innon pikkaraista itvomaistani.

Ka kajon armahista šyntysistä karjaotukšuisina kajon ylenekšennellä kaunehien kamuaikkunaisien aluštai-silla. Niistä kačatelin kannettuistani kajon šuurissa ikävissäni.

Плач матери при обмывании умершей дочери

Обмойте до белизны белых лебедушек мою выпестованную для отхода к белым прародителям, чтобы по-белому (букв.) встретили ее белые родственники у белых прародителей.

До чистоты красивых невиданных птиц обмойте прозрачной водицей и подобно куколкам обрядите вы мою созданную для отхода к знатым (?) прародителям. Чтобы по-знатному (?) приняли ее у знатных (?) прародителей.

До красоты чудесных вольных лебедушек обмойте чудесной проточной водицей мою милую возвращенную для отхода к чудесным прародителям.

Придите от белых прародителей готовить медные ступенечки, по которым сойдет моя маленькая выпестованная к белым прародителям.

Не смогли бы (вы), милые славные родственнички¹, у славных прародителей приготовить горящие свечечки. Она, моя убаюканная, при свете свечей сошла бы под вашу защиту к славным прародителям.

Не сможешь ли, моя малюсенькая выпестованная, хоть птицей-воробышком прилететь (ко мне), к сникшему стану, от белых прародителей?

И красивой вольной птичкой прилетела бы к моему окошечку, так, печальный стан, посмотрела бы на свою малюсенькую возвращенную.

От милых прародителей поднимись хоть со стадом зверюшек под мои косивчатые окошечки, хоть среди них посмотрела бы (я) на свою выношенную в своей великой печали.

Зап. А. Степанова в 1966 г. в дер. Войница Калевальского р-на от М. В. Ма-
ликиной, 1886 г. рожд., дер. Хяме Калевальского р-на. Публ.: Кар. прич., № 31.

Grobun luadijilla

I voata rubielen vet kui
Ihalila ilmoila loadijala ihalala mamažela,
Idvojazieni lapšuon puolizet ihalad vā(v)yžed,
Ihalani mamaženi, siula iguzetti,
Vekovečnoitti, korennoivoit kodižet ažeteltih.
I aigomažeš ažetetut oardehuotti
Kai omažet kui t'äh oboidittih ni,

¹ Обращение к ранее умершим родственникам.

Kui siula varoi liippažedi lippahuot ažetetti,ih,
 I krasnoderev' annoit škatul'kažet oddielaidih ni.
 Vašta käyn pečal'noi rukkaženi kaččomah,
 Eigo, ihalani mamaženi, idvomien ažettamat iz'umažet (idvomažet)
 Siula igizijä da vekovečnoiloja kodizija
 Hoti izmen'älä ažetettu?
 Oi udalani mamaženi, ažetettihgoi
 Uččimien ažettamat umoimmat siemenyöt
 N'ämä siula igizetti, vekovečnoit kodizet,
 Siun umazien vaštazih vain ei?
 Mie käyn, kargie rukkazeni, kaččomah,
 Eigo siula, ihalani mamaženi,
 N'äid'ä igiziä korennovoiloja kodizija
 Libo liippazija lippahuzija siula
 Mimmoizien izmenäizien kera ažetettu.
 Ni veče idvomien iz'umažet siula, ihalani mamaženi,
 N'ämä igizetti, vekovečnoit korennovoit kodizet
 Ilman izmen'azit't'ä kainun(?) Val'arukan kaččomiziksi
 Ažetettih ikkunažetti kai ni.
 Ongo, udalani mamaženi, siula n'ämä dieložet hiän,
 Umažien vastah siun vai ei oldua, hiän udielaijud dieložet?
 Oi otmeniitoi mamaženi, otettihgo
 Ottamien oznoaččimat omenat siulda hot
 N'äid'ä kodizija loadiješša hotti odblahoslovenjažet?
 Eigo hoti polvin loadimien ažettamat polkovnikkažet,
 Moužet prostoit sanažet mit ažetettih,
 Ei odblahoslovien kera siuda
 Odblahoslovenjazien peäl'ä oboidittu?

Тем, кто делает гроб

И дай-ка начну (причитывать):
 Ведь как моей маменьке, на чудесный свет меня создавшей,
 Славные зятевья со стороны детей моей (матери), меня создавшей,
 Моя чудесная маменька, тебе вечный,
 Вековечный и долгосрочный (?) домик изготовили.
 И сокровища твоих (дочерей), тобой выращенных¹,
 И вся родня здесь собралась,
 Как для тебя липовые (?) сундучки изготовили
 И шкатулочки красного дерева отделали.
 Только что, печальная горящица, посмотрела,

¹ Внуки.

Как изюминки (чужих) возвращенных,
 Милая маменька, твой вечный и вековечный домик строили,
 Не допустили бы какой неверности.
 Ой, моя удалая маменька, изготовили ли
 Самые умные семейки, созданные (чужими) выученными,
 Эти твои вечные и вековечные домики
 По уму тебе и по нраву?
 Я сходилa, горькая горюшица, взглянула,
 Моя чудесная маменька, не содеяли ли,
 Когда делали эти твои вечные и долгосрочные домики,
 Эти липовые (?) сундучки для тебя,
 Не содеяли бы каких изменушек?
 Кажется, изюминки возвращенных, моя маменька,
 Эти вечные, вековечные и долгосрочные домики
 Для тебя без изменушки построили,
 Как посмотрела, бедная Валюшка, так и окошечки вырезаны.
 Моя удалая маменька, по нраву ли тебе эти строеньица,
 По уму ли тебе они справили это заданьице?
 Ой, моя именитая маменька, попросили ли,
 Как пошли яблоки, созданные (чужими) рожденными,
 Строить эти домики, попросили ли твоего благословеньица?
 Может, эти полковнички, рожденные (чужими) созданными,
 Не попросили благословеньица?
 Не сказали ли каких ненужных слов,
 Без твоего благословеньица бы не отправились?

Зап. А. Степанова, Н. Лавонен в 1971 г. в с. Паданы Медвежьегорского р-на
 от В. А. Мартыновой, 1911 г. рожд. Публ.: Кар. прич., № 86.

Pokoiniekkua noššetah murkinalla

Etkö šie voi valveuvukšennella vakavilta Tuonelan varšišija-
 silta, valkeih ilmoih šiätelijä kantajaiseni? Vet vallon ylentelisin
 vallon viimeset kertaset vaimalon vartuvoni ašettamilla val'uškave-
 rosilla.

Etkö šie vois šuimun ylenekšennella, šukeilla ilmoilla šuorit-
 taja šuorittajaiseni, yksillä šuusoviettaisilla näillä vajan vartuvoni
 ašettamilla kannikkaverosilla kajon viimesie kertasie?

Kuin olit kauniššanani vaššen kaihuo varruttani kaiken kaunehen
 ikäseš, kaunehin šanasin kašvattelit tai kajon ylentelit, kaune-
 hien ilmojen piällä šiätelija kantajaiseni.

Etkö vois yksin aijoin armahilla avostolasilla aijan ylenekšen-
 nellä yksin aikasin? Kuin olit armaššanani vaššen ankehta var-
 ruttani, ta vet kašvattelit täyšikašvusiksi kaunehien ilmojen (piäl-
 lä).

Et kaihoin šanoin kajon šilmitellyn, etkäi opualoijen šanoješ keralla ostupoinun. Kaikičči kaihuo varruttani kaunehin luavuin, kun vakavin luatusin vallon ylentelit, et vaivutellun vaikeilla varšityöhysilläš. Niin vakavat ni olkah valkeissa šyntysissä valkeih ilmoih šiätelijällä vualijaisellani.

Kun olovih luatusih... ta et ni opiitiksennellun olkatyöhysillä onehta varruttani. Niin olovat ošaset ošitelkah or'heih šyntysih, kun rupiet olekšentelomah.

(En mie enämpi voi.)

Покойника будят на завтрак

Не сможешь ли ты, моя, на белый свет меня создавшая, выносившая, пробудиться с покойного ложа Туонелы? Ведь последние разочки поднимаю тебя за столы с валушками, приготовленные мной, поникшим станом.

Не сможешь ли ты, моя, на проворный свет меня снарядившая, встать хоть одним словечком перемолвиться за этими хлебными кушаньями, приготовленными мной, поникшим станом, в последние разочки?

Как была (ты) со мной, кручинным станом, ласкова на слово, всю мою красивую жизнь ласковыми словами (меня) воспитывала и растила, моя, на красивый свет меня создавшая, выносившая.

Не сможешь ли вместе со всеми за милые накрытые столы подняться? Как с милыми словами ты растила мой печальный стан и вырастила на красивый свет до полного возраста.

Остудными словами не обижала и горькими словами не наставляла. Всегда с лаской холила мой горемычный стан и поднимала спокойненько, не изнуряла тяжелой повседневной работушкой. Пусть также спокойно будет (тебе), моей, на белый свет меня создавшей, выпестовавшей, у белых прародителей.

Как по-хорошему растила и не обижала тяжелой работой мой слабый стан, пусть такой же долей наделят тебя у доблестных прародителей, как будешь там пребывать.

(Не могу я больше.)

Зап. А. Степанова в 1966 г. в дер. Войница Калевальского р-на от М. В. Макиной, 1886 г. рожд., дер. Хяме Калевальского р-на. Публ.: Кар. прич., № 37.

Konzu grobu otetah pertiz, proššaijahes

Ota nāmis dostal'noized prošken'n'aized,
Kadalaine naine, nāmis kammarizis.
Sid nāmiz uuliččaizis, nāmiz vezirandaizis,
Andakkua imehel igäizet prošken'n'aizet.

(No, sid muudu enāmbi sih... Vümiene kerdu itkietäh, ku heitetäh grobu haudah.)

Nygöi, kačo, dostal'noid sinun iččez igäizih kodizih azettelimmo.
Ota nāmät kohtaized mielyzii myö.
Alä nygöi Tuonen piäl tuskevu.
Nygöi, kačo, dostal'noid kerdäized nāmmih kohtaizih azettelimmo,
igäizih elonaigazih, igäizih eländysijaizih.

Когда гроб выносят из избы, прощаются

Попрошайся в последние разочки
С этими горенками, кручинная женщина.
И с этой улочкой, и с этим бережочком,
Дайте удрученной вековечное прощенье.

(Ну, тут больше ничего... Последний раз плачут, когда опускают гроб в могилу.)

Теперь, смотри, в последний твой вековечный домик тебя уложили.
Прими милостиво это местечко для себя.
Не прогневайся теперь на Туони.
Теперь уж в последний разок на это местечко уложили,
На вековечные времена, в вековечные места.

Зап. У. Конкка, П. Лукина, Н. Онегина в 1968 г. в дер. Сямозеро Пряжинского р-на от А. Н. Ипатовой, 1893 г. рожд., дер. Кяргеля Пряжинского р-на.
Публ.: Кар. прич., № 139.

Kalmoil itkietäh kuuven nedälin proidihuo

Vuotaz opin dai, naine kargijaizeni,
Kallehen(i) armoizeni kalmoilaudaizii jo kaldailta.
Dai vai opin, naine kargijaizeni,
Kallehen armoizen(i) liijad muahuod liikutella.

Eigo voi hot kui kuuzien nedälyizien peräh
 Nygöi kallistun armostu kuonutella pagista.
 Dai, kallehed(i) spoassaized(i), peästäkkää kallistu armostu
 Iččeh kallehien kandomuoizien ke paginaizil.
 Dai valgied syndyzedi, valdailkoa hod(i) kallistu(ni) armoistu
 Kallehen kandomuon ker iččeh paginaizile.
 Eigo voiz(i) kargijaizen naizen hozi kalliz armoizeni
 Hos kaksien kandupeähyizien vuoh kavahtella.
 Libo eigo voi hozi kaksien kynäbryksyzen vuoh kuvatellakseh,
 Hos kuuzien nedälyizien peräs paginazil.
 Kaihäi, kalliz armoizeni, minule ni kargijaizele naizele
 Sinun peräh oli ilmaizien suurevuod(i) igäväized,
 Dai taivahan suurevuod(i) taudized(i) tirpelin
 Nämiz kuuziz nedäliziz gu.
 En voinnuh ni naine kargijaizeni,
 Ni suremattah ni kele sulavien sanaizien ker ni mennä,
 Ni kenen suun eduizih surematta sanelta ga.
 Kaihäi naizele kargijaizele, kalliz armoizeni, kai
 Nämis kuuziz nedäliiziz ga vahingo kannabroized
 Nämien kalmaizien tyveh kainaloizissah kazvettih.
 Daihäi kai naine jo kargijaizele, kallis armoizeni,
 Sinun peräh minulleni kuuzih nedäliziz
 Jo kuudahaizet kručinnoid(i) kulkuizissah kazvettih kai.
 Kai naine kargijaizele, kalliz armoizeni,
 Nämih kuuzih nedälizih, kai pečalnoid(i) pedähäized(i)
 Peähyön korgevuizikse kazvettih.
 Kai naine kargijaizeni ku en voinnuh
 Ni suremattah ni kenen suun eduizih mennä ga.
 Ed ni naine kargijaizele ni, kalliz armoizeni,
 Voinnuh ni nutnoih syvih unuizih
 Uinottuugi unuiziz ozutellakseh.
 Hoz olluzih hod kukkizen(i) kurizettomale n aigaizele
 Mittumis tahto kohtaizis kuvahtellakseh,
 Libo voinnuzid hoz(i) kanaizien koakattamattomile aigaizile
 Mittumis tahto kohtaiziz livahtellakseh.
 Hyvin on(i) kallehed(i) spoassaized(i) loajittu sinulez(i),
 Kielyödi on(i) kirvoteltu dai.
 Ed voi ni mittumii otviettaizii annella,
 Kalliz armoizeni, naizele minulle kargijaizele ga.
 Ylen on(i) valgied syndyzed(i) sinus
 Suuret vaivaized loajittu nämize kuuziz nedäliiziz(i).

(Sih lopih.)

Плач на кладбище на сороковой день

Дай-ка попробую, горькая женщина,
Над моим дорогим милостивым могильные доски раздвинуть.
И попытаюсь-ка, горемычная женщина,
Над моим дорогим милостивым лишнюю земельку разгрести.
Не смогу ли хоть теперь, через (?) шесть неделюшек,
Моего дорогого милостивого пробудить, чтобы (с ним) поговорить.
Дорогие спасушки, отпустите-ка моего дорогого милостивого
На беседушку с его дорогими выношенными.
И, белые прародители, дайте волюшку моему дорогому милостивому
Поговорить самому с его дорогой выношенной.
Не сможет ли хоть дорогой милостивый горемычной женщины
Вскочить, опираясь на свои две пяточki.
Либо не сможет ли (он) приподняться
Хоть на своих двух локоточках
На беседушку через шесть неделюшек.
Ведь, мой дорогой милостивый, у меня, у горемычной женщины,
По тебе были кручинушки во весь свет величиной,
Величиной до самого неба великие боли претерпела
За эти шесть неделюшек.
И не могла ведь, горемычная женщина,
Ни к кому с ласковыми словечками подойти без своей кручинушки,
Ни с кем без кручинушки перемолвиться.
Ведь у меня, у горемычной женщины, мой дорогой милостивый,
За эти шесть неделюшек около этой могилушки
Вырос горький (vahingo) вереск до самых подмышечек.
И ведь еще, мой дорогой милостивый, у горемычной женщины
За эти шесть неделюшек после твоего отхода
По самые плечики кручинные кустики выросли.
Мой дорогой милостивый, ведь у горемычной женщины
За эти шесть неделюшек
Печальные сосенки выше моей головы выросли.
Ведь, горемычная женщина, не могла
Без печали ни к кому подойти.
Не мог ты, мой дорогой милостивый, мне, горемычной женщине,
Когда засыпала я глубоким сном, хоть во сне показаться.
Хоть бы до пения петухов в каком-либо местечке показался,
Либо смог бы хоть в то время, когда куры не квохчут,
В каком-либо местечке промелькнуть.
Что же сделали с тобой дорогие спасы,
Видно, язык у тебя отняли?
Не можешь дать никакого ответа, мой дорогой милостивый,
Мне, горемычной женщине.

Видно, очень большие мучения причинили тебе
Белые прародители за эти шесть неделюшек.

(На этом кончается.)

Зап. А. Степанова в 1964 г. в с. Ведлозеро Пряжинского р-на от А. И. Николаевой, 1909 г. рожд., дер. Хижезеро Пряжинского р-на. Публ.: Кар. прич., № 161.

Passipot stolista

(Šiinä ne tuaš pikkaraiset passipot annetah. Šiitä annetah passipuo ta kun šyötetäh ta stola laitetah še ta, ken on šen stolan laittan, nin šillä passipot annetah ta...)

Passipo še verran tovol'naisien vil'l'averosien verran luajittelomua vetrehien ilmojen piältä verran puutu (nehella)...

(Laittanou šen veron tytär eli laittanou poika, eli muamo, eli ken kačo, niin šilläi šanotah.)

Passipo še oimun tovol'naisien opinjaverosien oimun luajittelomua olovien ilmojen piältä oimun puutuva orheilla ilmoilla oimun šiätelijällä ottajaisellaš.

Tai passipo sei iče verallini vetris allise(ni), verran tovol'n'aisien vil'l'averosien verran luajittelo(mua)... luajittelomua vetrehien ilmojen piältä verran puutuvan vetrehillä ilmoilla verran šiätelijällä veršojaisellaš.

Passipo še, olova vetris narotakuntani, kun verran kuaelija verran šuurissa vierona aijoissa näillä verran armahilla vil'l'avero(illa).

Passipo še, kajon olova kaunis narotakuntani, kun kajon kuaelija kajon kaunehien ilmojen piältä kajon puutuvalla kajon armahilla kan'n'ikkaverosilla.

(No niin, šiinä sei itetäh niitä, a mie enämpyä en tiijä, jotta kuin itetäh. No. Tässä annetah passipot šiitä vielä rahvahalla, kun tullah hyö šyömäh ta šiihe stolah tullah.)

Спасибо за столы

(На поминках за столом причитывают, благодарят тех, кто пришел на поминки.)

Спасибо же за приготовление щедрых хлебных (житных) трапез для отошедшей с бодрого света...

(Приготовит ли столы дочь, либо сын, либо мать, того и благодарят.)

Спасибо же за приготовление щедрой пищи-обеда для твоей, с сущего света отошедшей, на славный свет тебя создавшей, тебя принявшей.

Да и спасибо же, мне подобная (моя ровнюшка, ровесница) резвая моряночка, за приготовление щедрых (довольных) хлебных трапез (яств) для твоей, с бодрого света отошедшей, на бодрый свет тебя создавшей, тебя взрастившей.

Спасибо же, сущий бодрый народ-община, что пришли в эти порушки больших печалей на эти милые житные кушанья-трапезы.

Спасибо же, сущий красивый народ-община, что пришли к моей, с красивого света отошедшей, на милые хлебные трапезы.

(Так и причитывали. Благодарили и сидящих за столами.)

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски, З. Трофимчик в 1979 г. в дер. Софпорог Лоухского р-на от Ф. Д. Никоновой, 1902 г. рожд., дер. Катослампя Лоухского р-на. Фон. 2552/16. Публ.: ПФКК, № 131.

НÄÄITKUT

СВАДЕБНЫЕ ПЛАЧИ

Kiäniskuvirsi

Oh, mitä, or'hie hyväsen olet oimun ylenekšennellyn esih oimun ylähäisien oččioprasaisien kera (ottamien) omašteliutumah? Vet ruvettih oimun nuorukkaiset osravaltaseni ottuumaimah, jotta etkö hoti ottorkuiče oimun nuorukkaisie osravaltaseni omattomilla vierahilla ottamilla.

Vet ollah, šuavis hyväsen, šuarvašatasien šualuinta-aikaset. Etkö šualuiče miun šuarnan nuorukkaisie šuarvavaltasie šuarnan omattomilla vierahilla šuarnomilla?

Eikä minkänä oimullisien oravatuhanšien ottorkuiksennella. Etkö ottorkuiksenteli oimun nuorukkaisie osravaltaisieni?

Etkö, valkie hyväseni, hoti vajehtelevan vanhojen čuarijen aiku-hish varttirahasih miun vallan nuorukkaisie vuaklavaltasie? Ru-pieltih vaimalalla vartuvuollani vaimalat šiänalasuoni varelehtamah.

Etkö hoti kukkaroijen pohjista kulunehih kuparirahasih miun kujin nuorukkaisie kuklavaltasieni kujin luajittele?

(No, še vältti.)

Плач на «рукобитье»

Зачем, мой доблестный хороший, встал (ты) в переднем углу перед высокими образами, чтобы с чужими принятыми породниться? Ведь моя молоденькая ячменная волюшка задумалась, не мою ли молоденькую ячменную волюшку проторговываешь неродным чужим принятым?

Ведь, мой славный (усл.) хороший, настало времечко торговать сотнями выдр. Не отдаешь ли мою молоденькую волюшку выдры неродным чужим рожденным (усл.)?

Нет, не торгуют тысячами белок. Не торгуешь ли моей молоденькой волюшкой ячменя?

Не обмениваешь ли хоть, мой светлый хороший, на старинные, царских времен, четвертаки, мою совсем молоденькую девичью (усл.) волюшку? Горемычное сердечушко моего горемычного стана затрепетало.

Не мою ли молоденькую волюшку куколки за истершиеся денежки, валявшиеся на дне кошельков, отдаешь?

(Ну, это сойдет.)

Зап. Т. Вязинин в 1962 г. в с. Ухта Калевальского р-на от У. П. Хойкка, 1888 г. рожд. Публ.: Кар. прич., № 45.

Antilaš kyšyy prituaneita

Etkö voi, tuuvittajaseni, tunnon ašetella turtivolla vartuollani tunnon tovol'n'oisie turkkivuattevuisie tuuvittamien puolilla tuuviehie ilmasie? Et tiijä ne tuuvittamat tunnon ašetellah tuuli- puolilla turtivuo varrutani.

Etkö voi, veršojaiseni, vison ašetella vieronalla vartuollani vison tovol'n'oisie villavuattevuisie viihyttämien puolilla viekkahie ilmasie? Et tiijä šielä viihyttämien puolilla viekkahie ilmasie viuhahutellah vilujen šäijen varasieh.

Aikojaiseni ašettele aijan tovol'n'oiset tai antelevie alušvuattevut aikomien puolilla armahie ilmasie. Anna ei ankeh vartuvuoni

aijan ensimmäisistä alotteluista šuate alottais aikomien alušvuat-tevuisista...

Etkö voi, kantajaiseni, kajon ašetella kannettuijen puolilla kallehie ilmasie kaihonalla vartuolla kajon tovol'n'oisie karjalehmäsie? Vet kun rupien kaihona vartuvuoni šuutani kaštelomah kannettuijen karjalehmäsistä, nin vet vielä kajon ašetellah kannetut kaiholoilla šanasilla.

Etkö voi, mainojaiseni, manun ašetella manun tovol'n'oisie mairikkilehmäsie mainomien puolilla mairehie ilmasie? Vet kun, malkivo vartuoni, rupien mainomien mal'ojen pohjista maistelomah maitolusikkaisie, nin vielä vet mainomat manun ašetellah manun tovol'n'oisilla mattišanasilla malkivuo varruttani.

Невеста просит приданое

Не можешь ли, моя, меня укачивавшая, приготовить (мне), уставшему стану, добротные шубные одежды на ту сторону славного света к (чужим) убаюканным? Как знать, может, убаюканные уложат мой уставший стан с ветреной стороны.

Не можешь ли, моя, меня взрастившая, приготовить сникшему стану справные шерстяные одежды перед уходом к утешенным на ту сторону бойкого света? Как знать, может там, на стороне бойкого света, у утешенных выпроводят (меня) в холод на улицу.

Моя, меня вырастившая, приготовь с избытком и выдели нательную одежду на ту сторону милого света к чужим выращенным. Чтобы (мне), кручинному стану, с первых же дней не пришлось ходить в нательной одежде (чужих) выращенных.

Не можешь ли, моя, меня выносившая, выделить печальному стану на сторону дорогого света к (чужим) выношенным добрых коровушек из стада? Ведь как буду (я), печальный стан, мочить рот молоком (букв.) от коровушек, из стада выношенных, так ведь (чужие) выношенные будут горькими словечками поносить.

Не можешь ли, моя, меня оберегавшая, приготовить ласковых коровушек на ту сторону любезного света к (чужим) береженным? Ведь как буду я, печальный (усл.) стан, пробовать молоко с донышка мисок у чужих береженных, так ведь чужие береженные обругают мой печальный (усл.) стан крепкими бранными словечками.

Зап. А. Степанова в 1967 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от П. И. Кундозеровой, 1889 г. рожд. Публ.: Кар. прич., № 10.

Itkuvirzi muamol

Suuret passiboized, naine kalliz armoizeni,
Kaiken kazvindoinaigizis hyvyizissy.
Kuijo ylen puaksut kerdaised(i)
Savunalaizin unuizin magavuttelid(i).
Edjo kergijäisty lastu kiirehtellyh ni mittumih ruadoizih.
Kui nygöi ruvennen, kurjaine lapsi, ilmoim kuvamih mendyy
Vakki kohtaiziz vakkiruadoizile työndymäh?
Suuret passiboized, naine kalliz armoizeni,
Kuin ylen suuril sanaizil suimajelid.
Edjo nikos, kergijäisty lastu
Nikoz vigoisanaizil virkellyh.

(Oi, en voi, itken.)

Kui jo n ylen puaksut kerdaised yksih arttelizih työndyksendelit,
Edjo nikoz vigoisanaizil virkellyh.
Hod jo liennöy liigoi čuassuzii gul'ainnun ga,
Kai panid(i) iččezi valdaizih.

(En voi enämbi. Siit tuatalleh itkietäh.)

Suuret paßsiboized, uroi kuldoi armoizeni,
Kui kaunehil rungaizil kai sobaized luajiid.
Edjo ni miittumii sobaizii n nohtelluh,
Kai nämil kaunehil rungaizil kazvajessu
Ku kai sobaized azettelit.
Kai kaheksanahkaizet katuhkaizet.
Kai kaunehil rungaizil pitkät pal'toized
Dai kai priduanized varustelid.
Ei olluh, onehel lapsel, omas kodizez olendastu,
Kui nygöi vierahii vilustuttanetto.

(Oi, jo en enämbi voi.)

Причитывают матери

Большое спасибушко тебе, моя дорогая женщина милостивая,
За все добро девической поры.
Уж очень часто давала ты мне
Наслаждаться в снах поддымных (избы курной).

Уж не поторапливала ты горемычное дитя ни на какие работушки.
Как теперь буду, несчастное дитя, в чужих местах,
У миром созданных, к неведомым работушкам привыкать?
Большое тебе спасибошко, моя дорогая женщина милостивая,
За твои словечки ласковые.
Уж никогда ты меня, горемычное дитя,
Не упрекала горькими словами.

(Ой, не могу, плачу.)

Как бы часто ни ходила (я) в одни артелюшки,
Уж никогда (ты) не молвила слова горького,
Если и прогуляю лишний часок.
Все сдерживала в своей душеньке.

(Больше не могу. А потом причитывают отцу.)

Большое спасибошко, мой золотой мужчина милостивый,
За наряды, которые сделал для моего красивого стана.
Уж ни про какие наряды ты не забыл,
А припасал всякую одежушку,
Когда я цвела красивым станом.
Даже для горемычной в приданое припас
Перинушки и одеяльца ватные,
Даже полстицы (одевальницы) из восьми овчин.
Даже для красивого стана пальтецо и всякое приданое припас.
Не суждено было, несчастной, в своем доме жить,
Как теперь к чужим отчуждаете.

(Ой, не могу больше.)

Зап. У. Конкка, П. Лукина, Н. Онегина в 1968 г. в пос. Эссойла Пряжинского
р-на от Ф. М. Житковой, 1903 г. рожд. Публ.: Кар. прич., № 143.

Kylyvirži

Oi kallehieni armoizieni kannettuizieni kallehuot kanažet,
Mängeä kargijaizien tied'ämät't'ömän lindurukan kohtahizet
Kaunehet kanakylyzet lämmit'äkkeä.
Mängeä idvojazieni lapšuzien innollizet izmenät't'ömät.
Elgeä lämmit'äkkeä, lehvojazieni lapšuzien
Sijoih azetettavat, leppäzillä halgoloila,
Kuni ei lehvomad rojittoa leyhäkkä mielellizet.
Elgeä lämmitäkkeä, oi korottajazieni allizieni

Sijoih azeteldavat, koivuzila halgoloila,
 Kuni ei korottamad rojittoa kovaseämellizet.
 Lämmit'äkkeä kebeil'ä kelohozila halgozila.
 Hoi idvojaizieni lapšuzien sijoih ažetettavat,
 Elgeä izmen'äzilä ažettakkoa.
 Moožet šoavistamat tullah
 Enzimäzist'ä šauhuzien laškuzista šadojen kero,
 Ottamat oštelomah miun oigeida odoallikylyzie?
 Elgeä mielen loadimila ni mihi mirikkeäze,
 Lämmit'äkkeä, voalijazieni lapšuzien oalazet,
 Miun nämä jällindostal'n'oit kaunehet kanakylyzet
 Mielyzien izmen'oit't'ä.
 Lämmit'äkkeä, moožet tullah tuuittamat... (Igoi tämän sanoin)
 Tuuittamat tuhanžien kero,
 Enzimäizissä tuuhuzien laskuzissa.
 Elgeä tuuittamie ni tuhanžista ruvekkoa tunnuštamah.
 Hoi voalijazieni lapšuot, kui valmisteletta
 Miun jällindostal'n'oit kaunehet kanakylyzet,
 Moožet mielin loadimat tullah miljoonoijen kero,
 Miun kohtahizija oigeida
 Odoallikylyzija ottamah, oštelomah.
 Elgeä nii miljoonoih mirikkeäze.

Баенный плач

Ой, дорогие курочки¹, равные выношенным
 Моими дорогими милостивыми²,
 Пойдите-ка, для меня, горя не ведавшей бедной птички,
 Красивую баенку курочки³ истопите.
 Пойдите, равные детям моих (родителей), меня взрастивших.
 Деточки, подобные детям моих (родителей), меня взлелеявших,
 Не топите-ка ольховыми дровицами,
 Чтобы (чужие) взлелеянные не стали бранчливыми.
 И истопите-ка легкими сухими (?) дровицами.
 Ой вы, подобные детям моих (родителей), меня взрастивших,
 Сделайте все верно, без изменушки.
 Может быть, (чужие) созданные (усл.)
 Будут за первые клубы дыма по сотне предлагать,
 Станут (чужие) рожденные мою верную девичью баенку откупать?

¹ Подруги.

² Родителям, то есть такие же дорогие, как ее братья и сестры.

³ Девичью баню.

Не соглашайтесь ни в чем с созданными разумных,
 А истопите, подобные детям моих (родителей), меня выпестовавших,
 Эту последнюю красивую баенку курочки
 Для меня верно и без изменушки.
 Истопите-ка, а если придут баюканные...
 Придут баюканные с тысячами
 И (предложат) за первые клубы дыма,
 Так вы этих баюканных и за тысячи не признавайте.
 Ой, дети моих (родителей), меня выпестовавших,
 Как приготовите для меня в последние разочки
 Красивую баенку курочки,
 Так, может быть, созданные разумных придут с миллионами
 Для меня приготовленную, верную баенку морянки отнимать
и откупать,
 Так вы и на миллионы не соглашайтесь.

Зап. А. Степанова, Н. Лавонен в 1971 г. в с. Паданы Медвежьегорского р-на
 от М. Н. Меккелевой, 1896 г. рожд. Публ.: Кар. прич., № 107.

Kaššanriičindä virži

Kuin rubiet, kuukolkaizen, näillä kunnivokkahilla čuppuzilla
 ažetteliudumah? Kun mänet näillä siivon hyväzillä šilmienris-
 sindä šijazilla, liennäh monikerdazet šibl'äzet šiula.

Enžimäizet liennäh obiidez, kuin oigeilla oččuriädyzillä olijat
 očcalenttazet otnimitah.

Liennäh šuuret obiidez, kaunehien kanakaššojen päissä kana-
 kaunehet kannettavat kaikki kavotetah.

Kaunehet l'ubiimoit kanakaššazet kahekšiksetoistakymmenikse
 kalikan kost'eliloikse kuaznitah siun kaunehet kanakaššazet. Kan-
 notteliete kaunehet(-ien?) kanakassazien kavottajiksi, kallis hyvä-
 zeni.

Kannottele, kallis hyväzeni, kumbazet ollah armahien spuassujen
 blahoslovimat Abramam prestoloijen tagana olijat Abramam lip-
 pahaizet. Abramien lippahien tagana olijat abramam avaimet tuo
 armahie kaššazie avatešša.

Плач при расплетании косы

Как же будешь ты, моя куколка, садиться в этот почетный
 угол? Как только подойдешь к этому славному местечку, где крес-
 тятся, многократные кручинушки будут у тебя.

Первая обидушка будет, как (у тебя) налобную ленточку со лба снимут.

Будут большие обидушки, ведь все, что носила на красивой косе курочки, снимут.

Красивую любимую косу курочки на восемнадцать десятков посохов для калик (нищенских посохов), разведут, погубят твою красивую косу курочки. Подойди, мой дорогой хороший, расплетать косыньки курочки.

Принеси, мой дорогой хороший, за престолами Абрама находящиеся сундуки, благословленные милыми спасами, в сундуках Абрама есть ключи Абрама, принеси их, (чтобы) мою милую косыньку раскрыть.

Зап. Н. Лехто в 1941 г. в дер. Ругозеро (н. Муезерский р-н) от Д. П. Павловой, 1866 г. рожд., дер. Ондозеро. Публ.: Кар. прич., № 79.

TI LAPÄISITKUT

БЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Rekryyttivirsi

Kargijaine d'o kandomuttani
Kaksih kymmenih vuoduzih sah kazvattelin da
Imehyt naine rukku omani jätetty
Idožuttani yksin käzin ylendelin ga.
A nygöi gui rubeinhäi, kargijaine naine rukku,
Kandomuani kaimaelemah kazonnoloih kamandazih da.
Rubein atkalaine naine, aigamazeni,
Andelemah sinuu agjattomih artelizih,
Pestyzeni, rubien nämile päiväzile
Provodiimah perättömih perehyzih ga.
Olit kurdazen kuvattu kuvamazeni kupečeskoilois kunnivozis,
Saaduzeni, olit nämih aigazis sah saviesačkolois(?) elonaigazis ga.
A nygöi rubien vierijäine vieraittelemah vierahihe edyzih da.
Nygöi kačo rojih uskomattomat unuot maattavakse
Da arbaelemattomat askeluat astuttavakse.

(En d'o... unohtan näigai.)

Vezazenii rojitto kačo vierahile valdazile
Dai rojitto muga, maksazeni, magaelemah vai kukkozien unuzii.

Nämih aigazih sah pidelin viegu sitkijäzeni naine,
Sinuudas omassalmien (?) siibyzien oalle da.
Maksazeni, vie nämih aigazissah magaittelin
Omani maksazien oalle ga.
A nygöi kui ruvennet, uččimazeni
Ielizii elonaigazii unohtelemaheze.
Kaksih kymmenih vuoduzissah pidelin,
Idozeni ikkunpielyzile igruzinnu da.
Dai kandamuoni kazvattelin kaksihkymmenih
Vuoduzissah ikkunpielys kaunizinnu ga.
A nygöi tuloo, eväzeni, sinullezi, ilmaz
Da ilman randazile eroittellakseh,
Vezazeni, tuloo vierijää kivyttu rounu vieraittella...

(En voi itkie.)

Рекрутский плач

Горемычная, своего выношенного
До двадцати годочков растила,
И, удрученная, бедная женщина,
Свой росточек на одних руках поднимала.
А теперь вот стала, горемычная, бедная женщина,
Своего выношенного провожать в казенные командушки.
Тоскливая женщина стала, мой взращенный,
Отдавать тебя в необъятную артельюшку,
Обмытый мой, стала в эти денечки
Провожать тебя в бескрайнюю семьюшку.
Был (ты), мной несчастной созданный, в купеческих почестях,
Мой роженный, был до этих порушек в привольном (усл.) житье.
А теперь, кручинная, буду отправлять к чужим.
Теперь, гляди, будешь спать неполным сном.
Пойдешь по неизведанным путям.

(Не могу... вишь, забываю.)

Будет (у тебя), мой росточек, чужая волюшка,
И будешь ты, моя печеночка, спать сном петуха (т. е. чутко).
До этой порушки все еще, создавшая (усл.) тебя женщина,
Держала тебя под своим крылышком.
Печеночка моя, до сих пор усыпляла тебя
Еще под своим сердечком (букв.: печенью).
Как теперь будешь, мой выученный,
Прежнюю жизнь забывать?

До двадцати годочков холила тебя, мой росточек,
Как игрушечку у своего окошечка.
И своего выношенного растила
До двадцати годочков, как украшение у окошечка.
А теперь придется тебе, мой плавничок,
Отлучаться в бескрайний мир,
Надо будет разлучаться с росточком, как с катучим камнем.

(Не могу плакать.)

Зап. Т. Коски, А. Митрофанова в 1967 г. в с. Видлица Олонецкого р-на
от Н. И. Гавриловой 1900 г. рожд. Публ.: Кар. прич., № 205.

Poijal gostih tulduo

Nouze, kurjan muamokulun, kurjien keskizist'ä
Siämyzist'äni kukittu kukko kuvuamazeni,
Kierojen kandajakulun ičekiehuilai kip'atkavedyzilä.
Onehen ozattoman muamokulun obdelaittu okluadane,
Nouze jo onehen muamokulun azetettuloila
Kiirehiläi kip'atkaved'yzilä.
Hod' jo ei kurjala muamokulula ole, kukko kuvuamazeni,
Kuuzitoistakymmenkerdazie kuušan'joloï ni kunnivoloï.
Oi kyvelmön muamon kyben kylvet't'ämäzeni,
Kyvelmö kandajakulu omila kylmilä osl'oziimoiloila
Kyyne'elvedyzilä siun kyllässyt't'elen.
Angehen, aino abeudunuon kandajakulun
Azetettu uardehut (t) aigomazeni,
N'äilä zakonnoiloilai zautrokkaverozila kuonnu(v)e.

(En voi en'ämbi... Vaivuin.)

Сыну, приехавшему в гости

Встань, мой петушок, мной созданный,
В жалкой утробушке жалкой матери расцветший,
На вскипяченную кипящую водичку¹ твоей кручинной,
тебя выносившей.
Бедной, несчастной матерью созданный окладушек,
Встань на кипяченую горячую водичку,

¹ Чай.

Слабой, жалкой матерью приготовленную.
Хоть у жалкой, бедной матери и нет,
Мой петушок, мной созданный,
Шестнадцати десятикратных кушаний и почестей.
Ой, остудной (усл.) матерью выпаренная искорка,
Остудная (усл.), жалкая мать, стану
Своими студеными слезными водицами тебя угощать.
Клад мой выращенный, созданный мной печальной,
Всегда обиженной, жалкой, тебя выносившей,
На этот законный завтрак пробудись.

(Не могу больше. Устала.)

Зап. А. Степанова, П. Лукина в 1968 г. в дер. Кармасельга Медвежьего-
ского р-на от А. И. Захаровой, 1905 г. рожд., дер. Сайозеро Медвежьего-
ского р-на. Публ.: Кар. прич., № 132.

Itkuvirsi kansanrunouden kerääjille

Aššukšenteletta aikomien puolilla armahie ilmoja...

Veršomat, viekaš spuassu verran autelkah teitä, kun vierek-
šentelettä näillä teillä...

Armahat spuassut teitä auttakkah näillä ajotiehysillä aikomien
lapšie, kuita ajoteitä aššukšenteletta ympäri armahien ilmojen.

Kukkahat luojat teitä kuvual'kah kukkahemmin luatuloin, kun
kuilla kulkuteillä kuvualeuvutta kuvamien kuvamaiset ni. Kujin
hyvillä kulkutiehysillä kulu šynty kujin armotelkah kukkahie ilmoja
kualellešša.

Vetrehie ilmoja myöte vierekšennellä, ta viekaš spuassu verran
autelkah vetrehie ilmoja myöten vierekšennellä näillä vinkateillä,
vinkapuolil'l'a viekkahie ilmoja vierekšentelettä.

Kuvual'kuačči kuvamien puoliloilla kukkahie ilmoja, ta kukkahat
luojat kujin autelkah teitä kulekšennellä näitä kuvamien kulku-
teitä.

Vilut on vinkašiähyöt ollah veršomien lapšil'l'a ta vinkapuolil'l'a
vetrehie ilmoja, kuilla kuvualeuvutta kujin äijil'l'ä kulkuteillä.

(Välttökkäh.)

Kanalintujen kaunehuiset oletta, kaunismielijen kannettuiset.
Šoršalinnun šomevuiset oletta, šolujaiset šulašanat šuorimaiset,
ni šukiet spuassut šuimin autelkah niillä šelukšennellä šuuril'l'a
työhysillä.

Kaihoilla teillä kun oletta kanalinnun kaunehuiset ni, ei niin

kun kuatunut ikäraiska kaiho vartuon olen vet jo i kuavukšente-lomašša kaunehie ilmoja.

Ošavuiset, ta utkalintujen ošavuiset oletta or'hie alliseni, nin or'hiet spuassut oimun autelkah teitä ošavaisešta oimun kuale-lekšennella ottamien puolil'l'a or'heita ilmoja.

Ta elkäh vinkatuuluset vihjual'kah, viiččimäiseni visolliset, kun vieretta viklilinnun veššelyiset tai šomat šoršalinnun šuimulliset šolujat näitä šuorimien sujotatiehysillä. Kuin ni šolukšennellah šuur-et šomat šoršalinnut.

Valkiet ollah vahalintusen vallalliset vualimaiset vualimat, kun vajelteletta näillä vualimien puolil'l'a valkeita ilmoja.

Kanalinnun kaunehuiset oletta, kaunehet alliseni, nin kallehet spuassut kaunisselkah tai kaunehet šiahyset antakkah kualanta-aijoiksi teilä kallehie ilmoja myöte kualellešša.

Плач собирателям

Похаживаете по чужой стороне милого света...

Мудрый Спас да поможет вам, возвращенные, как стран-ствуете по этим дорогам...

Милые Спасы пусть помогут вам, детям выращенных, на этих проезжих дорогах, по которым проезжим дорогам ходите кругом милого света.

Чудесные создатели пусть украсят вас чудесным образом, когда снаряжаетесь по этим проезжим дорогам, созданные (чужих) создан-ных¹. По хорошим проторенным дорогам как бродите по чудес-ному свету, пусть знатные прародители окажут вам свою милость.

По необъятному свету странствуете, так пусть мудрый Спас поможет вам в странствиях по необъятному свету, по этим холод-ным дорогам. Странствуете на студеной стороне мудрого света.

Когда ходите по чужой стороне чудесного света, так пусть помогут вам чудесные создатели в ваших странствиях по этим чу-жим проторенным дорогам.

Холодные ветреные погоды выпали детям выращенных на хо-лодной стороне необъятного света, где ходите по многим прото-ренным дорогам.

(Хватит.)

Выношенные красивых разумных, вы красивы, как птицы-

¹ Плакальщица называет собирательниц детьми, но не своими, а чужих «создан-ных».

курочки. Ласковые снаряженные, вы красивы, как птицы-уточки, так пусть ласковые Спасы помогут вам справляться с большой работушкой.

По неизведанным дорогам бродите, красивые, как птицы-курочки, не так, как я доживаю свой век, и ведь скоро сойду с красивого света.

Счастливые, да как птицы-уточки счастливые, славные уточки-морянки. Так пусть же доблестные Спасы помогут вам счастливо бродить на чужой стороне доблестного света.

И пусть студёные ветры не пронизывают вас, подобные моим, мной взращенным (усл.)¹, когда вы ездите, веселые, как птицы-кулички, и красивые, как птицы-уточки, по этим суетным дорогам чужих снаряженных. Так же, как плавают большие красивые птицы-уточки.

Выпестованные чужих выпестованных, подобные белым птичкам (vahalintu?), странствуете на этой чужой стороне белого света.

Красивы, как птицы-курицы, красивые моряночки, так пусть дорогие Спасы украсят вас и дадут вам красивой погодушки, когда вы странствуете по дорожному свету.

Зап. А. Степанова, П. Лукина в 1968 г. в пос. Тикша Муезерского р-на от А. Р. Никитиной, 1893 г. рожд., дер. Хейняярви Лоухского р-на. Публ.: Кар. прич., № 27.

¹ Подобные моим детям.

ЕЙГИ

Карельские ёйги во многом близки причитаниям, их называют «более веселой (живой) сестрой традиционных причитаний» (КК, 131). В их поэтических системах много общего — аллитерация, система метафорических замен, эпитетов, отсутствие оформленной стихотворной строки, свободное построение фразы. Но условия бытования, ареал распространения, обстоятельства, при которых они исполнялись, различны.

В вопросе происхождения жанра много неясного, противоречивого, существуют различные предположения. По одному из них — ёйги восходят к до-калевальскому периоду возникновения устной поэзии (*esikalevalainen kausi*), когда не было четко оформившегося стихотворного размера и границы между стихом и прозой, пением и прозаическим исполнением были неустойчивы. Этой древней форме (так же как в дальнейшем калевальском стиху) уже в определенной степени были свойственны аллитерация и синонимический параллелизм.

Этимология слова *joika* не выявлена. Финский музыковед А. О. Вайсянен допускает, что оно оноματοпоэтического происхождения, соотносит его с широким и раздольным рефреном *joo* (i), *hoo* (i).

Распространение жанр получил не по всей Карелии, а только в двух северных районах — Лоухском и Калевальском. Их бытование было в основном ограничено деревнями вокруг Пяозера и Топозера и небольшой группой деревень у Верхнего и Среднего Куйтто. На остальной территории Карелии ёйги неизвестны. Широкое распространение они получили у ближайших соседей карелов на севере — саамов.

В наши дни ёйги в Карелии уже не бытуют. Об их былой «славе» еще помнят многие, а сами ёйги удавалось записать крайне редко.

Исполняли их, как правило, на воде в летний день, в лесу, на сенокосе, где был простор для раздольного рефрена и были слушатели.

Тематика ёйг довольно ограничена. Ёйгать допустимо было только холостых парней — их любовные приключения, неверность, выбор невесты... После женитьбы парень уже не мог быть объектом ёйганья. Женщин специально не ёйгали, но к женской тематике обращались при ёйганье парней, тут позволительно было «задеть» мать, сестру и в первую очередь невесту. Осуждается гордость, лень, неряшливость... Исполнителей беспокоит, будет ли будущая невестка такой же старательной, трудолюбивой, как свекровь, понравится ли выбранная парнем девушка «его создавшей» (т. е. матери), будет ли она проворна, как мать и т. д.

Исследователи считают, что ёйга не имеет и, очевидно, не имела в древности устоявшегося текста, это импровизация, но импровизация, ограниченная рамками сложившейся веками традиции. Ёйга вызывала особый интерес тем, что повествует о людях и событиях близких, известных слушателям. Они являются людьми одной местности, одной социальной группы, знают обстоятельства, к которым обращаются в ёйге, поэтому она им интересна.

В изучении ёйг много проблем, вопросов, на которые еще не найдены ответы, но они доносят до нас голос седой старины.

1

Onkos myöten kašvuo kanani Muarien kannettuisen,
Myöten sorttie šomaveri Muarien šuorimaiseh?

Re f r e n g i

Kun še rupieu šorruttamah šomua aikua
Ta kavottamah kaunista aikua kanaveren.

Re f r e n g i

Kyllä še on myöten sorttie šomaveri
Ta myöten kašvuo kanani Muarien kannettu... tuisen.
Vain onkoš myöten kašvuo kanani Muarien kantaja... jaisen?

Re f r e n g i

Onko še leppie Muarie leivoja... jaiseh
Ta onko še vielä šuorakka Muarien šuorijaiseh šomaveren?

Re f r e n g i

Onpaš kaunis kanani kaijan rannan,

On še myöten kašvuo Muarien kannettu... tuisen.
Vain onko še myöten sorttie Muarien šuorija... jaisen?

Re f r e n g i

Onkoš myöten kasvuo kanaveri kantajaisen?
Vet on karmakka kauniveren kantajaini
Ta šuihakka Muarien šuorijaiseni.
Onkoš šoršani myöten sorttie šuorija... jaiseh?

Re f r e n g i

Jo kun ollou myöten kašvuo kantajaisen,
Ta joko ei olle myöten sorttie šuorija... jaiseh.
Ta rupieu šoimual'omah šoršaista šomavertä... vertä Muarie
šuorijaiseh.

1

По душе ли пришлось курочка выношенному (сыну) Марии, по нраву ли румяная наряженному (сыну) Марии? Ведь собирается он расстаться с красивым времечком (т. е. жениться). По нраву румяная и по душе курочка выношенному Марией. Ласкова ли Мария, выпестовавшая и снаряжавшая (мать)? Красива курочка с другого берега, и по нраву она выношенному Марией. По душе ли она Марии, его снаряжавшей (матери)? А если не по душе его выносившей? И будет Мария, его снарядившая, поносить уточку с красивой кровью (невестку).

Зап. А. Степанова в 1963 г. в пос. Шонга Калевальского р-на от М. В. Ма-
ликиной, 1886 г. рожд., дер. Хяме Калевальского р-на. Публ.: МНФУН, с. 311—
312, 319.

2

Nyt on... on veššelä veršojaiseh,
Veššeläini, kun vienokašvo veršukšenteli vesišoven
Vieroilta veiččiteiltä viestivierahiksi viivyttämien viilokertoih.
Aivan veššelä veršojaisen viuhahtelou kera vienokašvon
Kera viinavesien niissä viivyttämien viilokerroissa.
Ka virkkelöy veššelä veršojaiseh,
Jotta en onnako enämpi veršun kera vitanččalissan(?).
Kun vienokašvo viuhahteli vierolomalla miun viestivierahakši.
Kaikki on ni männyn veššöläkši vieröväikä viisaš vieroni ämmö.

Re f r e n g i

Kaikki on šulavaini šuorajaisen
Šuoritešša takuati surkuččalistojen
Šuoritellun šuuhu šuluajat šuurušverot šulkkutukalla,
Kun šulkkutukka šuovaltautu šuululta šuven alta.
Šuurielusta(?) surkunččalistojen šorttilomalla šuorimien
solomakertoih.

Oi nin ei voi šuorita šulavaini šuuri šuorijaises
Šuorimien sujotatöillä,
Kun aivan šuurušveroja šuojakašvolla šuorittelou,
Ta monen sortilliset šuorittelou šuopojen annit šuuhu šulajiksi
šuurušveroloiksi.

Kun šuven šulattajan šuurilta šotateiltä šuojakašvo kešen varren
Šomen ovista šolahti šorttilomalla miun šuurušveroloilla.
Vielä myö virkelkä virrellä vienokašvuo vihurirannan,
Kun viuhahti vienokašvo vierellä vihurirannan vieroilta veiččiteiltä
Viessintuojiksi ta viestivierahiksi veššelän veturin veršojaisen.
Nin ei voi veturi veršojaisen männä vieroilla töillä, muuta
Kuin vienokašvolla aivan viuhahuttelou veroruokasie.
Joka viečoran virotešša ta veršuiješša
Vienokašvon kera vinkeröijen viinavesie.

Ka ei vienokašvo kešen varren virmenövistä(?) vetele viinavesie
vieroesh.

Hot' on veršun viikon aikua vieroilla veintäteillä ta vieroilla
veiččitellä vieroloina

Luona veššelän veršojaiseh.

R e f r e n g i

Ka ämmö viipuneh vielä kaikki vetelöy ne viirikin annit veroloiksi
vieron eteh vienokašvon.
Kun on kovuan vienokašvolta vieron piältä vierty virkuontaveret
veršuoss'a veiččiteillä ta vieroilla vientäteilla ieššä viholaisen.

R e f r e n g i

Ka vielä še šiitä virkkelöy veššelä veršojaiseh, jotta olisko
Vienokašvo hoteh(?) viuhahtaisit vieroilla vientäteillä, niin
Eikö miun veššelyštyis tämä veršuntapaikka, kun on vijalta viikon
viekaš šynty, kun on kaikki kahavierosella vihurirannan viekaš šynty
vihannun vieroloilla.
Kun on veššelä ukko viety viekkahih šyntylöih vieroiksi veššelän
veturi muamon.

R e f r e n g i

Tai vienoni ämmö šitä virkkelöy, jotta nyt milma viekyä viekkahih
šyntylöih, kun kaikki villatukan kera šain veššelykšyksen

Vielä näissä viihyttämien venččakerroissa.
Kun jo meijän nämä veršomien viilokerrat šuorittih viluštumah,
Kun viikon viekaš šynty...

Refrengi

2

Его возрастившая (мать) теперь веселится, ведь приехал нежнолицый (сын) гостем в родные строения с далеких дорог. Веселая его возрастившая ходит по родным строениям с вином. Повеселела его престарелая мудрая бабушка. Ласковая его снарядившая (мать) приготовила для своего (сына) с шелковыми волосами во рту тающие сладкие кушанья. И самые разные сладкие кушанья из молока (букв.: дар коров). Ведь приехал прекраснолицый с солдатских дорог в гости, и нежнолицый пришел вестником и гостем к своей веселой его возрастившей. Готовит кушанья для него и вином угощает, но нежнолицый не любит пить вино. И бабушка угощает его всякими яствами, ведь похудел и побледнел он на этих дальних дорогах. Как вернулся он в свои строения, так возвеселился родной дом, ведь к мудрым прародителям отвели веселого дедушку (дед умер). И кручинная бабушка собирается к мудрым прародителям и радуется, что увидела своего нежноволосяного в родных строениях.

Зап. А. Степанова в 1967 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от Е. Н. Пивовой, 1877 г. рожд. Публ.: МНФУН, с. 314—315, 319—320.

3

Mitäkä tämä vietteli viikon... alkua?
Ei tämä veršojaisen käy viekottelemah villakašvoja, jotta
Vierettelis vierišija-aijat. Anna tulis vihimmästä virokepiä myöten
vienokašvo verkašomie

joo ho ho...
ee he ehe joo

Veršojaiseni on kovuan vihaštun on kovuan vetelijä vierojen
maijen viikeroja viinavesie, nin ei lähe viekottelomah tätä
Vienokašvuo, viettelömäh viršiaikua. Viekotelkah iče kun vešuštelou
vešojen vieroilla töillä, ka ei hän jouvva viekottelomah, kun pitäy
viinapiäššä vičikkömeččien šiämellä venyhykšennellä
jo jo oho ho...

e e ho...

Eikö jo ainut karu kašvo kavottele kaunista aikua hot' tämä

kantajaiseš käskis, jotta kavottele kaunista aikua. Ka kantau
kaupašta kaihojen maijen karkeitä vesie, kallehtiutuu šen
kera kallehien šyntyjen katajikkomeččie, ei voi kuaella katešijoilla.
joo ho ho ne
e e he joo

3

Чего же он проводит так долго... времечко?

Она, его возрастившая, не станет привлекать (соблазнять) тех, что с длинными волосами (т. е. девушек), чтобы покончить с порой шатаний. Пусть бы стала нежная лицом по нраву (по душе) (парню).

Р е ф р е н

Очень рассержена его возрастившая, что слишком сильно потягивает он (т. е. сын) из чужих стран привезенную горькую винную водицу... Так не будет она привлекать (соблазнять) эту с нежным лицом, (чтобы) покончить с житьем (букв.: временем) песенным. Пусть сам привлекает, раз бродит по неприятным (кручинным) дорогам; да недосуг (ему) завлекать, ведь (как) надо с похмельной головой в лесной чащобе (в кустарнике) валяться.

Р е ф р е н

Уж не утратит он, с худым лицом, свое красивое времечко (холостяцкое), хоть бы и просила его выносившая, что расстанься со своим красивым временем. А (он) носит из лавки горькую водицу из чужих стран, пробирается с ней в можжевеловые леса дорогих прародителей, не в силах добраться до своей постели.

Зап. П. Зайков в 1972 г. в пос. Зеленоборск (Лесобиржа) Кандалакшского р-на Мурманской обл. от М. Р. Вдовиной. Фон. 1752/7. Публ.: ПФКК, № 139.

4

Vii-viina päissä vilahellah vet piällä vii...hii.

Kahet on kannetut kašvateltu, ka kuaellah kaihopäissä vet kannettuisieh luo.

Ka voitais kualettua omalta ylenypaikalta hot vain ne kul'ainta-aikana.

Ka vet on tuo helpposen Tan'an helvomaini heittelömäššä helietä aikua.

Ei ole arvон mukah aikojaisešta, kun ašetut alahaiseh taloh...

(En voi.)

(— Kenestä še joiuttih?

— Ka mie še Tan'ašta joijun, kun hänellä on kaksi poikua, kovan aina viinua juuvah.)

4

С похмельной головой шатаются ведь по ...

Двоих выношенных выносила, да приходят (они) с тяжелой головой к своим выношенным.

Могли бы ведь бродить только во время гуляний (то есть, в свободное время).

Ведь этот выпестованный маленькой (слабой) Таней еще догуливает свою ясную порушку (то есть холостяжит).

Не по нраву их создавшей, как идут они в нижние дома (возможно, питейное заведение, возможно, чей-либо конкретный дом) ...

(Не могу.)

(— О ком эта ёйга?

— Да это я о Тане ёйгала, как у нее двое сыновей, сильно водку пьют.)

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски в 1977 г. в пос. Кестеньга Лоухского р-на от П. С. Ларионовой, 1907 г. рожд., дер. Лампахайни Лоухского р-на. Фон. 2514/9. Публ.: ПФКК, № 140.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В лирических песнях сохраняется размер калевальского стиха, но изменилась тематика, усложнилась лексика, появились новые художественные средства. Лирические песни значительно короче эпических, повествуется в них не о событиях героического характера, как в эпических, они связаны прежде всего с внутренним миром человека.

Исследователи пытались проследить эволюцию лирических песен, так же как эпических, исходя из стилистических особенностей народной лирики. Более ранней лирикой считаются песни-предостережения (*vargoituslyrikka*), песни-жалобы (*valituslyrikka*). Большая часть лирических песен возникла в среднекалевальский период. Более поздними считаются любовная лирика и песни с элементами сатиры и юмора. Любовные песни калевальской метрики редки, особую популярность из них получила песня надежды (*toivotuslaulu*) «Если бы пришел мой милый» — »*Jos mun tuttuni tulis*». Благодаря многочисленным переводам она стала всемирно известной. На русский язык ее перевел В. Брюсов, новый перевод для «Кантелетар» («Если бы милый появился») выполнен Р. Виноненом.

Лирические песни, как правило, грустны. Они посвящены женской доле, судьбе девушки, невестки, жены, матери. Много песен о сиротстве. Выделяются песни трудовые, семейные, пастушеские. «Мужских» песен значительно меньше.

Известной исполнительницей лирических песен была Матели Куйвалатар из местечка Иломанси в Финляндии. Многие ее песни (считается, что она сама и создала некоторые песни) включены Леннротом в «Кантелетар». В Карелии лирических песен собрано значительно меньше, чем эпических. Здесь популярными были песни-прологи и эпилоги, которыми рунопевцы начинали и заканчивали исполнение эпических песен. Их относят к народной лирике. Лирические песни изучены значительно меньше, чем эпические.

Ruvennenko laulamahe,
Šoanenko šanelomahe
Hyvän on toisena keralla,
Kahen kašvin kumppalina?

- ⁵ Pankamaš käsi kätehe,
Šormi šormien välihe.
Haka toisehen hakahe!
Šana siulta, toini miulta,
Kieli kemppi kummalta,
¹⁰ Šuutana šovittemma,
Šäveltänä šeätelemmä,
Niin kuin kahta kantelvoista,
Veräjiä viittä, kuutta,
Kolmie kovan ovie.

Не начать ли песнопенье,
Не поведать ли сказанье
Нам с другим певцом
хорошим,
Вместе с другом детства
славным?
⁵ Подадим друг другу руки,
Пальцы с пальцами сплетем,
Согнутые пальцы сцепим.
Ты — словечко, я — второе,
Слог у каждого красивый,
¹⁰ Голосам найдем созвучье,
Подберем мотив пригодный,
Как два кантеле настроим,
Как пять-шесть ворот
откроем,
Двери трех раскроем чумов.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латварви (н. Калевальский р-н) от М. Перт-
тунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 65 (SKVR1280).

Opettavainen laulu

Kysele, poikai, kylän akoilta,
Sati sauvan kantajilta!
Älä kihlo neittä kirkkotieltä:
Killit on kaikki
kirkkovoatteissa.

- ⁵ Kihlo neiti kivenpuulta,
Ota olkihuuhmarelta,
Kell' on varsi jauhovalkiessa,
Perä petkelen tomussa,
Ken hiemalla hiekie pyyhkiy,
¹⁰ Vyöllä vatsoa kiinnittää,
Keällä työtä kiirehtiy.
Elä katso kaunista:
Kaunis varttah kaniu,
Ruma työtäh runnistoo.

Песня-поучение

Ты, сынок, спроси у бабок,
Посоветуйся со старым.
Ты не сватайся у церкви —
В праздник хороша любая.

- ⁵ Деву-мукомолку сватай,
Деву выбирай у ступы,—
Пусть в муке у девы платье,
Пыль с песта пускай на юбке,
Рукавом пусть пот стирает,
¹⁰ Поясок потуже крепит,
Лишь бы спорилась работа.
Не присматривай красотку,
Та себя лишь станет холить,
Некрасивая — работать.

Зап. С. Паулахарью в 1911 г. в дер. Войница (н. Калевальский р-н) от А. Лех-
тонен, 1866 г. рожд. Публ.: SKVR132000. Перевод Э. Киуру.

Kuin mie katala kazvoin,
Kazvoin kylän kannikoilla,
Venyin mieron viibloloilla.
Mindani virkuksi lyödii

vitšalla,
5 Nokkeraksi nuoranpäillä;
Niidä leibie eräs viskas
vihoikse,
Eräs audo armoloikse.

Зап. В. Салминен в 1909 г. в дер. Ключина Гора (н. Суоярвский р-н) от
А. Тарасова. Публ.: SKVR II 424.

Kun mun kultani tulisi

Kun mun kultani tulisi,
Armahani asteleisi,
Tuntisin ma tuon tulosta,
Arvoaisin astunnasta,
5 Jos ois vielä virstan päässä
Tahikka kahen takana.
Utuna ulos menisin,
Savuna pihalle saisin,
Kipunoina kiiättäisin,
10 Liekkinä lehauttaisin;
Vierren vierehen menisin,
Supostellen suun etehen.
Tok' mie kättä käpseäisin,
Vaikk' ois käärmе kämменellä;
15 Tok' mie suuta suikkajaisin,
Vaikk' ois surma suun eessä;
Tok' mie kaulahan kapuisin,
Vaikk' ois kalma kaulaluilla;
Tok' mie vierehen viruisin,
20 Vaikk' ois vierus verta täynnä.
Vaanp' ei ole kullallani,
Ei ole suu suen veressä,
Käet käärmehen talissa,
Kaula kalman tarttumissa;

Как я, несчастный¹, рос,
Рос на деревенских
горбушках,
Вырастал на мирских ломтях.
Трудолюбие вицей вбивали,
5 Проворность веревкой
внушали;
Кто-то хлеб бросал со злобой,
Кто-то из милости давал.

Если б милый появился

Если б милый появился,
Ненаглядный показался,
По шагам бы угадала,
По охотницкой походке.
5 За версту бы не ошиблась,
Даже за две б углядела,
Расклубилась бы туманом,
Дымом выбралась наружу,
Искорками доскакала,
10 Пламенем допыхала,
Близко-близко подошла бы,
Чтобы губ коснулись губы,
Подала бы другу руку,
Хоть гадюку принеси он,
15 И в уста бы целовала,
Хоть вдохнуть пришлось бы
гибель,
И повисла бы на шее
Хоть над ямою могильной,
С ним делила бы я ложе,
20 Хоть бы залитое кровью.
Но уста у мила друга
Волчьей кровью не намокли,
В кулаке змею не держит,
Смерть на шею не воссела;

¹ Возможно исполнение и от имени женщины; в карельском и финском языках грамматический род не определяется.

²⁵ Suu on rasvasta sulasta,
Huulet kuin hunajameestä,
Käet kultaiset, koriat,
Kaula kuin kanervan varsi.

²⁵ Губы милого — что соты,
Переполненные медом,
Руки — золота литого,
Шея — вересковый стебель.

Публ.: Kanteletar, 2 kirja, № 43; перевод: Кантелетар, кн. 2, № 43.

* * *

* * *

Šyyttä šilloin lapsi itki,
Silloin vaivatta valitti,
Kuin itki ison šylissä,
Parku äitin parmahilla.
⁵ Ei ennen isosi itket,
Valittate vanhempase
Kuin souti šotivenehtä,
Vainopurtta vaivoali.
¹⁰ Šuurinna šotikešänä
Vainovuonna vaikeinna,
Niin veti verissä šilmin
Kyyvälissä kyyätteli.

Без причин ребенок плакал,
Без нужды кричал младенец,
На руках отцовских сидя,
К груди матери прижавшись.
⁵ Ведь не плакал твой отец,
Слез не проливал родитель,
Хоть сидел в военной лодке,
Греб на боевой ладье
¹⁰ В ту тяжелую годину,
В лето тех больших страданий,
Налегал до слез кровавых,
До соленых слез на весла.

Зап. А. Борениус в 1877 г. в дер. Латваярви (н. Калевальский р-н) от М. Перттунена, 1817 г. рожд. Публ.: РНН, № 68 (SKVRI₃1824).

РИФМОВАННЫЕ ПЕСНИ. ЧАСТУШКИ

На смену многовековой древней поэзии калевальской метрики постепенно пришли новые рифмованные песни, которые отличались от традиционных песен и стилистическими особенностями и мелодией. Считается, что новая народная песня произошла из однострофной *gekilaulu* (букв.: *geki* — сани, *laulu* — песни), состоящей из четырех стихов (стихотворных строк). В ее поэтической строке появилась конечная рифма. Первоначальным размером был хорей (очевидно, по аналогии с поэзией калевальской метрики), а затем стихотворным размером могли быть дактиль, пеон, ямб. Название *gekilaulu* восходит не к слову «сани», а к немецкому *reigenlied*, обозначающему танцевальную, хороводную песню (*Asplund*, 98).

Новый песенный стиль сложился не сразу, переход от древней калевальской поэзии к рифмованным народным песням был постепенным. С XVI—XVII в. существовали переходные песенные формы, «смешанный поэтический стиль» (*sekava runonmitta*). К ним фольклорист-музыковед А. Асплунд относит баллады, некоторые игровые, танцевальные, колыбельные песни. В *gekilaulu* новый поэтический и музыкальный стиль окончательно укрепился и приобрел популярность в Финляндии.

Однострофные четырехстрочные рифмованные песни стали классическими в фольклоре многих европейских народов. В России им соответствовали частушки. Исследователи считают, что на финские *gekilaulu* влияние оказали шведские, норвежские, немецкие песни. Исполняли *gekilaulu* на танцах, хороводах, качелях, коллективных работах. В Ингерманландии их называли «качельными песнями» (*liekkulaulu*). Постепенно песни-четверостишья «удлинялись», становились многострофными.

В Карелии рифмованные песни появились, вероятно, в начале XIX в. Более ранних сведений нет. В 1834 г. Архиппа Пертунен жаловался Э. Леннроту, что вместо традиционных «хороших» песен молодежь поет отвратительные (*rivoja*) песни, которыми он не хотел бы даже свои уста осквернять.

По словам другой северо-карельской сказительницы XIX в.

Мауры Марттинен из деревни Кивиярви, даже «лучшие современные песни никчемные (mitättömiä) по сравнению со старыми песнями».

В предисловии к «Кантелетар» (в основной текст которой включены только традиционные песни калевальской метрики) Э. Леннрот специально представил в качестве образца 23 новые рифмованные песни, чтобы дать читателям возможность самим сравнить «старые и новые» песни. Сам Э. Леннрот считал, что новые песни «хуже и по языку и по красоте». «Старые» тексты оставались для него образцом народной поэзии. Но молодежь воспринимала новые песни.

В северной Карелии *rekilaulu* не получили широкого распространения, здесь чаще исполняли более поздние финские танцевальные песни — *piirileikkilaulut*. Многие из них, очевидно, были авторскими, но в силу их большой популярности они получили «статус» фольклорных. Происходила «фольклоризация» песен литературного происхождения.

Особую группу «новых» песен составляли песни-баллады, отличающиеся большим драматизмом содержания. Они, как правило, повествуют о несчастной любви, финал в них трагический. Причиной трагедии может быть сословное неравенство, неразделенная любовь. На всей финско-карельской территории были популярны баллады «Хилма и Вилхо», «Вилхо и Берта». Такие песни-баллады аналогичны русским «жестоким романсам».

Наряду с финскими песнями в деревнях северной Карелии зафиксированы песни, отражающие местные события, факты, выходящие из привычного ряда, нарушающие общепринятые нравственные нормы деревенской жизни. На мелодии известных песен сочинялся новый текст, юмористический по содержанию, с местной «окраской». Несмотря на то, что такие песни не переходили за границы ближайших деревень, они долгое время помнились местными жителями. Носители традиции считают, что у них была своя воспитательная (*kurissapitävä*) функция — они «держали в строгости» деревенскую молодежь: »*Kun ken ei tahton piäššä laulettavaksi, šen piti käyttäytyö šiivošti.*» — «Если кто не хотел, чтобы о нем пели, надо было прилично (себя) вести» (*Remsujeva*, 1973).

В Карелии большую популярность в XIX в. получили также русские кадрильные песни. Их пели, зачастую не зная русского языка, не очень улавливая смысл, искажая слова, но привлекала живая, задорная танцевальная ритмика. Собиратель Н. Ф. Лесков, наблюдая подобное явление в конце XIX в. в южной Карелии, писал: «Песни поют исключительно русские, но так исковерканные, что трудно было бы уловить в них какой-нибудь смысл или значение» (Живая старина, 433).

Некоторые русские песни были переведены на карельский язык,

например, «А мы просо сеяли» — »Čuuruzen myö kylvämmö, kylvämmö».

В средней и южной Карелии со второй половины XIX в. популярными стали частушки, здесь их называли *lyhyt rajo* («короткие песни»). Составитель сборника карельских частушек Т. А. Коски назвала частушку «настоящей летописью жизни деревенской молодежи». »*Lyhyt rajo*» оперативно реагировала на события общественной жизни, но основная тематика частушек молодежная — любовь, разлука, измена, семейные отношения, вопросы морали. Тексты частушек часто возникали экспромтом. В них много задора, юмора, озорства, свойственных молодежи. Исполнять частушки могли под балалайку, гармонику, а часто и без музыкального сопровождения. Они сами «сопровождали» танцы, под частушечные куплеты озорно и бойко плясали. Очевидно, не без основания исследователи считают, что частушки ритмически близки старым плясовым («частым») песням, этимологию слова «частушка» возводят к слову «частый».

Частушки одинаково активно исполнялись и на карельском и на русском языках. Особенностью карельских «коротких песен» было то, что они только девичьи песни, мужчины их обычно не пели.

Более ста лет частушка была популярным фольклорным жанром, но жизнь меняется, сменились и увлечения молодежи. Частушка постепенно уходит в историю, но с ней связан продолжительный период в культурной жизни карельского народа.

**А myö čuuruu kylvämmö,
kylvämmö**

А myö čuuruu kylvämmö,
kylvämmö,
Kylvämmö da kylvämmö,
kylvämmö.
Sen jo velli pollemmo,
pollemmo.
Pollemmo da pollemmo,
pollemmo.

⁵ Milbo ehki polletto, polletto,
Polletto da polletto,
polletto?
Jalgazile pollemmo, pollemmo,

А мы чууру сеяли, сеяли

А мы чууру сеяли, сеяли,
Сеяли да сеяли, сеяли.
А мы его вытопчем, вытопчем,
Вытопчем да вытопчем,
вытопчем.

⁵ Чем его вам вытоптать,
вытоптать,
Вытоптать да вытоптать,
вытоптать?

Pollemmo da pollemmo,
pollemmo.
Kuzbo jallat otatto, otatto,

¹⁰ Otatto da otatto, otatto?
Täs sah oli ičele, ičele,
Ičele da ičele, ičele.
Teijän jallat leikkuammo,
leikkuammo,
Leikkuammo da leikkuammo,
leikkuammo.

¹⁵ Kuzbo veičen otatto, otatto,
Otatto da otatto, otatto?
Onnuako on kormanis,
kormanis,
Kormanis da kormanis,
kormanis.
Äijängi ehki annoitto,
annoitto,

²⁰ Annoitto da annoitto,
annoitto?
Andau kulda ilmai da ilmai,
Ilmai kačo ilmai da ilmai.
Orazet perille, perille,
Perille da perille, perille.

²⁵ Täsgo sobas oletto, oletto,
Oletto da oletto, oletto?
Emmo kunna lähte da lähte,
Lähte kačo, lähte da lähte.

А мы его ножками, ножками,
Ножками да ножками,
ножками!
Где же ваши ноженъки,
ноженъки,

¹⁰ Ноженъки да ноженъки,
ноженъки?
Вот где наши ноженъки,
ноженъки,
Ноженъки да ноженъки,
ноженъки!
А мы ножки срежем вам,
срежем вам,
Срежем вам да срежем вам,
срежем вам.

¹⁵ Где же взять вам ножичек,
ножичек,
Ножичек да ножичек,
ножичек?
Нож в карман мы спрятали,
спрятали,
Спрятали да спрятали,
спрятали!
Сколько за нож отдали,
отдали,

²⁰ Отдали да отдали, отдали?
Миленъкий дал даром нам,
даром нам,
Даром нам, даром нам, даром
нам!
Всходы встали край поля,
край поля,
Край поля, да край поля,
край поля.

²⁵ Приоделись так ли вы, так ли
вы,
Так ли вы да так ли вы, так ли
вы?
Мы отсюда не уйдем, не уйдем,
Не уйдем да не уйдем,
не уйдем!

Зап. в 1970 г. в с. Ведлозеро Пряжинского р-на от О. М. Ковалевой, 1918 г. рожд.
Публ.: ПКК, 100—101.

Ruskei neičyt, valgei neičyt

Рускей нейчут

(Ты скажи, красна девица)

- Ruskei neičyt, valgei neičyt,
Sano sinä, sano sinä:
Konzubo meile gost'at tullah,
gost'at tullah?
— Mustu piä piätinčän,
piätinčän,
⁵ Minun velli suovattan,
suovattan,
Minun miiloi pyhänpiän,
pyhänpiän.
— Ruskei neičyt, valgei neičyt,
Sano sinä, sano sinä:
Midäbö heile syötetäh,
syötetäh?
¹⁰ — Mustal piäl leibiä da leibiä,
Minun vellel kalittua, kalittua,
Minun miiloil piiraidu, piiraidu.
— Ruskei neičyt, valgei neičyt,
Sano sinä, sano sinä:

¹⁵ Midäbö heile juotetah,
juotetah?
— Mustal piäl čuajuo da
čuajuo,
Minun vellei kofeidu, kofeidu,
Minun miiloil piivuo da piivuo.
— Ruskei neičyt, valgei neičyt,
²⁰ Sano sinä, sano sinä:
Kunnebo heidy muate pannah,
muate pannah?
— Musta piädy perttiä da
perttiä,
Minun vellei gorniččah,
gorniččah,
Minun miiloi čardakkah,
čardakkah.
²⁵ — Ruskei neičyt, valgei neičyt,
Sano sinä, sano sinä:
Midäbö heile al pannah, al

- Ты скажи, красна девица,
Ты скажи-ка, белолица,
Скоро ли, скоро ль гости
будут, гости будут?
— Чернокудрый — в пятницу,
в пятницу,
⁵ А в субботу — братец мой,
братец мой,
А миленок — в праздничек,
в праздничек.
— Ты скажи, красна девица,
Ты скажи-ка, белолица,
Чем же их будем потчевать,
потчевать?
¹⁰ — Черному дам хлебушка,
хлебушка,
Братцу подам калиток,
калиточек,
Пирожочек — милому,
милому.
— Ты скажи, красна девица,
Ты скажи-ка, белолица,
¹⁵ Что ж наши гости будут пить,
будут пить?
— Черному я чаю дам, чаю
дам,
Братец выпьет кофею, кофею,
Пиво будет милому, милому.
— Ты скажи, красна девица,
²⁰ Ты скажи-ка, белолица,
Где ж наши гости будут спать,
будут спать?
— Первый гость — во
дворике, дворике,
Братец ляжет в горенке,
в горенке,
Чердачок — для милого,
милого.
²⁵ — Ты скажи, красна девица,
Ты скажи-ка, белолица,
Что же гостям постелешь,

Mugahai se minun miiloi,
Illan tulou, toizen — ei.

Kai tul dih, kai tul dih,
Kai laučoil istuttihes.
Sinun da minun kuldastu
Naverno hukat syö dih.

K'oliz pertiz peldoine, da,
Kazvais päcil kagraine.
K'oliz aztua vetty myö, da,
T'ietto laudie kätty myö.

Čuralan akoin kielel pidäy
Tervupuas keittiä.
Čuralan akoin kielis pidi
Armas kuldu heittiä.

Älä čakkua, muamoi-rukku,
Što illal myöhä tulen.
Tämän vuvven gul'aiičen, dai,
Minä miehele menen.

Sudalan akat kävelläh
Da mejän igiä luvetah.
Älgiä igii luvekkua,
Poijile mučoikse ottakkua.

Kuku kägöi, kuku kägöi
Kuivan kuuzen ladvassa.
Itken minä, ulahutan
Armahala kaglas.

Elgyä, akat, suudikko, da,
Neidisvuožie čotaigoa.
Ollou teil gu poigii žiäli, da,
Pangoa buččih, sualokkoa!

Täst' on kulda kulgenud, da,
D'älled ollaa d'iänyöd.
Lehti piäle langennud, da,
Keldazeks on männyd.

Так же вот и мой миленок —
Раз придет, в другой раз нет.

Все пришли, все пришли,
Все по лавкам сели.
Твоего да моего,
Наверно, волки съели.

Было бы в избе полюшко
Да рос бы на печи овес.
Вот пройтись бы по воде да
Найти б милого по душе.

Языки чуралахтинских баб
В котле с дегтем бы сварить.
Из-за языков чуралахтинских баб
Бросить милого пришлось.

Не ругай меня, мамаша,
Что я поздно прихожу.
Этот год я погуляю
Да и замуж я пойду.

Судальские бабы ходят,
Считают наши годики.
Не считайте наши годы,
За сыновей засватайте.

Кукуй, кукуй, кукушечка,
На сухой на елочке.
Плачу я и заливаюсь
У милого на шее.

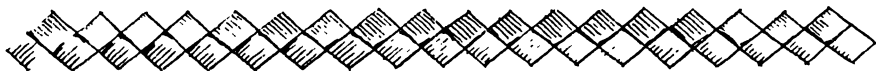
Не судите, бабы, нас,
Девичьи годы не считайте.
Если сыновей вам жалко,
В бочках засолите!

Здесь мой милый проходил — да
Следочки остались.
Листья желтые опали
И покрыли те следочки.

Engo jouvva, engo jouvva
Mečäs koivua koadamaa.
Oi, en jouvva, oi, en jouvva
Kuldoa polvella pidämää.

Публ.: Кар. част.

Недосуг мне, недосуг
В лесу березоньку рубить.
Недосуг мне, недосуг
На коленях милого держать.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

К детскому фольклору относятся произведения, исполняемые взрослыми для детей, созданные самими детьми, и произведения, перешедшие с течением времени из взрослой аудитории в детскую. К последним в основном относятся сказки и загадки. В некоторых районах Карелии (например, Кестеньге, Оланге) детям исполняли эпические и лирико-эпические песни, называя их детскими.

В хрестоматии в раздел детского фольклора включены лишь непосредственно детские жанры: колыбельные, кумулятивные — «цепные» песни, считалки, дразнилки.

Детские песни в Карелии широко бытовали, даже в наши дни они сохранились лучше, чем другие произведения устной поэзии. Внимание исследователей было в основном сосредоточено на эпических жанрах, детская поэзия оказалась менее исследованной.

Помимо практических целей — усыпления малыша — колыбельные песни доставляли ему и радость. Считалось, что с шестинедельного возраста ребенок понимает обращение к нему, реагирует улыбкой на слова взрослых.

Возникновение наиболее ранних колыбельных песен относят к периоду средневековья. В них преобладают две основные темы — обращение ко сну с просьбой усыпить ребенка и просьба-предсказание ему удачной судьбы. Понятие о счастье, удаче соотносится с крестьянскими представлениями о счастливой жизни.

Сон персонифицирован, выступает в качестве живого существа. Его приглашают в избу, где усыпляют ребенка, подсказывают все возможные пути-дороги, по которым он может прийти. Колыбельные песни незатейливы по содержанию, но, как правило, они мелодичны, часто основаны на звукоподражаниях. В них отражается тот крестьянский мир, который ребенок увидит, перешагнув колыбельный возраст.

Исследователи утверждают, что в финских и карельских колы-

бельных песнях больше общих мотивов с русскими колыбельными песнями, чем скандинавскими (КК, 366).

Противоположную колыбельным песням функцию имели потешки и пестушки — речитативные приговорки, произносимые взрослыми во время игры с младенцем.

Особую группу составляют кумулятивные песни — «цепные». По сравнению с колыбельными песнями они предназначены для детей более старшего возраста.

В национальных формах кумулятивные песни имеют международное распространение. Исследователи считают их архаическими фольклорными жанрами, соотносят «с древнейшими стадиями человеческой культуры». М. Кууси относит «цепные» песни к ранним художественным формам, к периоду раннекалевальской поэзии. Кумулятивная «поэтическая техника» является архаичной и изначально, очевидно, она не относилась к детской поэзии (КК, 192—207).

Имеются диалогические и недиалогические формы кумулятивных «цепочек». Одна из песен недиалогического характера — «Онниманни» в разных вариантах была популярна у всех прибалтийско-финских народов. Фольклористы заметили, что в песню «в угоду» аллитерации и необходимости соблюдения поэтического размера ввели немало слов, которые «нигде в мире никак не связаны друг с другом». Основываясь на этих непонятных словах, пылкое воображение исследователей может придумать «какие угодно космологические древности» (КК, 199).

Популярным жанром детского фольклора, связанным с игровыми действиями, являются считалки. К ним прибегают при распределении ролей, выборе ведущего во время игры в прятки. Игры с прятанием и поиском известны во всем мире. Произносят считалки речитативом, сопровождая слова ритмическим движением руки, все участники игры при этом стоят кругом.

Считалки относятся к древним жанрам фольклора. Исследователи находят в считалках многих народов мира слова с латинскими корнями, которые в детской среде, не знакомой с латынью, превращались в заумь (Виноградов, 22—23, 80—81). Такая «латинская заумь» характерна и для карельских считалок, поэтому они практически непереводаемы. В них много непонятных слов, отсутствующих в словарном составе карельского языка.

Еще одним из жанров детского фольклора являются дразнилки. Считается, что они создаются самими детьми. Излюбленный прием создания дразнилок в детской среде — обращение к именам личным. Имена-дразнилки создавались в поэтическом стиле калевальской метрики. Меткие и выразительные, они легко запоминаются. Дразнилки бытовали в карельских деревнях еще в первые десятилетия нашего века, они часто носили характер импровизаций. В записях

фольклористов не описаны жестикуляции, телодвижения, мимика, сопровождающие употребление детских жанров — дразнилок, пестушек, считалок.

В создании «отрицательных» жанров детского фольклора образцом могли служить примеры взрослых. Исследователь «малых» жанров русского фольклора В. П. Аникин считает, что детские дразнилки имели своего «предка» во взрослой среде (Аникин, 118—119).

Известно, что у многих народов мира жители соседних местностей, деревень давали друг другу прозвища, поддевки — иногда смешные, иногда обидные. Какие-то привычки, манера поведения соседей могли казаться забавными, непривычными, курьезными.

Прозвища-поддевки были связаны с занятиями, внешним видом, природными особенностями, чертами характера. В Карелии такие клички-поддевки соседей были широко распространены: жителей Кестеньги соседи называли *kömölä(t)*, Кийсьёки — *pitkäpenä(t)*, Латваярви — *sienipato*, Алаярви — *tervakuppi*...

Кроме того, во взрослом фольклоре выделяются отдельные тексты или целые «негативные», «критические» жанры, включающие элементы сатиры, юмора. К таким в первую очередь относятся ёйги, сатирические сказки, частушки, песни на так называемую местную тематику, часть свадебных песен (*soimaus- ja kiusoitte-lulaulut*), в которых поддразнивали, подначивали (*härnättiin*) жениха или невесту. Все эти жанры могли выступать своеобразными (хотя и более далекими, чем прозвища) «предками» при создании дразнилок.

Детский фольклор связан с народной педагогикой. Все жанры, начиная с колыбельных песен и потешек, по-своему воспитывали, развивали и обучали детей. Вся звуковая организация детских песен — звукоподражания, аллитерация, музыкальный строй — воспитывала чувство ритма, музыкальный слух, любовь к поэтическому слову.

TUUTILAULUJA

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Aa, aa, ainoil lastu,
 Aa, aa, kuldaistugo!
 Baiju, baiju, tyttöstugo,
 Da baiju, baiju, pikkaraistu!
⁵ Magaa, magaa, tyttöine,
 Da magaa, magaa, linduinego!
 L'uuliba, l'uuliba, tyttöstu,
 L'uuli, l'uuli, lindustugo!
¹⁰ Aa, aa, aino lastu,
 Aa, aa, pikkaraine!
 Tule suuren lapsen suuruksih,
 Pienen lapsen peluksih!

A-a, a-a, единственное дитя,
 A-a, a-a, золотце!
 Баю-баю девочку,
 Баю-баю малышку!
⁵ Спи, спи, доченька,
 Спи, спи, пташечка!
 Люли-люли, доченьку,
 Люли-люли, пташку!
¹⁰ A-a, a-a, единственное дитя,
 A-a, a-a, малышка!
 Приди (сон) к большому
 ребенку на завтрак,
 К маленькому дитя в
 изголовье.

Зап. А. Ваясенен в 1919 г. в дер. Большие Горы (н. Олонекский р-н) от Анастасии, «Гришиной жены» (фамилия не указана), род. в дер. Кинелахта.
 Публ.: SKVRII 564.

* * *

* * *

Paju, paju, pienijäni,
 Luuli, luuli, lapsijani.
 Paju, paju, baijuški,
 Tuuti, tuuti, tuutuški.
⁵ Ukko še uunilta tulooi
 Pienen lapšen pielukšilla,
 Kyšyy kynnyksien takuati:
 »Onko pientä pirtissäni,
 vakavaista vuatteissani?»
¹⁰ Tuuti, tuuti, lapsijani.
 Papuški pajuttelou,
 Tuutu, tuutu, tuututtelou.

Баю-баю, маленький,
 Люли-люли, мое дитятко.
 Баю-баю-баюшки,
 Баюкаю, баюкаю.
⁵ Дед (сна) с печи сходит
 В изголовье к маленькому,
 Спрашивает из-за порогов:
 «Есть ли маленький в
 избушке,
 Новорожденный (маленький,
 спокойный) в пеленках?»
¹⁰ Туути-туути, мое дитятко.
 Бабушка баюкает,
 Убаюкивает, укачивает,
 качает,

(Olkah hän nyt.)

(Пусть столько будет.)

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски, З. Трофимчик в 1979 г. в дер. Софпорог Лоухского р-на от Д. А. Никоновой, 1912 г. рожд., дер. Костоваара. Фон. 2547/2.
 Публ.: ПФКК, № 145.

Tuuti, tuuti, tyttölasta,
 Maksoit puolen poikalasta!
 Empä anna ainuttani,
 Liitä lempilintuistani
⁵ Kauppamiehelle kanaksi,
 Porvarille puolisoksi:
 Porvar aivoin nossattaavi
 Elojansa etsimähän,
 Kalujansa katsomahan.
¹⁰ Miepä annan ainuoni,
 Liitän lempilintuseni
 Likasille liistehille,
 Pahoille re'en pajuille,
 Nokipölkyn nostajalle,
¹⁵ Kaskipölkyn kantajalle,
 Leivän saajalle lehosta,
 Kauran kaskihalmehista.

Баю-баю, дочка-детка,
 Половиночка сыночка!
 Не отдам свою я дочку,
 Птичку милую не выдам,
⁵ В курочки не дам купцу,
 Мещанину во супруги:
 Рано станет он будить,
 За добром ходить заставит,
 За имуществом смотреть.
¹⁰ Я единственную выдам,
 Птичку милую пристрою
 Ездить на дровнях нечистых,
 На плохих сидеть вязках.
 Муж в пожог бревна носит —
¹⁵ Обгорелые лесины,
 Добывает хлеб в кулигах,
 В росчистях овес берет.

Зап. И. Мартинен в 1892 г. в дер. Кивиярви (н. Калевальский р-н). Исполнитель не указан. Публ.: SKVRI₃1848, вариант перевода: КНПТ, 207. Перевод Э. Киуру.

KETJURUNOJA КУМУЛЯТИВНЫЕ ПЕСНИ

Tuariesen-Muariesen,
 Muamoš kučuu kotih
 Aittasien alačči,
 Peltosien peričči.
⁵ Lipiet nämä on lesničäiset,
 Korkiet nämä on gorniččaiset.
 — Ken nämä on luatin?
 — Kirveš nämä on luatin.
 — Missä kirveš?
¹⁰ — Kannon piäššä.
 — Missä kanto?
 — Kašekšešša.
 — Missä kaški?
 — Tuli poltti.
¹⁵ — Missä tuli?
 — Vesi vei.

Дарьюшка-Марьюшка,
 Мать зовет домой
 Из-за амбаров,
 Из-за дальних полей.
⁵ Эти лестницы скользкие,
 Эти горницы высокие.
 — Кто их строил?
 — Топор их строил.
 — Где топор?
¹⁰ — На пне.
 — Где пень?
 — На подсеке.
 — Где подсека?
 — Огонь сжег.
¹⁵ — Где огонь?
 — Вода унесла (погасила).

- Missä vesi?
 — Härkä joi.
 — Missä härkä?
 20 — Iskettih.
 — Missä lihat?
 — Mavot n'okki.
 — Missä mavot?
 — Kukko n'okki.
 25 — Missä kukko?
 — Kukkarošša.
 — Missä kukkaro?
 — Lippahašša.
 — Missä lipaš?
 30 — Aitašša.
 — Missä aitta?
 — Nurmella.
 — Missä nurmi?
 — Taivosella.
 35 — Millä šinne piäššä?
 — Korničalla, karničalla,
 suarapäillä sauvasilla.

(Ei ole onnakko enämpiä.)

- Где вода?
 — Бык выпил.
 — Где бык?
 20 — Закололи.
 — Где мясо?
 — Черви съели.
 — Где черви?
 — Петух склевал.
 25 — Где петух?
 — В кошельке.
 — Где кошелек?
 — В сундуке.
 — Где сундук?
 30 — В амбаре.
 — Где амбар?
 — На лугу.
 — Где луг?
 — На небе.
 35 — Как туда попадают?
 — По избе, карнизу,
 По шести с разветвлениями.

(Кажется, больше нет.)

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1975 г. в пос. Кестеньга Лоухского р-на от А. М. Кундозеровой, 1911 г. рожд., дер. Соукело. Фон. 2213/8. Публ.: ПФКК, № 157.

* * *

* * *

- Hiiri hipperiini,
 Kunneka hiiri hiihtäy?
 — Meččah hiihän.
 — Mitäkä (šie) šinne meččäh?
 5 — Puitani puhkuamah,
 Halkosieni hakkuamah,
 Kirveš on pikku kelkkasešša.
 — A kun puu piälläš kuatuu?
 — A mie puun juurella.
 10 — A kun nälkä tulou?
 — Mie lehtie šuuhuni.

- Мышь маленькая,
 Куда мышь скользит на
 лыжах?
 — В лес иду на лыжах.
 — Зачем (туда) в лес?
 5 — Дрова рубить,
 Поленья колоть,
 Топор — в маленьких санках.
 — А если дерево на тебя
 упадет?
 — Я — к корню дерева (т. е.
 под дерево).
 10 — А если есть захочешь?
 — Я — листик в рот.

— A kun vaččas puhaltau?
— Mie puikolla puhkuan.
— A kun veri lähtöy?
¹⁵ — Mie hiilellä hivahutan.
— A kun mušta tulou?
— Mie voisimella voitelen.
— Mistäkä šula on voisinta?
— Vanhan akan vakkasešta.

²⁰ Pilviskokunan tyttärestä,
Nuoren neijon n'ännisestä.

Зап. Н. Лавонен в 1982 г. в дер. Софпорог Лоухского р-на от Ф. Д. Никонвой, 1902 г. рожд., дер. Катосламп. Фон. 2712/14. Публ.: ПФКК, № 159.

— А если живот вздуется?
— Я проткну палочкой.
15 — А если кровь пойдет?
— Я угольком помажу.
— А если черный будет?
— Я снадобьем (мазью) помажу.
— Откуда у тебя снадобье?
— Из лукошка старой
20 старухи,
От дочери лягушки из туч,
Из груди молодой девы.

²⁰ От дочери лягушки из туч,
Из груди молодой девы.

* * *

* * *

Prokko tiellä propati,
Mie Prokon lepikkö,
Lepikkö miula lehtyšen,
Mie lehtyšen lampahalla,
⁵ Lammaš miula villasie,
Mie villaset lešk'akalla.

*(Vot še lešk'akka on köyhä ak-
kani.)*

Прокко по дороге п(р)опал,
Я Прокко — в ольховник,
Ольховник мне — листик,
Я листик — овце,
⁵ Овца мне — шерсти,
Я шерсть — вдове.

(Вдова — это бедная женщина.)

Lešk'akka miula tahašta,
Mie tahtahan šijalla,
Šika miula šukahan,
¹⁰ Mie šukahan
 kenkienompelijalla,
Kenkienompelija miula
 kenkäset,
Mie kenkäset halonvetäjällä,
Halonvetäjä miula halkosen,
Mie halkosen kiukuah,
¹⁵ Kiukua miula kivisie,
Mie kiviset mereh,
Meri miulaa šuolua,
Mie šuolat kattilah,
Kattila kahekšan
 kananjäiččyvä,

Вдова мне — теста,
Я тесто — свинье,
Свинья мне — щетины,
¹⁰ Я щетинку — сапожнику,
Сапожник мне — башмачки,
Я башмачки — возчику дров,
Возчик мне — полено,
Я полено — в печку,

¹⁵ Печка мне — камешков,
Я камешки — в море,
Море мне — соли,
Я соль — в котел,
Котел мне — восемь куриных
яиц,

²⁰ Panin rappilan paččahan
riähä,
Ne paukahettih palamah...

(Vot en muissa.)

Ukko, akka itkömäh,
Muššat lehmät möllymäh,
Veräjäiset vierömäh,
²⁵ Kylän koirat haukkumah.

²⁰ Положила их на поповском
подворье на столб,
они загорелись...

(Вот, не помню.)

Старик-старуха плакать,
Черные коровы мычать,
Ворота отворяться,
²⁵ Деревенские собаки лаять.

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски, З. Трофимчик в 1979 г. в дер. Софпорог Лоухского р-на от М. К. Ларионовой, 1907 г. рожд., дер. Кийсьёки. Фон. 2545/7. Публ.: ПФКК, № 154.

* * *

Oli meilä onni-manni,
Onni(n) mannista maitopölli,
Maitopölistä pöpelö,
Pöpelöstä pöntärikki,
⁵ Pöntärikistä rimanto,
Rimannošta rissinšolki,
Rissinšolešta šopelo,
Šopelošta šormikinnaš,
Šormikintahan kiperö,
¹⁰ Kiperöštä kirikkö,
Kiriköštä nuoret miehet naimattomat,
Vieläi viinan juomattomat
Punotah punaista köyttä,
Rahnikojah rautaista köyttä,
¹⁵ Millä meren šivuja šituo,
Kananlahta kaunistua.
Anna meri tyynenä pysyy,
Kannanlakši kaunehena.

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1975 г. в пос. Кестеньга Лоухского района от А. М. Кундозеровой, 1911 г. рожд. в дер. Соукело. Фон. 2213/7. Публ.: ПФКК, № 153.

LEIKKILUKUJA

ПОТЕШКИ

Näin se harakka huttua keittää Так сорока кашу варила

Pei, pei, pesäistä,
Harakka huttuo keittäy,
Hännälläh härkitšöy,
Nenälläh kuottelou.

⁵ Tuli viisi vierahaista,
Anto tällä¹
Tälle² paksupeälle ei ni täytynt,
Se kattiloa kavistamoa.

Tuli vejen jano,
¹⁰ Läksi vettä nostamah
Korennolla kultasella,
Kauhalla hopiezella,
Jalkani tšurahtamah,
Tšui, tšui, hakosen alla.

Гнездышко, гнездо сороки.
Кашу варит здесь сорока,
Хвостиком своим мешает,
Носиком своим поест.

⁵ Пять гостей пришли к сороке:
Этому дала¹—
Толстому² и не хватило,
Начал он скрести котел.

Захотели гости пить,
¹⁰ За водой пошла сорока
С коромыслом золотым
Да с серебряным ковшом.
Под бревно нога скользнула,
Чуй-чуй, под корягу.

(Kutitettiin lasta kämmenelle.) (Щекочет ребенку ладонь.)

Зап. В. Салминен в 1918 г. в дер. Толлорека (н. Калевальский р-н) от А. Богдановой. Публ.: SKVRI,2346. Перевод Э. Киуру.

* * *

Tapu, tapu, tappusii,
Simasii da suolasii,
Voihusii, makiaisii.

(Lapsen käsiä taputellessa vastakkain.)

PEITTOSILLA

Opečikka topečikka,
Toukan loukan,
Vikisin vakisin,
Varvan kăpălăh,

^{1,2} Laulaja näytti pikkusormea, peukaloa.

^{1,2} Перебирают пальчики у ребенка.

Heilan meilan,
Hukkas pukkas pois.

Ippen toppen,
Toko-roko, niko-roko,
Nippiy näppiy,
Huuviskoukku,
Huarattu metten pois.

(Elä kiirähä, toisen luvon:)

Ipečipi topečipi,
Toukin loukin,
Viikin vaakin, varvaš koukku,
Huuviskoukku,
Huaratta mittien pois.

Yksin toksin,
Toukan loukan,
Viksin väksin,
Oravan kypälä,
Hukkas tukkas pois.

Публ.: ПФКК, № 166, 167, 168, 170.

HÄRNÄYKSET

(Miten truasitettih? — No, niin jotta:)

Iivana illetti,
Toini jalka tolletti,
Kiät käsiropehešša,
Silmät šittaloukošša,
Vuaralta vettä vetäy,
Kallivolta karkattau.

* * *

Sandra-lindra limpottau,
Kahen puolen (astuo) lämpöttäy.

* * *

Anni-punni aitua panou,
Kahen puolen kaččelou.

* * *

Outi-pouti ponkottau...

* * *

Vasselei variksen ampu,
Koppalan kopšahutti,
Mečon meččähytt .

* * *

Tat'tana tanššie šipšuttau,
Kahen puolen ripšuttau...

Зап. Н. Лавонен, А. Степанова в 1988 г. в г. Медвежьегорске от Лааксонен А. И., 1908 г. рожд. в дер. Пиесунки (н. Калевальского района). Фон. 3150/3.

*(Keväällä varis lapsille antaa
soappaat, ahava kun leikkaa, jotta
veri tsilkkoa, sanotaan:)*

Katsohan, kun varis
Anto soappaat:
Tinanenät, punanenät,
Kaplukkakantaset,
⁵ Kaprehennahkaset!

* * *

Šanon mie šuarnua
Šaikkah miekkah,
Lynkäh leppäh,
Pahkapiäh petäjäh.

⁵ Vaivani vaššan kaštau,
Vajon alla peittäy,
Kuninkaš kuulou
Kuuvelta virššalta,
Šeiččemeltä šelkoselta,

¹⁰ Kahekšalta kankahalta,
Yhekšältä ympyrältä,
Kymmenen kylän piäh.

* * *

Расскажу я сказку
Про шайку, про саблю,
Про изогнутую ольху,
Про сосну с капями
(наростами).

⁵ Убогий веник намочит,
Под крыльцо спрячет,
Царь слышит
За шесть верст,
За семь необитаемых
пространств,

¹⁰ За восемь лесных боров,
За девять кругов,
За десять деревень.

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски в 1977 г. в пос. Кестеньга Лоухского р-на от
У. Т. Токаревой, 1906 г. рожд., дер. Вартиолампи. Фон. 2507/18. Публ.: ПФКК, № 172.

* * *

Oli ennen ukko, akka,
Oli kirjava kanane,
Muni kirjavan munasen.
Tuli hiiri pitkä häntä,

⁵ Senkin vieretti tuleh.
Ukko, akka itkemäh,
Kanane kakettamah,
Veräjäized vieremäh,
Ovuet krutsišomah,
¹⁰ Harakka hatšattamah,
Seibähän peä vabišomah.
Varis varpaha(n) kisko,
Pedra sarvet murenti,
Pappilan naized korvoh

murenti,

¹⁵ Babadi rozmiessan koado,
Pappi riışud revitti.

* * *

Были раньше дед и баба,
Была у них курица ряба,
Снесла она рябое яйцо,
Пришла мышь длиннохвостая,

⁵ Смахнула его в огонь.
Дед, баба плакать,
Курица кудахтать,
Ворота отворяться,
Двери скрипеть,
¹⁰ Сорока стрекотать,
Колья сотрясаться.
Ворона палец выклевала,
Олень рога раздробил,
Бабы ушат разбили,

¹⁵ Попадья опару пролила,
Поп ризу разорвал.

Зап. У. Картунен в 1897 г. в дер. Сааренпяя (н. Муезерский р-н) от Т. Филипповой (Hilipra). Публ.: SKVRH 601.

ПОСЛОВИЦЫ

«Цветом народного ума... житейской народной правдой» назвал пословицы В. Даль. В отличие от других фольклорных жанров пословицы бытуют не самостоятельно (их не поют, как песни, не рассказывают, как сказки), а употребляются в живой разговорной речи, служат для сравнения, сопоставления, стремления выразить мысль более ярко, образно. По форме они выразительны, метки, кратки, легко запоминаются.

С пословицами (*sananlasku*) соседствуют поговорки (*sananparsi*) и фразеологизмы (*puheenparsi*). Исследователи полагают, что отличие пословиц от поговорок в следующем: пословица передает законченное суждение (грамматически это выражается обязательным наличием подлежащего и сказуемого в предложении), а поговорка — только намек на суждение (отсутствует сказуемое). «Воду в ступе толочь» — поговорка, «Воду в ступе толочь — вода и будет» — пословица.

Фразеологизмы — устойчивые сочетания слов, выражения, придающие речи образность, меткость, эмоциональность, экспрессивность. Они не фольклорный жанр, а явления языка. Приведем в качестве примера несколько карельских фразеологизмов из книги В. П. Федотовой «Фразеологизмы в карельском языке»: *harmie haukata* (горести откусить) — горевать; *piä muuttua* (голову сменить) — выйти замуж, изменить прическу; *ezihelma lyheni* (передний подол укоротился) — забеременела; *suuriksi vierahiksi tulla* (прийти большими гостями) — приходиться сватать; *katto on olesta* (крыша из соломы) — совсем глупый; *polttau jotta korvista šavu tulou* (курит так, что из ушей дым идет) — много курит.

Проследить возникновение и путь развития карельских пословиц и поговорок не представляется возможным, но происхождение их относят к глубокой древности. Многие из пословиц и поговорок архаичны, сохранили древнюю основу. Значительная их часть создана в стиле калевальской метрики. Единый поэтический стиль давал возможность перехода пословиц в эпическую поэзию и, наоборот, строки эпических песен могли стать пословицами. Иллюстра-

цией последнего может служить песня »Väinämöisen kiellot« — «Запреты Вяйнямейнена», текст которой почти полностью «разобран» на пословицы: Kielsi vanha Väinämöinen vesillä viheltämästä, laipehilla laulamasta.— Запрещал старый Вяйнямейнен на воде свистеть, на волнах петь; Vielä kielsi Väinämöinen, epäsi Suvannon sulho kulalle kumartamasta, hopiaalle horjumasta, vanhan nuorta tahtomasta.— Запрещал Вяйнямейнен, не советовал жених из Суванто золоту поклоняться, серебро почитать, старому молодую желать.

Карельские пословицы заимствовали также строки из заклинаний, лирических песен, загадок. Вот фрагмент лирической песни, употребляющийся в качестве пословицы: Enämpi on minulla huolta kuin on kuudessa käpyä, rajuja rahalla tualla.— У меня забот больше, чем на ели шишек, на плохой земле ивняка (ивовых кустов).

При создании пословиц шли от конкретного факта, наблюдения — к обобщению. А при использовании пословиц в речи происходит противоположный процесс: обобщающий смысл пословицы иллюстрирует конкретную ситуацию, факт, событие.

Одни пословицы распространены на всей прибалтийско-финской территории (известны финнам, эстонцам, всем группам карелов, ижорцам) и шире — имеют общеевропейское распространение, а у других ареал распространения значительно уже. Каждая историческая эпоха создавала свои пословичные выражения. Пармеологи справедливо указывают, что до некоторой степени пословицы могут служить историческим источником, на их основе можно решить, в каком свете народ видел события своей истории.

Изменения в культуре, экономике вызывали изменения и в пословичном репертуаре — одни из них исчезали, другие появлялись.

М. Кууси, сравнивая публикации финских пословиц за 1702 г. со сборниками начала XIX в., заметил определенную закономерность: за столетие примерно треть пословиц была утрачена (*Kuusi*, 1953, VII).

Тематика пословиц и поговорок чрезвычайно разнообразна: «Это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах» (*В. Даль*). В пословицах и поговорках по-своему отражены общечеловеческие воззрения, верования, социальные условия жизни народа, но в то же время проявляется национальное своеобразие.

Пословицы связаны с народными приметами, хозяйственным календарем, неписаными правилами крестьянского бытия. В них видны все древние занятия карелов — охота, рыболовство, земледелие, животноводство. По-своему жанр затрагивает вопросы морали, народной педагогики, любви к дому, родным местам. Осуж-

даются пороки — лень, трусость, зло, бесчестие, ложь. Утверждаются положительные нравственные качества — трудолюбие, смелость, добро, честь, правда. Считается, что «мужских» пословиц больше, женская тематика отражена меньше. Пословицы противоречивы, как сама жизнь. Одни — оптимистические, другие — пессимистичны; одни утверждают коллективизм, другие — индивидуализм. У одного и того же народа пословичные суждения могут быть прямо противоположны одно другому. Так, финские пословицы говорят: *Koega kutsuttu vieras, koreampi kutsumaton*. — Званный гость хорош, незванный лучше. *Koira kutsuen kulkee, hyvä vieras kutsumatta*. — Собака на зов идет, хороший человек без приглашения (незванным), но: *Kutsumaton vieras, pesemätön lusikka*. — Незваному гостю немытую ложку.

В пословичном репертуаре любого народа есть тексты глубоко философичные, мудрые по мысли. К последним можно отнести такую пословицу: *Ei niin vanhaa, joka ei luule vuotta elävänsä, eikä niin nuorta, joka tietää vanhaksi tulevansa*. — Нет такого старого, кто не надеется еще год прожить, нет такого молодого, кто поверит — что станет старым.

В силу меткости, краткости, точности выражения мысли, практического применения пословицы и поговорки и сегодня наиболее распространенный жанр карельского фольклора.

Oma mua mančikka, vieras mua — mussikka.	Родина — земляника, чужбина — черника.
---	---

Juvrettah ni kargei heinäine ei kazva.	Без корней даже горькая трава не растет.
---	---

Vierahalla mualla on kezällägi vilu.	В чужом краю и летом холодно.
---	-------------------------------

Mi lindu se i kieli, mi mua se i viero.	У каждой птицы свои песни, у каждой страны свои обычаи.
--	--

Alku aina hankala, loppu työn kaunistau.	Начало трудным бывает, конец — работу украшает.
---	--

Ahvenešta erän alku, loppu šuu- rešta lohešta.	С окуня улов начинается, лососем кончается.
---	--

Kel on käzi talmas, sil on leiby avnas.	У кого мозоли на руках, у того и хлеб в скирдах.
Kandai takan tundov.	Несущий знает тяжесть ноши.
Ensimmäisen marjat suuret, jälkimmäisen tie silie.	Первому — ягоды крупнее, последнему — тропа ровнее.
Mimmoni mies meččäh mänöy, semmoni puu vastah tulou.	Какой человек в лес пошел, такое ему и дерево навстречу.
Midä kezäl keriat, sidä talvel tabuat.	Что летом соберешь — зимой у себя найдешь.
Olis okšan ottajua, kun olis kuušen kuatajua.	Найдется кому сучья подобрать, лишь бы елку свалить.
Parempi on pyu pivošša, kuin kakši okšalla.	Лучше рябчик в руке, чем два на сучке.
On työtä ruatajalla, unta ma-kuajalla.	У работника много работы, у спящего вдоволь сна.
Elä mäne kiirehellä riitah.	Не спеши, когда идешь ссориться.
Viha viepi vil'l'an muašta, katehuš kalan veještä.	У злого хлеб не родится, у завистливого рыба не ловится.
Ei šäre mieli miehen piätä, väki viännä hartioita.	Ум головы не ломит, сила плеч не клонит.
Hyvä on vanhan vanheta hyvän nuoremman nojašša, hyvä on lapšen lapšeštua hyvän vanhemman varašša.	Хорошо старому стареть при хороших детях, любо малому расти при отце да матери.
Vanhaten aškel lyhenöy, matku pitkenöy.	В старости шаг короче, а дорога длиннее.
Vetty myöte i vedehine, kaivuo myöte i kala.	По омуту и водяной, по глубине и рыбы.

Kylän ilo — koin kondie.	На деревне забава — дома медведь.
Šuu šuutkiu, šiämi tervua keittäy.	Шутки шутит, а на сердце смола кипит.
Huapasella aijakšella ta pahalla akalla on ikiä.	Осиновый кол да дурная баба долго живут.
Čomuz on hyvä svuad'ban aigah, a nero eläez.	Красота — для свадьбы, а в жизни уменье нужно.
Reboi yksinäh yheksän hukkua muanittav.	Одна лиса девятерых волков перехитрит.
Paha vaza i Pedrun aigah särizöv.	Хилому теленку и среди лета холодно.
Mi ku ruajus randal, parembi uadus keskel.	Чем в раю на краю, лучше в аду на середине.
Parempi on kopra kunnivuo, kuin helma täysi häpietä.	Лучше горсточка почета, чем полный подол позора.
Mitä šuuri haukkuu, šitä pieni räyrettäy.	На кого большая лает, на того и маленькая тьякает.
Ei čoma ole čoma, armas on čoma.	Не та красавица, что красива, а та, что любима.
Hyllätty — ei hullattu.	Милым забытая — не параличом разбитая.
Omenani ottuassa, mesimarja muanittuassa, pihlajaini pityässä.	Изюминка — когда увлекаешь, яблочко — когда замуж берешь, рябинка — когда поживешь.
Ikä ykšin ollešša, kuin päivä pilveššä.	Жизнь холостяцкая, что день без солнца.
Hyvän akan kel i sieglal vetty kannat.	С хорошей женой даже в решете воду натаскаешь.

Huttuputro miešten ruoka, velli variksen juoma.	Каша густая — пища мужская, жидкая каша — питье для ворон.
Ongitetul kalal da pakičusmaijol et liho.	От уженной рыбы да чужого молока не ожиреешь.
Joku juojalla tulou: joko koirakenkät syöpi, tahi kintahat katuou.	С пьяным всегда беда: либо собака сапоги съест, либо рукавицы с рук потеряет.
Humalahine etemmä mänöy, kuin tietä piisua.	Пьяный идет дальше, чем хватает дороги.
Muaman maido magein, tuatan kodi armahin.	Нет слаще материнского молока, милее отцовского дома.
Piätteničcy pezopäivy, suavattu kyl'n kyl'vendi.	Пятница — для стирки, субботний день — для бани.
Aijä on työä orjuves, emanukses vie enembi.	Много дела у батрака, у хозяйки еще больше.
Gost'al on kolme yöä, ad'vol kolme nedälie.	Гость может погостить три ночи, а адьво — три недели.
Kučuttu vieras on kaunis, kuččumatoi kaunehembi.	Званный гость хорош, незванный лучше.
Vierahan syönnällä talo ei köyhy.	Гость пообедает, дом не обеднеет.
Herru herran hännäl ei polle.	Господин господину на хвост не наступит.
On herroil huomenie.	Щедры господа на обещанья.
Kazil kiza, hiirel surmu.	Кошке баловство, мышке погибель.
Köyhys ei tule iloksi.	Бедность не на радость приходит.
Vaski vaivazen kulda, tina kövhän hopie.	Медь для нищего — золото, слово для бедняка — серебро.

Parempi on kotini kopeikka, kuin kyläni rupl'a.	Копейка своя дороже соседского рубля.
Laisku parempi viruv n'älgäz, mi ku olda unele velgaz.	Лучше лентяй голодным уснет, чем будет в долгу перед сном.
Laisalla ei heponi mäne, eikä koira jäleššä juokše.	У лодыря ни лошадь не везет, ни собака следом не бежит.
Laiska kerralla kandav, virku vii- sičči juoksou.	Ленивый все сразу понесет, шустрый пять раз сбегает.
Ken on tulta lähempänä, še tulella lämmittelöy.	Кто к костру поближе, тот и греется.
Kyläššä on kylyt paremmat, šaunan lauvat lauhkiemmat.	В чужой бане и пар лучше, и доски на полках глаже.
Riidu lähtöv rikkazes, tora lähtöv toppazes.	Ссора — из-за соринки, свара — из-за мусоринки.
Vierahas vallas ku kala merras.	В неволе — словно рыба в ме- реже.
Kun kala ei šyö, niin mato šišäštyy.	Рыба не клюет — червяка сэко- номишь.
Ennen šyö šammalet šeinänra- vošta, kuin šienenet värčistä.	Лучше съешь мох из щелей избы, чем семена для посева.
Elä kiitä, ennenkuin šuuh šuat.	Не говори — вкусно, пока не по- пробуешь.
Hyvä sana kallehembu kuldua.	Доброе слово — дороже золота.
Ota hyvä šana matkamieheštä.	Бери умное слово и от прохо- жего.
Suarnat ei sanuon loppu.	Сказки сказыванием не кон- чаются.
Yhtes koivus evlo kaskie, yhtes kives evlo koskie.	Одна береза — не подсека, один камень в реке — не порог.

Ei kylvö kylläs pee, ku ei kazvo
kavnistanne.

Karkeat on pihlajan marjat,
kahta karkeammat katajan.

Kukko päivän alkau.

Публ.: КПП.

От посеянного сыт не будешь:
может и не заколоситься.

Горькие у рябины ягоды,
вдвое горше у можжевельника.

Петух день начинает.

ЗАГАДКИ

Наряду с пословицами к «малым» жанрам относятся загадки (*arvoitukset*). Они близки пословицам по принципу построения фразы, по краткости, выразительности. Значительная часть карельских пословиц и загадок создана в стиле калевальской метрики, отчего эти два жанра могут переходить один в другой. Но по условиям бытования в народной среде загадки, естественно, отличаются от пословиц.

Загадка состоит из двух частей — самой загадки (ее образной части) и отгадки. Эта двухчастность структуры загадки — одна из ее общих жанровых особенностей, имеющая международный характер. Образная часть загадки и отгадка составляют взаимосвязанную систему, без которой загадка теряет смысл. Одна отгадка, как правило, может относиться к нескольким загадкам. Объясняется это тем, что загадка описывает предмет-отгадку не полностью, не дает ее развернутой характеристики, а подмечает лишь отдельные ее черты, свойства и качества. Так, о сетях есть несколько карельских загадок, и каждая «видит» что-то свое: *Kivisukka, tuohikenkä, keskeltä hitu-hatu.* — Каменный чулок, берестяная обувь, в середине ветхая; *Puukello, kivikapie, läksi soita sotkemah, merivettä vellomah.* — Деревянный колокол, каменное копыто пошло бोलта месить, воды моря бороздить; *Yksi pirtti, tuhat ikkunaa.* — Изба одна, окон тысяча; *Vies seizo, mual kuaduu.* — В воде стоит, на земле падает.

Наблюдается и обратное явление, когда к одному тексту загадки можно «приставить» разные отгадки. Щель в бревне и скрип дверей загадываются одинаково: *Ken ensimmäkse nakrau, kun pirttiä tulet?* — Кто первый смеется, когда в избу входишь?

Основой образной части загадки является метафора. Метафорические загадки по сравнению с неметафорическими (загадки = вопросы, загадки = шутки) считаются более древними. В тексте загадки отгадке соответствует замена, метафора. Излюбленным приемом метафоризации в карельских загадках является «одушевление» неодушевленных предметов. Предметы домашнего обихода:

серб, челнок, воз сена — уподоблены волку; звон церковного колокола, раскаты грома — вою волка; люлька, лодка, ткацкий станок — зайцу. В роли метафор также выступают овца, корова, конь (жеребец), собака... Метафоры противопоставлены отгадке, «уводят» от правильного решения, нахождения отгадки. Это придает загадкам своеобразную алогичность, ставит предметы, явления «с ног на голову», создается необычность мира загадок. Только в загадке можно встретить предметы, имеющие «много ног, а в поле на спине несут» (борона), «выше высоких деревьев, ниже придорожной травы» (дорога), «болото в избе» (мох в пазах стен). При отгадывании метафора в загадке как бы снимается, она заменяется реальным предметом, и абракадабра, алогизм, замысловатость исчезают.

Для неподготовленного человека разгадать загадку — занятие не совсем простое, но в народной бытовой традиции к этому причаляли с детства. Детям были знакомы и предметы загадывания (отгадки) и предметы, которым они уподоблялись. При внимательном рассмотрении многих загадок в них обнаруживаются детали, подробности, которые «подсказывают» отгадку, являются связующим звеном между отгадкой и загадкой. В образной системе загадок встречаются конкретные детали, используемые в прямом значении слова: Kiekeröini, kuakeroini kaikki pellot kävelöy.— Кривой, изогнутый все поля обходит. «Поля» — здесь явная подсказка для отгадки (серб). Luikkau, laikkau luisien lukkujen takana.— Щебечет, стрекочет за костяными замками. Здесь подсказкой к отгадке является «костяной» (зубы). Часто в качестве подсказок выступают числа: Kontie korolla seisou, kolme jalkua perässä (rukki).— Медведь на трех ногах на возвышении стоит (самопрялка). У самопрялки действительно три ноги-стояка. Небольшие числа (от одного до двенадцати) практически всегда точны, а сотни и тысячи используются для обозначения множественности: Sata silmyä, kaksi korvua (vakkane).— Сто глаз, два уха (корзина); Šata šanččie, tuhat tunččie yhellä vyöllä vyötetty (olkikupo).— Сто щетинок, тысяча иголок одним поясом опоясаны (сноп соломы).

Карельские загадки, как и загадки других народов, самым подробнейшим образом отражают крестьянскую жизнь прошлого, начиная с предметов домашнего обихода (умывальник, безмен, самопрялка, серб, решето) и кончая явлениями природы (дождь, гром, молния, снег, солнце, луна).

Современным городским детям традиционные загадки становятся непонятными, поскольку из быта ушли или уходят сами предметы, которые загадывали (печь, кочерга, лавки в избе, иконы, подпол, помело). У многих народов загадки — живой фольклорный жанр. На смену уходящим загадкам возникают новые, о новых предметах и явлениях. Новые же карельские загадки практически не создаются — связано это с проблемами карельского языка, все

меньшего использования его в быту, особенно в детской среде, где, как правило, и создаются загадки.

Наука пока не может точно ответить на вопрос, когда и как возникли загадки, но все исследователи сходятся в том, что это жанр древний. В карельских загадках также обнаруживаются следы мифологических древностей, элементы заклинательной поэзии (*Kuusi*, 1960). О древности жанра свидетельствуют и следы обрядовой функции загадок в прошлом. Загадывание у многих народов было связано с похоронными, свадебными церемониями, считалось, что оно благотворно сказывалось на результатах охоты, влияло на плодovitость домашних животных и т. д.

В Карелии сохранились интересные и, надо полагать, архаические сведения о временных ограничениях в загадывании. В северной Карелии был распространен запрет загадывать вечером: «Загадывание было утром, вечером сказки рассказывали». По времени года излюбленным сезоном загадывания считалась зима, особенно период святок. Нарушение времени загадывания было чревато появлением «хозяйки загадок» (*arvoituksen akka*). О древности жанра свидетельствует и система «наказывания» за неудачное отгадывание, отголоски которой в Карелии сохранились до наших дней (об этом см.: *Лавонен*, 1977).

Позднейший период бытования загадок связан с их развлекательной функцией. Исследователи подчеркивают также роль загадок в познании окружающей действительности, развитии ассоциативного мышления, т. е. их педагогическую функцию.

Несмотря на национальную специфику, проявляющуюся в художественной системе, условиях бытования, в этнографических деталях, загадки являются жанром международным. В них много общих черт с загадками других стран. При этом необходимо учитывать возможность заимствования загадок одним народом от другого, этническую общность близких народов, роль мифологических верований и т. д.

Карельская загадка так же обнаруживает интернациональные связи: определенное сходство наблюдается между карельскими и русскими загадками. Заимствование русских загадок особенно заметно в южной Карелии — здесь встречаются прямые кальки русских загадок. В северной Карелии много общего с загадками финскими, эстонскими. Но в целом на фоне международных интернациональных связей карельская загадка — явление национального художественного творчества, связанного с традициями народного быта, с историей и культурой народа.

Kuusi teilä, kuusi meilä, kuusi
kaikella kylällä.

Ikkuna

Шесть у вас, шесть у нас, (по)
шесть у всей деревни.

Окно

Nellä jalkua, nellä silmyä, kaksi
piätä, ilman nenyä, ilman suuta,
ilman häntyä.

Skammi

Четыре ноги, четыре глаза, две
головы, нет носа, нет рта, нет
хвоста.

Скамья

Yöt rieskana, päivät kolaččuna.

Posteli

Ночью лепешкой, днем — ка-
лачом.

Постель

Yöt loukku loukuttau, päivät
loukku loukuttau, ei kuituni kura-
ha, ei päistöröt pärähä.

Čoasut (kello)

Дни и ночи треплет лен — ни
кострики нет, ни волокна.

Часы

Tuhuri tuli karsinasta, otti kul-
lat, otti mullat, pani parahat
hopeat.

Havu

Пришла мохнатая из подполья,
взяла золото, землю (почву),
унесла лучшее серебро.

Помело

Pöpön jalka kiukuassa, pöpön
jalka karsinassa.

Havu

Медвежья лапа в печке, мед-
вежья лапа в подполье.

Помело

Kykräselkä, käkräselkä, tuliseh
jokeh kumartau.

Kapusta

Горбатый, кривобокий в огнен-
ной реке кланяется.

Поварешка

Pyy lenti pyhäjokeh, pyhäjoki
pyörimäh (kiehumah).

Härkin

В святую реку рябчик залетел,
святая река закружилась.

Мутовка

Mušikkane-tuplikkane, sobazet ku
sruunazet, jalgazet ku nybläzet,
kävellä ei voi.

Samovuaru

Мужичок-круглячок, одежда —
медная, ножки — пуговики, хо-
дить не может.

Самовар

Siäimestä sirniččä, ulkuota kor- ničča.	Внутри — сени, снаружи — гор- ница.
<i>Samovuara</i>	<i>Самовар</i>
Silmät korvissa, kylkiluut nahkan piällä.	Глаза в ушах, ребра поверх кожи.
<i>Korvo</i>	<i>Ушат</i>
On korvat — ei kuule, on silmät — ei näi.	Есть уши — не слышит, есть глаза — не видит.
<i>Korvo</i>	<i>Ушат</i>
Hyöryläini, pyöryläini, satasilmä sirkkulaini.	Суетливый, вертлявый, стогла- зый сверчок.
<i>Siekla</i>	<i>Решето</i>
Puoli hebuo, toine huabua.	Одна половина — лошадь, дру- гая — осина.
<i>Sieglu</i>	<i>Решето</i>
Silmästäh (suustah) syöy, kyleš- täh paškantau.	Глазом (ртом) ест, из бока опрастывается.
<i>Jauhinkivi</i>	<i>Жернова</i>
Musta akka mulleroini, paksu akka palleroini vettä korvon vetäy.	Бабка черная чернушка, бабка толстая толстушка ушат воды выпивает.
<i>Kylyn kiukoa</i>	<i>Каменка</i>
Alta panou: ah-hah-hah, piältä panou: lessun-lessun, persiellä hyvyä teköy, suuta nauruh vetäy.	Снизу говорит: ах-хах-хах, свер- ху говорит: лес (ун)-лес (ун), зад- нице хорошо делает, рот в улыбку растягивает.
<i>Kylyssä kylpemini</i>	<i>Париться в бане</i>
Vihjottu, vahjottu, poikki vuaran työnnetty.	Свили, связали, через горку послали.
<i>Aidu</i>	<i>Изгородь</i>
Kylän koira kyykylläh kaikki lai-	Деревенская собака приседает,

nehet lukou, nurmen uallot arvua.

Atra

Puuhepo, kivikapie, läksi soita
sotkomah, meren vesie vellomah.

Nuotta, verkko

Silkit, vilkit selkäh, suven kenkät
jalkah, suorie sukkelaiseh vikke-
läistä vuottamah.

Nuotta, verkko

Yksi pirtti, tuhat ikkunaa.

Nuotta, verkko

Eččiy, eččiy, ei tahtois löytävän.

Verkon paikkuanta

Etsit, etsit, kun löytä, niin pöläs-
syт, kun ei löyä, niin ihassut.

Verkon paikkuanta

Halli mäellä haukkuu, mie hallia
hännästä piän.

Kirves

Nipsau-napsau, käyvää-
kapsau tiheässä viitakossa.

Lampahan keriččemine

Nipsau-napsau, käyvää-kapsau,
pikku henkselit selässä.

Rukilla kesröäy

Orih juoksi, ohjas lekku, reki
rautani kročasi.

Rukilla kesröäy

все валы считает, все луговые
волны знает.

Соха

Конь деревянный, копыто камен-
ное, направился болота месить,
морские воды бороздить.

Невод, сеть

Шелка, кружева на спину, лет-
нюю обувь на ноги, собирайся
быстренько шустренького ожи-
дать.

Невод, сеть

Изба одна, окон тысяча.

Невод, сеть

Ищет-ищет, находить не любит.

Починка сетей

Ищешь-ищешь, а найдешь —
испугаешься, не найдешь — об-
радуешься.

Починка сетей

Собака лает на горе, я ее за
хвост держу.

Топор

Щелкает-трещит, ходит-бренчит
в густых зарослях.

Стрижка овец

Стучит-бренчит, бежит-спешит,
маленькие подтяжки на спине.

Прядение на самопрялке

Жеребец бежал, вожжи натя-
гивались, железные сани скри-
пели.

Прядение на самопрялке

Rautani heponi, liinazed ohjaksed. <i>Niekla ta rihma</i>	Конь железный, вожжи льняные. <i>Иголка и нитка</i>
Hienoine, pienoine, kaiken muan suorittau. <i>Nieglu niitin kere</i>	Тоненькая, маленькая весь мир одевает. <i>Иголка и нитка</i>
Pitempi pitkie puita, matalampi muan ruohoja. <i>Tie</i>	Выше высоких деревьев, ниже низкой травы. <i>Дорога</i>
Jiestiy, jiestiy, kovestiu, kovestiu — jiestin jälki näky, kovestin jälki ei nävy. <i>Reki ta veneh</i>	Едет-едет, плывет-плывет, след едущего виден, следа плывущего не видно. <i>Лодка и сани</i>
Mieš mänöy меңчäh, kaksi ojua jälellä jäy. <i>Suksilatu</i>	Человек в лес идет, за ним два ручья бегут. <i>Лыжня</i>
Kuuzi d'algad, kaks d'alged. <i>Regi</i>	Шесть ног, два следа. <i>Сани</i>
Lihaini lihaista lipettäy lihasella lippahalla. <i>Lapsi imöy nännie</i>	Мясистый мясистого посасывает на мясистом ларце. <i>Кормление ребенка грудью</i>
Kilkkau, kalkkau luisien lukkujen takana. <i>Hampahat, kieli</i>	Стучит, бренчит за костяными замками. <i>Язык, зубы</i>
Valgedad kanad ruskedal ordel. <i>Hambahat</i>	Белые куры на красном насесте. <i>Зубы</i>
Yksi hiiri, kaksi häntyä, ken kenkän arvau. <i>Löttö (virsu)</i>	Одна мышь, два хвоста, кто обувь отгадает. <i>Лапоть</i>
Mi on moalla magein? <i>Uni</i>	Что на свете самое сладкое? <i>Сон</i>

Mi jogahizel on?

Nimi

Что у каждого есть?

Имя

Suomänty, matala mänty, mäm-
mimöykkymännyn piässä.

Hillo

Низкая сосна на болоте, на
вершине сосны каравай.

Морошка

Ruskie lehmä heinäsessä kyt-
kyössä.

Puola

Красная корова на травяной
привязи.

Брусника

On krugloi, da ei kuudamaine;
on zelenoi, da ei pedähäine.

Nagris

Круглая, но не луна,
зеленая, но не сосна.

Рена

On kuin vasta eikä ole vasta,
on kuin keträ eikä ole keträ, häntä
kuin hiirellä eikä ole hiiri.

Nakris

Как веник, но не веник,
как клубок, но не клубок,
хвост, как у мыши, но не мышь.

Рена

Yksi sanou: stuku-stuku, toini
sanou: stuku-stuku, kolmas sa-
nou: stuku-stuku, nelläs sanou:
stuku-stuku, viijes sanou: viu-
vau.

Heponi

Один говорит: стук-стук,
другой говорит: стук-стук,
третий говорит: стук-стук,
четвертый говорит: стук-стук,
пятый говорит: виу-вау

Лошадь

Nenä neittä, piä jäniksen, muu
ruumis susien sukua, häntä kiär-
mehen kähyä.

Kissa (kasi)

Нос девичий, голова заячья,
тело волкам сродни, хвост змее
под стать.

Кошка

Ora, ora iel, kerä, kerä keskel,
keriççimet jällel.

Harakku

Шило, шило впереди, клубок,
клубок посередине, сзади нож-
ницы.

Сорока

Mussempi nokie, valkiempi vi-
tie, korkiempi kotua, matalampi
rekie.

Harakka

Чернее сажу, белее снега, выше
дома, ниже саней.

Сорока

Kattila mäjellä kiehuu ilman
puitta, keittäjittä, kokitta, kohen-
tajitta, pavaritta, paistajitta.

Muurahaiskeko

На горе котел кипит без дров,
без кухарок, без коков, без по-
варов, без пекарей.

Муравейник

Kaksi kantuo merellä, toini nou-
sou, toini laskou.

Kuu ta päivä

Два пня в море — один подни-
мается, другой опускается.

Солнце, луна

Hepo hirnuu Hiijen mualla,
tänne ohjakset ojentu, tänne
länket läimähytti, tänne val'l'ahat
vapisi.

Ukonjyry

Конь ржет на земле Хийси, сюда
вожжи притянулись, здесь уздеч-
ка поблескивала, здесь сбруя
сверкала.

Гром, молния

Istu hoapana havolla, vesilintu
vempelellä — suutoin söi, keätöin
ampu.

Lumi sulau kannolta

Сидит свиязь на валежине, водо-
плавающая на дуге — безротый
съел, безрукий выстрелил.

Снег тает на пне

Jänis juoksi jeätä myöte, pir-
petti pihoja myöte, pisti peäh pi-
non rakoh.

Lumituisku

Заяц по льду бежал, мчался по
дворам, голову в щель полenni-
цы просунул.

Метель

Juuretta kazvau, siivettä lendäy.
Kivi

Без корней растет, без крыльев
летает.

Камень

Публ.: Кар. нар. загадки.

СКАЗКИ

Сказки (по-фински — *satu*, по-карельски — *starina, suarna, sua-gu*) относятся к области народной прозы. От других жанров народной прозы (преданий, быличек, легенд) они отличаются более развитой эстетической стороной. Для сказки характерна своеобразная «строгая» форма, в них обязательны определенные композиционные приемы и стилистические особенности. В отличие от эпических песен, которые пелись, сказки рассказываются (*suarnua sanotah*).

Современные фольклористы считают, что «сказка уходит корнями в доклассовую культуру человечества» (*Е. М. Мелетинский*). Предшественником сказки был миф — «миф есть стадияльно более раннее образование, чем сказка» (*Пропп*, 42). На пути исторического развития произошло постепенное размежевание сказки и мифа. «В сказке, по сравнению с мифом, происходит ослабление (или потеря) этиологической функции, ослабление строгой веры в истинность излагаемых фантастических событий, развитие сознательной выдумки» (*Мифы...* т. 1, 15).

Отдельные реликты религиозно-магических функций сказки, сохранившиеся с периода ее общности с мифом, наблюдались на протяжении длительного времени.

Известно, что в древности сказки были далеко не детским жанром, их рассказывали с магической целью. Исследователи отмечают своеобразную «сезонность» в рассказывании сказок. В определенные периоды года (а в Карелии и суток) их сказывание поощрялось, в другие — они были нежелательны. Верили, что хорошо рассказанная сказка принесет удачу на рыбной ловле, охоте, добрит «хозяина леса». Отголоски этих верований сохранились в Карелии еще к началу нашего века. Особенно охотно в северной Карелии рассказывали сказки зимой, в святочные вечера — время на рубеже старого и нового года. Старые люди вспоминали, что гостю, оставшемуся в доме ночевать, полагалось рассказать сказку, а еще лучше — три. Считали, что при рассказывании сказок вокруг дома образуются «железные» обручи — обереги,

которые предохраняли дом от злых духов. Рассказчика запрещалось прерывать, иначе духи могли проникнуть в обрывы обруча и причинить неприятности. Постепенно сказка теряла свои магические функции и стала только средством проведения досуга. В карельских деревнях еще в первые десятилетия нашего века их охотно рассказывали и слушали и взрослые и дети. Сказки в этот период были даже более популярны, чем эпические песни. По экспедиционным наблюдениям и расспросам информаторов создается впечатление, что эпические песни «ушли» из активного бытования раньше сказок. Затем стали забываться и сказки. Как заявила одна из носителей традиции: «Старики ушли, а к молодым не пристало (умение рассказывать сказки)».

Исследовательница карельских сказок У. С. Конкка пишет: «Люди, знающие толк в сказках, говорят, что сказка — не сказка, если ее рассказывают при электричестве. Чтобы сказка сохранила свой аромат и очарование, ее надо, мол, рассказывать при свете камелька или лучины, а лучше всего в темноте на сон грядущий. Как артисту нужны огни рамп и полный зрительный зал, так сказочнику нужна темнота, чтобы видеть в своем воображении то, о чем он рассказывает, и вызвать такие же картины перед мысленным взором своих слушателей, силой художественного воздействия заставить их на время забыть о том, что сказка — не быль».

Сказки имеют мировое распространение, они широко «мигрировали», переходили от одного народа к другому, но на фоне интернациональных сюжетов сказкам каждого народа присущи свои национальные черты. У каждого народа сказка приобретает свой колорит, свои художественные особенности, создаются национальные версии «мировых сюжетов». При этом большое влияние оказывают сказки соседних народов. На карельскую сказку влияние оказали сказки русские и финские. Карельская сказка в свою очередь повлияла на северно-русскую и финскую сказку.

У карелов зафиксированы все основные разновидности сказок, известные в фольклоре европейских народов: сказки о животных, волшебные и бытовые. К последним ученые относят новеллистические, авантюрные, сатирические сказки о глупцах.

В карельских сказках о животных чаще других встречаются медведь и лиса. О хитрой лисе и ее отношениях с медведем и человеком известно несколько сюжетов — лиса крадет рыбу с воза, «учит» медведя хвостом рыбу ловить, а медведь несет «большую» лису на спине. Их рассказывают и отдельно и соединяя сюжеты, «нанизывая» одну сказку на другую. Следующий цикл составляют сказки, в которых лиса делит с медведем (или волком) урожай.

Животные в сказках являются носителями определенных заданных черт, присущих людям, положительных или отрицательных: у медведя — сила, у лисы — хитрость, изворотливость, у зайца —

беспомощность, боязливость. Карельские сказки о животных имеют общие черты с этиологическими рассказами, очевидно, восходят к ним. Это рассказы о том, как медведь хвост «потерял», почему у зайца губа рассечена, а у лисы на голове белое пятно (мажет голову сметаной) и т. д. Животный эпос связан с представлениями о родовых тотемах — животных, первопредках рода.

Из всех разновидностей сказок наиболее популярными в Карелии были сказки волшебные. Им присущи специфические сюжеты, мотивы, своеобразные действующие лица. Они основаны на цепи чудес, всевозможных превращений, герой их убегает от преследователей, побеждает все враждебные силы, достигает цели, женится на царской дочери. Силы природы, птицы, звери, умершие родственники помогают герою сказки. Его антиподы побеждены. Злое начало в карельских сказках чаще всего воплощается в образе Сюоятар (Syöjätär, от syöjä-едящий и суффикс существительных женского рода -tar/-tär). Сюоятар — это своеобразная карельская версия Бабы Яги, древний мифологический образ, воплощающий отрицательные силы враждебного антагонистического рода. Она превращает людей в животных, сама принимает облик других людей — сестры, жены, невесты героя сказки. Сказка беспощадна к силам зла, она поступает с ними жестоко — они тонут, падают в смоляную бочку, им отрубают голову и т. д. Такова художественная специфика жанра, к ней и надо относиться как к волшебным, фантастическим, а не бытовым реалиям.

Дарительницей или доброй советчицей, в минуту опасности приходящей на помощь герою, в карельских сказках является лесная старуха (akka) и вдова (leskiakka). В роли младшего обездоленного брата выступает Тухкимус (tuhka — зола, tuhkimus — сидящий на печи и пересыпающий золой). Сказка его идеализирует, это карельский вариант младшего брата (Иванушки) русских сказок.

Карельская сказка сохраняет связь с эпосом, для волшебных сказок характерны своеобразные сказочные формулы, стихотворные «вставки» в стиле калевальской поэтической метрики. С помощью таких поэтических «вставок», «общих мест» описывается внешность героя или героини сказки, ими усыпана речь героев: otavainen olkapäillä, kuutamoinen kulmaluilla, päivyt ompi päälaella, tähdet taivon hartehilla, kädet on kultaa kyynäspäistä, jalat polvesta hopeaa — большая медведица на плечах, месяц на висках, солнышко на макушке, звезды небесные на спине, руки от локтя из золота, ноги от колен из серебра.

У. С. Конкка отмечает, что в целом карельская волшебная сказка лаконична и сдержанна, элемент чудесного в ней «носит эпически спокойный характер».

В бытовых сказках элементы волшебства, сверхъестественности присутствуют меньше, чем в волшебных, в них герой со-

вершает свои деяния не с помощью чудесных сил, а благодаря своим лучшим качествам — смекалке, уму, силе, храбрости. Бытовые сказки в сравнении с волшебными более реалистичны, и герой их реален — солдат, крестьянин. К бытовым относятся сказки о попах, ловких ворах, сказки-загадки («Умная невеста») и т. д. По мнению У. С. Конкка, жизнь карельского крестьянства в дореволюционной России наиболее ярко отразилась в бытовых сказках. В карельском сказочном репертуаре нет антикрепостнических сказок, поскольку крестьяне были государственными, а не помещичьими.

В числе бытовых сказок много сатирических, их героем является бедный крестьянин, шут, «ловкий человек». В них осмеянию подвергаются глупость, жадность, лень, ложь и т. д. К сатирическим сказкам близки сказки-анекдоты о глупцах. Сюжеты их международны, но у каждого народа они приурочены к конкретному, реально бытующему географическому названию: Пошехония — у русских, Габрово — у болгар, Хяме — у финнов. У южных карелов Пряжинского района такие сказки-анекдоты отнесены к деревне Киндасово, что недалеко от Пряжи.

Нужно отметить существование значительного количества сказок книжного, лубочного происхождения. Они получили распространение в основном в южной Карелии, куда проникали русские лубочные издания.

Карельские сказки активно записывались в фольклорных экспедициях, выявлено много талантливых сказочников, издано несколько научных и популярных сборников.

Исследователи подчеркивают большую роль повествовательных фольклорных жанров, в частности сказок, в развитии и становлении европейской литературы в эпоху средневековья. В становлении национальной литературы Карелии на первый план выдвигается роль эпических песен, в целом поэзии калевальской метрики. Значение сказок в литературном процессе изучено пока недостаточно.

Repo, kontie ta jänis

Oli ennenin kuomakset — repo, kontie ta jänis. Hyö ollah ta eletäh yheššä koko taikani talvi. A kun kešä tulou, nin pannah yheššä vil'l'ua muah ta yheššä ruvetah niitä korjuamah. Repo kuin on viisaš ta jänis vielä vähäsen viisahempi, nin leikkautetah pel lot kontiella yksinäh. Kontie i leikkuau pupšiu pellon, a toiset vain mečäššä juoššah — jänis korttehilla jäleššä, ta repo šoršie i muita otukšie šuamašša.

Kuin, velliseni, tuli riihen puintiaika, nin kontie puipi, ta repo vain partehilla makuau ta sanou, jotta »pui, pui, kuomaseni, nin šuuremman tukun šuat, a jäniksellä ta miula annat pienem män tukun». Ka kun kontie puipi ta vielä yksinäh pakajau, jotta »mie šuan šuuremman šualehen täštä ruavošta, a ne toiset kun kul'aajah, nin šuahah pienempi tukku».

Repo i mänöy šillä aikua kyläh ta rupieu tien viereh muate, jotta »kalamiehet kun tullah, nin šuan kalua keitokši». Hiän mänöy ta kaččou, jotta ukko ajau, tai rupieu poikittain muate. Tai ukko ajau ta näköy, jotta repo makuau tiepuolešša, i ottau rekeh. Ukko ajau akkah luo hyvillä mielin, jotta »kuin šain äijän kalua ta vielä revon šain», nin akka häntä nyt hyvin vaštah ottau. Ukko ajau köröttelöy ta ei ni jälkeheš päin kačo. A repo sillä aikua otti ta nousi istumah tai alko kaloja luuva reještä pois ta niin ni iče pois hyppäi reještä. Ukko ajau pihah ta karjuu akallah, jotta »tule, akkašeni, kaloja ta repuo käymäh, kuin šain tuolta tieltä revon, ta kalua šuuren tukun». Ka akka kun tulou, kaččou — nin ei ni repuo, a kaloja on muuvan rejen pohjalla.

— Oho šie, kala- ta repomieš, kuin tuaš milmani valehtelit!

Ka ukko kun kačahti jälelläh rekeh, ka ei ni mistä ottua kaloja, ni repuo. Ka kun akka häntä haukkumah, jotta »olet tuommoni kalamieš ta vielä valehtelet milma, kun ei ole kuntuo kalua šuaha ta vielä repoja pakajat. Ka et kyllä, ukko, šyö tänä piänä mitänä, kroome noita ahvenieš!».

Repo ruttoh keräi kalat ta mänöy nakruan kontien ta jäniksen luo ta šanou, jotta »kuin mie šain avannošta, vel'l'et, kalua niin äijän, jotta en voinun kantua kaikkie».

— Ka kuomaseni, juakka nämä vil'l'at nyt, ta mie lähen šiitä onkella avantoh.

Repo otti ta rupei jakaušta šuorittamah tai šanou viisahašta piäštäh, jotta »šie, šuurin kuoma, ota šuurin tukku, a meilä riittäy

pienempi tukku». Niin kontie šai ruumenet, a repo ta jänis šuatih jyvät.

No nyt kontie šuoriu onkittamah kalua, a repo ta jänis lähētäh kyläh šärvintä šuamah. Kontie kuin mäni ta pani häntäh avantoh, nin avanto i jiäty. Vain pitäy šitā avannošša ta ajattelou, jotta enämpi kalua puuttuu, kun enemmän häntyä kirvelöy.

A repo mäni yhen talon aittah ta šöi, vel'let, kaikki kermat ta kuoriet maijoista.

A kontie oli avannolla aina huomeneššyöntih šuat'e. Vain kuin, vel'let, talon rahvaš nouštih makuamašta ta nähtih, jotta kontie on avannolla, nin otettih šeipähät ta mäntih kontieta lyömäh. A kun kontie piäsi — mäni tietä myöt'e riiheh päin, nin näki, jotta repokuoma makuau tiepuolešša ta karjuu, jotta »milma kun lyöti, nin aivot piäštä lähettih». (A hiän vet šöi kermat ta kuoriet ta ne tartuttih karvoih.)

A jänis kaččo vähäsen aikua ta höreyty nakramah, ka kaikki hypättih ken mih kerkisi, joka puoleh ta šuuntah, i näin jäniksellä tuli ristišui ni šuu.

Šen i pivuš, velli, miun starina.

Лиса, медведь и заяц

Были раньше кумовья — лиса, медведь и заяц. Они были да жили вместе всю зимушку-зиму. А как лето приходит, так сеют вместе хлеб да и вместе начинают его убирать. Лиса, как умная была, да заяц еще немного поумней, то они и думают про себя: «Пусть медведь один жнет». Медведь жнет-пожинает поле, а другие только по лесу бегают — заяц за хвощом, а лиса на уток да другую дичь охотится.

Когда, братец мой, пришло время молотбы, то медведь молотит, а лиса только на колосниках полеживает да говорит, что «молоти, молоти, куманек, так кучу побольше получишь, а зайцу да мне дашь кучу поменьше». А медведь старается молотить да еще сам с собой разговаривает, что «я получу долю побольше за эту работу, а эти другие гуляют и получают кучи поменьше».

Лиса бежит в это время в деревню и ложится у дороги (думает), что, мол, как подъедут рыбаки, так (она) получит рыбы на уху. Она идет да смотрит, что старик едет, да и растянулась поперек дороги, а старик едет да видит, что лиса лежит на обочине дороги, и кладет ее в сани. Старик едет довольный к своей старухе, что много рыбы наловил да еще лису нашел, так жена его теперь хорошо встретит. Старик едет себе и назад даже не смотрит. А лиса в это время взяла да встала, да и начала рыбу

выбрасывать из саней, да так и сама выпрыгнула из саней. Старик въезжает во двор и кричит старухе, что «иди, женушка, за рыбой и лисой — нашел там на дороге лису и рыбы большую кучу наловил». А старуха как приходит, так видит, что нет никакой лисы, а рыбы немного на дне саней.

— Ох ты, рыбак да охотник, опять и обманул меня!

Старик как взглянул назад на сани, так неоткуда взять ни лисы, ни рыбы. Вот старуха его ругать, что «такой ты рыбак, да еще обманываешь меня — нет сноровки рыбу ловить, а еще о лисах говоришь. Уж сегодня ты, старик, не поешь ничего, кроме этих своих окуней!»

Лиса живо собрала рыбу и идет к медведю и зайцу да говорит, что «я, братцы, столько рыбы наловила в проруби, что не могла все унести».

— Так, куманек, поделим-ка теперь этот хлеб да я пойду удить на прорубь.

Лиса взяла да стала дележ производить да и говорит от умной головы, что «ты — самый большой, кум, возьми самую большую кучу, а нам хватит и поменьше кучи». Так медведь получил мякину, а лиса да заяц получили зерно.

Ну, теперь медведь собирается удить рыбу, а лиса и заяц идут в деревню еду доставать. Медведь как пошел да опустил хвост в прорубь, так прорубь и замерзла. Но только (медведь) держит (хвост) в проруби да думает, что больше рыбы попадает, коли все больше хвост щиплет.

А лиса зашла в амбар одного дома и съела, братцы, всю сметану и сливки с молока.

А медведь был на проруби до самого утреннего клева. Ну, братцы, как проснулись люди и увидели, что медведь на проруби, так взяли колья и пошли медведя бить. А медведь, когда вырвался и пошел по дороге к риге, то увидел, что лиса-кума лежит на обочине дороги да кричит, что «меня так били, что мозги из головы вытекли». (А она ведь съела сметану да сливки, и это прилипло к шерсти.)

А заяц смотрел некоторое время и как захохочет — тут все побежали кто куда, во все стороны, и так у зайца получились губы крестом.

Такой длины, братец, моя сказка.

Зап. В. Кормуев в 1937 г. в дер. Пирттилакша Калевальского р-на от Е. Антипиной, 65 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1963, № 4.

Ukko, akka ta orava

Ukko ta akka oltih jo vanhat. Ruvettih hyö kiukualla muate. Pirtin piällä tuli orava. Šielä lotajau, krapajau, ei anna heilä yörauhua. Akka šanou ukolla:

— Mäne pane lautani pirtin piällä, eikä še orava puutu.

Ukko nousi pirtin piällä ta pani šinne lautasen. Tuli takasin pirttih, rupei muate. Jo orava tuaš ni tuli pirtin piällä. Tai puuttu lautaseh. Šielä lotajau lautasešša. Akka šanou ukolla:

— Mäne ota, jo orava puuttu lautaseh.

Ukko nousou pirtin piällä, rupei ottamah oravua lautasešta. Tai toreuvuttih ukko ta orava. Orava kun löi korvalla ukkuo, hiän i kirpoi pirtin piältä. Ukko kuoli. Orava otti šalmošta ahkivon ta pani ukon ahkivoh. Läksi vetämäh ukkuo ahkivošša. Tuli jänis vaštah, kyšyy oravalta:

— Mitä vejät, orava?

Orava šanou:

— Vejän ukkuo, hyvyä mieštä.

Pani pihet pirtin piällä,

Lautasen lapukin piällä,

Iče puuttu pihtih,

Lankei lautasih —

Miula, mečän juokšijalla,

Rahakarvan kantajalla,

Huutehašša hukšajalla,

Hämäräššä häkläjällä.

Jänis šanou:

— Ota milma vetämäh.

Orava šanou:

— Haukkua palani ukkuo tai vejämmä kahen.

Lähettih vetämäh. Vejetäh kotvani. Tulou hukka vaštah, kyšyy:

— Mitä vejät, jänis?

— En mie vejä, orava vetäy, šanou jänis.

Hukka kyšyy:

— Mitä vejät, orava?

— Vejän ukkuo, hyvyä mieštä.

Pani pihet pirtin piällä,

Lautaset lapukin piällä,

Miula, mečän juokšijalla,

Rahakarvan kantajalla,

Iče puuttu pihtih,

Lankei lautasih.

Šanou orava hukalla:

— Haukkua palani ukkuo ta lyöttäyvy vetämäh.

Vejetäh vähän aikua. Tulou kontie vaštah.

— Mitä vejät, hukka?

— En mie vejä, jänis vetäy.

— Mitä vejät, jänis?

— En mie vejä, orava vetäy (orava kun on isäntä).

Orava šanou kontiella:

— Šyö ukkuo palani ta lyöttäyvy vetämäh.

Kontie i šöi ukon niin, jotta jäi vain muruni piätä ahkivoh.

Tulou repo vaštah, kyšyy:

— Mitä vejät, kontie?

Kontie šanou:

— En mie vejä, hukka vetäy.

Hukka šanou:

— En mie vejä, orava vetäy.

— Mitä vejät, orava?

Orava šanou:

— Vejän ukkuo, hyvyä mieštä,
Pani pihet pirtin piällä,
Lautaset lapukin piällä,
Miula, mečän juokšijalla,
Rahakarvan kantajalla,
Huutehešša hukšajalla,
Hämäräššä häkläjällä.
Iče puuttu pihtiih,
Lankei lautasih.

Orava šanou revolla:

— Šyö tuo loppuni ukko.

Repo šöi šen viimesen piäpalasen. Vejetäh tyhjä ahkivuo koko joukolla. Kontie šanou:

— Nälkä tuli. Ku pienin, ku pienin, še šyyväh!

— Orava šyöti. Vejetti tuaš vähäni aikua, kontie tuaš šanou:

— Nälkä tuli. Ku pienin, ku pienin, še i šyyväh!

Jänis šyöti. Repo šanou hukalla:

— Läkkä pakoh. Šyöy miät kontie.

Hukka ta repo mečäh pakoh juokšomah. Kontie vetäy yksinä tyhjä ahkivuo. Šanou kontie:

— Nälkä tuli. Ku pienin, ku pienin, še i šyyväh!

Kačahtau järelläh: ei ni ketänä matalla, kun tyhjä ahkivo. Kontie šiänty pahanpäiväsekše. Löi ahkivon puuhu šäpälehikse, iče läksi mečäh.

Šiie i loppu starina.

Старик, старуха и белка

Старик да старуха были уже старые. Легли они на печи спать. На крышу избы пришла белка. Там скребется, стучит, не дает им покоя спать. Старуха говорит старику:

— Поди поставь ловушку на крышу, не попадет ли белка.

Старик встал на крышу и поставил ловушку. Пошел обратно в избу, лег спать. Белка опять и пришла на крышу. Да и попала в ловушку. Гремит там в ловушке. Старуха говорит старику:

— Иди возьми, белка уже попала в ловушку.

Старик поднялся на избу, стал вынимать белку из ловушки, да и разодрались старик и белка. Белка как ударила старика по уху, он и упал с крыши. Старик умер. Белка взяла возле угла (дома) ахкиво и положила старика в ахкиво. Потащила старика в ахкиво. Встретился заяц, спрашивает у белки:

— Что везешь, белка?

Белка говорит:

— Везу старика, доброго человека:
Поставил клещи на крыше,
Ловушку на потолке,
Для меня, по лесу бегающей,
Денежный мех носящей,
В утренней росе бродящей,
В сумерках крадущейся.
Сам попал в клещи,
Угодил в ловушку.

Заяц говорит:

— Возьми меня везти (старика).

Белка говорит:

— Откуси кусок от старика, да и потянем вдвоем.

Повезли дальше. Тащат некоторое время. Идет волк навстречу, спрашивает:

— Что везешь, заяц?

— Не я везу, белка везет,— говорит заяц.

Волк спрашивает:

— Что везешь, белка?

— Везу старика, доброго человека:
Поставил клещи на крыше,
Ловушку на потолке,
Для меня, по лесу бегающей,
Денежный мех носящей,

В утренней росе бродящей,
В сумерках крадущейся.
Сам попал в свои клещи,
Угодил в ловушку.

Говорит белка волку:

— Откуси кусок от старика и давай вези.

Везут недолго. Идет медведь навстречу.

— Что везешь, волк?

— Не я везу, заяц везет.

— Что везешь, заяц?

— Не я везу, белка везет (белка ведь была за хозяина).

Белка говорит медведю:

— Давай вези (старика) и съешь кусок старика.

Медведь так съел старика, что остался только кусок головы в ахкиво. Идет лиса навстречу. Спрашивает:

— Что везешь, медведь?

Медведь говорит:

— Не я везу, волк везет.

Волк говорит:

— Не я везу, белка везет.

— Что везешь, белка?

Белка говорит:

— Везу старика, доброго человека:

Поставил клещи на крыше,

Ловушку на потолке,

Для меня, по лесу бегающей,

Денежный мех носящей,

В утренней росе бродящей,

В сумерках крадущейся.

Сам попал в свои клещи,

Угодил в ловушку.

Белка говорит лисе:

— Съешь остатки этого старика.

Лиса съела оставшийся кусок головы. Везут пустое ахкиво все вместе. Медведь говорит:

— Есть захотелось. Кто меньший, кто меньший, того съедим!

Белку съели. Везли опять немного времени, медведь опять говорит:

— Есть захотелось. Кто меньший, кто меньший, того съедим!

Зайца съели. Лиса говорит волку:

— Давай убежим, съест нас медведь.

Волк и лиса убежали в лес.

Медведь везет один пустое ахкиво. Говорит медведь:

— Есть захотелось. Кто меньший, кто меньший, того съедем!

Оглянулся назад — никого нет, кроме пустого ахкиво. Медведь сильно рассердился, треснул ахкиво о дерево, сам пошел в лес.

На этом и кончилась сказка.

Зап. Э. Тимонен в 1947 г. в Петрозаводске от М. И. Михеевой, 63-х лет, уроженки дер. Алозеро Калевальского р-на. Публ. Кар. нар. сказки, 1963, № 5.

Orava, kinnaš ta niekla

On ennen kolme velleštä: orava, kinnaš, niekla. Hyö lähetäh mečällä. Tulou kolme tiehuarua. Orava (heistä vanhin) šanou:

— Kaikin lähemmä eri tietä, ken mitä šuanou šualista, šen pitäy huhuta.

Niekla i löytäy mäneššäh tervaškannon. Niekla huhuou:

— Kiijä, kiijä, kintahaisen,
Oravaisen oikuttele!
Niekla-rukka löyvön löysi,
Šai šuuren šualehen!

Ne juoššäh (kinnaš ta orava).

— Löysin mie tervaškannon, niekla šanou:

— Mi šualis tämä on, tervaškantojahan on täysi meččä.

Häntä lyötiš šiinä. Mäntiһ tuaš eri tietä. Niekla löytäy vesilammin ta alkau huhuta:

— Kiijä, kiijä, kintahaisen,
Oravaisen oikuttele!
Niekla-rukka löyvön löysi,
Šai šuuren šualehen!

Kinnaš ta orava tullah:

— Mitä šie löysit!

Niekla šanou:

— Vesilammin löysin.

Nieklua lyyväh, piekšetäh:

— Mi tämä šuuri šualis on, kun vesilampini on!

Lähetäh tuaš eri huaroilla mänömäh.

Niekla mänöy šuon laitah. Kaččou, kun petrakarja šuolla šyyväh kortehta. Niekla mänöy kaikkein suurimman petran eteh mättähällä ta pistäytyy korttehen šiämeh. Šuuri petra šöi korttehen tai nieklan

šöi marahaš. Niekla pistelöy, pistelöy petralla marua — tai kuolou petra. Tulou niekla petran marašta ta karjuu tuaš vellijäh:

— Kiijä, kiijä, kintahaisen,
Oravaisen oikuttele!
Niekla-rukka löyvön löysi,
Šai šuuren šualehen!

Kinnaš ta orava šanotah:

— Emmä nyt lähe, niekla tuaš valehtelou, min lienöy tervaš-kannon löytän.

Niekla tuaš toisen kerran:

— Kiijä, kiijä, kintahaisen,
Oravaisen oikuttele!
Niekla-rukka löyvön löysi,
Šai šuuren šualehen!

Kinnaš ta orava šanotah:

— Emmä nyt lähe, niekla tuaš valehtelou, min lienöy vesilammin löytän.

Niekla huhuou kolmannen kerran:

— Kiijä, kiijä, kintahaisen,
Oravaisen oikuttele!
Niekla-rukka löyvön löysi,
Šai šuuren šualehen!

Tullah kinnaš ta orava:

— Mi šiula nyt on šualis?

Niekla šanou:

— Mie ammuin petran.

Petra venyy kellottau kuollehena mättähällä. Kinnaš ta orava piätä šilitetäh nieklalta:

— Kun näin hyvän šualehen šait, nin nyt olet hyvä veikko. Tai nyletäh še petra.

— No nyt pitäis miän ruveta keittämäh, nin ei ole kattilua. Niekla šanou oravalla:

— Šiula kun on terävät kynnet, nin mäne kiso tuohta, luajimma tuohešta kattilan ta sillä keitämmä lihua.

Niekla ompeli tuohiropehen kattilakše.

— Ka ei ole vettä, šanotah.— Mistä nyt vettä šuamma?

Niekla šanou:

— Löysinhan mie vesilammin, šielä on vettä.

Kinnaš kävi vettä.

— Ka ei meillä ole i puita, millä keittyä tätä lihua.

Niekla šanou:

— Löysinhän mie tervaškannon.

Niekla juokšou tervaškannon, ruvettih keittämäh. Šiitä hyö keitteti, šyöti ta loppuset lihat vietih kotihih. Niitä vielä i nyt šyyväh, kun ei liene loputtu.

Белка, рукавица да игла

Было раньше три брата: белка, рукавица, игла. Отправляются они на охоту. Пришли на перекресток трех дорог. Белка (из них старшая) говорит:

— Каждый пойдет по своей дороге. Кто найдет добычу, должен кричать.

Игла и находит по пути смолистый пень. Игла кричит:

— Лети, лети, рукавичка,
Белочка, поспеши:
Иголочка находку нашла,
Большую добычу раздобыла!

Они прибегают (рукавица и белка).

— Нашла я смолистый пень,— игла говорит.

— Что это за добыча — смолистых пней полон лес.

Побили ее (иглу) за это. Идут опять по разным дорогам.

Игла находит ламбу и начинает звать:

— Лети, лети, рукавичка,
Белочка, поспеши:
Иголка находку нашла,
Большую добычу раздобыла!

Рукавица и белка приходят:

— Что ты нашла?

Игла говорит:

— Ламбу нашла.

Иглу бьют, колотят.

— Что это за большая добыча — ламба!

Опять расходятся в разные стороны.

Игла идет на край болота. Смотрит — стадо оленей на болоте хвощ шиплет. Игла идет на кочку перед самым большим оленем и втыкается в сердцевину хвоща. Большой олень съел хвощ и иглу проглотил в свой живот. Игла колет, колет в животе оленя, и уми-

рает олень. Выходит игла из живота оленя и кричит своим братьям:

— Лети, лети, рукавичка,
Белочка, поспеши:
Иголка находку нашла,
Большую добычу раздобыла!

Рукавица да белка говорят:

— Не пойдем, опять игла врет — какой-нибудь смолистый пень, верно, нашла.

Игла опять, второй раз:

— Лети, лети, рукавичка,
Белочка, поспеши:
Иголка находку нашла,
Большую добычу раздобыла!

Рукавица и белка говорят:

— Не пойдем, игла опять врет — какую-нибудь ламбушку, верно, нашла.

Игла зовет третий раз:

— Лети, лети, рукавичка,
Белочка, поспеши:
Иголка находку нашла,
Большую добычу раздобыла!

Приходят рукавица да белка:

— Какая там еще у тебя добыча?

Игла говорит:

— Я подстрелила оленя.

Олень лежит мертвый на кочке. Рукавица да белка глядят иглу по голове:

— Коли такую хорошую добычу нашла, теперь ты хороший братец.

Освеживали оленя.

— Теперь надо бы нам сварить, так котла нет.

Игла говорит белке:

— У тебя раз когти острые, так иди надери бересты, сделаем из бересты котел и в нем сварим мясо.

Игла сшила из бересты котел.

— Так воды же нет,— говорят.— Где воды достанем?

Игла говорит:

— Я же нашла ламбу, там есть вода.

Рукавица сходила за водой.

— Так у нас же нет дров, чтобы мясо сварить.

Игла говорит:

— Я же нашла смолистый пень.

Игла сбегала за смолистым пнем, стали варить. Потом они сварили, поели и остатки мяса унесли домой. Еще и сейчас его едят, если уже не кончилось.

Зап. Э. Тимонен в 1947 г. в г. Петрозаводске от М. И. Михеевой, 63-х лет.
Публ.: Кар. нар. сказки, 1963, № 8.

IHMESADUT

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Piili, piili, Pilkkani...

Oli ennen ukko ta akka. Ukolla ta akalla on tyttö ta poika. Ukko, akka kuollah, šanotah:

— Eläkkä, lapšeni, hyväsešti, kun myö kuolemma.

Ukko ta akka kuoli. Ollah, eletäh. Poika lähtöy mečällä. Tulou čuarin poika vaštah, šanou:

— A voi voi, veikkon, kuin šie olet kaunis!

— En še mie ole kaunis, vain čikko miula on kahta kolmie kaunehempi koissa.

Čuarin poika šanou:

— Millä keinoin šie miula šen naisekše šaisit?

Poika tulou kotih, šanou:

— Šilmä, čikko, čuarin poika kučču naisekšeh.

Čikko šanou:

— En mie lähe čuarin pojalla naisekše, ennen kuin tuaton ta muamon jauhinkiven jauhomalla kulutan.

Toisena päivänä tuaš poika lähti meččäh. Tuaš tulou čuarin poika vaštah ta kyšyy:

— Lupasiko čikkoš lähtie miula naisekše?

Poika vaštai:

— Ei luvan lähtie, ennen kuin tuaton ta muamon jauhinkiven jauhomalla kuluttau.

Čuarin poika vielä työntäy tervehyisie ta pyytäy kyšymäh naisekšeh.

Poika mänöy kotih, šanou čikollah:

— Čuarin poika pyysi šilmä naisekšeh.

Tyttö šanou:

— En lähe ennen kuin tuaton šuaman huhmaren šurvomalla kulutan, tuattoni šuamat kynnykšet koššon helmoilla kulutan.

Kolmantena päivänä läksi poika meččäh. Tuaš tuli čuarin poika ta šanou:

— Lupasiko čikkoš lähtie naisekše?

— Ei luvan lähtie, ennen kuin tuaton šuaman huhmaren šurvomalla kuluttau ta tuaton šuaman kynnyksen koššon helmoilla kuluttau.

Čuarin poika juohattau:

— Nyt kun mänet kotihis, niin pilkkele jauhinkivi, huhmar ta kynnyš, ta ašetteli tiloilleh.

Poika kun tuli kotihis, pilkkeli jauhinkiven, huhmaren ta kynnyksen, ta ašetteli tiloilleh.

Tytär šolahti karšinah ta rupei jauhomah. Šiitä häneltä kivi levisi. Tuli pois, mäni sarajah šurvomah: ta huhmar levisi. Tuli pois šieltä ta kun kynnykseštä harppai piäliči tai kynnyš hajosi.

Poika kyšyy:

— Joko nyt lähet čuarih min'n'äkše?

Tytär šanou:

— Totta šitä nyt pitäy lähtie.

Šiitä suorittih ta lähettih šoutamah. Šouvetah šiitä tuon pitkyä, tämän lyhyttä. Šouvetah rantah. Tulou Šyöjätär ta šanou:

— Ota, veikko, veneheš.

Tyttö šanou:

— Elä ota, veikko, veneheš, še on Šyöjätär. Paha pahašta tulou, paha pahan šiemeneštä.

Tuaš šouvetah ielläh. Šyöjätär tuaš pyrkiy:

— Ota, veikko, veneheš.

— Elä ota, veikko, veneheš, paha pahašta tulou, paha pahan šiemeneštä.

Šouvetah niin lähiče rantua, jotta Šyöjätär hyppäi veneheh. Ta niin istuutu tyttären tilalla šoutamah keški veneheh. Tyttäreltä otti kuulon poikeš. Poika šanou čikollah:

— Kohentele, čikko, istuimieš, parentele vuatteitaš, čuarin koti näkyy, linnan šeinä kuumottau.

Tyttö šanou:

— Mitä šanou Vienon veikko?

Šyöjättäri šanou šoutamašta:

— Šitä šanou Vienon veikko: puhkua šilmäš, katkua käteš, hyppyä mereh, muutu muššakše šoršakše.

Šouvetah tuaš kotvasen matkua. Poika šanou:

— Kohentele, čikko, istuimieš, parentele vuatteitaš, čuarin koti näkyy, linnan šeinä kuumottau.

Tyttö šanou:

— Mitä šanou Vienon veikko?

Šyöjättäri šanou:

— Šitā šanou Vienon veikko: puhkua šilmäš, katkua käteš, hyppyy mereh, muutu muššakše šoršakše.

Tyttö otti puhkai šilmäh, katkai käteh, šylki piällä, hyppäi mereh ta muuttu muššakše šoršakše.

Šyöjättäri ta poika šouveti čuarin rantah. Čuarista, tiijät šie, tullah moršienta vaštah. Čuarin pojalla häpie, kun niin kaunehekše kehu, ta nyt šemmosen toi. Ottau hiän kuit'enki moršiemen vaštah. Pojan käški viijä yhkešän upehen šekah, jotta ne šen šielä hävittä, kun valehteli.

Tuli ilta, ta rahvaš rupei muate. Šorša, mi jäi mereh, tuli leškiak-kaseh. Šorša oli nyt muuttun tyttäreks ta ompeli pajan. Tyttö kučuu:

— Piili, piili, Pilkkaseni,
Piili, pikku koiraseni!
Šuata tämä čuarin pojan pielukših,
Linnakunnan kuulomatta,
Ovien avuamatta,
Šakaran n'urahtamatta.

Šorsa mäni jällellä mereh.

Čuarin poika kun noušou huomenekšella ta panou käteh piän alla, kyšyy Šyöjättärieltä:

— Ken tämän teki?

Šyöjättäri vaštua:

— Iče mie makuan, vain kiät miula valvou.

Čuarin poika sanou:

— Mänkyä ta käykyä hakemašša pojan ruumis pois, jo ne upehet tappo.

Männäh. Poika on jo toisen verran kaunistun, ei nin kuin ennen. Čuarin poika käsköy nyt viijä pojan karhujen šekah, jotta karhut šen kuit'enki šyöpi. Toisena iltana kun ruvetti muate, niin šamah leškiakkah tulou šorša. Šiitä še ompelou käsipaikan. Kučuu koi-rah:

— Piili, piili, Pilkkaseni,
Piili, pikku koiraseni!
Šuata tämä čuarin pojan pielukših,
Linnakunnan kuulomatta,
Ovien avuamatta,
Šakaran n'urahtamatta.

Koira vei käsipaikan čuarin pojan pielukših.

Huomenekšella kun čuarin poika noušou, panou käteh piän alla, löytä käsipaikan. Tuaš šanou:

— Ka mistä miula tämä on tullun?

Šyöjätär-akka šanou:

— Iče mie makuan, ka kiät miula valvou.

Čuarin poika šanou:

— Mänkyä ottakkua pois šen pojan luunmurut kontien ieštä, jo še on nyt kuit'enki piekšetty paloikse.

Poika ei kun on vain kaunistun. Čuarin poika šanou nyt:

— Viekyä še valehuksešta hukkien eteh, ne šen kuit'enki šyöy.

Čuarin poika ajattelou, jotta mi nyt on kumma, kun pielukšista spuutiutu kahtena yönä paita ta käsipaikka. Mänöy leškiakkaseh ta kyšyy:

— Etkö šie tiijä, mistä miula spuutiutuu pielukših paita ta käsi-paikka?

Leskiakkani šanou:

— Tiälä še on šiun moršien. Še on mereššä šoršana ta ompelou. Jo on käynyn kahtena iltana. Šie tule meilä, mäne oven tua piiloh. Nyt kun tulou, niin šiitä niät. Šyöjättäri on šiula naisena.

Čuarin poika käšköy kasakkojen käyvä pojan pois hukkien luota ta viijä še šemmoseh huoneheh, jottei Šyöjättäri tiijä.

Käytih poika pois. Tuli ilta. Čuarin poika šanou naisellah:

— Rupie muate, mie lähen kaupunkilla kotvasekse kävelömäh.

Mänöy leškiakkaseh, ta mänöy peittoh. Rahvaš kun muate rupei, tuaš tuli šorša leškiakkah. Šorša kun tuli, šilloin še poika hyppäi käsin šiihe naiseheš. Naini muutteliutu skokunakše, čičiliušukukše, piiruan pualikakše ta konša mikseki. Poika kaikki ne revittelöy. Lopulta šorša muuttu kaunehekše tyttärekshe. Poika šanou:

— Lähe kotih.

Tyttö šanou:

— En lähe, Šyöjättäri šyöy miun.

Lähtöy tyttö kuit'enki čuarin pojan kera. Poika vief hānet šemmoseh huoneheh, mis ei ole Šyöjättäri käynyn. Šyöttäy, juottau naiseh.

— Ottakka ta kaivakka kylyn kynnyksēn alla yhekšān šyltä šyvā hauta, tulta ta tervašta täyteh palamah.

Piijat kaivetah hauta, levitetāh ruškiet hal'l'akat vajosilta kylyn kynnyksellä suate. Otetah čuarin min'n'ua — Šyöjättärie — käsipuolista kiini ta lähetāh kulettaamah. Se kun nakrau räkrättäy, heiluttelou piätāh ta šanou:

— Näin šitā čuarin ainutta min'n'ua kylyh kuletetah!

Piijat pučkattih Šyöjättäri tuleh, tervan šekah, ovi umpeh. Yksi okšan loukkoni jäi kylyn oveh typpimättä. Šyöjättäri pisti reižäštā nimettömān šormeh ta huusi:

— Tuošta tulkua tuonen toukkaset, muan matoset, ilman ikuset itikkäiset čuarin poikua šyömäh!

Šiihe kun pissälletti kekälehellä, nin šillä šiakšet šavuo i va-
raju.

Šiitä čuarin poika piti hiät oikien moršiemien kera, pojan pošti
iččeh rinnalla elämäh. Šiitä hyö eletäh.

Sen pivuš i starina.

«Пийли, пийли, моя пятнашка...»

Были раньше старик да старуха. У старика и старухи (есть)
дочь и сын. Старик и старуха, умирая, говорят:

— Живите, дети, хорошо, когда мы умрем.

Старик и старуха умерли. Живут да поживают (брат и сестра).
Брат отправляется в лес на охоту. Встречается ему царев сын,
говорит:

— А-вой-вой, братец, до чего же ты красив!

— Не я красив, а вот сестра у меня дома в два-три раза
красивее.

Царев сын говорит:

— Не можешь ли сделать так, чтобы она за меня замуж
вышла?

Брат приходит домой, говорит:

— Тебя, сестра, царев сын звал замуж.

Сестра говорит:

— Не выйду я за царевича, пока при помоле не изотру ручной
жернов отца и матери.

На другой день опять брат пошел в лес. Опять идет ему
навстречу царев сын и спрашивает:

— Обещала ли твоя сестра выйти за меня?

Брат ответил:

— Не обещала выйти, пока при помоле не изотрет жернов
отца и матери.

Царев сын снова посылает привет и просит уговорить сестру
выйти за него.

Брат идет домой, говорит сестре:

— Царев сын просил тебя выйти за него замуж.

Девушка говорит:

— Не выйду, пока не дотолку ступку, отцом сделанную, и не
изотру подолом сарафана порог, отцом сделанный.

На третий день пошел брат в лес. Опять встретился царев
сын и говорит:

— Обещала ли сестра выйти за меня?

— Не обещала, пока не дотолкет ступку, отцом сделанную,
и не изотрет подолом сарафана порог, отцом сделанный.

Царев сын дает совет:

— Теперь, как пойдешь домой, изруби на куски жернов, ступку и порог, а куски сложи как были.

Брат как пришел домой, изрубил жернов, ступку и порог, а куски сложил как были.

Сестра спустилась в подполье и стала молоть. Тут у нее жернов рассыпался. Вернулась оттуда, пошла на сарай толочь — ступка рассыпалась. Вернулась оттуда да переступила порог — и порог рассыпался.

Брат спрашивает:

— Пойдешь ли уже к царю в невестки?

Сестра говорит:

— Верно, теперь уж надо идти.

Потом собралась и отправилась на лодке. Гребут долго ли, коротко ли. Подплывают к берегу. Подходит Сюоятар и говорит:

— Возьми, братец, в лодку.

Девушка говорит:

— Не бери, братец, в лодку, это Сюоятар. Зло из зла выходит, зло из семени зла.

Опять едут дальше. Сюоятар опять просится:

— Возьми, братец, в лодку.

Девушка говорит:

— Не бери, братец, в лодку: зло из зла выходит, зло из семени зла.

Едут так близко от берега, что Сюоятар прыгнула в лодку. Да так и села посредине лодки на место девушки грести. У девушки слух отняла. Брат говорит сестре:

— Поправь, сестра, сиденье, расправь свое платье, царев дом виднеется, городская стена светится.

Девушка говорит:

— Что говорит милый братец?

Сюояттари говорит:

— Вот что говорит милый братец: выколи себе глаза, сломай руки, прыгни в море, обернись черной уткой.

Едут опять некоторое время. Брат говорит:

— Поправь, сестра, сиденье, расправь свое платье, царев дом виднеется, городская стена светится.

Девушка говорит:

— Что говорит милый братец?

Сюояттари говорит:

— Вот что говорит милый братец: выколи себе глаза, сломай руки, прыгни в море, обернись черной уткой.

Девушка выколола себе глаза, сломала руки, плюнула, прыгнула в море — и обернулась черной уткой.

Сюояттари и парень приплыли к цареву берегу. От царя, знаешь

ли, приходят невесту встречать. Цареву сыну стыдно: хвастался, что красивая, а теперь такую привезли. Принял он все же невесту. Парня приказал запереть с девятью жеребцами, чтобы его там погубить — за то, что обманул.

Настал вечер, и люди легли спать. Утка, что в море осталась, приплыла к старой вдове. Тут утка превратилась в девушку и сшила рубашку. Девушка зовет:

— Пийли, пийли, моя Пятнашка,
пийли, маленькая моя собачка!
Отнеси его в изголовье царева сына,
чтоб в замке челядь не слышала,
чтоб двери не открывались,
чтоб петли не скрипнули.

Утка ушла обратно в море.

Царев сын утром просыпается да как сунет руку под подушку, тут же у Сюояттари и спрашивает:

— Кто это сшил?

Сюояттари отвечает:

— Сама я сплю, а руки у меня бодрствуют!

Царев сын говорит:

— Сходите принесите тело парня, его уже жеребцы растоптали.

Идут. Парень стал вдвое красивее, не то что прежде. Царев сын велит запереть парня с медведями — уж медведи-то его съедят.

На другой вечер, когда легли спать, к той же самой вдове приходит утка. Тут она вышила полотенце. Зовет собачку:

— Пийли, пийли, моя Пятнашка,
пийли, маленькая моя собачка!
Отнеси это в изголовье царева сына,
чтоб в замке челядь не слышала,
чтоб двери не открывались,
чтоб петли не скрипнули.

Собачка отнесла полотенце в изголовье царева сына. Утром, когда царевич проснулся, то сунул руку под подушку и нашел полотенце. Опять говорит:

— Откуда же это у меня?

Сюояттари говорит:

— Сама я сплю, а руки у меня бодрствуют.

Царев сын говорит:

— Сходите возьмите косточки этого парня у медведей, теперь-то от него одни клочья остались.

А парень еще краше стал. Царев сын говорит теперь:

— Уведите его за обман к волкам — уж те-то его съедят.
Царев сын думает: что за чудо, почему в изголовье появились рубашка и полотенце? Идет к старой вдове и спрашивает:
— Не знаешь ли ты, откуда появились у меня в изголовье рубашка и полотенце?

Старая вдова говорит:

— Твоя невеста здесь. Она живет в море и шьет. Уже два вечера приходила. Ты приходи к нам, спрячься за дверь. Теперь, как она придет, то увидишь. А женой у тебя Сюояттари.

Царев сын велит работникам сходить и взять парня от волков и поместить его в такой комнате, чтобы Сюояттари не знала.

Сходили за парнем. Наступил вечер. Царев сын говорит жене:

— Ложись спать, я пойду немного поброжу по городу.

Идет к старой вдове, прячется. Когда люди спать улеглись, опять утка пришла к старой вдове. Когда утка пришла, парень (царев сын) бросился на свою жену (невесту). Жена (невеста) превращалась в лягушку, ящерицу, скалку — когда во что. Парень (царев сын) все это разрывает надвое. Наконец утка превращается в красивую девушку. Парень (царев сын) говорит:

— Пойдем домой.

Девушка говорит:

— Не пойду, Сюояттари съест меня.

Все же идет девушка с царевым сыном. Парень ведет ее в такую комнату, где Сюояттари не бывала. Кормит, поит свою жену (невесту).

— Выroyте под порогом бани яму в девять сажений, наполните ее смолистыми корягами и подожгите.

Работницы вырыли яму, расстелили красные сукна от крыльца до порога бани. Берут цареву невестку — Сюояттари — под руки и ведут. Та громко смеется, вертит головой и говорит:

— Вот как единственную цареву невестку в баню ведут!

Работницы толкнули Сюояттари в огонь и смолу, дверь захлопнули.

Одна дырка от сучка в дверях осталась незаткнутой. Сюояттари сунула в дырку свой безымянный палец и крикнула:

— Пусть отсюда выйдут черви тлена, гады земли, извечный гнус воздуха кусать царева сына!

В эту дырку сунули головешку — так поэтому комары дыма и боятся. Потом царев сын справил свадьбу с настоящей невестой, парня (шурина) взял к себе жить. Так они и живут.

Такой длины и сказка.

Зап. Э. Тимонен в 1948 г. в дер. Войница Калевальского р-на от А. С. Богдановой, 50 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1963, № 19.

Tuhkimuš-niätästarina

Oli ennen ukko, akka. Heilä oli kolme poikua. Kolmaš poika on Tuhkimuš. Heilä alko niätä käyvä riiheh. Šanou vanhin poika:

— Tuatto, milma plahoslovi niätiä varteimah.

— No spuassu plahosloviu, tai i mie plahoslovin, šanou ukko.— Keitä, akka, huttu!

Akka keittäy hutun, panou voita šilmäkši. Läksi poika riiheh. Heitti riihen hinkalolla huttupuan. Iče mänöy hinkalolla varteimah. Istu šielä ikäh aikah. Jo hiän uinoi šiihe. Niätä tuli ta šöi hutun piähäš ta mäni matkahaš. Hiän šiitä havaččiutu.

— Noh, oi voi, nyt on huttu šyöty, šano poika,— mitä nyt šanon, kun kotih mänen?

Mäni kotih. Tuatto, muamo šanou:

— Näitkö niätiä?

— En nähнын.

— Missäpä huttu, šanou ukko,— kun et nähнын niätiä?

Poika šanou:

— Issuin, issuin, vuotin. Tuli nälkä ta šöin hutun.

Toini poika šanou:

— Työntäkkä milma niätiä varteimah.

— No mäne, oletko vosroimpi šie. Keitä huttu, akka.

Akka keittäy hutun ta panou voita šilmäkši.

Läksi poika riiheh, niätiä varteimah. Mänöy, panou huttupuan hinkalolla, iče mänöy olkiläjäh. Šielä istuu ikäh-aikah. Ei niätiä kuulu eikä nävy. Ta tuaš uinoi. Tuli niätä, šöi hutun, mäni matkahaš. Mäni kotih poika. Šanou ukko:

— Missä niätä?

— En mie nähнын.

— No minnepä huttu šai?

— Ka nälkä tuli, nin šöin.

Ukko šanou:

— Taijatta šyöttiä niätällä hutut.

— No en ole nähнын niätiä.

Šanou Tuhkimuš:

— Keitä, muamo, huttu miula. Mie lähen niätiä varteimah.

— Kun ei ole ollun paremmista varteijua, nin šiušta ei ole kui'tenkana.

— No eihän mäne tuottomakši, kun en miekänä nähne.

Akka keittäy hutun. Ei panekana voita šilmäkši, kun on Tuhkimuš. Panou vain piimiä šilmäkši huttuh. No poika läksi riiheh huttupuan kera. Mäni, pani riihen hinkalolla. Iče istuu olkitukušša. Istu, istu ikäh aikah — alko pimie tulla. Niätä hänellä riiheh tuli. Alkopa huttuo šyyvä. Šilloin hiän niätän kiini, šelkäh hyppäi. Šanou niätä šiinä:

— Kun piästänet miun pois, nin vielä olen hyvä aijallah. Kuin tulou čuarin piirut-pualat, nin tule šuurella kivellä, šuuren kujan šuuhu, šiitä šielä huhuot: »Niä milma, niätäseni, kuule, kultarintaseni!»

Čuarissa tuli piirut-pualat. Šiitä he hyvät pojat pešeyty lupi luulla pal'l'ahalla, šepo šelvällä lihalla. Šiitä hyvät pojat lähetäh čuarin piiruihe. Tuhkimuš niillä šanou:

— Ottakkua milmaki čuarin piiruih-pualoih.

— Šilmahan otetah šinne tuhkauttamah ihmisie!

Šiitä hyö mäni. Tuhkimuš šolahti kiukualta. Juokši šuuren kujan šuuhu, šuurella kivellä, huhuou:

— Niä milma, niätäseni, kuule, kultarintaseni!

Niätä ajau heposella: karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei voi sviättua antua. Korvašša pešeytyy, toisešša vuatteutuu. Pistuoli poikkipuolin šeläššä. Niätä anto heposen Tuhkimukšella. Tuhkimuš lähti ajamah čuarin piiruihe-pualoihe.

Tuhkimuš tietäy: ken ošannou ampuo čuarin tyttären korvirenkahah, še šuau čuarin tyttären moršiemekšeh. Tuhkimuš ampu čuarin tyttären korvirenkahah. Še ei piäššyn tulemah puoliväliihkänä mua-ta, kun Tuhkimuš otti šen kiini ta kormanoh. Mänöy pirttihi kii-rehešti, eikä hiän rupie šyömäh, eikä juomah, kun šanou, jotta »jouvuttuat moršien».

Jouvutettih, jouvutettih. Hiän pihalla vei moršiemien. Nošti šelkäh heposella moršiemien, iče peräh. Lentoh nousi heponi.

Tuhkimuš mäni kotiheš. Pani moršiemien ta heposen aittah. Iče istuu keškikiukualla, kuin tulou toiset pojat kotih.

— No, mitäpä tämä nyt keškikiukualla korhottau?

— Teitä rupesin vuottamah, mittyöt on čuarin piirut-pualat.

— Oli šielä i šiun näkösie, šanotah toiset pojat.

— No još lienöy miun näkösie, oli šielä i tiän näkösie, šanou Tuhkimuš.

Huomena tulou tuaš čuarissa piirut-pualat. Hyö tuaš šuoriuvutah piiruih-pualoih šuamah keškimmäistä čuarin tytärtä. Ken šuanou ampuo čuarin tyttären rannerenkahan, še šuau čuarin tyttären. Tuhkimuš šanou:

— Ottuat, veikot, milmaki.

— Ole šie tuhkišaš-tähkissäš.

Lähetäh toiset vellet. Tuhkimuš lähtöy šuuren kujan šuuhu šuurella kivellä. Šielä huhuou:

— Niä milma, niätäseni, kuule, kultarintaseni!

Niätä ajau heposella: karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei voi sviättua antua. Korvašša pešeytyy, toisešša vuatteutuu, hyp-päsi heposen šelkäh. Läksi ajamah. Juokšijan heposen šeläštä ampu rannerenkahan, mäni pirttihi, šano:

— Jouvuttuat, jouvuttuat ruttoh!

Jouvutettih, jouvutettih. Tuhkimuš vei moršiemen pihalla ta pani heposen šelkäh. Iče hyppäi jälkeh. Šilloin lentoh levahti heponi. Mäni kotihiš. Vei aittahaš moršiemen tai heposen. Istuu kiukuan korvalla. Tullah toiset vellet. Jo on Tuhkimukšella uusi paita ta uuvet houšut piällä, kenkät uuvet. Toiset vellet šanou:

— Mistä tämä on nämä vuattiet šuanun?

— Šuapihan nämä, još taivahalla šilmät ristiy.

— Mittyöt oli čuarin piirut? šanou Tuhkimuš.

Toiset pojat vaššatah:

— Oli šielä i šiun moisie.

— Kun lienöy ollun miun moisie, niin oli šielä i tiän moisie.

Huomena tulou čuarissa, šanotah, piirut-pualat. Ken šuanou čuarin tyttären šormukšen ampuo, niin še šuau nuorimman tyttären moršiemekšeh.

Toiset pojat šuoriu tuaš, pešeytyy čuarin piiruihe-pualoihe. Tuhkimuš šanou:

— Ottakkua i milma.

— Ei oteta šilma šinne ihmisie tuhkauttamah.

— Noh, kun että ota, nin mänkiä, šanou Tuhkimuš.

Hyö läksi čuarin piiruihe. Tuhkimuš läksi kiukualta. Mänöy tuaš šuuren kujan šuuhu, šuurella kivellä. Huhuou šielä:

— Niä milma, niätäseni, kuule, kultarintasi!

Niätä ajau heposella — karva kultua, toini hopieta, kolmennella ei sviettua voi antua. Korvašša pešeytyy, toisešša vuatteutuu. Pistuoli poikkipuolin šeläššä. Tuhkimuš pešeytyy, vuatteutuu, otti pistuolin käteheš, läksi ajamah. Mänöy čuarin luokši, ampuu räyštähäštä šormukšen ta kormanoh. Eikä häntä ušo kenkänä, jotta hiän on Tuhkimuš. Hiän šanou:

— Jouvuttuat, jouvuttuat moršien!

Eikä hiän šyö, eikä juo. Moršien jouvutettih. Tuhkimuš vei pihalla moršiemen, nošti heposella šelkäh, iče hyppäsi jälkeh. Niin heponi levahti lentoh. Mäni Tuhkimuš kotihiš moršiemen kera. Tuaš vei aittahaš kolmannen moršiemen. Istuu kosinon laijalla koissa. Tulou toiset pojat piiruihe-pualoista. Hiän kyšyy:

— Mittyöt oli čuarin piirut-pualat?

Ne toiset pojat vaštuau, jotta »oli šielä šiun moisie.»

— Još lienöy ollun miun moisie, niin oli šielä i tiän moisie, šanou Tuhkimuš.

Toiset pojat šanou:

— Pitäy viessata miän aitat.

Šiitä hyö viessattih vanhimman aitta, šiitä keškimmäisen aitta. Heilä ei šielä kuin jyviä čavahtelou ta petäjälevyjä, mistä pettuo tehä.

Šanou Tuhkimuš:

— Viessatkua työ, veikot, miunki aitta.

Ne šanotah:

— Mitähän vuota šiun aitašta viessata, kun ei miän aitoissakana ollun mitänä.

— No viessakua, viessakua.

Toiset vellet kävi Tuhkimukšen aitan kynnyksellä uloš. Šiitä hyö ruvetah viessuamah šitā aittua. Šielä kun kultua ta hopieta romeutu! Šanotah Tuhkimuksella:

— Näytä, veikko, aitta!

— En näytä, ennen kuin jyršittä nämä kynnyksiltä.

Kun avatah ovi — šielä čuarin tyttäret kaikki. Kolme hevoista: karva kultua, toini hopieta, kolmannella ei voi ni sviettua antua.

— Anna, veikko, meilä näistä moršiemet!

Šanou Tuhkimuš:

— Niinhän työ šanoja čuarin piiruih ta pualoih kun kävijä, jotta on šielä šiun moisie, niin šanoinhan mie, jotta on šielä i tiänki moisie.

Šiitä Tuhkimuš antau vanhimmalla vellellä vanhimman čuarin tyttären, keškimmäisellä keškimmäisen tyttären, iče ottau nuorimman. Piäššäh hyvin elämäh. Tuhkimuš piäšöy čuarih vävykše. Ele-täh tänäki päivänä, kotvan vielä huomena.

Šen pivuš, šen kaunehuš, kullan lehti kuulijalla, lemmen lehti laulajalla.

Сказка о Тухкимусе и кунице

Были раньше старик и старуха. У них было три сына. Третий сын — Тухкимус. К ним в ригу стала ходить куница. Говорит старший сын:

— Отец, благослови меня выслеживать куницу.

— Ну, Спас благословит, и я благословлю,— говорит старик.— Свари, старуха, загусту!

Старуха сварила загусту, положила масла в глазок. Пошел парень в ригу, поставил на припечек горшок с загустой. Сам сел на припечек караулить куницу. Сидел сколько-то времени. И уснул тут. Куница пришла, и съела загусту, и ушла своей дорогой. Потом он проснулся.

— Ах, ой-вой, загуста уже съедена,— говорит парень,— что теперь скажу, как домой приду?

Пошел домой. Отец, мать говорят:

— Видел ли куницу?

— Не видел.

— А где же загуста, коли куницу не видел?

Сын говорит:

— Сидел-сидел, ждал. Стало голодно — и съел загусту.

Второй сын говорит:

— Пошлите меня куницу караулить.

— Ну, иди, может, ты поумнее. Свари загусту, старуха.

Старуха сварила загусту и положила масла в глазок. Пришел сын в ригу куницу караулить. Пришел, поставил горшок с загустой на припечек, сам лег на кучу соломы. Сидел там сколь-то времени. Куницы не слышно, не видно. И он тоже уснул. Пришла куница, загусту съела, ушла своей дорогой. Пошел парень домой.

Говорит старик:

— Где куница?

— Я не видал.

— Ну а куда же загуста делась?

— Да есть захотел — и съел.

Старик говорит:

— Вы, наверно, кунице загусту скармливаете.

— Не видал я куницы.

Говорит Тухкимус:

— Свари, мать, загусту для меня. Я пойду куницу караулить.

— Другие получше тебя — не укараулили, а ты и подавно.

— Хуже не будет, если и я не увижу (куницу).

Старуха сварила загусту, а масла в глазок и не положила, потому что для Тухкимуса. Капнула только простокваши в глазок. Ну, парень пошел в ригу с горшком загусты. Пришел, поставил горшок на припечек. Сам сидит на куче соломы. Сидел-сидел сколь-то времени, стало темнеть. Куница к нему в ригу пришла, начала загусту есть. Тогда он на куницу бросился, поймал.

Говорит ему куница:

— Если отпустишь меня, то я могу еще тебе пригодиться. Когда будет царский пир-бал, то приходи на большой камень к концу большого прогона, потом там крикни: «Увидь меня, моя куница, услышь, моя златогрудая!»

Устроили у царя пиры-балы. Те, хорошие братья, умылись чисто (букв.: до голых костей, до самого мяса). Потом хорошие братья отправляются на царский пир. Тухкимус им говорит:

— Возьмите и меня на царский пир-бал.

— Тебя как раз и возьмем туда, золой людей пачкать!

Потом они пошли. Тухкимус спустился с печи, побежал на конец большого прогона, на большой камень, крикнул:

— Увидь меня, моя куница, услышь, моя златогрудая!

Куница едет на лошади, (у которой) шерстинка золотая, другая — серебряная, третьей и цвета не назвать. (Тухкимус) в одном ухе умывается, в другом одевается. Пистолет поперек на спине. Куница дала лошадь Тухкимусу. Тухкимус поехал на царские пиры-балы.

Тухкимус знает: кто сумеет выстрелить в сережку царевой дочери, тот получит цареву дочь в жены. Тухкимус выстрелил в сережку царевой дочери. Она (сережка) не успела пролететь и половины (расстояния) до земли, как Тухкимус поймал ее — и в карман. Заходит торопливо в избу, не садится ни есть, ни пить, а говорит, что «готовьте скорее невесту».

Готовили-приготавливали. Он увел невесту на двор, посадил невесту на лошадь, сам сел сзади. Лошадь поднялась в воздух.

Тухкимус приехал домой. Запер невесту и лошадь в амбаре. Сам сел на середину печи, пока другие братья не придут домой.

— Ну, что этот на середине печи расселся?

— Вас ждал, каковы царские пиры-балы?

— Были там и на тебя похожие, — говорят другие братья.

— Ну, если были на меня похожие, то были и на вас похожие, — говорит Тухкимус.

Назавтра опять у царя пиры-балы. Опять они собираются на пиры-балы добывать среднюю царскую дочь. Кто сумеет выстрелить в браслет царевой дочери, тот получит цареву дочь. Тухкимус говорит:

— Возьмите, братья, и меня.

— Сиди ты в своей золе да в пепле!

Отправляются другие братья. Тухкимус идет к концу большого прогона, на большой камень. Там зовет:

— Увидь меня, моя куница, услышь, моя златогрудая!

Куница едет на лошади, (у которой) шерстинка золотая, другая — серебряная, третьей и цвета не назвать. (Тухкимус) в одном ухе умывается, в другом одевается, прыгнул на коня. Поехал. С бегущей лошади выстрелил в браслет, зашел в избу, сказал:

— Готовьте, готовьте скорей невесту!

Готовили-приготавливали. Тухкимус увел невесту на двор и посадил ее на лошадь, сам сел сзади. Тогда лошадь поднялась в воздух. Приехал домой, увел в амбар невесту и лошадь. Сидит на краю печи. Приходят другие братья. На Тухкимусе новая рубаха и новые штаны, сапоги новые. Другие братья говорят:

— Где ты достал эту одежду?

— Можно достать, если на небо перекреститься.

— Каковы царские пиры? — говорит Тухкимус.

Братья отвечают:

— Были там и на тебя похожие.

— Если были на меня похожие, то были там и на вас похожие.

Завтра, говорят, будут у царя пиры-балы. Кто сумеет выстрелить в кольцо младшей царевой дочери, тому будет младшая царева дочь невестой. Братья опять собираются, умываются для царских пиров-балов. Тухкимус говорит:

— Возьмите и меня.

— Не возьмем тебя туда, людей пачкать золой.

— Ну, не возьмете, так идите,— говорит Тухкимус.

Пошли они на царский пир. Тухкимус спустился с печи. Идет опять к концу большого прогона, на большой камень. Зовет оттуда:

— Увидь меня, моя куница, услышь, моя златогрудая!

Куница едет на лошади, (у которой) шерстинка золотая, другая — серебряная, третьей и цвета не назвать. (Тухкимус) в одном ухе умывается, в другом одевается. Пистолет поперек спины. Тухкимус умывается, одевается, взял пистолет в руки, поехал. Приехал к царю, выстрелил в кольцо на стрехе — и в карман. И ни один человек не поверил бы, что это Тухкимус. Он говорит:

— Готовьте, готовьте невесту!

И не ест он, и не пьет. Невесту приготовили. Тухкимус увел невесту на двор, посадил на лошадь, сам сел сзади. Лошадь полетела. Приехал Тухкимус домой с невестой — и третью невесту увел в амбар. Сидит дома на краю голбца. Приходят другие братья с пиров-балов. Он спрашивает:

— Каковы были царские пиры-балы?

Те, другие братья, отвечают, что «были там на тебя похожие».

— Если были на меня похожие, то были там и на вас похожие,— говорит Тухкимус.

Братья говорят:

— Надо взвесить наши амбары.

Потом он (Тухкимус) взвесил амбар старшего (брата), потом амбар среднего (брата). У них там только зернышки перекачиваются и куски сосновой коры, из которой хлеб с корой делают.

Говорит Тухкимус:

— Взвесьте, братцы, и мой амбар.

Те говорят:

— К чему твой-то амбар взвешивать, коли даже в наших амбарах ничего не было.

— Ну взвесьте, взвесьте.

А другие братья ходили по нужде на порог амбара Тухкимуса. Потом они стали взвешивать этот амбар. Там как золото и серебро загремело! Говорят Тухкимусу:

— Покажи, братец, что в амбаре!

— Не покажу,— Тухкимус говорит,— пока не соскоблите то, что на пороге.

Как открыли дверь — там все царские дочери. Три лошади: шерстинка золотая, другая — серебряная, третьей и цвета назвать нельзя.

— Дай, братец, нам этих невест!

Говорит Тухкимус:

— Вы ведь говорили, когда на царские пиры да балы ходили,

что есть там на тебя похожие, так сказал же ведь я, что есть там и на вас похожие (?).

Потом Тухкимус дает старшему брату старшую цареву дочь, среднему — среднюю дочь, сам берет младшую. Стали хорошо жить. Тухкимус стал царевым зятем. Живут и по сей день, еще и завтра поживут.

Такой длины, такой красы (сказка), золотой листок слушающему, листок любви поющему.

Зап. Э. Тимонен в 1949 г. в Петрозаводске от Т. А. Перттунен, 69 лет, уроженки дер. Ладвозеро Калевальского р-на. Публ.: Кар. нар. сказки, 1963, № 33.

Kewhe Lavri

Oli eli kewhe Lavri. Hänel akke kuolow, d'iai hänele poige da tytär. Lavri kuolow. Vel'l'eh sizärele sanow:

— Minä lähten burlakakse, elod suamah. Anda ičeis kartočke minule.

Ottaw sizärel kartočkan i prostihes sizäres, dai lähtöw. Menöw tartuw cairile kazakakse heinäd niittämäh. Ottaw kormanis häin sizären kartočkan, dai rubedaw kačcomah. Cairin poige nägi, kačow kartočkad — ylen čoma oli kartočke, sanow:

— Ozuta minule kartočkad.

Häin ottaw kartočkan ozuttaw cairin poigale. Cairin poige sanow:

— Anda sizär minule mučoiakse, enämbe ei pidä sinule heinäd niittädä.

— Ottaned, ga kuibo en anda minä cairin poigale!

Andaw äijän d'engat cairin poige, andaw kakse pluat't'ad. Tulow häin sizärellyö kodih:

— Vot, hyvä sizäryizeni, läkkä cairin poigale mučuoikse. Vot anduai cairin poige d'engad äijän i kakse pluat't'ad: yhten anduai kainid, toizen anduai villaižen!

Ištuttiheze hyö veneheh, lähtedih ajamah. Ajetah niemeh suai, i niemmes kirguw staruwhe:

— Hoi hyvä brihaine i hyvä tyttöine, ottagad minud veneheh!

Häin i sanow vel'l'elleh:

— Ei pidä ottai, veikui, häin panow meid vedeh, veneh ei kestä!

Lähtetäh edelleh ajamah. Tulow, lähениškändi toine niemi, op'ät' že kirguw.

— Ottagad, hyvä tyttöine, hyvä brihaine, minud veneheh!

Ajaw vel'l'eh venehen randah. Staruwhan panow veneheh, iče lähtöw astumah. Dorog mänöw kolmandeh niemeh, i kirguw vel'l'eh:

— Čid'žuoī, pane kaini pluat't'e piäle!

A sizāreh sanow:

— T'otoī, midābo velli kirgui?

Sanow:

— Kirguw: ota robehine kādeh, pane kaini pluat't'e piäle, hyppiä vedeh!

Lähtedih edelleh ajamah. Ajetah niemed lähembäkse, vel'l'eh i kirguw:

— Čid'žuoī, pane villaine pluat't'e piäle, kačo, cairin dvorče nägyw.

— T'otoī, minule ei kuulunuh sowtes, midābo velli kirgui?

— Sanow, raukke, sinule vel'l'es: pane villaine pluat't'e piäle, ota robehine kādeh i hypni vedeh!

— Midā liene minun piäle nenga vellirukke suuttunu?

Panow häi pluat't'aižen piäle villaizen, ottaw häin robežižen kādeh, hypniw vedeh.

Ajaw Syvätterin akke randah i ottaw iččeh tyttären i ajaw cairin pristanih. Cairin poige vuottaw, tuli — ga eibo se ole, kudai oli hänen kartočkal. Häin yksikai ottaw mučuoikse sen neidižen. A vel'l'eh piäle tuskevui cairin poige, vel'l'eleh Iivanal, značit, peän leikkadaw, mikse muanitti, i lykkäidāw tulovišan bokale, a piän levole, i työndāw yöl omad ruadajad varduoiččemah piädä: eigo midä čuwdide, eigo midä sbuwdide. Mäni karavul, rodiheze puoli yöd — avaidui d'ärvi kaksail piäi, tulow neidine dorogad myöte i vierōw vel'l'elleh piäle i itkōw gu koivud kuadaw i sanow:

— Hoi vellirukke, minud menetid dai iče menid! Kačo, sinul piä leikattih, a minud vedehižele miehele andetah!

Čieppi helähtiheze, d'ärvi šorahtiheze. Tuldah hyö cairilluo, cairi i kyzŷw:

— Midäbö nägitte ili kuwlitte?

— Myö kuwlimme i nägimme, ga sinä ed usko, hot' myö i saronemme! Läckä sinä iče tulevan yön.

Mendāh toš yön, rodih puoli yöd — d'ärvi avawduškanzi kaksail piäi, rodiih dorog, tulow ylen čoma neidine, vai čieppi heližōw. Tulow i vierōw Iivanale piäle i itkōw, gu koivud kuadaw.

— Vot sinule piä leikattih, a minud vedehižele... Huomei venčale pidāw mändä, lopun kieran tulen huomei.

Čieppi helähtih, d'ärvi šorahtih.

Tulow cairin poige, ottaw diedon sabl'an ruostunuden, andaw kazakuoile tahkota, stobi raudan leikadaiš!

Mendāh kolmanden yön karavuulah, rodiihize puoli yöd — d'ärvi šorižiškanzi, avaidui dorog, čieppi vai heližōw — tulow ylen čoma neidine. Vieriškāndi vel'l'eh piäle i itkōw, gu koivut kuadaw, i sanow vel'l'ele:

— Nygyöi, kačo, lopun kieran tulin, enāmbād en tule, vedehižen kera venčale mänen!

Cairin poige gu vedäldaw sabl'al, čieppi vai helähtäh i poikki. Vedeheine dernii — tyhje čieppi helähtih, neidine sih d'ai.

— Vot, nygöi, mibo sinul on nimi, sano!

— Minun nimi on Nast'a, a iżän nimi Lavri — Nastasja Lavrentjevna, a vel'len nimi minun Ivan oli.

— Vot Nastasja Lavrentjevna, nygyöi sinä roditos minule mučuoikse!

— Minä mučuoikse sinule, cairin poige, en voi tulda! Hengištüttäned minun vel'len, siid tulen. Kuni et hengištüttäne, sini en tule mučuoikse!

Työndaw cairin poige omad kazakat, kakse ruadajad, vuodekse andaw srokan: »Jesli ette voinne tuoda eläväd da kuol'aid vette, siid piäd iäres!»

Hyö otpravilis' i lähtedih eläväd vette eččimäh. Ečitäh, ečitäh, ni kui ei voita löytä, d'o vuozi lopuškale mänöw. Astutah doragad myöte — viruw poikki dorogad mado kuuden verškan d'äre vys, gu parzi. Yksi hypnii, ot'ti kangen, tahtuoi rikkoda madon. Mado d'lävii ristityn iänen:

— Alä riko minud, a minä tiedän, midä työ ečitte, minä teile nevvon. Työ ečitte — eläväd da kuol'aid vette pidaw. Mängät työ nengoman meren randah, meren randas seižow istarinnuoi duube. Duuban al on sundug raudaine i sundugas on d'aičče, a d'aičän sydämes on kakse butilkaište — yhtes on eläväd veded, toizes on kuol'aid veded.

Mändih hyö duuballuo, davai roida, tuli sundug, avait't'ih sundug, šidä on d'aičče, a d'aičän sydämes kakse butilkaište: yksi eläväd vette, toine — kuol'aid.

Hyö punaltaheze kodih, tuldah cairilluo, andettah cairile butilkaižed:

— Vot, sanow,— täs on kuol'aid veded, täs on eläväd veded!

Mändäh pandah piä tuulovišanke vastakkai, briznitäh kuol'ail vedel — rodiheze kuolii, briznitäh eläväl vedel — hypästähes:

— Ah, hätken i magažin!

A sizäreh sanow:

— Oh, vellirukke, minud gu ei olnuis, ga igän magannužid!

Panow cairin poige kilyh omad ruadajat. Kaivetah pahne kilyn uksen edeh. Pahnah pandah suuri kattil, kattilah täwz tervad i ter vah kiehumah, i käsköw tervakattilan polovikal kattada. Tulow kodih cairin poige:

— Gu himo oli Syvätterin tyttärel šokkid sydidä, ga läkkä nygöi kilyh, gu kily pidi!

Polgow d'algan piälič kyndykses kilyh — bučkahtiheze kiehujah tervakattilah. Sigä vie tänäpäi kiehuw.

Tulow häi kodih, cairin poige, ottaw oman, kudai on Nastasja Lavrentjevna, kädez i rodiiheze piiru heile svuadebnoi na ves' miiru.

I rubeži carstvuimah omal carstval nastojuaššoikse cairikse, otti Nastasjan Lavrentjevnan mučuoikse, a Iivanan pani generualakse. I sluuzii Iivan cairin generualannu omah vahnah igäh suai.

Бедный Лаври

Жил-был бедный Лаври. Жена у него умирает, остались сын да дочь. И Лаври умирает. Брат говорит сестре:

— Я пойду батрачить, добро наживать. Дай мне свою карточку.

Берет у сестры карточку и прощается с сестрой, уходит. Приходит к царю и нанимается у него сено косить. Достал как-то из кармана карточку сестры и стал смотреть. Царев сын увидел, посмотрел на карточку — очень красивая была карточка, говорит:

— Покажи мне карточку.

Он достает карточку, показывает цареву сыну. Царев сын говорит:

— Выдай сестру за меня, тогда тебе больше не надо сено косить.

— Будто не отдам за царева сына, если только возьмешь!

Царев сын дает ему много денег, дает два платья. Приходит он к сестре домой.

— Вот, милая сестрица, выходи за царева сына замуж. Царев сын дал много денег и два платья: одно полотняное, второе шерстяное.

Сели они в лодку, отчалили. Доехали они до мыса, а с мыса старуха кричит:

— Хой, добрый парень и добрая девушка, возьмите меня в лодку!

Она и говорит брату:

— Не бери, братец, она нас утопит, лодка не выдержит.

Гребут дальше. Подъезжают к другому мысу, опять эта (старуха) кричит:

— Возьмите, добрая девушка, добрый парень, меня в лодку!

Брат направляет лодку к берегу. Старуху сажает в лодку, сам отправляется пешком. Дорога ведет на третий мыс, брат и кричит:

— Сестра, надень полотняное платье на себя!

А сестра спрашивает:

— Тетенька, о чем брат говорит?

Говорит (старуха):

— Говорит: возьми короб в руку, надень на себя полотняное платье, прыгай в воду!

Гребут дальше. Подъезжают к мысу, брат и кричит:

— Сестра, надень на себя шерстяное платье — смотри, царев дворец виднеется!

— Тетенька, я из-за стука весел не расслышала, что брат говорил.

— Брат, милая, говорит тебе: надень на себя шерстяное платье, возьми в руку короб и прыгай в воду!

— За что братец на меня так рассердился?

Надевает она на себя шерстяное платье, берет в руку короб, прыгает в воду.

Сювяттери (старуха) подъезжает к берегу, берет свою дочь и едет дальше к царской пристани. Царев сын ждет; приехала — да не та, которая была на карточке. Все же он берет в жены эту девушку. А на брата царев сын разгневался, брату Ивану велел голову отрезать за то, что обманул, и туловище выбросить, а голову положить на крышу. И посылает он своих работников ночью караулить голову: не почудится ли что, не привидится ли что. Караул пришел, наступила полночь — раскрылось озеро надвое, идет девушка по дороге и падает на голову своего брата, плачет, как березка клонится, и говорит:

— Ой, бедный братец, меня потерял и сам пропал! Смотри, тебе голову отрезали, а меня за водяного замуж выдают!

Цепь загремела, озеро зашумело. Приходят они к царю, царь и спрашивает:

— Что видели или слышали?

— Мы слышали да видели — только ты не поверишь, если и скажем. Лучше иди сам с нами будущей ночью.

Идут на следующую ночь, настала полночь — озеро раскрылось надвое, получилась дорога, идет очень красивая девушка, только цепь звенит. Приходит и падает на Ивана и плачет, как березка клонится:

— Тебе голову отрезали, а меня водяному... Завтра к венцу надо идти, завтра последний раз приду.

Цепь загремела, озеро зашумело.

Приходит царев сын домой, достает дедовскую ржавую саблю, велит работникам наточить, чтобы цепь перерубить. Идут на третью ночь караулить, настала полночь — озеро раскрылось, показалась дорога, цепь позванивает — идет очень красивая девушка. Упала на брата и плачет, как березка клонится, и говорит брату:

— Теперь, смотри, последний раз пришла, больше не приду — с водяным к венцу пойду!

Царев сын как ударит саблей — цепь только звякнула и оборвалась. Водяной дернул — пустая цепь зазвенела, девушка тут осталась.

— Как твое имя, скажи?

— Мое имя Настя, а отца звали Лаври — Настасья Лаврентьевна, а брата моего звали Иваном.

— Вот Настасья Лаврентьевна, теперь ты будешь моей женой.

— Я, царев сын, твоей женой не могу стать. Если оживишь моего брата, тогда буду твоей женой. Пока не оживишь, не выйду за тебя!

Посылает царев сын двух своих работников, дает год сроку:

— Если не принесете живой и мертвой воды, головы с плеч!

Они отправились и пустились искать живую воду. Ищут, ищут, никак не могут найти, уже год к концу подходит. Идут по дороге — лежит поперек дороги змея в шесть вершков толщиной, как бревно. Один подскочил, взял кол, хотел змею убить. Змея заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня, я знаю, что вы ищете,— я вам дам совет. Вы ищете живую и мертвую воду. Идите на берег такого-то моря, на берегу моря стоит вековой дуб, под дубом железный сундук и в сундуке яйцо, а внутри яйца две бутылочки: в одной — живая вода, в другой — мертвая вода.

Пришли они к дубу, начали рыть — показался сундук, открыли сундук — там яйцо, внутри яйца две бутылочки: в одной — живая вода, в другой — мертвая.

Они быстро повернули домой, приходят к царю, подают царю бутылочки:

— Вот,— говорят,— тут мертвая вода, а здесь живая вода!

Идут прикладывают голову к туловищу, брызгают мертвой водой — стал покойник, брызгают живой водой — на ноги вскочил:

— Ах как долго спал!

А сестра говорит:

— Ох, милый братец, если бы меня не было, то весь век бы спал!

Посылает царев сын своих работников в баню: рыть яму перед дверью бани. В яму ставят большой котел, котел наполняют смолой и кипятят, и велит (царев сын) покрыть котел со смолой половиком. Приходит царев сын домой:

— Коли была охота тебе, дочери Сювяттери, щеки подставлять для поцелуя, так иди теперь в баню, коли в баню хотелось!

Перешагнула порог бани — и бухнулась в котел с кипящей смолой. Там еще по сей день кипит.

Приходит царев сын домой, берет свою Настасью Лаврентьевну за руку, и начался у них пир свадебный на весь мир. И стал он настоящим царем в своем царстве, взял Настасью Лаврентьевну в жены, а Ивана назначил генералом. И прослужил Иван генералом у царя до самой старости.

Зап. Г. Телкин в 1940 г. в дер. Пелдожа Пряжинского р-на от В. А. Гордеева, 62-х лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1967, № 15.

Oli kaksi vellesty, yksi on torguiččii, a toine on köyhy. Laadii bohattu velli baalun. Nu bohatai kai kuččuu, a omaa köyhää velli ei kuču gostih. Köyhy velli menöy i uksičupus syöy stolas lykit-tylöi braakkuloi, luupalazii. Bohatal vellel rodih huigei, ku hänel on bohattaa gost'aa, i työndi köyhän vellen ääres luuloi n'äblimäs. Köyhy velli lähti itkunke, meni kodih i viiduumaičči, sanou:

— Lähten hot' bohatan vellen riihen puin, ku häin ei andanuh baalun aigah ni veruo syvvä.

Meni riihty puimah puolen yön aigah, ga kaksi mužikkaa ruskeis paijois jo ollah riihes. Kyzyy:

— Midbo miehii työ oletto, ku minä en tiije teidy, kugalaizedbo työ oletto?

— Myö olemmo, sanotah,— sinun bohatan vellen Ozat.

Häin i kyzyy:

— Kuzbo minun Ozat on? sanou.— Ku minä en tiije ni syvvä midä, ni d'uvva midä, ni sobaa ei ole pääl?

Sanotah bohatan vellen Ozat köyhäl vellel:

— Sinun Oza magaa.

A se köyhy velli sanou:

— A voizingo minä löydää händy, kus häin magaa?

— Lövvät, lagiel pellol on, vihandal nurmel, sinizen kiven kulmas, ruskei vaate on al, ruskei pääl.

— A kuibo minä voinnen hänen nostattaa?

— Mennes ota pajumättähäs viččaine i ristah rastah iške sinisty kivee.

I se köyhy velli mugai raadaa, i hyppää hänen osa, sanou:

— Ah, hätken magain!

Köyhy velli sanou:

— Da, sinä magaat, a minä en tiije ni syvvä, ni d'uvva midä, da sobaa pääl ei ole.

Oza otti iččeh pääs yhten tukan i andoi mužikal, sanou:

— Na, ota tukku, da mene!

Mužikku tukan otti, kormanih pani, palazen astui i käändyi d'ärilleh, duumaiččou. »Oza minuu n'älläs pidi, a minä händäh ni lyönnyh en, a midäbo täl tukal lain? Lähten hot' lyön Ozaa!»

Meni sih kohtah, kuz Oza magari — ga d'o ei ole ni kedä. Häin d'ärilleh pahas mieles astuu kodih päi i astuu d'ogirandaa myö, kaččou, ga sorzu uidelou. Hänel se sorzu himoittas saaha, i d'uoh-
tuu mieleh se ozan annettu tukku, i duumaiččou: »Engo voi sil-
mukal saaha, laadin rihman.» Dai sai sorzan.

Se on sorzu kuldaine i kuldazen d'äičän muniu d'oga päivää. Mužikku se kuldazen d'äičän möi linnal d'oga päivää i rubei bohata-

tumah. Hyvin rubei syömäh, hyvin rubei d'uomah i sobaagi azui. Bohatal vellel rodih zaavidno i rubei duumaimah:

— Mil sinä rubeit eloo saamah?

Nu, velli vs'otaki ei sanonuh vellel, mil hain saa eloo. No hänel oli pieni brihaččuine, i sil hain maanitti, kyzeli. Brihaččuine sanou, što taatol on moine lindu, kudai muniu d'oga päivää kuldazen d'äiččäzen, i taatto sanou — myöy.

Siit bohattu velleh rubei sen köyhän vellellyö käymäh, sanou: — Hot' ozuta, miittuine on se sorzu?

Nu, köhy velli ozutti sen sorzan, a hänel siiven al on kird'u-tettu, što ken tämän sorzan lihat syönnöy, se roih bohattu dostalikse igää. A bohatal vellel himoittas se sorzu syvvä. Häin ni kui ei voi maanittaa sidä sorzaa velles. Häin bohattu ku on, ga ostau toizen sorzan i höyhenet krassiu d'uuri sen moizekse, ottau i peitoči vaihtau. Sen sorzan išköy i lihat keittäy. Keittähy lihat panou ikkunal vilustumah. Endizen köyhän vellen kaži tuli, lihat otti i kodih vedi. Kodih vedi, a brihaččuine net lihat i söi. Siit hyödyi i nygöigi vie nečie torguiččou.

Чудесная птица

Было два брата — один торговец, а другой бедный. Устраивает богатый брат бал. Ну, богачей всех зовет, а своего бедного брата не зовет в гости. Бедный брат приходит и в углу у дверей ест объедки со стола, кости. Богатому брату стало стыдно, потому что у него богатые гости, и выгнал он бедного брата прочь, чтобы не грыз тут кости. Бедный брат пошел с плачем, пришел домой и придумал такое, говорит:

— Пойду хоть обмолочу рожь богатого брата, коли он мне на пиру не дал раз поесть.

Идет в ригу молотить в полночь, а два мужика в красных рубахах уже в риге. Спрашивает:

— Что вы за люди, я вас не знаю, чьи вы?

— Мы,— говорят,— Доли твоего богатого брата.

Он и спрашивает:

— Где же мои Доли? Я не знаю, что есть и пить, и одежды на мне нет.

Говорят Доли богатого брата бедному брату:

— Твоя Доля спит.

А этот бедный брат говорит:

А можно ли мне найти ее, где она спит?

Найдешь, она на широком поле, на зеленом лугу, у синего камня красное сукно подстелено, красным сукном укрыта.

— А как я смогу ее разбудить?

— По пути возьми от ивового куста прутик и ударь крест-накрест по синему камню.

И этот бедный брат так и делает. И вскочила его Доля, говорит:

— Ах, долго спала!

Бедный брат говорит:

— Да, ты спишь, а я не знаю, что есть и пить, и одежды на мне нет.

Доля взяла со своей головы один волосок и дала мужику, говорит:

— На, возьми волосок и иди!

Мужик волосок взял, в карман положил, прошел немного и повернул обратно, думает: «Доля меня голодом морила, а я ее даже не побил. А что я с этим волоском сделаю? Пойду хоть побью Долю».

Пришел на то место, где Доля спала, а уже нет никого. Он обратно домой идет опечаленный и проходит по берегу реки, смотрит — утка плавает. Ему захотелось эту утку поймать, и вспомнил он о данном Долей волоске и думает: «Не смогу ли в петлю поймать, сделаю силок». Да и поймал утку.

Эта утка золотая и по золотому яйцу несет каждый день. Мужик этот по золотому яйцу каждый день продавал в городе и начал богатеть. Хорошо стал есть, хорошо стал пить и одежду справил. Богатому брату стало завидно и стал заговаривать:

— Как ты стал добро добывать?

Ну, брат все-таки не сказал брату, как он добро достает. Но у него был маленький мальчик, и у него он (богатый брат) выманил, расспросил. Мальчик говорит, что у отца есть такая птица, которая каждый день приносит золотое яичко, и отец его продает.

Потом богатый брат стал ходить к бедному брату, говорит:

— Покажи хоть, какая эта утка?

Ну, бедный брат показал ту утку, а у нее под крылом написано, что кто мясо этой утки съест, тот будет богатым на всю жизнь. А богатому брату хотелось бы ту утку съесть. Он никак не может выманить ту утку у брата. Но так как он богатый, то покупает другую утку и красит у нее перья точно в такой же цвет, как у той утки, и тайком подменивает. Ту утку режет и мясо варит. Сварив, ставит мясо на окно остывать. Бывшего бедного брата кошка пришла, мясо взяла и домой утащила. Притащила домой, а мальчик это мясо и съел. Потом разбогател и еще теперь там торгует.

Зап. К. Белова в 1938 г. в с. Видлица Олонецкого р-на от Е. Г. Гавриловой, 50 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1967, № 44.

Viisaš moršien

Oli ennen ukko ta akka. Heilä oli poika. Ukko ta akka kun alettih vanheta, niin šanottih pojallah, jotta ala eččie nuorissušta taloh, kun et liene ennen kaččon.

No poika šanou, jotta ei hänellä ole vielä mielitiettyö, no lupua kumminki huomenekšella lähtie naisen eččoh. Poika kyšyy kumminki, jotta mintäh šie, muamo, käšet milma aivoin huomenekšella.

Muamo vaštuau:

— Ka jotta näkisit, makuauko vielä tyttö, vain joko on männy työhö: meilä vet pitäy olla työn ruataja, eikä makuaja!

Tai läksi poika huomenekšella noustuo heposella ajua kõryytelömäh, neiččysie kaččomah. Muamoh käski männä šemmoseh taloh, mistä ensiksi šavu näkyy. Tai näköy poika yheštä talošta šavun noušovan: mäni pihalla ta kaččelou. Heitti heposeh ta mäni pirtti. Šielä tyttö räččinäisillä kutou kankašta. Tyttö šanou, jotta mintäh šiula, vierahaisen, ei ollun šuuta eikä nenyä. Hiän ei ošannun šiihi mitänä vaššata. Kyšyy, jotta mihi mie panisin heposeni kiini, kun jäi pihalla irallah. Tyttö kačahti pihalla ta vaštasi, jotta kešä ta talvi on pihalla. Šivo kesäh eli talveh.

Poika männä töllötti pihalla, vain ei ymmärtän, jotta mihi še tyttö nyt neuvo šitomah, ta heponi jäi irallah. Kyšy poika tytöltä, jotta ketä teilä on muita eläjie. Tyttö šanou, jotta onhan miula tuatto ta muamo ta veikko.

— Missäpä hyö nyt ollah? pakauttelou poika.

— Tuatto on lämmintä käymäššä, a muamo läsiy kešähisie nakran-toitah, velleni ieš tuaš kävelöy.

Rupei tyttö vuoroštah kyšymäh:

— Mitä mie šiula, vierahaisen, keitän, kun ei ole valmista keitettyö? Keitänkö mie šiula šylekšennellen šyötävyä vain puromatta nieltävyä?

— Keitä, šanou,— šylekšennellen šyötävyä.

Neičyt keitti hänellä ahventa. Hiän läksi pois, šanou:

— Jiä tervehekeš!

A kaunis ois ollun hänen mieleštä tyttö. Tuli kotihis, ta muamoh kyšyy, jotta löysitkö tyttären.

— Löysin, vaštasi poika,— vain hōpšö oli tyttö.

Ukko kyšyy:

— Mitein hiän oli hōpšö, mitä hiän pakasi?

— Ka kun mänin, šanou poika,— niin kyšy tyttö miulta, jotta mintäh šiula ei ole šuuta eikä nenyä. Eikö še hōpertän?

— No iče šie olit šyypiä, kun tyttö tietenki kuto räččinäisilläh, kun oli aikani, a šie et mäneššä ryvähellyn etkä niistän nenyäš, jotta hiän ois kuullun šiun tulovan ta korjannut iččeh. Tietyšti šiula oli šuu šekä nenä, vain kun et käyttän niitä, niin hiän viisahašti kyšy.

— A mintähpä hiän käski šitomah miun heposen kešäh eli talveh?

— A šentäh, kun pihalla oli kärryt ta reki: kärryt oli kešä, a reki oli talvi. Šiun ois pitän hoš kumpaseh šituo heponi.

— No vieläpä še muutaki plaši, kun šano, jotta tuatto on lämmin-tä käymäššä, muamo läsiy kešällisie nakrantahisie, a veikko ieš tuaš kävelöy.

— Ka tuattoh oli puun vevošša, muamoh oli šuanun lapšen ta oli lapsikylyššä, a veikkoh oli kyntämäššä. A keittän hiän ois kananmunie tahi huttuo, a kun kyšyit šylekšennellen šyötävyä, niin šaitkin ahventa.

Ukko šanou, jotta nyt pitäy lähtie šulhasikse: kun šuanemma, niin tuomma, a kun emmä, niin olkah šielä. Tai mäntih, tai kosjottih, tai hiät piettih, ta tuotih moršien kotihis.

Lähetthi šulhani ta ukko meččäh. Ukko šanou min'n'allah, jotta lämmitä kyly, ta pane kukko kylyn lautojen piähä, ta šiitä varušša ruokua stolalla, ta pane miekka stolan poikki, a iče šuat ruveta muate: myö myöhä tulemma.

Mäntih meččäh. Ollah jo pois tulošša, niin ukko šanou pojallah, jotta leikkua šie miulta piä ta kiät ta luo pualikkoja tiellä, jotta matka kuluis huvemmašša.

No poika arvelou, jotta ukko höpertäy, kun lähtiessä jo anto naisella šemmosie miäräykšie. Poika ei leikan piätä eikä käsie. Tultih kotih, šyöti, kylvettih ta ruvettih muate.

A moršien jo makasi, kun oli laittan, mitä käsettih, niin rupesi muate. Šanou moršiemellah, jotta oletko šie huomannun, jotta tuatto höpertäy.

— En, en ole huomannun, šanou naini.— Eihän še höpertän lähtiessä, kun hiän käski kukon panna lautojen piähä, hiän tarkotti šillä vaštua. Mie hauvoin vaššan ta panin lautojen piähä. A ruokua kun käski laittua, niin hiän tarkotti käsipaikan pantavakše poikki stolan, eikä miekkua.

— No höperti še kumminki, šanou poika,— kun käski meččäštä tulešša leikata miun häneltä piän ta kiät. Ta käski pualikoija tien.

— Ka hiän šano šen vain vertaukšena, jotta kun hiän oli vaipun, niin šiun ois pitän ottua hänen lakki ta kintahat kannettavakše. A pualikkojen luokšentelomisella hiän tarkotti, jotta šie pakajaisit hänen kera, etkä iänettäš töllöttäis.

Kun maine levisi šemmoni, jotta köyhäššä talošša on niin viisaš naini, niin čuari tuli ta otti pois, jotta välttäy teilä i pahempi.

Tuatto-ukolla jäi ikävä ta paha mielestä. Hiän ajattelou, jotta millä hiän šais min'n'ah pois. Ukko työntäy kyšyjie myöt'en tiijon naisella, jotta missä miun šurma on. Min'n'a työntäy vaštah šanua, jotta tallin paččahah kun očin paukahtau, niin šiinä on šurma. Ukko mäni tai kävi tallin paččahan piästä rahakasnah. Hiän tarkottiki šurmalla rahojah.

Ukko työntäy kyšymykšen tuaš, jotta kuin hyvissä vuatteissa šilma pietäh, onko vuattiet konšana levälläh. Naini työnši šanan, jotta muina päivinä on hyvin lujat, vain šuavattaitana on levällini košto.

Hiän tarkottiki šillä, jotta konša ois vapahemmalla, jotta šaisiko ukko häntä šieltä pois, niin min'n'a tarkotti, jotta muina päivinä ei, vain šuavattaitana on takaveräjä kahallah. Ukko kun šai tämän tietä, niin mäni ta kävi min'n'ah pois, ta niin piäsi naini jällellä elämäh ukon luona.

Умная невеста

Были раньше старик и старуха. У них был сын. Старик и старуха как начали стареть, то сказали сыну, что «начинай искать в дом молодуху (букв.: помолодения), если раньше не присмотрел». Ну, сын говорит, что нет у него еще невесты, но обещает все же завтра утром отправиться искать жену. Сын спрашивает, что «почему ты, мать, велишь мне ехать рано утром».

Мать отвечает:

— Да чтобы увидел, спит ли девушка или уже ушла на работу: нам ведь нужна работающая, а не спящая!

И отправился сын, утром вставши, на лошади, девушек смотреть. Мать велела заехать в такой дом, из (трубы) которого раньше других дым покажется. И видит парень, что из (трубы) одного дома дым поднимается; заехал во двор и осматривается. Остал лошадь и зашел в избу. Там девушка в сорочке ткет. Девушка говорит, что «почему у тебя, гостюшко, не было ни рта, ни носа?»

Он на это ничего не сумел ответить.

Спрашивает, что «куда бы мне привязать лошадь, она осталась во дворе непривязанной». Девушка взглянула на двор и ответила, что «лето и зима во дворе. Привяжи к лету или к зиме». Парень вышел во двор, но не понял, куда девушка посоветовала привязать, и лошадь осталась непривязанной.

Спрашивает парень у девушки, что «кто у вас еще есть в семье?» Девушка говорит, что «есть у меня отец да мать, да брат».

— Где же они? — спрашивает парень.

— Отец уехал за теплом, а мать болеет от прошлогоднего веселья, брат взад-вперед ходит.

Стала девушка в свою очередь спрашивать:

— Что я тебе, гостюшко, сварю, когда нет ничего приготовленного? Сварю ли я тебе еду, что едят выплевывая, или такое, что глотают не жуя?

— Свари,— говорит,— что едят выплевывая.

Девушка сварила ему окуней. Он уехал, сказал:

— Будь здорова.

А девушка показалась ему красивой. Приехал домой, и мать спрашивает, что «нашел ли девушку?»

— Нашел,— ответил сын, только придурковатая она.

Старик (отец) спрашивает:

— Как придурковатая, что она говорила?

— Когда я зашел,— говорит парень,— то девушка спросила у меня, что «почему у тебя нет ни рта, ни носа?» Разве она в уме?

— Ну, ты сам был виноват, потому что девушка, конечно, ткала в одной сорочке, так как была ранняя пора, а ты, заходя, не кашлянул и не сморкался, чтобы она могла услышать, что ты идешь, и приодеться. Конечно, у тебя был и рот, и нос, но ты ими не пользовался, вот она умно и спросила.

— А почему она велела привязать мою лошадь к лету или зиме?

— А потому, что на дворе были телега и сани: телега — лето, а сани — зима. Тебе надо было к чему-нибудь привязать лошадь.

— Она еще и другое блажила: говорила, что отец уехал за теплом, мать болеет от прошлогоднего веселья, а брат взад-вперед ходит.

— Так отец уехал за дровами, мать ребенка родила и находилась в бане после родов, а брат пахал. А сварила бы она тебе яиц (выше пропущено) или каши, но раз ты велел сварить то, что едят выплевывая, то и достались тебе окуни.

Старик говорит, что «надо ехать сватать: если согласится, то привезем, а если нет, то пускай останется там». И поехали, и сватали, и свадьбу сыграли, да привезли невесту домой.

Пошли молодой муж (букв.: жених) с отцом в лес. Старик говорит снохе, что «истопи баню и положи петуха на полоч, да потом приготовь еду на столе, да положи меч поперек стола, а сама можешь идти спать: мы поздно приедем».

Ушли в лес. Уже возвращаются обратно, старик и говорит сыну, что «отрежь ты у меня голову и руки да бросай палочки на дорожку, чтобы короче путь был».

Ну, сын думает, что старик рехнулся, потому что уже перед уходом оставил жене (снохе) такие распоряжения. Пришли домой, поели, попарились и легли спать. А невестка уже спала — приготовила, что велили, легла спать. Говорит своей жене, что «ты не заметила, что отец блажит?»

— Нет, не заметила,— говорит жена.— Ведь не блажил же он,

когда уходил: когда он велел положить петуха на полоч, так он имел в виду веник. Я выпарила веник и положила на полоч. А когда велел еду приготовить, так он намекнул, чтобы полотенце положить поперек стола, а не меч.

— Но все же он блажил,— говорит сын (муж),— раз велел, когда из лесу шли, отрезать ему голову и руки. И велел бросить палочки на дорогу.

— Так он так говорил только сравнениями, что он устал, так тебе надо было взять у него шапку и рукавицы. А под палочками он подразумевал, чтобы ты с ним разговаривал, а не молчал бы, как разиня.

Когда пошла окрест слава, что в бедном доме есть умная невестка, то царь пришел и увел ее, мол, «сойдет вам и похуже».

Свекор опечалился и заскучал. Он думает, как бы ему вернуть невестку. Старик велит нищим спросить у невестки, что «где моя смерть?». Невестка посылает ответ, что «о столб в конюшне как ударишься лбом, тут и смерть». Старик пошел и достал свою казну, спрятанную на столбе в конюшне. Он под смертью подразумевал деньги.

Старик опять посылает вопрос, что «хорошо ли тебя одевают или ходишь когда-нибудь в рваной одежде?» Женщина послала ответ, что «в другие дни одежда крепкая, но в субботний вечер рваный сарафан».

А он имел этим в виду, что бывает ли она когда на свободе, чтобы он мог ее увести, а невестка имела в виду, что в другие дни нет (нельзя выйти), а в субботний вечер задняя калитка открыта. Когда старик узнал об этом, он сходил и увел невестку, и так женщина стала снова жить с мужем.

Зап. О Липкина в 1937 г. в с. Вокнаволоок Калевальского р-на от М. А. Ремшу, 72 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1963, № 58.

Pappistarina

Kuolou pappi. Lähtöy diekka pappie eččimäh. Tulou mužikka vastah. Diekka sanou:

— T'erveh, mužikka. Kunne mänet?

Heen sanou:

— Mie mänen kazakaksi palkkoot'emah.

Diekka sanou:

— Rubie papiksi.

Heen sanou:

— Mie i kird'oo en tiijä.

Täh heen sanou:

— Meen alttarissa hos midä huhuo, ni ken ni midä ei malta.

Nu i läksi mužikka papiksi. Muuda ni midä ei malta pajattoo, vain yhtä: »Matkoou mužikka dorogoo myö, tulou diekka vastah: »T'erveh, mužikka, kunne mänet?» — »Mie mänen kazakaksi palkkoot'emah.» — »Rubie papiksi.» Heen sanou: »Mie en ni kird'oo malta.» Heen sanou: »Meen alttarissa hos midä huhuo, ni ken ni midä ei malta.»

Matkoou kupča kylästä läbi, mäni papin luoksi, sanou:

— Bat'uška, pidäis miula mol'ebinoo pajattoo.

A pappi sanou:

— Mol'ebinat oldih da proidittih, a pan'ehidat d'eedih, da viizi rubl'oo maksetah.

Kupča mänöy Petroskoih da mänöy arhir'ein luoksi, sanou:

— Tahoin mol'ebinan pajatattoo, a pappi sanou: »Mol'ebinat proidittih, a pan'ehidat viizi rubl'oo maksetah.»

Rubei arhir'ei kaččomah kniigoista i näköy, što pappi on d'o mäne tiijä konža kuollun, a žooloven'ja tulou.

Lähtöy arhir'ei pappie kaččomah. Tuli, obied'n'an sluuzittih, ni pappi nosti rissin da sanou:

— Kun, d'umala, meen kuldaizella vanhimmalla ana kuldaine karietta, a peučoilla tuhanžin rublin d'engoo!

A arhir'ei rohahti nagramah:

— Tämä vasta pappi, kun kuldaista kariettoo molieu, a toizet vai pit'kee igee.

I d'ätti papiksi iel'l'eh.

Сказка о попе

Умирает поп. Отправляется дьячок попа искать. Встретился ему мужик. Дьячок говорит:

— Здравствуй, мужик. Куда едешь?

Тот говорит:

— Иду наниматься в работники.

Дьячок говорит:

— Будь попом.

Тот говорит:

— Я и читать не умею.

Он (дьячок) говорит:

— В нашей церкви что ни говори, никто ничего не поймет.

Ну пошел мужик служить попом. Ничего не умеет читать, только одно: «Идет мужик по дороге, встречается ему дьячок: «Здравствуй, мужик, куда идешь?» — «Иду наниматься в работники».—

«Будь попом». Он говорит: «Я и читать не умею». Тот говорит: «В нашей церкви что ни говори, никто ничего не поймет».

Проезжает через деревню купец, зашел к попу, говорит:

— Батюшка, надо бы мне молебен отслужить.

А поп говорит:

— Молебны были и прошли, только панихиды остались, по пять рублей стоят.

Купец приезжает в Петрозаводск и идет к архиерею, говорит:

— Хотел молебен заказать, а поп говорит: «Молебны кончились, а панихиды пять рублей стоят».

Стал архиерей смотреть по книгам и видит, что поп уже поди знай когда умер, а жалование идет.

Поехал архиерей к тому попу. Приехал, обедню отслужили, поп крест поднял и говорит:

— Дай бог нашему дорогому преосвященному золотую карету, а певчим по тысяче рублей денег!

Архиерей как расхохочется:

— Вот это поп — молит о золотой карете, а другие только «многия лета».

И оставил того и впредь попом.

Зап. Т. Ананина в 1937 г. в дер. Сельга Медвежьегорского р-на от Т. Е. Туруева, 60 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1963, № 77.

Kindahan miehet lähtiettih Piiterih

Vot Kindahan miehet lähtiettih, kerävyi heidy arteli. Lähtietäh Piiterih, Piiterih talvel. Ajetah. Päivy ajetah kai. Kyläh mennäh yökse ga, mennäh ga, pajistah sillal, sanow:

— Riet pidäw, sanow,— kiändyä Piiterih päi, ed ajais, sanow,— kodih järilleh.

No hyvä. A mužikku bokas kuulow. Kuulow bokas ga. Hyö muata vai ruvettih, mužikku otti, riet kiänäldi kai kodih päi järilleh.

Lähtiettih huondeksel, hevod val'l'astettih. Lähtiettih Piiterih. Läh-tiettih Piiterih ajamah. Ajetah, ajetah ga:

— Ka tuaz on, sanow,— gu rowno mejän sildu!

— Sildu sildah koskehhäi, eihäi, sanow.

Toine sanow ga:

— Tuaz on, sanow,— gu rowno mejän kodi, sanow. A mejän kylä on tämä! sanow.

— Kylä kyläh koskehhäi, äijyhäi, sanow,— on kyla mual.

— Ka tuaz on gu rowno minun akku, sanow,— nygöi sobii pezöw rannas!

— Akku akkah eigo koske!

Akku ku kuulowhäi:

— Oho, propuaššoid! sanow,— kodiho tuliitto, iäre ajoitto?

Sid hyö kodihi tuldihi. Sid ei tietty enämbi, kunne pidäw mennä.
Dorogu loppih. Enämbi vs'oi!

Киндасовцы едут в Питер

Вот поехали киндасовские мужики, собралась их целая артель. Едут в Питер. В Питер зимой. Едут. Целый день едут. В деревню заезжают на ночь, заезжают, да и разговаривают на мосту, говорит (один):

— Вozy надо,— говорит,— повернуть оглоблями в сторону Питера, не поехать бы,— говорит,— обратно домой.

Ну хорошо. А мужик со стороны слышит. Слышит со стороны. Они только легли спать, мужик взял сани все повернул обратно, в сторону дома.

Собрались утром, лошадей запрягли. Поехали в Питер. Отправились в Питер. Едут, едут, так:

— Да тут,— говорит,— будто наш мост.

— Мост на мост приходится ведь, не без этого,— говорит.

Второй и говорит:

— Там,— говорит,— как будто наш дом,— говорит.— А это наша деревня,— говорит.

— Деревня с деревней сходится, ведь много же,— говорит,— деревень на свете.

— Да вон будто бы как моя жена,— говорит,— сейчас белье стирает на берегу.

— Жена с женой разве не бывают схожи?

Жена-то как услышит:

— Ох вы, окаянные,— говорит,— домой и возвращаетесь, обратно приехали!

Тут они домой приехали, потом не знали больше, куда надо ехать. Дорога кончилась. Больше — все.

Зап. А. Тупицына (Степанова) в 1964 г. в с. Ведлозеро Пряжинского р-на от М. А. Иванова, 66 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1967, № 58.

Kindahan mužikat kylvettih kagrat

Kindahan mužikku lähtöö Preežäh, midä Preežän mužikat rootah. Preežäh tuloo, Preežän mužikku tuhko kylvée järvel, anna neče merežintila suloo.

Menöö kodih, sanoo:

— Preežäs, Preežän mužikat kylvettih kagrat.

Hyö mennäh, kaikin kagrat kylvetäh. Sih i kagrat kai sudra mendih.

Киндасовцы сеют овес

Мужик из Киндасова пошел в Пряжу узнать, что делают пряжинские мужики. Приходит в Пряжу, пряжинский мужик золу сеет на лед, пусть растает лед, чтобы мережку поставить.

Приходит домой, говорит:

— В Пряже... В Пряже мужики овес сеют.

Взяли овес, все посеяли. Так и овес весь погубили.

Зап. А. Тупицына (Степанова) в 1964 г. в дер. Робогойла Пряжинского р-на от Т. И. Филатовой, 49 лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1967, № 60.

Kindahan mužikkoi juotattoo

Oli ennen kaksi Kindahan mužikkoo. Lähtietti ongel kezäzel päiväl. Istutah, ongitetah, ongitetah. Heidy rubei juotattamah. Juotattoo. Yksi sanoo:

— Juotattoo.

Toine sanoo:

— Tirpa ielleh, eule vetty.

Tooste ongitetah, ongitetah. Jo heil ei voi ongittoo.

— Juotattoo, toine sanoo.

— A kuzbo juot, eule vetty.

A jo muga heil juotattoo, ga jo viertih laut tazel, jo ei voija, virutah. Jo ei voija, vie yksi virkkoo midä, toine ni virkkoo midä ei voi, muga juotattoo.

— A sinä vie, sanoo,— pagized, ga minä jo ni paista en voi...

Muga heil juotattoo.

— A nygöi jo, sanoo,— kaloi eulis žeeli, sanoo,— ga vai vetty puuttas.

Laut tazel virutah, kaksi uroodu. Jo muga heil juotattoo, ga jo ei voija ni meluškoija, tuuli vedi randazel. Vedi tuuli randazel. Tuloo, astuu mužikku heijän tyveh:

— Midäbo virutto, sanoo, nečiz?

— A juotattoo, sanoo,— emmo voi enämbi ni kunne mennä.

— Ka meččeego, urood, ettö juo, ku laut tazel virutto?

— A kuzbo juommo?

— Ka painood pee, urood, järveh da juogoo, gor'ad, maha täyzi.

Alletah hyö juvva, peestih eloh.

Täs tämä zookkun.

Киндасовцы на воде страдают от жажды

Жили когда-то два киндасовских мужика. Поехали рыбу удить в летний день. Сидят, удят, удят. Захотелось им пить. Пить захотелось. Один говорит:

— Пить хочется.

Другой говорит:

— Терпи, нет воды.

Опять удят, удят. Уже немоготу стало удить.

— Пить хочется,— говорит второй.

— А где попьешь, воды-то нет.

А уж так им пить хочется, уже легли на плот, лежат. Не могут, один еще говорит что-то, второй и говорить не может, так хочется пить.

— Ты,— говорит,— еще разговариваешь, а я и говорить не могу.

Так им пить хочется.

— Теперь,— говорит,— уж и рыбы не жалко,— говорит,— только бы до воды добраться.

На плоту лежат, два дурака. Уж до того их жажда одолела, что и грести не могут, ветром пригнало плот к берегу. Пригнало ветром к берегу. Подходит к ним мужик, идет вдоль берега.

— Чего вы лежите,— говорит,— тут?

— Пить хотим,— говорит,— больше никуда и ехать не можем.

— Да вы что, дураки, не пьете, сами на плоту лежите?

— А где пить-то?

— Да пригните вы, дураки, головы в озеро да напейтесь, бедняги, досыта.

Давай они пить, ожили.

Вот и вся сказка.

Зап. А. Тупицына (Степанова) в 1964 г. в дер. Робогойла Пряжинского р-на от Е. А. Ивановой, 52-х лет. Публ.: Кар. нар. сказки, 1967, № 64.

НАРОДНАЯ НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА

От сказок в значительной степени отличается несказочная проза, к которой принято относить предания, легенды, былички. События, о которых рассказывается в несказочной прозе, с современной точки зрения кажутся сверхъестественными и невозможными, но с точки зрения рассказчика-слушателя в пору их бытования они считались вполне возможными, естественными и правдивыми. Они воспринимались как факты реальной действительности, сказка же изначально ориентирована на вымысел, она так и воспринималась носителями традиции («сказка — ложь, да в ней намек»).

В процессе исторического развития происходила постепенная утрата веры в реальность фактов, о которых рассказывается в несказочной прозе.

Сказки рассказывались специально, для развлечения слушателей, а несказочная проза вспоминалась чаще всего «по случаю», в какой-то ситуации, по ассоциации, в общем потоке речи.

Произведения несказочной прозы, как правило, короче сказок, действия в них менее «расцвечены», сюжеты более сконцентрированы. В центре повествования обычно один эпизод и чаще всего один персонаж, одно действующее лицо. Структурные особенности сказок более определенные, имеют постоянные устоявшиеся компоненты. Структура несказочной прозы более расплывчата, тексты не имеют постоянных, характерных для сказок, начальных и конечных формул.

В сказках преобладает эмоциональное начало, а в произведениях несказочной прозы на первый план выступает информация, они утверждают, поучают, обращаясь к событиям давнего или недавнего прошлого.

По Л. Симонсуури, предания интернациональны, но в то же время они национальны. В них ярко выражена национальная и локальная окраска.

Трудно дать строгое научное определение каждого из жанров народной несказочной прозы и провести строгую грань между ними, поскольку разные жанры могут накладываться один на другой, иметь точки соприкосновения.

О происхождении явлений, предметов мира, начале «вещей», свойствах человека, животных могут повествовать разные фольклорные жанры. Рассказы о происхождении каких-то местных образований (рек, озер, гор) считаются преданиями: происхождение вселенной, луны, звезд объясняется в мифах, мифы как бы охватывают явления в целом.

Мифы (*sympyt*) — это эпические повествования, более древние в сравнении, например, с преданиями.

К несказочной прозе также относятся так называемые этиологические рассказы (*aitiologisiet tai etiologisiet kertomukset*). Они восходят к мифам, к карельским и финским *synty*.

В своей древней поэтической форме калевальской метрики *synty* являются составной частью эпических песен, заговоров, заклинаний. Исследователи выделяют «настоящие» мифы — более древние, и «мнимые» — более поздние (*kvasimyytit*), назовем их вторичными (*Hautala*, 1957, 43—71).

Эти вторичные, поздние мифы скорее всего и соответствуют этиологическим рассказам. Они приобрели юмористическую окраску и их совершенно справедливо не воспринимают как первоначальные древние мифы. Е. Хаутала приводит в качестве примера таких поздних мифов *synty* о том, что женщины произошли из хвоста собаки, черта или змеи, что якобы наложило отпечаток на их характер. Очевидно, что такое объяснение явно юмористическое, противостоит библейскому толкованию о создании женщины из ребра мужчины. Основная цель такого мнимого мифа — не объяснение происхождения женщины, а желание подчеркнуть отрицательные свойства ее характера.

Вера в то, что человеческий род ведет свое происхождение от тотемного предка медведя — это миф, а повествование о том, при каких обстоятельствах медведь «потерял» хвост — это этиологический рассказ. Этиологические рассказы, в свою очередь, имеют общие мотивы со сказками, миф может дать импульс для создания предания. Для носителей традиции важна не строгая разграниченность жанров, а те события, о которых они рассказывают. А «идеальные» жанры выделяются исследователями. Финский фольклорист Л. Хонко объясняет необходимость выделения таких жанров тем, что с их помощью «исследователи учатся видеть реальные жанры и рассказывать о них друг другу» (*Honko*, 1980, 25—26).

Постепенно в процессе сложного пути развития за каждым из жанров «закрепляется и консервируется... определенный способ отражения действительности» (*Криничная*, 1987, 11). В целом жанро-

вая структура сказочной прозы изучена слабо. Разные исследователи классифицируют их по-разному, нет четкой терминологической определенности. В международном масштабе предания исследовал шведский ученый К. Сидов, он рассматривал вопросы их происхождения, распространения, функции, связь с другими жанрами народного творчества. В 1930-е годы им создан указатель сюжетов преданий.

В Финляндии издано несколько сборников текстов сказочной прозы, там предания наряду с фольклористами собирали археологи, члены созданного в 1870 г. Общества финских археологов.

Классификацию сказочной прозы произвел финский ученый Лаури Симонсуури, опубликовав в 1961 г. указатель «*Tyypen und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen*» (FFC 182, Helsinki, 1961). В указателе выделено свыше 1100 мотивов и типов сказочной прозы, которые объединены в 15 основных разделов. Указатель Симонсуури стал практическим пособием при собирании, систематизации и изучении преданий. Он получил широкое международное признание¹.

Специальных исследований по жанрам сказочной прозы на карельском материале у нас нет², и собирались они значительно меньше, чем поэзия калевальской метрики, сказки. Не всегда легко найти адекватный, точный смысловой перевод на русский язык терминов, употребляющихся в финской фольклористике для обозначения жанров сказочной прозы (*myyttilliset*-, *historialliset*-, *paikallistarinat*, *syntylegendat*, *suhdetarinat*).

Финские фольклористы делят жанр *tarinat* на предания, основанные на народных верованиях (*uskomustarinat*), исторические (*historialliset*) и топонимические (*paikallistarinat*).

В Финляндии, где традиционные фольклорные жанры уже почти не сохранились, уделяют большое внимание собиранию современного фольклора, среди них исследователи отмечают *kronikaatti* — сообщения о реальных событиях, случившихся с самим рассказчиком или с людьми, которых он хорошо знал (*Kuusi*, 1980, 39—46). Это жанр, который в современной русской фольклористике называется устным рассказом.

Предания (*tarinat*) — устные прозаические повествования о событиях далекого прошлого, небольшие по объему. Они рассказываются с установкой на достоверность, основаны на исторических реалиях, но вместе с тем не могут служить доказательством исто-

¹ Русский перевод см.: Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Пер. Н. А. Прушинской. Петрозаводск, 1991.

² Предания Русского Севера с привлечением карельского материала в качестве сопоставления глубоко и всесторонне исследованы Н. А. Криничной. См. ее работы в списке библиографических сокращений.

рического факта, поскольку наряду с реальными событиями в них выявляются элементы вымысла.

Предания, как и другие фольклорные жанры, международны, но в них четко проявляется стремление к конкретному месту и определенному времени, действия приписываются известному лицу. В преданиях многих народов мира плывущая по реке щепка (веник, мусор) служит признаком появления нового поселения на берегу реки, но в каждом предании — это конкретная река и конкретное поселение. Традиционные сюжеты «приспособлены» к местным условиям.

Учитывая существующее в науке разделение на циклы¹ и исходя из имеющегося в нашем распоряжении карельского материала (опубликованного и архивного), мы выделяем при публикации следующие циклы преданий: о заселении и освоении края, генеалогические, о кладах, о богатырях, об исторических лицах. Каждый цикл представлен не более чем двумя-тремя текстами.

Распространенную группу составляют предания о заселении края, основании деревень. Основателями селения, как правило, являются три брата-поселенца. Иногда это мог быть один первопоселенец с чертами богатыря, силача.

Известно, что до появления на территории современной Карелии карелов, а затем и русских, здесь обитали саами. По писцовой книге Алая Михалкова в Пяозерском погосте, единственном погосте в России, еще в 1608—1611 гг. жили некрещенные лопари. В 1785 г. по подворной переписи Кольской округи в Пяозерском погосте саамов уже не значилось (*Алымов*, 1927, 12).

Сведения о пребывании саамов сохранились до наших дней, их удавалось в северной Карелии собрать сравнительно легко еще в восьмидесятые годы.

Группа сегозерских карелов, проживающих в деревнях восточнее Падан (Карельская Масельга, Остречье, Чебино, Мяндусельга), до сих пор называют свой язык *lappi*, а себя по-карельски *lappalaizet*, а по-русски — карелами (*Конкка*, 1980, 4).

Аборигены считались сильными знахарями, колдунами, они наделены необычайными качествами — могли «на камне плыть-грести» (*kivellä souvetti*). Еще в начале нашего века в кусте деревень Суйстамо — Суоярви рассказывали, что представители рода Шемейков несколько веков назад обучались у саамов магической колдовской силе и с тех пор удача якобы всегда сопутствовала им в охоте, олени сами бежали к ним в ограду.

¹ Разными исследователями выделяются различные циклы, нами за основу взят принцип выделения циклов преданий по работам Н. А. Криничной с дополнительным привнесением генеалогического цикла.

Исчезновение аборигенов в преданиях объясняется их уходом под натиском первонаселенников, но свидетельства их пребывания долгое время сохранялись в следах материальной культуры, предметов быта. Финский археолог J. W. Juvelius в конце прошлого века повсюду в северной Карелии отмечал следы саамских поселений — четырехугольного лопарского чума, печи, места захоронения, ямы, которые использовали для охоты на диких оленей, лапландские сейды. Из предметов саамского быта была найдена катиска (*Juvelius*, 38—58).

К циклу о заселении края относят топонимические предания, объясняющие происхождение географических названий. Исследователи считают, что более половины названий карельских населенных пунктов выводится из имени первопоселенца (*Криничная*, 1987, 71). Местные географические названия передают простейшую народную этимологию происхождения топонимов. Так деревня Аккаля, что в Лоухском районе, получила свое название потому, что ее основателем считается женщина (akka — баба, старуха): Akkal'a, se on akka mänpyn ensimmäksi elämäh (*Фон*. 2649/2).

Особую группу составляют предания, связанные с саамской топонимикой. Они сохранились в разных районах Карелии. Помимо непосредственно саамских слов, входящих в топоним, у карелов бытует много географических названий с первой частью lapri (лопарь, саами) — Лапинсаари (остров саамов), Лапинниemi (мыс саамов), Лапинлампи (лопарское лесное озеро) и т. д.

По архивным источникам можно сделать вывод, что больше собрано сведений, объясняющих происхождение названий деревень, но почти нет преданий об образовании рек, озер, болот, гор. Топонимические данные в последние годы активно собирают языковеды Института языка, литературы и истории (*Керт, Мамонтова*, 1976).

Генеалогические предания (sukutarinat) объясняют происхождение рода, семьи, фамилии, рассказывают о времени появления представителей рода на местах их нынешнего поселения. К генеалогическим можно отнести предание о роде рунопевцев Перттуненов, рассказанное известной сказительницей этого рода — Т. А. Перттунен.

В самостоятельный цикл выделяются предания о кладах. Они основаны на древних верованиях, связанных с жертвоприношениями, восходя к периоду, когда вместе с покойным в землю зарывали драгоценности, его оружие (*Haavio*, 1935, 362).

Более древними считаются предания о так называемых «зачарованных кладах». Они порождены мечтой народа необычным и «простым» способом избавиться от нужды. «Прячутся» эти магические клады в болоте, ключе, под камнем, деревом, в озере... Показываются они крайне редко ночью во сне, или их месторасположение подсказывают языки пламени. Широко бытовало мнение,

что клады «горят». В северно-карельской деревне Софьянга пламя от горящего клада можно было увидеть только из одного окна одного дома. В этом окне поменяли стекло, но огонь видели и через новое стекло (*Pentikäinen*, 295).

Клады чаще всего «прячутся» в воде (озерах, реках) или на островах. На лесном озере в северной Карелии была затоплена «золотая лодка с золотыми монетами». В полукилометре от деревни Чиркка-Кемь на маленьком острове в старом большом пне видели огонь от клада (*Virtaranta*, 1958, 93—95). По народным поверьям, у каждого клада был свой дух, который его защищал. В руки клады не давались, и добывание их было связано с большими препятствиями. Завладеть ими можно только с помощью жертвы или при соблюдении определенных, практически невыполнимых условий — с большого расстояния попасть ножом в огонь, через отверстие (кольца) в обгоревшем дереве увидеть пламя клада и т. д. (*Haavio*, 1935, 364—365). В северной Карелии было распространено предание, по которому владельцем клада может стать тот, кто верхом на одно-трехсуточном жеребенке пройдет по тонкому (одно-трехсуточному) льду. При попытке овладеть кладом нужна абсолютная тишина, многие из них «утеряны» из-за нарушения этого условия — крик, испуг, любой звук препятствует его заполучению.

Следующий цикл преданий связан с образами силачей, богатырей, наделенных сверхъестественной силой. Для преданий характерна гиперболизация их богатырской силы, веса, необычайно громкого голоса, слышного за много километров. Источник их силы кроется во внешней среде — в воде, огне, земле. Считается, что предания о силачах в своей древней основе восходят к эпическим произведениям о родоначальниках, первоначальниках, основателях деревень (*Северные предания*, 7).

На карельском материале силачами выступают Ворна и Рокаччу. Предания о них соотносятся с историческими фактами — набегами шведов на территорию Карелии. Распространенным мотивом в преданиях о силачах является мотив трудных заданий, которые они с легкостью выполняют. Силачи обладают магическими возможностями.

Ворна отличался меткостью стрельбы из лука: «...враги появились на противоположном берегу. Залив шириной с версту отделял их друг от друга. Тогда Ворна произнес: «Не ходите сюда, попаду в каждого». Поскольку они не поверили в его умение попадать с такого большого расстояния, он велел им отметить точку на сосне. Когда они это сделали, он прицелился и попал в точку, и стрела прошла сквозь сосну». (*Juvelius*, 58). В другом предании выпущенной из лука стрелой Ворна расколол семидюймовую сосну. Ворна один, сидя в лодке, преодолевал самые сложные пороги,

в том числе порог Пялли, считающийся одним из опаснейших.

Вражья сила смогла одолеть его только с помощью коварства жены, которая выдала врагам, что его уязвимым местом является пятка (*kantasuoni*). Даже отчлененная от тела (ампутированная) нога Ворны «прыгала», и ее удары об землю были слышны «три дня и три ночи на расстоянии десяти километров». Только после того, как ногу предали земле, шум от ударов прекратился (*Virtaranta*, 1958, 99—100).

Другой богатырь, по имени Рокаччу, активно защищал карельские рубежи от набегов шведских захватчиков в XVI—XVII в. Могила его, находившаяся недалеко от Тикши (н. Муезерский р-н), была объектом поклонения. По преданиям, она постоянно поднималась, земля выступала из-под надмогильного сруба (*kehikkö*). Трижды сруб расширяли, и он стал «по шесть метров в каждую сторону и в нем было три ряда бревен...» (*Virtaranta*, 1958, 105).

По народным объяснениям, могила поднималась потому, что Рокаччу делал людям добро («*tottapa hän silloin on hyvää tehnyt*» — КГ, 424).

В 1955 г. на месте захоронения были произведены раскопки. Портрет Рокаччу был воссоздан антропологом М. М. Герасимовым (*Северные предания*, 183).

От врагов можно было избавиться с помощью чуда, в решительную минуту шведы могли ослепнуть или превратиться в камни (*Virtaranta*, 1958, 96—110). Мотив превращения людей в камни обусловлен древними представлениями о камнях, как вместилищах душ (*Северные предания*, 184).

У карельского и русского населения Карелии широкое распространение имело также предание о Рахте Рагнозерском. По мнению К. В. Чистова, в основе его было саамское или веское (весь) предание, которое не раньше IX в. восприняли южные карелы, а от них в XII—XIV вв. — русские, пришедшие на территорию Карелии. В процессе эволюции образ Рахты Рагнозерского (Рахой, Рахкай, Раг, Рахта, Рагна) претерпел трансформацию и постепенно из богатыря превратился в обычного крестьянина, обладавшего большими физическими возможностями, чем остальные (*Чистов*, 1959).

В Финляндии аналогичный сюжет связан с именем силача Матти, основателя деревни Маттисенлахти (*Naavio*, 1935, 275—276).

Другим финским силачом был Яакко Раува, который на конце большого пальца мог нести бочку со смолой или в зубах мешок весом в сто килограммов, сдвигал большие камни. Его «за деньги показывали» в 1850-е годы в Финляндии. Яакко Раува был своеобразным Иваном Лобановым (*Северные предания*, № 32, 94—96, 101).

Предания об исторических лицах считаются сравнительно поздними, хотя в них «продолжают использоваться прежние средства,

выработанные предшествующей традицией для изображения обобщенного персонажа» (*Криничная*, 1987, 193). Предания о конкретной личности возникают в местности, которая была связана с деятельностью этого исторического лица. Очевидно этим объясняется, что в карельском фольклоре (прозаические) предания этого цикла связаны с Петром I, в исторических песнях встречается также имя Ивана Грозного.

ПРЕДАНИЯ

Tuhkalan kylä

— Mistä Tuhkalan kylä on alun šuannun?

— A mie en tiijä, jotta šiitäkö on alku lähten, Arhankelista on männyn šinne pohattua vel'l'eštä. Montako lienöy ollun niitä vel'l'ekšie, no ne on pohattana eletty kuitenkin Tuhkalašša. Šiitä on šihi niemeh, poikki šalmen, eläjät oltu šiinä. Totta še on tuaš ollun mi lienöy pahanluatija. No niin ne on luatin, jotta lehmät on šyönyn niiltä, mit Arhankelista mäntih, ne vel'l'ekšet, šinne elämäh, niiltä on karhu lehmät šyönyn. Ne ukot, entiset ukot mai-nittih: »Pitäy männä Ruvah Iivanan.» Šielä on Sorvanaini (?) ollun, šuuri tietäjä. Ni še pitäy tietäjä käyvä tänne, jotta nämä kun ruvetah pahua luatimah, niin nämä voijah ni miät šyöttyä karhulla. No, ni še on käynyn siitä šen mušikan šieltä, tullun on tänne Tuhkalah. No niin luatin on šiitä niitä vel'l'ekšie, ni yksi koirana haukkuu, toini kontiena pešyä luatiu. Še on luatin niillä jeretniköillä.

Деревня Тухкала

— Откуда деревня Тухкала получила свое начало?

— Я не знаю, оттого ли оно пошло, что из Архангельска пришли богатые братья. Не знаю, сколько этих братьев было, но они все-таки богато жили в деревне Тухкала. На этом полуострове через залив были другие жители. Они так сделали, что коров съели у этих братьев (которые из Архангельска пришли жить туда),

медведь у них съел корову. Старики говорили: «Надо идти в деревню Рува к Ивану». Там какой-то Сорванайни (?) был, известный заклинатель. Его надо сюда привести, чтобы, когда эти начнут плохое творить, он их заколдовал, иначе они скормят и нас медведю. Сходили туда за этим мужиком, тот пришел сюда в Тухкала и так сделал этим братьям, что один собакой лает, а другой медведем себе берлогу ладит. Так он сделал этим еретникам.

Зап. Н. Лавонен, Т. Коски, З. Трофимчик в 1979 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд., дер. Корпийярви. Фон. 2549/16.

Lappalaiset Jyrinsaarella

Jyrinšuarella on lappalaiset eletty... Šiinä on kiukuan šija, niin šanotah, šiinä on lappalaisien pirtin šija, ne vanhemmat niitä šanotah...

Ne on pois tiältä kaikki mänty lappalaiset, eule heitä. Tuhkalašša on, Korpijärveššä on, Lapinniemeššä on toože lappalaiset eletty. Mie en tiijä, onko ne tovet, vain ei ole tovet, kuin šanottih, jotta šielä ennen vanhah mainitah, kun on heitä ollun kolme lappalaista šiinä. Ne šiitä kakši lähtöy reissulla, yksi jiäy kotih, niin še on koissa. Kun hyö tullah kotih, niin še on yksi lappalainen kuollun. Šiitä häntä hauvattu on. Ne šiitä »nouššetah» ne toiset, ni šanou: »No mitäkäš on mieheštä männeheštä, urohošta uponnehešta, vuarista vaipunehesta? Elkyä koškekkua, anna mie rauhaššani makuan.» Šanotah ših on Lapinniemenh hauvattu, mie en tiijä, onko vain ei.

Лопари на Юринострове

На Юринострове когда-то лопари жили. Там сохранился след от печи, так старые люди говорят, что это место лопарской избы...

Они все ушли отсюда, нет их. В Тухкала, Корпийярви, Лапинниemi тоже жили лопари. Я не знаю, правда это или нет, но говорили, в старину еще говорили, что их там трое лопарей было. Двое отлучаются, один остается дома, ну он дома, а когда те возвращаются, он уже умер и похоронен. Те другие его «поднимают» (из могилы), он говорит: «Ну что от человека ушедшего, мужа усопшего, старика уснувшего (вечным сном)? Не трогайте меня, дайте мне спокойно спать».

Говорят, он похоронен на Лопарском мысу, я не знаю, так это или нет.

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Софпорог Лоухского р-на от Ф. Д. Никоновой, 1902 г. рожд., дер. Катослампи. Фон. 2604/10.

Lappalaiset

Lapinniemi on šiinä Korpijärveššä. Niin kakši on vel'l'eštä ollun, no niin yksi on kotimail'ah käynyn, a toini on šillä aikua kuollun. Niin totta še on rahvaš hauvattu. Ne on ennen..., kuin monen polvikunnan aikuisie lienöy. Siitä kun on tullun še toini veikko, niin še on noštan šen muašta pois, ta luatin tulen šuuren. Ta tuleh on pannun siitä, jotta eikö ole ken tappan. No niin hän siitä kolmičči on nouššun pistryh ta šanon: »Ei ole mieheštä männeheštä, eikä urohošta uponnehešta.» (Jotta hän on iče kuollun, ei ole häntä mitä noštua).

Siitä on muah havvan jälelläh še veikkoh, ta siitä še on pois männyn.

- Ja ne vel'l'ekset olivat lappalaisia?
- No.
- Missä še oli?
- Korpijärvessä... Totta še on ollun tietäjä še lappalaini.

Лопари

На озере Корпярви есть Лопарский полуостров. Так вот, говорят, там жили два брата. Один пошел в родные края, а другой в это время умер. Ну, наверно, похоронили его люди. Давно было, много поколений уже сменилось. А когда тот, другой брат, вернулся, он его откопал, развел большой огонь и в огонь его положил (узнать, не убил ли его кто). Тот трижды поднимался и произносил: «Ушедший уже не человек, погруженный (в землю) — не мужчина» (что он сам умер, никто ему не мстил). Потом он в землю снова похоронил своего брата и ушел.

- Эти братья были лопарями?
- Да.
- Где это было?
- В Корпярви... Верно, этот лопарь был колдуном.

Зап. Н Лавонен, Т. Коски, З. Трофимчик в 1979 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд., дер. Корпярви. Фон. 2549/15, 2608/4.

Kostovaaran kylä

- Mistä Kostovuaran kylä sai nimen?
- Še huuhtua kun šielä ruattih ne akat... niitä huuhtie ruatuas-sa, niin siitä še košto kavotettih šinne ne akat, eikäi löyvetty. Nin siitä šanottih, jotta olkah tällä vuarella Koštovuara nimi.

Деревня Костоваара

— Откуда деревня Костоваара получила свое название?

— Когда бабы на подсеке работали, так там эти бабы косто потеряли и не нашли. И тогда сказали, что пусть эта гора называется Костоваара (букв. kosto — вид женской одежды, предшествовавший сарафану; vaaga — гора).

Зап. Н. Лавонен в 1982 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от М. А. Исакова, 1902 г. рожд., дер. Костоваара. Фон. 2710/9.

Kolvitsan kylä

— Konšapa ilmestyivät ensimmäiset karjalaiset tähän kyläh?

— Kaikkie tultih kolme ukkuo. Kirilä-ukko tuošša, hänen tuatto ja susieda Jelissei. Kolmen yhellä venehellä.

— Minä vuotena?

— 1894.

Priehali hyö, kuwžen peržieh veššit vigruzittih, a veneh veittih tuonna kallivolla ta poltettih, jotta jälelläh ei männä.

Основание деревни Колвица

— Когда здесь первые карелы появились?

— Всего три мужика приехало. Кирилл вот, его отец и сосед Елисей. Втроем в одной лодке.

— В каком году?

— 1894.

Приехали они, под ель вещи выгрузили, а лодку оттащили вон туда на скалу и сожгли, чтобы обратно пути не было.

Зап. Н. Лавонен, А. Степанова в 1972 г. в дер. Колвица Кандалакшского р-на Мурманской обл. от А. К. Архипова, 1898 г. рожд. Фон. 1692/2.

Perttusen šuku

Šokie Miihkali meilä šaneli. Meijän šukuperä on tullun Muhos-jovelta Oulun puoliväliltä Karjalah. Še oli Arhipan isän isoisä (še kun on seiččemeš polvikunta), kumpani tuli varaššovan aikana pakolaisena kotivävykše. Še kun oli karjalaini niin tuli Karjalah Ruočista pakoh...

Nuorena Tatjana kävi Suomessa Muhosjovella. »Se on mejän sukulaini», sanoi eräs mies kun Tatjana sanoi sukunimensä.

Род Перттуненов

Слепой Мийхкали рассказывал нам. Наш род пришел в Карелию из Мухосъеки, это на полпути к Оулу. Это был дед отца Архиппы (это уже седьмое поколение), который пришел беглым во время разбойничьих набегов (шведов) примаком в дом. Он карелом был, поэтому сбежал в Карелию из Руоччи (букв.: гуоџі — швед, но так в Карелии часто называли и финнов).

* * *

В молодые годы Татьяна побывала в Финляндии в местечке Мухосъеки. «Это наша родственница»,— сказал один из мужчин, когда Татьяна назвала свою фамилию.

Зап. В. Евсеев в 1949 г. в с. Ухта (н. пос. Калевала Калевальского р-на) от Т. А. Перттунен, 1880 г. рожд., дер. Латваярви. А.24/28а; 24/31.

Aarre Neitisaarella

Oarreh on Neitisoarel lammišša. Siinä kun on sanottu vanha rahvas jotta siih on upotettu kultaveneh ta kultatenkoa (-kultarahaa). Mutta se on upottaja siitä sanot sillä oartehella jotta kun tullah sitä oarrehta käymäh lampih nim pitäiš olla yksiöini poikalapsi ta yksiöini jeä järveššä ta yksiöini orihvarsa. Ne kum män-näh käymäh nin siitä se nousou itseštäh.

Se ol lampi semmoni, oikein korkeijev voarojev väliššä, jokie ei lähe i minne, se on ihan umpilampi. Ta siin on niiv valkie veši niiv valkie jotta joka ruhka pohjasta näkyu, ta siin on niiv valkieta ahventa niiv valkieta! Mieki olen soat onkella siitä — ne on niil lihavat ta makiet! Ta ihan umpilampi!

Клад на Девичьем острове

Клад находится в ламбе на Девичьем острове. Там, как рассказывали старые люди, потоплены золотая лодка и золотые монеты. Но тот, кто потопил, сказал кладу, что кто придет за ним

на ламбу, должен быть новорожденным (возрастом в одну ночь) мальчиком, и лед на озере должен быть тонкий (образовавшийся в одну ночь), жеребец должен быть возрастом в одну ночь.

Если они пройдут, тогда клад сам поднимется.

Эта ламба расположена меж высоких сопок, из нее не вытекают речки, это непроточная ламба. Вода в ней такая прозрачная, что каждая соринка на дне видна, да в ней такие светлые окуни, такие светлые! И я их на удочку ловила — они такие жирные и вкусные. Совсем непроточная ламбушка!

Публ.: Virtaranta, 1958, 93—94.

Aarre

Ta siin on siinä soaressa (Neitisoaressa) semmoini pieni lampi kesellä. Olem mie nähnyt monta kertoa siitä. On siinä semmosie pienie kaloja, semmosie ahvenie mitä pienie toko ni se on semmoini lampi, kuiva moa ympäri. Se oli oikein kaunis se soari, ni siitä sitä mainittih jotta varassovan aikana on siih kun ov varassettu sitä rahoa ni siit om pantu (rahat) veneheh, ta se on hopieveneheh upotettu sinne — ei ole i ketä nostajoa. Siitä viel on sanottu, jotta tätä... tämä ei nouse ennenkun kolmivuotini poikalapsi ta yksiöini orihvarsa juossou sitä myöten, rutttoh siitä juoksou.

Клад

Там, на этом острове (Нейтисаари), посередине такая маленькая ламбушка. Я ее несколько раз видела. В ней такие маленькие рыбки, такие совсем маленькие окуни только водятся, эта такая ламбушка, вокруг нее сухо. Остров этот был очень красивый, но вот о нем говорили, что во время разбойничьих набегов, когда денег было награблено много, положили деньги в лодку, потопили там — и некому ее поднять. Говорили еще, что она не поднимется, пока трехлетний мальчик и жеребенок возрастом в одну ночь не пробегут по нему, быстро пробегут.

Публ.: Virtaranta, 1958, 98.

Aarteet palavat

Aarteet palavat Vienassa niin kuin Suomessakin. Vienassa ne palavat etenkin saarissa, usein juuri pienissä saarissa, sellaisissa kuin on esim. pikkuihin Läpikäytävän saari puolen virstan päässä

Tsirkkakemin kylästä. Siinä oli vanha, paksu kanto, ja tässä kannossa nähtiin tulen palavan.

Yrjö Aittavaara kertoi kylän ukkojen aina suunnitelleen, että saari pitäisi kaivaa oikein syvään, jotta löytyisi raha-aarre. Vaan kaivamatta se jäi.

Клады горят

Клады горят в северной (Беломорской) Карелии, как и в Финляндии. В Беломорской Карелии они обычно горят на островах, чаще на маленьких островах, таких, например, как маленький остров Ляпикяютвя (букв.: насквозь проходимый), в полуверсте от деревни Чиркка-Кемь. Там был старый толстый пенёк, и видели, как в этом пне горел огонь.

Юрье Айттаваара рассказывал, что деревенские старики все собирались перекопать остров, чтобы найти клад с деньгами. Но так он и остался непокопанным.

Публ.: Virtaranta, 1958, 93.

Vorna

Mainittuaan, että Vorna oli ollut suuri rosvo, joka monesti oli käynyt ryöstöretkillä Suomessa, aina Hailuotoon saakka, jatkoi kertoja: »Kun kerrankin läksi Oulujokea nousemaan, niin kaikki kosket istuallaan hän sauvoi. Hän kun siitä tuli Pyhäkoskelle, Pällin korvaan niin:

Eip' on voinut Vorna nousta,
Pällin korvan päälle pästä
Polvisille nousematta,
Kolmen kuusen katkomatta.

Hän tuli sitten kotiin ja vihollinen ajoi häntä takaa. Salmen taaksi kun tultiin, niin huusivat viholliset venettä: »tuo Vorna vene, taikka teemme lautan.» Mutta Vorna kielsi ja sanoi: »älkää tulkoo minun luvattani, pankaa kananmuna miehen päälle päälle tahi veistäkää honkaan pilkka!» Siitä he veistivät pilkan honkaan ja Vorna ampui nuolen jotta seitsentuumainen puu meni halki. Viholliset kääntyivät silloin pakenemaan ja Vorna seurasi heitä kunnes sai kaikki surmatuksi.

Ворна

Упомянув, что Ворна был большим разбойником, который не раз совершал разбойничьи набеги в Финляндию, вплоть до Хайлуото, рассказчик продолжал: «И когда однажды он стал подниматься по реке Оулу, то все пороги он прошел сидя. Когда же подплыл к порогу Пюхя (Пюхякоски), около Пялли, то:

Не смог Ворна проплыть,
подняться через порог Пялли
(без того, чтобы) не привстать на колени и
(чтобы) трех елей не сломать.

Потом он прибыл домой, а враг гнался за ним. Когда они подошли к проливу, стали требовать лодку: «Пригони, Ворна, лодку, или мы сделаем плот».

Но Ворна отказался, сказав: «Не приходите без моего разрешения, положите яйцо на голову одного из вас или сделайте зарубку на дереве». Они сделали зарубку на сосне, и Ворна пустил стрелу так, что семидюймовое дерево расколосось. Неприятель обратился в бегство, а Ворна преследовал их, пока всех не уничтожил.

Зап. Ювелиус в 1886 г. в дер. Кивиярви (н. Калевальский р-н). Публ.: Juvelius, 59.

Rogatsu

Salasota kun tuli hävittämään Tiiksin kylää, lunasti Rogatsu sen kolme kertaa. Tiiksin kylä oli vanha, rikas kylä, jossa oli kauppapuodit ja kaikki. Kun Rogatsulla lopulta ei ollut enempää antaa, sanottiin hänelle: »Antakaa meille edes yksi lapsi, johon voi miekkoja koettaa.» Rogatsu antoi silloin ristin kaulastaan, lasta ei raatsinut antaa. Varmaankaan ei mikään auttanut, Tiiksin kylä hävitettiin. Nytkin vielä tuntuvat järven ympärillä vanhat pien-tareet ja pätsien sijat.

Rogatsu kulki kivellä järvelle. Kun häntä ammuttiin, eivät häneen luodit pystyneet, vaan hän kokosi ne hattuunsa. Kun ruotsit makasivat saaressa, Rogatsu kokosi heidän kampsunsa pois ja vei veneet ja pyssyt ja kaikki. Sitten sanoi: »No nouskoa ylös nyt!» Totta he olivat rukoilleet, jotta hän ottaisi heidät pois, mutta sinne Piismajärven saareen hän heidät jätti ja sinne kai kuolivat.

Рогаччу

Рогаччу трижды выкупал деревню Тикша, когда во время разбойничьих набегов хотели ее уничтожить.

Тикша была старая богатая деревня, в которой были магазины и все. Когда в конце концов Рогаччу больше нечего было дать, ему сказали: «Дайте нам хоть одного ребенка, на котором мы сможем испробовать свои мечи». Тогда Рогаччу отдал крест с шеи, ребенка пожалел отдать. Наверно, ничего не помогло, деревню Тикша сожгли. И теперь еще заметны вокруг озера старые межи и места печей.

Рогаччу плыл по озеру на камне.

Когда в него стреляли, пули не пробивали его. Он собирал их в шапку. Когда враги на острове спали, Рогаччу собрал все их пожитки и угнал лодки и ружья и все. Потом говорит: «Но, теперь вставайте». Они, конечно, умоляли, чтобы он вызволил их оттуда, но только там, на острове Пизьмозера, он их оставил, и там, наверно, они и погибли.

Публ.: КТ, 424—425.

Pedri čuari

Pedri kui tuli voiskan kel Luadogan merie myöte Sordavalan linnan luo. Ambui, ambui, ei vuidi ni midä, ei voi piästä krie-postih. Tuli naine, korgiel kohtal nouzi, šuorii hyvin, ezi čurah pani šulkkuzen pluatjan a taga čurah rogožan. Ozuttihez se naine krie-postin seinäl. Pedri čuari dogadiihes, što pidäy punaldua krie-postin peräčurah, sie eule lujua seinyä. Muga i piäzi Pedri čuari krie-postih.

Царь Петр

Пришел Петр с войском по Ладожскому морю к городу Сор-тавала. Стрелял, стрелял, ничего не выходит, не может попасть в крепость. Пришла женщина, поднялась на высокое место, оделась хорошо, спереди надела шелковое платье, а сзади — рогожу. Взошла эта женщина на крепостную стену.

Царь Петр догадался, что крепость надо брать сзади, там стены слабо укреплены. Так и попал царь Петр в крепость.

Зап. В. Евсеев в 1945 г. в дер. Сысsoйла (н. Пряжинский р-н) от Н. А. Терентьева, 1869 (?) г. рожд. А.111/55. Публ.: вариант перевода опубли. в КНПТ, 323.

ЛЕГЕНДЫ

Легенда (legenda) — устный рассказ фантастического характера, повествующий о чудесных, сверхъестественных событиях или лицах, которые рассказчиком и слушателем воспринимались как достоверные. Слово *legenda* в буквальном переводе с латинского обозначает текст, который следует прочесть. В средневековье в день памяти каждого святого было обычаем прочитывать историю его жизни — Житие святого. В обиходном значении легендой часто называют все, что связано с вымыслом, вызывает недоверие, представляется недостоверным.

Многие сюжеты легенд заимствованы из Библии, действующими лицами в них являются Христос, Дева Мария, апостол, святые. Легенды отражают представления о сотворении мира и его конце, о начале рода человеческого, о происхождении животных и растений и т. д.

Исследователи считают, что легенды близки к апокрифам, являющимися памятниками раннехристианской и средневековой религиозной литературы. В них давалось народное толкование библейских событий и персонажей, не совпадающее с церковным, поэтому апокрифы вызывали церковное осуждение и недоверие, были признаны неканоническими и изъяты из церковного употребления, но они сохранили свои позиции в духовной жизни народа (ЛЭ, 31).

Легенды имеют также сходные моменты с духовными стихами. В южной Карелии получили распространение духовные стихи, перенятые у русских. Особенно популярным был «Олекей Божий», его исполняли в стихотворной и прозаических формах.

В легендах отражается народное понимание действительности. Вместе с событиями, восходящими к христианству, в них сохранилась связь и с языческими представлениями. Во многих из них на первом плане начало, связанное с моралью, наставлениями. Народная педагогика приписывала таким легендам воспитательные функции, их неоднократно рассказывали детям, чтобы они воспринимали заложенную в них положительную мораль (Pentikäinen, 328—336). Они должны были воспитывать умение трудиться, быть благодарными, помогать бедным, в них осуждается грубость, жад-

ность, глупость. Например, к таким «педагогическим» относились легенды о вреде табака и курения.

Легенды по-своему решали вопросы социальной справедливости: богатые наказываются (как правило, после смерти), бедные награждаются. В этом смысле в них много общего со сказкой — зло наказывается, добрые силы на стороне простого народа.

Карельские легенды подразделяются на две основные разновидности — поэтические тексты калевальской метрики и прозаические. Они бытовали параллельно, не сливаясь (*Legendat*, 11).

В Карелии популярны были прозаические легенды о создании церквей и монастырей, об их основателях. Финский историк Хейкки Кирккинен считает, что в карельской культуре роль монастырей была значительна. Наряду с распространением церковной идеологии они были своеобразными культурными центрами. Всего на территории Карелии и Лапландии было около семидесяти монастырей.

Если место для культового сооружения было выбрано неправильно, все выстроенное за день уходило в землю. А стоило перенести строительство на предназначенное ему место (которое определялось приплывшим бревном, плотом, щепкой, криком петуха, таинственным голосом), как «большие камни с большого расстояния сами катились к месту строительства» (*Haavio*, 1935, 294). Часто храмы создавались богатырями, силачами. Сохранились легенды о житии Александра Свирского, основателя Свирского монастыря, о создании Соловецкого и Валаамского монастырей. На русском материале выделяются легенды социально-утопические, повествующие о несбыточных мечтах народа, о его ожиданиях и чаяниях, о «золотом веке» и приходе избавителей. Они исследованы К. В. Чистовым (*Чистов*, 1967).

По легендам многих стран, в создании мира принимали участие два начала: доброе и злое, бог и его антипод, который у разных народов выступает в разных обликах — чаще всего черт (*raholainen, piru, bieša*). Этот дуализм «объясняет» позитивные и негативные стороны устройства мира. В северной Карелии бытовала легенда о том, как бог и черт делили землю. Черт выпросил у бога разрешение сделать шестом отверстие в земле — и оттуда получили начало («выскочили из глубины») комары, мухи, гнус, призванные причинять неприятности человеку, поскольку их породил черт.

К легендам близки этиологические рассказы. На стыке двух жанров можно рассматривать легенду о том, что камни растут. У многих народов существовало поверье, что первоначально камни были мягкими и росли (ср.: карельскую загадку: *Juuretta kasvau, siivettä lendäy*. — Без корней растет, без крыльев летает). Позже камни затвердели и перестали расти, прекращение их роста у каждого народа объясняется по-своему (*Haavio*, 1935, 246).

Kui kived rodih hernehekse

Spuassu käveli sie muadu myöten uapostolien ker. Menöy, rannal sie leskaku eliäy. Sil oli äjy lastu. Spuassu kyzyy: »Laskizit», sanou, »hyvä leski yökse.» Häi sanou: »Laskizin jo raukku ga syvvä eule ni midä, lapsed on nälgäh kuolemas.» Häi sanou: »Ga ei meile syvvä ni pie, laske vai lämmäh.»

Naizel oli sie kiehumas hienuo kive kattilas, rannal kerätylöi. Spuassu kyzyy: »Midäbo sie kiehuu?» Häi sanou: »Ei raukk ole muudu sie, ku kive panin hernehen azmitši kiehumah, anna lapsed azetutah.» Spuassu sanou: »Menez opi, jog on kypset!» Häi sanou: »G ei kivet kypsetä.» Spuassu sanou: »Mene vai opittele!» Häi meni opitteli, ga ne kypsed oldih, ne rodih hernehekse.

Как камни превратились в горох

Спаситель с апостолами странствовал по земле. Идет, а там на берегу живет вдова. У нее было много детей. Спаситель просит: «Пустила бы,— говорит, добрая вдова, на ночлег». Она говорит: «Пустила бы, конечно, добрый человек, только есть нечего, дети с голоду чуть не умирают». Он говорит: «Нам есть ничего и не надо, только пусти в тепло».

Женщина там в котелке варила собранные на берегу мелкие камешки. Спаситель спрашивает: «Что это там варится?» Она говорит: «Нет там, мил человек, ничего, вместо гороха положила камешки вариться, чтобы дети успокоились». Спаситель говорит: «Иди проверь, уже ли они сварились». Она говорит: «Камни ведь и не проварятся». Спаситель говорит: «Все-таки сходи проверь». Она пошла проверять, они были уже готовые, они превратились в горох.

Публ.: SL, 60.

Spoassu da virzu

Sanottih Spoass ol enne kävellyh moadu myö. Hänelleh virzud on jallas tuohez laitud oldu. Virz on hänelleh kerinnyh suovattam puolempäivän aigoa. Sid on häi mättähäl istuvunnuh, sid on istunnuh pyhämpäivän aijan, roadamah ei ruvennuh, jalgoi ei kenginnyh, muga istui pyhämpäivän aijan sit. Suovattan illal näit kirikkaig on. Enzimäzargen äsk oli jallan kenginnyh, sid äsk oli kävelmäh lähtennyh.

Спаситель и лапоть

Говорили, что Спас раньше ходил по земле. На ногах у него были лапти, сплетенные из бересты. В субботу около полудня у него развязался лапоть. Тогда он уселся на кочку и сидел весь воскресный день, ничего не делал, не обувался, так сидел здесь весь воскресный день. Субботний вечер, видишь ли, время богослужения. Только в понедельник обулся и только тогда отпраздновал дальше.

Публ.: SL, 54—56.

Jumala käveli maassa

Jumala käveli ennen täällä maassa. Mutta kun ihmiset rupe-sivat polttamaan tupakkaa, Jeesus sanoi:

— Minä en voi enää täällä maan päällä kulkea. Tupakkaa al-koivat polttaa, tupakantyingät jalkojani polttavat.

Бог ходил по земле

Бог ходил раньше по земле. Но люди начали курить табак, и Иисус сказал:

— Я не могу больше по этой земле ходить. Табак начали курить, окурки жгут мои ноги.

Публ.: Legendat, 65.

Solovetski

Oli kaksi veljestä. Vanhemman nimi oli Isossim, nuoremman Savatij. He ajoivat Valkeanmeren poikki kivellä. Nuorempi ve-li tuumi:

— Miksi me emme huku?

Silloin kivi rupesi jo vähän vajoamaan.

Vanhempi veli sanoi:

— Mitä sinä tyhjää ajattelet, pääsemme tänne tästä yli.

He tulivat Solovetskoin saarta kohti kivellä. Saareen he aikoi-vat tehdä luostarin. Kolme viikkoa he ajattelivat:

— Mikä tälle paikalle pannaan nimeksi?

Kun he viimein sanoivat, että pannaan nimeksi Solovetskoi, niin silloin kivi pääsi rantaan.

Sitten he ryhtyivät tekemään kirkkoa, ja tekijöitä tuli paljon. Se mikä päivällä tehtiin, painui aina yöllä alaspäin. Kivi, jolla

he olivat ajaneet, olisi pitänyt saada oven päälle. He ajattelivat:
— Miten me saamme tuon kiven ylös?
Aamulla kun menivät katsomaan, kivi oli jo noussut itseksen
oven päälle.

Основание Соловецкого монастыря

Было два брата. Старшего звали Изосим, младшего Савватий.
Они на камне пересекли Белое море.

Младший брат размышлял:

— Почему мы не тонем?

И сразу камень начал немного погружаться.

Старший брат сказал:

— Что ты зря переживаешь, пересечем мы море.

На камне они приближались прямо к Соловецкому острову.
На острове они собирались построить монастырь. Три недели они
думали:

— Как назовем это место?

Когда они наконец сказали, что назовут Соловецким, камень
сразу пристал к берегу.

Затем они начали строить церковь, и строителей пришло много.
То, что днем построят, ночью опускалось под землю. Камень,
на котором они плыли, надо было водрузить над дверьми. Они
думали:

— Как мы поднимем этот камень наверх?

Утром пошли смотреть, а камень уже сам по себе поднялся
над дверьми.

Публ.: Legendat, 115.

Konevitsa

Konevitsan luostari oli saanut sillä tavalla alkunsa, että sillä
paikalla oli silloin, kun ihmiset olivat pakanoina eivätkä tunteneet
Jumalaa, uhrattu hevosia joka vuosi. Siitä on nimikin saanut al-
kunsa. Mutta sitten sinne tuli pyhä erakko ja ripotteli pyhää vih-
kivettä tuon uhrikiven päälle, niin että piru lähti korpin muotoi-
sena pois siitä paikasta. Sitten pyhä erakko rakensi siihen luos-
tarin, johon otti toisiakin pyhiä veljiä asumaan ja rukoilemaan.

Monta kertaa myöhemminkin oli piru vielä kierrellyt Konevitsan
luostaria rääkyen, kun ei enää saanutkaan hevosen verta ja lihaa,
sillä kansa oli lakannut uhraamasta pirulle kun luostari tuli sille
paikalle.

Коневецкий монастырь

Свое начало Коневецкий монастырь получил оттого, что на том месте, когда люди еще были язычниками и не знали бога, каждый год приносили в жертву коней. Отсюда и название произошло. Но затем туда пришел святой отшельник и окропил святой водой жертвенный камень, так что черт в облике ворона удалился с этого места. Затем святой отшельник построил здесь монастырь, в который принял и других святых братьев жить и молиться.

Еще много раз и позже черт кружил, каркая, вокруг Коневецкого монастыря, так как не получал больше конины и крови, поскольку народ перестал приносить жертвы черту, а на том месте появился монастырь.

Публ.: Legendat, 113.

Oleksei Šverskoi

Oleksei Šverskoi oli pyhä mies. Hän jauhoi kolmilla käsikivillä yhtäikaa: molemmilla käsillään ja toisella jalallaan. Kun hän polvistui kivelle rukoilemaan, jäi siihen polvien ja käsien jäljet. Hän souti kivellä yli järven eikä uponnut. Hänen muistokseen on perustettu Laatokan itärannalle Oleksei Šverskoin luostari.

Олексей Свирский

Олексей Свирский был святым человеком. Он молол зерна на трех ручных жерновах одновременно — обеими руками и одной ногой. Когда он опускался на камень молиться, на камне оставались следы от колен и рук. Он плыл на камне по озеру и не тонул. В память о нем на восточном берегу Ладоги построен монастырь Олексея Свирского.

Публ.: Legendat, 118.

Kolme luostaria

Kolme veljestä oli ollut. Sitten kun he tuumailivat, yksi sanoi: — Minä olen tässä saarella.

Ja siihen jäi.

Toinen veli tuli Laatokan rannalle. Ja kun ei ollut venettä, niin kivipaadella purjehti viisikymmentä virstaa Valamon saareen. Se oli pyhä mies, kun kivi kannatti.

Ja kolmas veli asettui Stroitsaan, joka on Pietarin saarella ja jossa on luostari vieläkin.

Se ensimmäinen veli jäi Solokkoihin. Siellä teki sitten mökin suuremman, suuremman.

Три монастыря

Было три брата. Поразмыслив, один сказал:

— Я буду (жить) на этом острове.

И остался там.

Второй брат пришел на берег Ладоги. Но поскольку не было лодки, он на скале проплыл пятьдесят верст на остров Валаам. Он был святой человек, раз камень его удержал.

А третий брат обосновался в Троице (монастырь Александра Свирского), на острове Пиетари, где и теперь еще монастырь.

Тот первый брат остался на Соловках. Там построил избушку, затем побольше.

Публ.: Legendat, 111.

Čassovna Piismalahešša

Erähänä päivänä 11 vuotias tyttö oli männyn kaštamah vaštua ta näki uuvvella jiällä obrazan. Tämä otettih aittah. Tämä tapahu jo ammuin, šillä miän tuatolla olizi jo toista šatua vuotta icyä, vain hiänki ei muistan, ken šen obrazan korjazi aittah.

Eräš naini näki unen: obraza ei haluo olla aitašša, missä nahkoja pietäh. Obrazalla pitäy olla oma kodi. Muutamat duumaijah: kun olži luadie pikkaraini čassovna. Mužikat mäntih leikkuamah hirzie, vain ei tiijetty kuhu laittua čassovna. Luaittih lautta ta lažettih tyynellä järvellä. Še oli ajautun kal'livolla ta šiihi še čassovna srojittih. Tämän tilalla srojittih 1916 vuotena kirikkö. Täššä kiriköššä kävi molimašša koko karjalan rahvaš. Erittäinki tulttih ne, kellä oli kipeytyn jotain.

Još oli kipiet korvat, niin moniehat tuotih kiriköllä lahjakši korvarengahat, još ei ollun jalkua, niin jätettih jalankuva obrazan šiämeh. Kalleihimmat esinehet kirikkö möi huutokaupašša kirikön hyväkši. Šiinä še kirikkö šeisou vielä nytki, vaikka 1933 vuotena še oli muutettu klubiksi.

Часовня в Пизьмагубе

Однажды одиннадцатилетняя девочка пошла намочить веник и увидела на льду только что замерзшего озера икону. Положили

ее в амбар Это уже давно было, нашему отцу теперь уже было бы больше ста лет, но и он не помнил, кто эту икону убрал.

Одна женщина увидела сон: икона не хочет быть в амбаре, где хранят шкуры. У иконы должен быть свой дом. Решили, что надо построить небольшую часовню. Мужчины пошли заготавливать лес, но не знали, где поставить часовню. Соорудили плот и спустили его в тихую погоду на озеро. Плот причалил к скале, здесь и построили часовню. На этом месте в 1916 году построили церковь. В эту церковь приходили молиться все карелы. Приходили особенно те, у кого что-либо болело. Если болели уши, то некоторые приносили в подарок церкви сережки. Если не было ноги, то перед иконой (за стеклом) оставляли уменьшенный слепок ноги. Дорогие предметы продавали с молотка в пользу церкви. Церковь и сейчас еще стоит, хотя с 1933 года там клуб.

Зап. Э. Хуттари в 1948 г. в с. Юшкозеро (н. Калевальский р-н) от Е. Т. Лукиной, 1903 г. рожд., дер. Пизьмагуба. А.26/57.

Jumala ja piru

Räkät on rodiuvuttu siitä jotta piru ta jumala jakauvutah muan piältä. Piru kyšy puolta muašta... (häntä silloin olis ruvettu mualta näkömäh, muka, kun olis hänellä annettu puoli muašta. No, a kun ei ni yhtä annettu, nin häntä ei ni ken niä).

Kyšyy puolta muašta:

— Puoli miula muašta, a siula toini.

Jumala šanou: Ei, sitä ei tapahu, jotta mie siula annan puolen muašta.

— Anna nellaš oša muašta.

— Ei ni nellattä ošua, et ni sitä tule šuamah, eläi kyšy.

— Anna šen verta, jotta mie šeipähän pissän tähä muah.

— Šen šuat, šen vain šuat.

Hiän kun šeipähän pisti niin mitä lienöy muan piällä pahua, niin kaikki siitä reijästä noustih, räkät ta kaikki, mitä lienöy rottua muan piältä.

Бог и черт

Комары возникли, потому что черт и бог не могли поделить Землю. Черт попросил половину Земли (его бы видели на Земле, а так как ему ничего не дали, его никто не видит). Попросил половину Земли: половину мне Земли, другую тебе половину.

Бог сказал:

— Нет, так не будет.

— Дай четверть Земли.

- Нет, и четверти не дам и не проси.
- Дай столько, чтобы кол можно было в землю воткнуть.
- Столько получишь.

Он как кол воткнул — что есть на Земле плохого, все из этой дыры поднялось, и комары и все.

Зап. Н. Лавонен в 1982 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от М. С. Архиповой, 1905 г. рожд., дер. Лахти. Фон. 2718/22.

Jumala ja biessa

Jumala ensin luati taivahan. Biessoilla ei ollut še mieleh, hyö luajittih oma — pakšut pilvet taivahan eteh. Jumala kaččou: tämä ei ole hyvä ta hiän totutti biessat ta ne langettih muah. Kumpaset kirvottih veteh, ne roittih veteheisiksi, a kumpaset mualla, ne tultih tavallisiksi biessoiksi. Ne, kumpaset mualla tultih, šanotah: täštä vielä vähän on! Ta biessat avattih muah loukko, mistä tuli hyvin äijä čakkoja. Jumala tuli pani šiih loukkoh kekälehen, šiitä šuaten čakat varajau šavuo.

Бог и черт

Сначала бог создал небо. Чертям это не понравилось, они сделали свое — большие тучи (облака), загораживающие небо. Бог посмотрел: не хорошо это. И он прогнал чертей, и они упали на землю. Которые в воду упали — те стали водяными, а которые на землю — стали обычными чертями. Те, которые на земле оказались, говорят: этого еще мало! Черти сделали в земле отверстие, оттуда вылетело множество комаров. Бог пришел и вставил в эту дыру головешку. С тех пор комары дыма боятся.

Зап. Я. Ругоев в 1937 г. в дер. Березово (н. Беломорский р-н) от И. С. Щелина, 1883 г. рожд. А.35/29.

БЫЛИЧКИ

Былички (*uskomustarina, memoraatti*) — устный рассказ о взаимоотношениях человека со сверхъестественными существами, о мнимых встречах с ними. Рассказчики придают быличкам значение подлинных фактов. В них повествуется о встречах с различными духами, хозяевами окружающей природы («хозяйкой воды», «хозяином леса», людьми калмы). К этому же жанру исследователи относят рассказы о знахарях, колдунах, привидениях, мертвецах и т. д. В быличках можно обнаружить различные пережитки древних языческих верований.

Встречи с нежелательными сверхъестественными существами вызваны нарушением общепринятых запретов, как-то: работать в праздники, париться поздно вечером в бане, ругаться перед отправлением в лес, быть несправедливым к кому-то и т. д. Былички известны только в прозаической форме. Несмотря на то, что они не имеют строго определенной постоянной структуры, они, как правило, сюжетно закончены, имеют традиционные мотивы, часто международные. Как и в других жанрах несказочной прозы, действия быличек «привязаны» к определенному месту — к своей или соседней деревне, ближайшему озеру, болоту и т. д. Если время действия в легендах, этиологических рассказах — далекое прошлое, то былички обращены в настоящее. Событие, о котором повествует быличка, могло случиться сравнительно недавно, поскольку действующим лицом в быличках выступает сам рассказчик, его родственник, односельчанин, т. е. люди, которых рассказчик достаточно хорошо знал.

К известным международным сюжетам относятся былички о водяных, леших. В Карелии до сих пор удается собирать былички о встречах с «хозяйкой воды» (*vejenemäntä*). «Хозяйка воды» — существо женского пола с черными длинными волосами. Она расчесывает их, сидя на камне, который выступает из воды. Стоит ее заметить с берега или лодки, как она исчезает с поверхности воды («*solahti veteh*»).

«Хозяин леса» (*meččän isäntä*) — в черном одеянии с большими блестящими пуговицами — издает странные непонятные звуки (*los-motta*).

Распространенной была быличка о том, как «хозяйка воды» попала в сеть рыболовам. Рыбаки в ответ на просьбу выпустить ее просили дать им самую старую в озере рыбу, считая, что самая старая — это самая большая рыба (лосось), а оказалось, что старшей является ерш.

Целые циклы быличек связаны с действиями знахарей, колдунов.

В Ингерманландии популярны были рассказы о привидениях и особенно о рага — сверхъестественном существе, приносившем своим хозяевам от соседей или односельчан различные материальные блага — молоко, овечью шерсть, зерно, дрова из поленницы... Внешне рага выступала в облики кошки, птицы, лягушки, а по сути являлась своеобразным двойником своего хозяина (КК, 496).

Карельские былички не исследованы и мало собирались.

Vetehiseštä

Šanottih, jotta vetehini kivellä noušou ta šukiu piätäh vielä, a šiitä kun nähnet järveššä vetehistä, niin šinä vuotena niin kuin ken nih järveh kuolou vielä. Niin kačo ennen meitä varautettih lapšena... niin šanottih ennen.

О водяном

Говорили, что водяной на камень поднимается и расчесывает волосы. Если увидишь водяного на озере, то в тот год кто-нибудь в этом озере утонет. Так нас детей предупреждали, так раньше говорили.

Зап. Н. Лавонен в 1981 г. в дер. Тухкала Лоухского р-на от А. А. Райманниковой, 1911 г. рожд. Фон. 2648/20.

Vejenemäntä

Veješšä on emäntä, še on, šanotah vanha kanša. Tuola on meilä kivi, tuola lähellä. Šiinähän on nähty, jotta on hivukšie peššyn ta šukin. Še on nähty vanha kanša. Šitä vetehisen kiveksi i kučutah. Tuola on meilä tuoššä lähellä. Mie voin männä siula näyttämäh, kun moottorin panen pyörimäh, missä on še kivi. Nyt on äijä vettä, ei nävy, a konša on kuiva kešä, niin näkyy. Šiinä on šukiutun...

- Ne verkot piti šavuštaa vetehisen hyväksi?
- L'uupiu, šiitähän ni kalua antau.
- Miten ne šavuštettih?
- Ka tervašta pane, ripakkuo, šavu mänöy verkkoloista läpi, jotta šavu mänöy verkkoloista läpi. Niin še pitäy ruatua.
- Vieläkös nyttengin savustetah?
- Vielä šavušsetah. Myö vielä vrode vanhat olemma, šavuššamma, a nuoret ne ei tiijetä ni mitä.

Хозяйка воды

В воде есть «хозяйка», есть она, старые люди говорят. Вон там, в заливе, у нас камень есть. На этом камне ее видели, волосы мыла и расчесывала. Старые люди видели. Этот камень и называют камнем водяной. Вон там у нас в губе. Я могу тебе показать, как мотор заведу, где этот камень. Теперь воды много, его не видно, а когда лето сухое, камень видно. На нем расчесывалась...

- Сети надо было прокоптить в угоду «хозяйке воды»?
- Да, любит она это, за это и рыбу дает.
- Как их копят?
- Положи смолистых (дров), ветошь, дым пройдет через сети, чтобы дым прошел через сеть. Так надо делать.
- А теперь еще копят?
- Коптят еще. Мы еще вроде старые, коптили, а молодежь ничего не знает.

Зап. Н. Лавонен в 1981 г. в дер. Тухкала Лоухского р-на от М. Н. Кирилловой, 1911 г. рожд. Фон. 2650/5.

Järven eläjä

- A še vielä i järven eläjä näky.
- Konšapa še näky?
- Mie olen nähny. Meilä on Lammašsuari (kučuttih šuareksi), a myö olimma toisella rannalla. Kačomma, ken tuola koušahti mušta järvellä, nousi kivellä... (šuuri, šuuri kivi), šukiu piätäh, niin kun näin vain liepšahtelou. Niin losnitah ne hiukšet, kun niin muššat, jotta kun rovno... näin levittelöy, levittelöy.
- Oliko ne pitkät ne hiukšet?
- Pität, pität hiukšet. Myö itkömäh, puapo-rukka šanou, jotta: »Mitä työ lapšet itettä? Teijän luoh ei tule, tämä še on miun šurmäksi...» (Hiän kešällä i kuoli). Ne pahoiksi näyttävytäh. Eli mečän eläjät, eli mitä nih.
- Sanotah, jotta ei ole. On niitä...

Обитатель озера

— А еще и обитателя озера можно увидеть.

— Когда его можно увидеть?

— Я видела. У нас есть в Ламмассуари (островом называли), а мы были на другом берегу. Смотрим, кто-то там черный вынырнул из воды, поднялся на камень (большой-большой камень), волосы расчесывает, так только встряхивает. Так лоснятся волосы, черные, ровно так расправляет, расправляет.

— Волосы длинные были?

— Длинные, длинные волосы. Мы плакать. Бабушка говорит: «Что вы, дети, плачете. К вам не придет, это к моей смерти...» (Она летом и умерла.) К несчастью они показываются, хоть «обитатели» леса, хоть кто.

Говорят, что нет их. Есть они...

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1975 г. в пос. Кестеньга Лоухского р-на от М. А. Кондратьевой, 1892 г. рожд., дер. Елетъярви. Фон. 2220/20.

Olen nähnyn vetehisen

Daaže mie olen nähnyn pikku poikana. Koštovuarašša olima, mie olin pikkupoika, vielä oli baabuška elošša. Hiän tuli rantah, a myö olimma puolikilometrie kylästä, liki rantua. Šiinä oltih suuret nurmet, šiinä kylän alla järven rannašša, niin hiän rantah oli tullun. Hiän on mušta, niin kuin tuo muanpöppö (kontie)...¹ No niin on kuin hivukšet rovno, niin hän niitä hivukšie šelitteli, kak buitto mie muissuttelen, rannalla istu. Šiitä baabuška mitäniš šöpötti, šiitä hiän šolahti ta mäni veteh.

Видел водяного

Даже я маленьким мальчишкой видел. В Костоваара были, я маленьким еще был, еще и бабушка жива была. Она («хозяйка воды») вышла на берег, а мы были в полукилометре от деревни, недалеко от берега. Там близ деревни у берега были большие луга, так она на берег вышла. Вся в черном, что медведь... Но у нее вроде как волосы, так она эти волосы расчесывала, на берегу сидела, я припоминаю. Бабушка что-то нашептала, она нырнула и ушла в воду.

Зап. Н. Лавонен в 1982 г. в дер. Зашеек Лоухского р-на от М. А. Исакова, 1902 г. рожд., дер. Костоваара. Фон. 2711/19.

¹ В некоторых говорах карельского языка muakontie переводится — крот.

Vetehini oli Tuoppajärvellä

— Mie olen šemmosie rahvahie kuullun, jotta on nähty. Tai tämä oli Kalaisjovešša Iivanan Okahvie, šanottih vanha tytär, ni hän oli kalalla. A mie olin toože kalalla šilloin Tuoppajärvellä, kun olin piikana, Suureššajärveššä. Nin Valaisveissä yhtymä šen akan keralla, šen Okahvien, nin še šano šinä vuotena näkövän. Kivellä šanou istu, šelkäkivellä, ta oikein läikky šuka kiässä, kun šuki piätäh. No nin, šanou, tänä vuotena tuaš ottau rahvahie Tuoppajärvi. Nin kolme henkie šykyšyllä i mäni.

Водяной был в Топозере

Я от таких людей слышала, которые сами видели. Это было в Калайсъеки, Ииванан Агафья, называли старой девой, так она на рыбной ловле была. Я тоже тогда на рыбалке была на Топозере, когда в служанках была в деревне Большое Озеро. Так в местечке Валайсвеси (букв.: светлая вода) встретилась с этой женщиной, с Агафьей, так она говорит, что в тот год видела. На камне, говорит, сидела, на камне в середине озера, и гребень в руке сильно так поблескивал, когда волосы расчесывала. Говорит — в этом году опять Топозеро людей «возьмет». Так три человека осенью и утонули.

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Тунгозеро Лоухского р-на от А. Е. Салониemi, 1885 г. рожд., дер. Корпярви. Фон. 2608/18.

Vetehisestä

— En mie šiiitai tiijai mitä.
— Vanha rahvaš on kertonun?
— En ole nähny. Piätä šukiu.
— Missä piätä šukiu?
— Kallivolla, järvellä. Muinen kun on tuola Nilmakupašša, a Louhešša on vielä se naini elošša, a hyö šuahah nuottua, vetehisen äpäreh šuahah šiihe nuottah. Nuotalla šuahah ta nin otetah veneheh, a še on pravda ihan, vain ammuin oikein. Ul'l'a on nimi sillä akalla, Nil'makupašta on...

— Rupiemmako kiušumah? šanotah ne nuottamiehet toisillah.

A hiän sanou jotta:

— Ei, ei, ei, lukou.

— A piästyäkö järveh?

— Niin, niin, niin, lukou šiiitä oikein.

No, oli ne kiušattu, kačo, ne šitä nin. A šiiitä kun nuoriso

läksi täysi veneh mihi lienöy kyläh kisojh, markkinoih kun še keški šelällä kuajalti koko venehen, nin...

A puaji niin kuin čoloviekka. No. Se on ihan pravda. Ul'ta on vielä Louhešša.

— Laškieko järven? — Niin, niin, niin. — A kiušata pitäy? — Ei, ei, ei, lukou.

О водяном

— Ничего я о нем не знаю.

— Старые люди ведь рассказывали?

— Не видела... Волосы расчесывает.

— Где волосы расчесывает?

— На скале, на озере.

Раньше там, в Нильмогубе, а эта женщина и сейчас еще в Лоухи живет, так они в невод поймали детеныша водяного... Неводом поймали да взяли в лодку, и это сущая правда, только очень давно было. Улля (Ульяна) зовут эту женщину, из Нильмогубы она... А потом говорят эти рыбаки: «Давайте его мучать». Он говорит: «Нет, нет, нет», — приговаривает. «Отпустим в озеро?» — «Да, да, да». Очень просит. Но они его мучали очень. А потом молодежь, полная лодка, поехала куда-то в деревню на праздник, на ярмарку, и посреди озера опрокинулась лодка, вот так... А говорил как человек. Но это сущая правда. Улля еще в Лоухи (живет). «Отпустить в озеро?» — «Да, да, да». «А мучать надо?» — «Нет, нет, нет», — приговаривает.

Зап. П. Лавонен в 1981 г. в дер. Тухкала Лоухского р-на от И. Н. Кирилловой, 1910 г. рожд., дер. Пистоярви. Фон. 2649/4.

Vetehisen lehmä

Sanottiin tapahtuvan niinkin, että vetehisen lehmä tuli rantaan. Muuan akka sattui tulemaan sinne. Hän otti lehmän ja vei omaan navettaansa.

Sitten vetehinen oli noussut rannalle ja alkoi sitä kutsua: »Tule Kirjoni, tule Karjoni, tule halie Halikkini.» Silloin akka maalta vastasi: »Jo on Kirjos kiinni pantu, Karjos kuarehen sivottu, Halikkis vesihakohon.» Sitten vetehinen hyppäsi itkuun kanssa järveen.

Tapahtunut Vuonnisessa.

Корова водяного

Говорили, было и такое, что корова водяного вышла на берег. Какая-то женщина случайно пришла туда. Она взяла корову и отвела ее в свой хлев.

Водяной вышел на берег и стал звать ее: «Иди, Пеструха, иди, скотинушка, иди, ласковая моя Серуха». Тогда женщина из деревни отвечала: «Уже в загоне твоя Пеструха, к крюку привязана твоя скотинушка, к столбу (топляку) — твоя Серуха». Тогда водяной с плачем бросился в озеро.

Это было в Войнице.

Зап. Р. Богданов в 1928(?) г. Исполнитель не отмечен. А.11/75/111/.

Ihmevirsut

Kerran oli mennyt yksi mies kasken polttoon. Hänellä oli ollut huonot virsut. Siinä kasken luona oli ollut uudet virsut. Hän pani ne uudet virsut jalkaansa. Virsut alkoivat vetää miestä järveen. Ja veivät hänet järveen vetehisen luo.

Чудесные лапти

Однажды пошел один мужик жечь пожогу. У него были худые лапти. Около пожоги он увидел новые лапти. Он обул эти новые лапти. Лапти стали тянуть мужика в озеро. Так и увели его в озеро к водяному.

Зап. Р. Богданов в 1928(?) г. Исполнитель не отмечен. А.11/84/120/.
Публ.: перевод опубл. КНПТ, с. 313.

Piessa vie lehmii

Kerran tapahtui että erään talon lehmät jäivät metsään ja olivat siellä useita päiviä. Silloin isäntä etsi tietäjän ja lähtivät ukon kanssa metsään. Ukko alkoi pieksää kirveellään kiviä ja kantoja. Kun olivat menneet ison kiven luokse ja näkivät siellä lehmät ja sen lisäksi vielä paljon piessan sotamiehiä. Ukko luki silloin loitsunsa ja silloin sotilaat katosivat ja saivat lehmänsä takaisin. Lehmät olivat jyrksineet kiven päältä kaikki sammalet.

Бес увел коров

Однажды случилось так, что коровы из одного дома остались в лесу и находились там уже много дней. Тогда хозяин пригласил знахаря и пошел с ним в лес. Знахарь стал крушить там топором по камням и пням. Когда они подошли к большому камню,

то увидели около него коров и много бесовых солдат. Старик произнес заклинания, и солдаты исчезли, а хозяин получил коров обратно. Весь мох на том камне был съеден коровами.

Зап. Р. Богданов в 1928(?) г. Исполнитель не отмечен. А.11/91/126/. Публ.: перевод опубл. КНПТ, с. 313.

Meččähini

Muamorukka (vot mie en ole nähny) pruzniekkana oli män-ty yhteh lampih heinällä kušša ollah kakkaraiset, a vanha pruz-niekkä oli še. Šielä kun velli korjatah niitä kakkaraisie ka ka-čotah... Hyö kun kačotah, ka kakši mieštä šeisou rannalla muššissa vuatteissa, napit kiilletäh. A šiloin kuin še toini oli jeretnikkä naini — šillä kertua hän harehtu, hivukšet piäh nouštih, harehtu niin mualla... Šihi kavottih šiitä, šihi kuin šulettih, kavottih. Niin hyö teräväiseh pois kotih.

— Sanoiko še naine šiinä mitä?

— Ka šiinä mitä nih luki, no jerestijä luki.

— A ket oltih?

— Ken še tiesi, ket oltih. Ne ei oltu ni ket, ne oltih čuutesiuvuttih heilä. Mistä tultih? Tol'kko nähtih, rannalla vain šeisotah. Hyö ei nähty tuluo eikä lähtyö, muuta kun nähtih vain: šiinä šei-sottih rannalla, šihi kavottih... Kun kiiltävät napit kahen puolen, muššat kost'umat. Mistäš šiloin oli kost'umoita ennen.

Лесовик. Леший

Я не видела, а вот мама-покойница в праздник пошла на одну ламбушку за сеном, там кувшинки росли, а старинный праздник был. Там эти кувшинки они собирают, да как посмотрят... Двое мужчин стоят на берегу в черных одеждах, пуговицы блестят. А та, другая женщина, была ворожея, она тут же пришла в экстаз, даже волосы на голове поднялись, так разъярилась... Те тут же исчезли, как растаяли, пропали. А они (женщины) скорей домой.

— Эта женщина сказала что-нибудь?

— Что-то там произносила, ну ересь (заклинание) какую-то.

— А кто это был?

— Кто знает, кто был. Никто это не был, почудилось им. Откуда пришли (неизвестно). Только видели, что на берегу стоят. Они не видели, ни как пришли, ни как ушли, только видели, что тут на берегу стояли, тут и исчезли... Черные костюмы и блестящие пуговицы в два ряда. Какие там тогда костюмы были.

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Коккосалми Лоухского р-на от А. Н. Кирилловой, 1914 г. рожд., дер. Суванто. Фон. 2610/38.

Kuun tervaaminen

— Mitäpä muurahaisista puaittii?

— Mie olen kuullut, ennen kun oltih vorat, ni konša kuutamo paistau ni heilä še haittau. Hyö davai, lähettih, kaikki ne oli ihmiset, vain ket ne, ottamah lestničat, jotta kuuta tervata. Šiitä mäntih jo lăššä šinne ni. Šiitä muka jumala lykkäi šen paččahaisen pois, ni ken mäni veteh, ni še vesirukaksi heityttih, tämä muurahaini lankesi mualla, ni kantoh šattu, šillä niin on keškipaikka hoikka, vot...

— Keltäpä olet tämän kuullut?

— Vanhat ihmiset ennen, ukot šanottih.

— A mistä se muurahaini joutui sinne vorien joukkoh?

— Niät šie, ei hän ollun muurahaini šilloin, še oli tože niitä vorie yheššä artelissa, yhemmoiset oltih kaikki. Ne šiitä ken kunne šattu, ken mualla, ni se tuli muurahaini, a kuin veteh, ni vesilammissa kalana ollah šielä, ne tuaš mäntih šinne.

Луну дегтем мазали

— Что про муравьев рассказывали?

— Я слышал, что раньше воры были, и когда луна светит, так она им мешает. Они все, кто там был, те люди или кто там, пошли за лестницей, чтобы луну дегтем вымазать. Затем они уже высоко поднялись. Потом будто бы бог оттолкнул этот столб, и кто в воду упал — превратился в водяного-горемыку, а муравей упал на землю, ударился о пень — и поэтому он в середине такой тонкий, вот...

— От кого ты это слышал?

— Старики рассказывали.

— А как муравей к ворам попал?

— Видишь, он тогда не был муравьем, он тоже в одной той артели с ворами был, одинаковые все были. Они потом, кто куда попал, кто на землю — муравьем стал, кто в воду — так там в озере рыбой, они туда ушли.

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1975 г. в пос. Кестеньга Лоухского р-на от А. В. Васильева, 1900 г. рожд., дер. Куорилахти. Фон. 2221/21.

Kuuluisa tietäjä Mihei

— Oliko teilä kuuluisia tietäjiä?

— Oli jeretnikkōja, nyt ne on kuolleet, elävie ei ole. Še on yksi ukko, še oli Mihei ukko, še on ollun kova tietäjä, še kučču

mečästä mečän isännän... Hiän jo unešša näki šen, kun vieraš heilä tulou, jotta mitä hän on vailla še vieraš. Hän šanou akallah, jotta šemmoni i šemmoni vieraš tulou, šemmosen hiän (hätä) keralla. Hiän samovuaran keitti, še vieraš kun tuli. Kun hänellä šanotah jotta niin ta niin, on šemmoni hätä, šiitä še ukko šanou akallah: »Läkkä An'n'i. A ei pie laškie pirtti, eikä pirtistä pihalla ni ketä.» Še jiäu šiitä hänen naini šinne pihalla šeisomah, ei laše ni ketä pirtti, eikä pirtistä pihalla, a še ukko mänöy mečäh. Šieltä kučču »šen». Hiän tulou šieltä »še» da niinkuin muan alta puajiu myketäy, ta ukon kera puajiu šiitä. Nin ukko ottau koivuhalon kätehenšä, šanou: »Pitäy tovariš'alla kättä antua.» Šitä kun halkuo kopristau, ni vesi pučajau šiitä halošta... Šiitä kyšyy: »Onko šemmoni i šemmoni šiula?» — »Ei ole.» — »Elä valehtelee, šiula on še.»

Известный заклинатель Михай

— Были ли у вас известные заклинатели?

— Были, теперь уже умерли, живых нет. Был один старик Михай, говорят, был сильный заклинатель. Он мог из леса «хозяина» вызвать... Он уже во сне видел, когда к ним гость придет и что нужно этому гостю. Он говорит старухе, что такой-то и такой-то гость придет и с такой-то бедой. Он уже грел самовар к приходу гостя. Когда ему говорят, что такая-то и такая-то беда, он говорит своей жене, как поедят, говорит: «Пойдем, Анни. Нельзя никого в избу впускать и из избы во двор выпускать никого нельзя...»

Его жена остается стоять во дворе, никого в дом не впускает и из дома во двор не выпускает, а сам старик идет в лес. Оттуда зовет «этого». «Он» идет оттуда и бормочет как будто из-под земли, со стариком говорит. Старик берет в руку березовое полено, говорит: «Надо с товарищем за руку поздороваться». Как пожмет полено, так вода течет из полена... Потом спрашивает: «У тебя ли такой-то и такой-то?» — «Нет». — «Не обманывай, у тебя...»

Зап. Н. Лавонен, Н. Онегина в 1980 г. в дер. Софпорог Лоухского р-на от Ф. Д. Никоновой, 1902 г. рожд., дер. Катослампи. Фон. 2604/14; 15.

РУНОПЕВЦЫ

В данном издании составитель не ставит задачи дать всеохватывающие сведения о карельских рунопевцах, их подробные биографические справки и репертуар. Это задача специального исследования. Здесь же приводятся наиболее известные имена рунопевцев и краткие сведения о них, точность которых зависит от данных, зафиксированных собирателями разных поколений. Многие собиратели и исследователи народного творчества (особенно первой трети XIX в.) в соответствии с уровнем фольклористической науки своего времени воспринимали исполнителей эпических песен только как механических хранителей древней традиции, а не как творческие личности, поэтому при записи текстов подчас не фиксировали даже имя исполнителя. Кроме того, рунопевцы, как впрочем многие люди преклонного возраста, очень приблизительно знали свой возраст. В результате этого в различных источниках встречаются разночтения. Об одних рунопевцах сведений сохранилось больше, о других — меньше.

Знание эпических песен в народно-бытовой традиции не считалось каким-то особенным, редким даром, в определенной степени им владели все, выросшие в поэтической среде. Естественно, степень одаренности могла быть разной, были рядовые исполнители и были такие, ставшие выдающимися рунопевцами, как Архиппа Перттунен, Онтрей Малинен, Ларин Параске и др.

В первой трети XIX в., когда проявился активный интерес к фольклору, народная поэзия еще широко бытовала в Карелии, была явлением почти повсеместным. Быт, окружение, народные верования — все способствовало сохранению устной поэзии. Якоб Феллман, побывавший в Карелии в 1829 г., писал: «...Песни раздавались с улицы, когда я был в помещении, и из избы — если я был на улице. Я просил их спеть в ожидании, пока мне подадут лошадей. Пели... и молодые и пожилые, мужчины и женщины, девушки в основном исполняли песни свадебные и похоронные (очевидно, причитания — *Н. Л.*). В памяти народа живут бесчисленные предания и песни о героических деяниях предков, их воззрениях и верованиях».

Может быть, в словах Феллмана и есть доля преувеличения, свойственная романтикам начала XIX в., но в целом его наблюдения верны.

Архиппа Перттунен с грустью говорил Леннроту о том, что древняя народная поэзия уходит, она не воспринимается молодежью. Соглашаясь с рунопевцем в том, что тенденция угасания народной поэзии действительно наметилась, Леннрот замечает: «Пока нет такого уж большого недостатка в древних рунах, как он полагает, хотя и правда, что мало-помалу их становится меньше. В наши дни руны можно услышать и, возможно, их услышат еще несколько поколений после нас» (*Lönnrot*, 191).

Леннрот оказался прав. Рунопевческая традиция еще долго сохранялась в Карелии.

По нашему мнению, в условиях Карелии никакого специального обучения рунопевческому мастерству не было. В народном быту усвоение фольклорных текстов происходило как бы само собой по аналогии с усвоением родного языка в детстве. О целенаправленной передаче знаний можно говорить только относительно заклинаний. Силу и знания заклинателя (*tietäjä*) можно было приобрести при соблюдении строгих правил, при которых происходила «передача» мастерства, таинства заклинателя, обучение заговорам.

Основными исполнителями эпических песен и сказок в Карелии еще в XIX в. были мужчины. Они же считались наиболее известными знахарями, лечили болезни, пели песни-заклинания, связанные с охотой на медведя. Магической силой обладали патьвашки и пастухи — тоже мужчины. Женскими жанрами являлись баллады, лирические, детские песни, причитания, ёйги. Были и исключения. Иногда в силу особых обстоятельств и мужчины причитывали, могли исполнять ёйги. Такие сведения зафиксированы собирателями на территории Карелии. Частушки (*lyhyt raju*) были в основном только женским жанром. Мужчины их, как правило, не пели. Свадебные песни исполнялись хором, всеми свадебными гостями.

Время от времени в фольклористике возникал вопрос о так называемых исполнителях-профессионалах. Исполнение эпических песен, рассказывание сказок в Карелии никак не оплачивалось. Есть сведения о том, что в какой-то степени вознаграждались только исполнители причитаний на свадьбах и специально приглашаемые *tietäjät*. По народным поверьям, заговоры, произнесенные «бесплатно», не оказывали своего действия.

Принято считать, что эпические песни (руны) пели два рунопевца, взявшись за руки. Впервые о таком способе исполнения написал Х. Г. Портан в своей работе «*De Poesi Fennica*» (О финской поэзии, 1766—1778): «Наши крестьянские друзья муз следуют своеобразной, воспринятой от предков манере исполнения рун. Два человека всегда поют торжественно, вокруг них стоят внимательные слушатели. Певец, или главный исполнитель... старший или наиболее достойный, берет себе помощника (*puoltaja tai säestäjä*). С ним исполнение делят так: когда первый достигает третьего с конца строки слога или последней стопы, второй присоединяет свой голос... Затем оба исполняют последнюю стопу вместе. После этого помощник повторяет строку один, несколько изменяя мелодию, как бы одобряя ее. Первый певец в это время молчит, пока второй в свою очередь доходит до последней стопы, которую оба исполняют вместе. После этого первый певец один исполняет следующую строку, которую второй должен в той же манере повторить, и так далее до конца песни... Певцы сидят рядом или напротив друг друга так близко, что могут соединить правые руки и колени вместе, один, естественно, правое, другой — левое колено, на которые они опираются руками. Они слегка раскачиваются в такт пению, как будто один хотел бы дотронуться до головы другого, лица их задумчивы и серьезны. Очень редко они поют стоя» (*Porthan*, 79—80).

Итальянец Дж. Ачерби в своей книге «*Travels through Sweden, Finland and Lapland to North Cape in the years 1798 and 1799*» повторил описание Портана, и оно пошло «гулять» по свету, хотя практического подтверждения такому исполнению собиратели не обнаружили. В северной Карелии, где эпические песни сохранились лучше, чем в других районах с прибалтийско-финским населением, такой способ исполнения не был известен носителям традиции. На популярной фотографии рунопевцы позируют по просьбе фотографа, сами они такой позы и исполнения рун вдвоем не знали. Но в то же время зафиксированы сведения об исполнении вдвоем причитаний и ёйг — так что в принципе групповое исполнение народной поэзии в Карелии могло быть.

Исследователи приходят к выводу, что исполнение рун двумя певцами является скорее торжественным, в особых обстоятельствах, даже несколько искусственным; как правило, пел один певец. (*Virtanen*, 39—45; *Asplund*, 35—39).

В связи с проблемами исполнения встает вопрос о названии жанров устной поэзии в народной традиции. Такие термины, как эпические песни (руны), заклинания, былины, предания, легенды, носителям традиции не знакомы, они ими не пользуются. В народном быту принято называть не жанры, а способы исполнения, т. е. говорят не о ёйгах, а о ёйганье, не о причитаниях, а о причитывании. Слово *runo* в древности обозначало рунопевца (*runonlaulaja*): *en ole runon sukua, enkä laulajan lajia* (*Kaukonen*, 42). Только позже оно получило современное значение (*runo*, помимо народных песен калевальской метрики, обозначает также стихотворение, т. е. авторскую поэзию). В Карелии в бытовой речи слово «руна» носителям традиции в значении песен калевальской метрики неизвестно. Эпические

песни здесь называют *lauulu, virsi*. Названия эпических песен (например: *Kilpakosinto* — Состязание в сватовстве, *Vellamon neiti* — Дева Велламо) также введены исследователями, у носителей традиции они не имеют постоянных названий, их называют описательно, чаще по имени «героя» песни: »*Tiesin sen Väinämöisen virsen*» — «Знала песню о Вайнямейнене»; »*Vieli oli laulu Irosta*» — «Еще была песня об Иро».

Более устоявшиеся традиционные названия имеют свадебные песни и заговоры. Свадебные песни исполнители делают на две группы: песни, исполняемые в доме невесты, называются »*Kokko lenti koellisesta*» — «Летел орел с северо-востока», в доме жениха исполняли »*Miero vuotti uutta kuutta*» — «Мир ждал новолунья». Хотя в каждом случае это не одна песня, а целый цикл песен. Поскольку »*Kokko lenti*» исполняли в момент расплетания косы (окручивании невесты), то ее еще называли *piänpäovirsi* (песня при окручивании). »*Miero vuotti*» исполняли во время встречи свадебного поезда, ее называли *vastahottovirsi* (песня встречи).

Название заговора зависело от того предмета, вещи, явления, который вызвал болезнь, воспаление: *gauvan-, ruun-, tuun(maan)-, vejen-, tulen-, tuulen-, mavonvihät* — в букв. переводе: зло от железа, дерева, земли, воды, огня, ветра, (укуса) змен. Заклинания еще называют *luku* (букв.: *lukea* — читать) и *sanat* (слова): *Kettusen luku, kontien sanat (virsi)*.

Впервые с рунопевцами из русской Карелии встретился финский врач Сакари Топелиус — старший. В двадцатые годы XIX в. он записал руны от карельских коробейников — 16 эпических песен и 15 заговоров, изданных затем пятью отдельными выпусками: »*Suomen kansan vanhoja runoja, uunpä myös nykyisempiä lauluja* (1822—1831)» — «Древние песни финского народа, а также более современные песни».

Позже исследователи выявили имена этих рунопевцев:

Онуфрий Мехвонен из дер. Вокнаволок.

Тимолен из дер. Аконлахти.

Юрки Кеттунен из дер. Чена, с ним, помимо С. Топелиуса, в 1834 г. встретился Э. Леннрот и записал около 300 строк эпических песен.

Э. Леннрот встречался со многими рунопевцами из северной Карелии, среди них:

Соава Трохкимайнен (Савва Никутьев) — в 1832 г. в дер. Аконлахти Э. Леннрот записал от него 16 текстов.

Ваасила Килевяйнен (ок. 1755— ок. 1840) — сказитель из дер. Войница. Э. Леннрот встретился с ним в 1833 г. и записал фрагменты эпических песен и заговоров, но более важными оказались не записанные тексты, а беседа с рунопевцем. Леннрот сомневался в возможности объединить бытовавшие в народе отдельные песни в единую композицию и размышлял о возможной последовательности их расположения в «Калевале». В беседе с В. Килевяйненом собиратель выявил порядок расположения песен о Вайнямейнене: «О Вайнямейнене и некоторых других мифологических персонажах он (Килевяйнен) рассказывал много таких подробностей, которых я раньше не знал... Таким образом, я узнал о всех подвигах Вайнямейнена в единой последовательности. И так я расположил все песни о Вайнямейнене, которые известны».

Мартиска (Марtti) Карьялайнен (1768—1839) из дер. Лонкка. От него записано 1800 строк поэзии калевальской метрики, из них в первое издание «Калевалы» вошло 1348 строк. Сыновья Марtti — Максима и Теппана Карьялайнены также знали эпическую поэзию.

Архиппа Перттунен (1769—1841) — выдающийся рунопевец, получивший всемирное признание. Родился в дер. Латваярви. Древних эпических песен от него записано больше, чем от кого-либо из рунопевцев. Тремя собирателями — Э. Леннротом (1834), Я.-Ф. Каяном (1836) и М. А. Кастреном (1839) от Архиппы в общей сложности записано поэзии калевальской метрики около 6 тысяч стихов (стихотворных строк). По мнению ученых, его песни лучшие в карельской эпической традиции и по композиции и по художественным достоинствам. В «Калевалу» песни, записанные от А. Перттунена, вошли не в том виде, как были записаны, а от-

дельными песенными строками. Э. Леннрот «рассыпал» их в составленный им еще до встречи с Архиппой текст рабочего варианта «Калевалы», получивший название «Перво-Калевала» (Alku-Kalevala). Песни А. Перттунена также вошли в составленный Леннротом сборник лирических песен «Кантелетар» (1840—1841). Фольклорную традицию рунопевец перенял от своего отца и передал ее последующим поколениям своей семьи.

Мийхкали Перттунен, по-карельски — *Архиппайни Мийхкали* (около 1817—3.09. 1899) — сын Архиппы Перттунена. Родился в дер. Латваярви. Продолжил традицию отца. От него записано более 80 эпических песен и заклинаний, около четырех тысяч стихов.

Петр (Petri, Suaren Pekko) — сын Мийхкали Перттунена, внук Архиппы. Родился в 1848 г. в дер. Латваярви, дата смерти неизвестна. Эпические песни от него не записаны, но он был талантливым заклинателем (tietäjä) и патьвашкой.

Оути (Евдокия) Карху(ева) — дочь Мийхкали Перттунена, внучка Архиппы. Родилась в 1841 (?) в дер. Латваярви.

Моарие Карху (ева) — дочь Мийхкали Перттунена, внучка Архиппы. Родилась в 1857 г. в дер. Латваярви.

От сестер записывал в 1927 г. карельский фольклорист Г. Х. Богданов. Оути, помимо эпических песен и заклинаний, знала и другие жанры фольклора — сказки, загадки. Это, очевидно, было характерно и для других членов их семьи, но записанными оказались в основном песни калевальской метрики.

Моарие Перттунен — сестра Архиппы Перттунена. Родилась в дер. Латваярви, замуж вышла в дер. Келловаара (н. Муезерский р-н) за Мийхкали Коновалова. Точные даты жизни неизвестны. В 1835 г. Э. Леннрот в дер. Келловаара записал от нее семь песен.

Мийхкалине Симана (Miihakaline Simana) — сын Моарие Перттунен и Мийхкали Коновалова, племянник Архиппы. Родился в 1806 (?) г. в дер. Келловаара. Перевозил Леннрота из Келловаары в Юшкозеро и на пути в лесной избушке два часа пел руны собирателю. Через 35 лет с Симана встретился собиратель А. Борениус. Он отмечал, что Симана славился как лучший певец и заклинатель во всей округе. В общей сложности от Симана записано 13 рун. Строки из песен, исполненных Моарие и Симана, Леннрот включил в «Кантелетар» и во второе издание «Калевалы».

Иван Деметьевич Коновалов, внук Симаны, в тридцатые годы нашего века был известным в Карелии рунопевцем.

Мария Михайловна Ключарева (Коновалова). Род. в 1907 г. в дер. Келловаара. Племянница И. Д. Коновалова, дочь его брата Михаила Деметьевича, донесла знание устной поэзии до наших дней. Она сохранила в памяти сюжеты многих эпических песен — «Состязание в пении», «Состязание в сватовстве», «Создание кантеле», «Лемминкяйнен на пиру в Пяйвеле», «Посещение дев острова» и др.

Татьяна Алексеевна Перттунен (1881—1963) — ее принято считать последней хранительницей рунопевческой традиции Перттуненов. Родилась в дер. Латваярви. Степень ее родства с родом Перттуненов до конца не выявлена. Муж Татьяны Перттунен Степан (Террапа) был правнуком Архиппы Перттунена, внуком Мийхкали. Фольклорную традицию переняла от Мийхкали.

От Т. А. Перттунен записано (включая варианты) около 30 эпических песен. Наряду с сохранением традиционного эпоса эта неграмотная женщина слагала и новые песни, на основе старых традиций сочинялись руны новой тематики. В 30—40-е годы нашего века такой вид народного творчества получил достаточно широкое распространение. Но «новины» не стали фольклорным явлением, а остались в репертуаре создателей, их можно рассматривать как авторские произведения. Руны Т. А. Перттунен (традиционные и новые) публиковались в научных изданиях, переводились на языки народов СССР. Многие из ее новых песен опубликованы в коллективном сборнике «Песнь о новом Сампо». Вместе с другими известными в республике рунопевцами Т. А. Перттунен принимала участие в юбилее «Калевалы»

(1949 г.), исполняла руны в Петрозаводске и Москве. Она награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета нашей республики.

Онтрей Малинен (ок. 1777—6.2.1855) — один из талантливых певцов северной Карелии. Родился в дер. Войница. В 1825 г. от О. Малинена руны «О состязании в пении» и «Сампо» записал финский языковед А. Шегрен. В 1833 г. с ним встретился Э. Леннрот. Цикл руны о Сампо в исполнении О. Малинена занял центральное место в «Перво-Калевале», а затем вошел в «Калевалу». Дети Малинена переняли от отца любовь к народной поэзии.

Юрки Малинен (1806—1884) — сын Онтрея Малинена, родился в дер. Войница, был известным рунопевцем, от него записано 2400 стихов и 29 руны.

Сыновья Юрки, Ивана (1841—1909) и Еремей (ок. 1850— ок. 1924), унаследовали эпические традиции семьи. От Ивана записаны ценные сведения о бытовании эпических песен, которые в древности могли иметь ритуальную функцию. По его словам, песни о сампо (о его создании и похищении) исполнялись во время сева после произнесенных заклинаний. Таким образом пытались воздействовать на плодородие почвы.

Одна из дочерей Онтрея Малинена — *Ульяна* была хорошей исполнительницей причитаний; от другой, *Моарие*, А. Генетц записал свадебную песню. В сороковые годы XX в. карельские фольклористы записывали руны от правнучки Онтрея — *Окахвиэ* (*Агафьи Ивановны*) *Антипиной*, дочери Ивана Малинена.

Анни Лехтонен (1866—1943) также происходила из рода Малиненов. Ее мать Окахвиэ Богданова была внучкой Онтрея Малинена, а по отцовской линии она принадлежала к другому роду карельских рунопевцев — Карьялайненов. Она была внучкой Симаны, брата знаменитого Мартиски Карьялайнена. Финский фольклорист С. Паулахарью произвел тщательную запись всего репертуара сказительницы: от нее записаны сотни заклинаний, лирических и свадебных песен, пословиц. Анни Лехтонен была известной в своей округе причитальщицей. На основе материалов, записанных от сказительницы, С. Паулахарью опубликовал книгу «Рождение, детство и смерть», посвященную обычаям и древним верованиям северной Карелии (*Paula-harju*, 1924).

Талантливыми рунопевцами были члены семьи Марттиненов из деревни Кивиярви.

Маура Марттинен (1836—?) исполняла эпические песни, заклинания, колыбельные и свадебные песни.

Онтро Марттинен (1828—1918) — муж Мауры Марттинен, руны не пел, но знал много древней народной мудрости — верований, примет, обычаев.

Иво Марттинен — сын Мауры и Онтро, был активным собирателем фольклора. В начале нашего века он подробно записал репертуар своей сестры Моарие Ремшу, родителей, односельчан.

Моарие Ремшу (1862—1943) — известная сказительница советского периода. В 1939 г. была принята в члены Союза писателей СССР. Жила в деревне Вокнаволок. Руны, от нее записанные, публиковались на страницах газет и журналов, сказки изданы отдельным сборником.

Талантливые рунопевцы в XIX в. были и в Финляндии, особенно в районе Приладожья

Юхани Кайнулайнен жил в дер. Виллала (Кесялахти). Э. Леннрот встретился с ним в 1828 г. во время своего первого путешествия за устной поэзией и записал от него 57 заклинаний и эпических песен. Эти материалы собиратель систематизировал и опубликовал в сборнике «Кантеле, или древние и новые руны финского народа» (1829 - 1831). Многие строки из «Кантеле» позже были взяты Леннротом в «Калевалу».

Матели Куйвалатар (1771—1846) родилась в местечке Иломангси (Финляндия). Леннрот встретился с ней в 1838 г. во время восьмого путешествия. Многие песни своего репертуара Куйвалатар, по ее утверждению, сочинила сама. Они вошли в «Кантелестар», составленный Леннротом на основе народной поэзии

От *Симаны Сиссонена* (1786—1848) и его друга *Симаны Хухоняйнена* (1771—

1858) в сороковые годы прошлого столетия записано большое количество эпических песен. Сотни строк этих записей включены Леннротом во второе (полное) издание «Калевалы» (1849). Кроме поэзии калевальской метрики в репертуаре Хуохванайнена были и сказки. Руны исполняли также сестра С. Сиссонена *Иро Сиссотар* (ок. 1800—1858) и их родственник *Юрки Сиссонен* (1805—ок. 1865). Известно, что Юрки хорошо играл на кантеле. Лирические и свадебные песни записаны и от других представителей их рода.

Петри Шемейка (1821—1915) принадлежал к роду знаменитых рунопевцев. С ним встречались художники, музыканты. Эпических песен от него записано сравнительно немного (около 30 текстов вместе с вариантами), но он привлекал мастерством исполнения. В нем видели что-то древнее, «эпическое», типично карельское — идеальный образ, символ. Скульптура рунопевца в г. Сортавала выполнена скульптором Алло Сайло с Петри Шемейки. Он сидит на медвежьей шкуре с кантеле на коленях — символ древних карелов, рунопевцев и охотников.

Ларин Параске (1833—1904) — выдающаяся исполнительница народной поэзии одной из финно-угорских народностей, ижорцев. Родилась в дер. Мискула в северной Ингерманландии (ныне территория Ленинградской области). Ларин Параске — феноменальное явление в мировом фольклоре. От нее записано 32 тысячи строк народной поэзии, в основном лирических песен. Эпических песен в ее репертуаре мало. Помимо 32 тысяч песенных строк, от нее записано около трех тысяч пословиц и загадок, много причитаний.

После Октябрьской революции на территории Карелии приступили к собиранию и исследованию народной поэзии фольклористы старшего поколения — Г. Х. Богданов, В. Я. Евсеев, П. Я. Куйка и др. Широко известными стали имена рунопевцев из северной Карелии: *Татьяны Алексеевны Перттунен* (1881—1963), *Марии (Моарие) Андроновны Ремшу* (1862—1943), *Евгении (Еуки) Ивановны Хямäläйнен* (1882—1959), *Мавры Максимовны Хотеевой* (1864—1938), *Марии Ивановны Михеевой* (1884—1969).

Они принимали участие в праздновании юбилеев «Калевалы» (1935, 1949), исполняли свои произведения на декадах карельской литературы и искусства в Москве и Ленинграде. От них записывали не только поэзию калевальской метрики — эпические и лирические песни, заклинания, но и другие жанры фольклора — причитания, ёйги, сказки, предания и т. д.

Многие народные сказители были приняты в члены Союза писателей СССР, награждены высокими правительственными наградами — орденами, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета нашей республики. Их произведения публиковались в периодической печати, сборниках, выходили отдельными изданиями. Сборник сказок М. И. Михеевой издан в Таллинне, книга содержит 25 сказок в переводе Э. Прийделя.

В довоенное десятилетие активно записывали различные фольклорные жанры в южной Карелии. Здесь были выявлены исполнительницы рун из деревни Эльмитозеро (район Спасской Губы) — сестры *Мария Федоровна Архипова* (1866—1936) и *Анастасия Федоровна Никифорова* (1888—1971). Они продолжали традицию своего деда, известного рунопевца Архиппы Муйлачу, который в 1871 г. пел финским собирателям А. Борениусу и А. Генетцу.

В сборнике «Карельские эпические песни» опубликованы руны в исполнении южно-карельских сказителей *Аксиньи Михайловны Васьковой*, *Анны Егоровны Кибровой*, *Ирины Игнатьевны Федулиной* и др.

В 70—80-е годы нашего века записи фольклорных жанров выполнены в Калевальском районе от *Татьяны Филипповны Федоровой* (1895—1978), *Кристины Ивановны Галактионовой* (1893—1977), в деревнях Лоухского района — от *Анастасии Егоровны Салониеми* (1885—1983), *Федосьи Дмитриевны Никоновой* (1902—1985), *Михаила Алексеевича Исакова* (род. 1902) и др.

Естественно, степень знания древней народной поэзии сегодня не стоит сравнивать со знанием ее талантливыми рунопевцами XIX в., но дух этой поэзии, любовь к ней в карельских деревнях живы и в наши дни.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- А — Архив Карельского научного центра РАН; в числителе — номер коллекции, в знаменателе — номер записи.
- Алымов, 1927 — *Алымов В.* Лопари Кольского полуострова//Мурманское общество краеведения. Доклады и сообщения. Мурманск. Вып. 1.
- Аникин — *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
- Виноградов — *Виноградов Г.* Русский детский фольклор. Иркутск, 1930.
- Живая старина — Журнал «Живая старина». Вып. 3. 1893.
- Кантелетар — Кантелетар. Избранные песни/Сост. и вст. ст. У. Конкка. М., 1985.
- Кар. нар. загадки — Карельские народные загадки/Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1982.
- Кар. нар. сказки, 1963 — Карельские народные сказки/Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л.
- Кар. нар. сказки, 1967 — Карельские народные сказки. Южная Карелия/Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына. Л.
- Кар. прич. — Карельские причитания/Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976.
- Кар. част. — Карельские частушки/Сост. Т. Коски. Петрозаводск, 1985.
- Керт, Мамонтова, 1976 — *Керт Г. М., Мамонтова Н. Н.* Загадки карельской топонимики. Петрозаводск.
- КНП — Карельские народные песни/Сост. Л. Кершнер. М., 1962.
- КНПТ — Карельское народное поэтическое творчество/Подгот. и перевод текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981.
- Конкка, 1980 — Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в./Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л.
- КПП — Карельские пословицы, поговорки/Сост. и переводчик Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1969.
- Криничная, 1987 — *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.
- Криничная, 1988 — *Криничная Н. А.* Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л.
- КЭП — Карельские эпические песни/Пред., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.
- Лавонен, 1977 — *Лавонен Н. А.* Карельская народная загадка. Л.
- ЛЭ — Литературный энциклопедический словарь/Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987.
- Мифы... — Мифы народов мира. М., 1980.
- МНФУН — Музыкальное наследие финно-угорских народов/Сост. и редак. И. Рютель. Таллинн, 1977.
- ПКК — Песни карельского края/Сост. и автор вступ. статьи Т. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.
- Пропп — *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984.

- Путилов — *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960.
- ПФКК — *Песенный фольклор Кестеньгских карел*/Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989.
- РНН — *Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов*/Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985.
- Северные предания — *Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)*/Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.
- Степанова — *Степанова А. С.* Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.
- Степанова
- Федотова — *Федотова В. П.* Фразеологизмы в карельском языке. Петрозаводск, 1985.
- Фон. — Фонотека Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; в числителе — номер кассеты, в знаменателе — номер записи.
- Чистов, 1959 — *Чистов К. В.* Материалы к изучению былины и предания о Рахкое из Рагнозера//Вопросы литературы и народного творчества. Труды Карельского филиала РАН. Выпуск XX. Петрозаводск. С. 122—166.
- Чистов, 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М.
- Asplund — *Asplund A.* Kalevalaiset laulut // *Kansanmusiikki*. Toim. A. Asplund, M. Hako. Vaasa, 1981. S. 18—43.
- Asplund, — *Asplund A.* Riimilliset kansanlaulut // *Kansanmusiikki*. Toim. A. Asplund, M. Hako. Vaasa, 1981. S. 64—124.
- FFC — *Folklore Fellows Communication*.
- Haavio, 1935 — *Haavio J.* Suomalaisen muinaisrunouden maailma. Helsinki.
- Hautala, 1957 — *Hautala J.* Myytit ja kvasimyytit // *KSV*, 37 S. 43—71.
- Honko, 1980 — *Honko L.* Kertomusperinteen tutkimustavat ja niiden tulevaisuus // *KSV*, 60. S. 18—38.
- Juvelius — *Juvelius J. W.* Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuuksista. Helsinki, 1888.
- Kanteletar — *Kanteletar* elikkä suomen kansan vanhoja lauluja ja virsiä. (Helsinki, 1966.)
- Kaukonen — *Kaukonen V.* Kauko-Karjalaa ja Kalevalan synty. Porvoo, 1984.
- KK — *Kirjoittamaton kirjallisuus. Suomen kirjallisuus. I osa.* Toim. M. Kuusi. Keuruu, 1963.
- KKR — *Karjalan kansan runot. II osa.* Muita kertovaisia runoja. Historiallisia runoja. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn, 1980.
- Konkka — *Konkka U.* Ikuinen ikävä: Karjalaiset riitti-itkut. Helsinki (Mänttä), 1985.
- KSV — *Kalevalaseuran vuosikirja*.
- KT — *Kotiseudun tarinoita*. Toim. L. Simonsuuri. Helsinki, 1951.
- Kuusi, 1953 — *Kuusi M.* Vanhan kansan sananlaskuviisaus. Helsinki.
- Kuusi, 1960 — *Kuusi M.* Seitsemän arvoituspähkinää // *Jumin keko*. Tutkielma kansanrunoustieteen alalta. Toim. J. Hautala. Tietolipas 17. Helsinki.
- Kuusi, 1967 — *Kuusi M.* Kalevalainen kertomarusous // *Perinnetietoa* Toim. T. Vuorela. Helsinki.
- Kuusi, 1980 — *Kuusi M.* Kronikaateista // *KSV*, 60. S. 39—46.
- Legendat — *Legendat. Kansankertomuksia Suomesta ja Karjalasta* // Toim. I.—R. Järvinen. Helsinki, 1981.
- Lönnrot — *Elias Lönnrot.* Matkat 1828—1844. Espoo, 1980.
- Paulaharju, 1924 — *Paulaharju S.* Syntymä, lapsuus ja kuolema. Helsinki.
- Pentikäinen — *Pentikäinen J.* Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971

- Porthan — Porthan H. G. Suomalaisesta runoudesta. Kääntänyt ja johdannon kirjoittanut Iiro Kajanto. Vaasa, 1983.
- Remsujeva, 1973 — Remsujeva R. Riimillinen kansanlaulu Kalevalan piirissä. Diplomityö. Käsikirjoitus. A. 50/10.
- Simonsuuri — Simonsuuri L. Typen und Motiv verzeichnis der finnischen mythischen sagen. FFC 182. Helsinki, 1961.
- SKVR — Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1908—1948.
- SL — Satuja ja Legendoja Maritta Pelkosen salmilaismuistiinpanoja Toim. ja suoment. R. Koponen. Vammala, 1976.
- Virtanen — Virtanen L. Kalevalainen laulutapa Karjalassa. Helsinki, 1968.
- Virtaranta, 1958 — Virtaranta P. Vienen kansa muistelee. Porvoo — Helsinki.

СЛОВАРЬ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Адво (*ad'vo, ativo*) — молодая женщина, гостящая (в течение 2—3 недель) у своих родителей; незамужние девушки или неженатые парни, гостящие у родни, а также послесвадебные отгостки.

Ахти (*Ahti*) — мифологическое существо, «хозяин воды», с ним связывали удачу в рыбной ловле.

Валушка (*val'uska*) — поминальный пирожок.

Вийсиканта (*viisikanta*) — магический знак в виде пятиконечника, прочерченный острым предметом без отрыва руки от поверхности, на которую он наносится.

Випунен, Антеро (*Antero Vipunen*) — мифологическое существо, мудрец, великан с чертами шамана. Вайнямейнен посещает его в могиле в поисках заклинаний.

Гуж — кожаная петля на хомуте, служащая для скрепления оглобель и дуги.

Загуста — каша из ржаной или ячменной муки.

Зыбун — трясина, болото, которое качается под ногами, опасное для ходьбы.

Карбас (*karpasu*) — большая гребная лодка с парусом.

Кулига — клин земли, полоса, загон; небольшой покос в лесу (*В. Даль*).

Локоть (*kyynärä*) — мера длины, равная 59,38 см.

Люлю (*lyly*) — 1. Левая лыжа непарных охотничьих лыж, длиннее правой (*kalhu*). 2. Кренивая древесина хвойных пород, применяемая для изготовления таких лыж. Считается, что такое дерево плотнее обычного из-за «болезни» клетчатки.

Мана, Манала (*Manala*) — царство умерших, потусторонний мир (также *Tuonela*).

Мир (*miero*) — сельская община, ее члены, односельчане, общество.

Неблюй (*vasa*) — теленок северного оленя, до полугода.

Паголенки (*riivat*) — часть чулка, охватывающая голень, короткие, до колена, чулки.

Патьвашка (*pat'vaska*) — основной свадебный чин, совмещающий функции свата, дружки и колдуна в карельской свадьбе.

Подсека — подсечное земледелие, способ обработки земли, при котором место для посева вырубалось и выжигалось в лесу.

Приставница (*šuaajannaini*) — свадебный чин, родственница жениха, помогавшая патьвашке в ходе свадебного обряда.

Пяйвеля (*Päivölä*) — мифическое место (от слова *päivä* — солнце, свет, день), противопоставляемое Похьеле, которая в народной поэзии соотносится с силами темноты, опасности.

Риза — облачение священника при богослужении.

Росчисть — расчищенный от леса участок земли.

Рукобитье (*kiänisku*) — часть свадебного обряда, заключение соглашения между сторонами жениха и невесты при сватовстве.

Сажень (*syli*) — мера длины, применявшаяся до введения метрической системы мер (2,1 м).

Сариола, Сарая (*Sariola, Saraja*) — в народной поэзии синоним Päivölä (см. Пяйвеля).

Свилеватый — волнистое, витое расположение слоев и волокон в древесине.

Связь (*haapana*, диалек. *hoapana*) — птица подсемейства утиных.

Симана (*Simana*) — святой, покровитель стада.

Спас (*Spuassu*) — Спаситель, Христос.

Суопо (*Suopo*) — кличка коровы.

Тапио (*Tapio*) — мифологический образ, «хозяин», дух леса.

Тапиола (*Tapiola*) — место обитания мифологического существа Тапио. Синонимом Тапиолы в народной поэзии выступает Метсола (*Metsola*; *metsä* — лес).

Транс — впадать в транс (*langeta loveen*) — состояние высокой нервной возбудимости, экстаза у заклинателей; считалось, что в таком состоянии они вступали в контакт с потусторонним миром, получая оттуда силу и знания для своих магических действий.

Треух (*treuhka*) — головной убор в виде шапки с опускающимися наушниками, с задком.

Туонела (*Tuonela*) — см. Манала.

Хийси (*Hiisi*) — мифологическое существо, враждебное человеку; глухое, страшное место.

Эльяс (*Elias, Elia*) — святой Илья, покровитель земледелия и животноводства; древнее — громовержец; Ильин день.

Янхус (*janhus*) — то же что *lulu* (см. люлю).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ, БАЛЛАДЫ	7
Luominen	10
Создание мира	10
Serrä	11
Кузнец	11
Iso tammi	12
Большой дуб	12
Kilpalaulantä	12
Состязание в пении	12
Sampo	15
Сампо	15
Kosinta	24
Сватовство	24
Vellamon neito	35
Дева Велламо	35
Virusessa käynti	36
Путешествие к Випунену	36
Tuonelan matka	38
Посещение Туонелы	38
Räivölän pidot. Saaren neidot	42
Пир в Пяйвеле. Посещение дев Острова	42
Hiitolasta kosinta	49
Сватовство в Хийтола	49
Paimenen kosto	53
Месть пастуха	53
Rutsa	54
Инуест	54
Iso härkä	56
Большой бык	56
Viron orja	57
Раб из Виро	57
Kadotetut koristeet	60
Утерянные украшения	60
Meren kosijat	62
Морские женихи	62
Iivana, iso isäntä	63
Иван-царь	63
Karlen sotaretki	65
Поход Карла	65
Jäniksen opetus pojallensa	66
Поучения зайчонку	66

ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНИЯ	68
Luonnonnostatus	70
Поднятие духа	70
Vaгаus	70
Заговор-оберер	70
Karhunpeijaisten virret	71
Песни «медвежьего праздника»	71
Oravaa metsästäessä	75
Заговор при охоте на белку	75
Kalavesi päästetään pilauksesta	76
Заговор от порчи рыбного озера	76
Karjan varaus	76
Закливание стада	76
Lehtyä ostaessa	79
Заговор при покупке коровы	79
Peltoa leikatessa	80
Заговор перед началом жатвы	80
Vil'lakeko tehtäessä	81
Заговор при скирдовании зерновых	81
Veren sulku	81
Заговор от кровотечения	81
Rauvan vihat	82
Закливание железа	82
Rauvan vihat	83
Закливание железа	83
Tulen vihat	84
Закливание огня	84
Rakkasen sanat	85
Заговор от обморожения	85
Košen sanat	85
Закливание порога	85
Puun vihat	86
Заговор от ушиба деревом	86
Mavon vihat	87
Заговор от укуса змеи	87
Vejen vihat	87
Закливание (болезни) от воды	87
Ruton sanat	88
Заговор от чумы	88
Kylvetys sanat	88
Заговоры в бане	88
СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ	92
Kokko lenti	93
Летел орел	93
Kokko lenti	94
Летел орел	94
Miero vuotti	96
Мир ждал новолунья	96
ПРИЧИТАНИЯ	99
HAUTAJAISITKUT	102
ПОХОРОННЫЕ ПЛАЧИ	102
Muato itköy kun pessäh kuollutta tytärtä	102
Плач матери при обмывании умершей дочери	103

Grobun luadjilla	103
Тем, кто делает гроб	104
Pokoiniekkua poššetah murkinalla	105
Покойника будят на завтрак	106
Konzu grobu otetah pertiz, proššaijahes	107
Когда гроб выносят из избы, прощаются	107
Kalmoil itkietäh kuiven nedälin proidihuo	107
Плач на кладбище на сороковой день	109
Passipot stolista	110
Спасибо за столы	110
HAITKUT	111
СВАДЕБНЫЕ ПЛАЧИ	111
Kiäniskuvirsi	111
Плач на «рукобית»	112
Antilaš kysyü prituaneita	112
Невеста просит приданое	113
Itkuvirsi tuamol	114
Причитывают матери	114
Kylyvirzi	115
Баенный плач	116
Kaššanriičindävirzi	117
Плач при расплетании косы	117
TIARAISITKUT	118
ВЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ	118
Rekryyttivirsi	118
Рекрутский плач	119
Pojjal gostih tulduo	120
Сыну, приехавшему в гости	120
Itkuvirsi kansanrunouden kerääjille	121
Плач собирателям	122
ЕЙГИ	124
ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	131
Ruvennenko laulamahe	132
«Не начать ли песнопенье...»	132
Opettavainen laulu	132
Песня-поучение	132
Kuin mie katala kazvoin	133
«Как я, несчастный, рос...»	133
Kun mun kultani tulisi	133
Если б милый появился	133
Syyttä silloin lapsi itki	134
«Без причин ребенок плакал...»	134
РИФМОВАННЫЕ ПЕСНИ. ЧАСТУШКИ	135
A tuõ čuurgu kylvämmõ, kylvämmõ	137
А мы чууру сеяли, сеяли	137
Ruskei neičyt, valgei neičyt	139
Рускей нейчут	139
Lyhyt rajo	140
Частушки	140
ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР	143
TUUTILAUUJA	146
КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ	146
KETJURUNOJA	147

КУМУЛЯТИВНЫЕ ПЕСНИ	147
LEIKKILUKUJA	151
ПОТЕШКИ	151
REITTOSSILLA	151
СЧИТАЛКИ (БЕЗ ПЕРЕВОДА)	151
HARNÄYKSET	152
ДРАЗНИЛКИ (БЕЗ ПЕРЕВОДА)	152
MUITA LASTEN LAULUJA	154
ПРОЧИЕ ДЕТСКИЕ ПЕСНИ	154
 ПОСЛОВИЦЫ	 156
ЗАГАДКИ	164
СКАЗКИ	173
ELÄINSADUT	177
СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ	177
Repo, kontie ta jänis	177
Лиса, медведь и заяц	178
Ukko, akka ta orava	180
Старик, старуха и белка	182
Orava, kinnas ta niekka	184
Белка, рукавица да игла	186
INMESADUT	188
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ	188
Piili, piili, Pilkkani	188
«Пийли, пийли, моя пятнашка...»	192
Tuhkimus — niätä starina	196
Сказка о Тухкимусе и куннице	199
Kewhe Lavri	203
Бедный Лаври	206
Kuldaine sorzu	209
Чудесная птица	210
NOVELLISADUT	212
ВЫТОВЫЕ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ	212
Viisaš moršien	212
Умная невеста	214
Rappistarina	216
Сказка о попе	217
Kindahan miehet lähtietti Piiterih	218
Киндасовцы едут в Питер	219
Kindahan mužikat kylvetti kagrat	219
Киндасовцы сеют овес	220
Kindahan mužikko juotattoo	220
Киндасовцы на воде страдают от жажды	221
 НАРОДНАЯ НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА	 222
ПРЕДАНИЯ	229
Tuhkalan kylä	229
Деревня Тухкала	229
Lappalaiset Jyrinsaarella	230
Лопари на Юринострове	230
Lappalaiset	231
Лопари	231
Kostovaaran kylä	231
Деревня Костоваара	232
Kolvitsan kylä	232

Основание деревни Колвица	232
Perttusen šuku	232
Род Перттуненов	233
Aarre Neitisaarella	233
Клад на Девичьем острове	233
Aarre	234
Клад	234
Aarteet palavat	234
Клады горят	235
Vorna	235
Ворна	236
Rogatsu	236
Рогаччу	236
Pedri cuari	237
Царь Петр	237

ЛЕГЕНДЫ 238

Kui kived rodih hernehekse	240
Как камни превратились в горох	240
Spoassu da virzu	240
Спаситель и лапоть	241
Jumala käveli maassa	241
Бог ходил по земле	241
Solovetski	241
Основание Соловецкого монастыря	242
Konevitsa	242
Коневитский монастырь	243
Oleksei Sverskoi	243
Олексей Свирский	243
Kolme luostaria	243
Три монастыря	244
Cassovna Piismalahešša	244
Часовня в Пизьмагубе	244
Jumala ja piru	245
Бог и черт	245
Jumala ja biessa	246
Бог и черт	246

БЫЛИЧКИ 247

Vetehiseštä	248
О водяном	248
Vejenemäntä	248
Хозяйка воды	249
Järven eläjä	249
Обитатель озера	250
Olen nähnyt vetehisen	250
Видел водяного	250
Vetehini oli Tuorrajärvellä	251
Водяной был в Топозере	251
Vetehisestä	251
О водяном	252
Vetehisen lehmä	252
Корова водяного	252
Ihmevirsut	253
Чудесные лапти	253

Piessa vie lehmii	253
Бес увел коров	253
Meccähini	254
Лесовик. Леший	254
Kuun tervaaminen	255
Луну дегтем мазали	255
Kuuluista tietäjä Mihei	255
Известный заклинатель Михей	256
Рунопевцы	257
Список библиографических сокращений	263
Словарь малопонятных слов	265

Учебное издание

KARJALAN RANVAHAN RUNOJA

Lukukirja

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Хрестоматия

Издание подготовила

Лавонен Нина Александровна

Редакторы М. Ф. Хютти, Г. Е. Пялинен

Художественный редактор И. Г. Карт

Технический редактор А. Ю. Калинова

Корректоры В. М. Хабибуллина, В. Н. Григорьева, В. А. Парттимаа

ИБ № 2390

Сдано в набор 27.11.91. Подписано в печать 6.07.92. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типограф. № 2. Гарнитура
литер. Печать офсет. Усл. печ. л. 15,81. Усл. кр.-отт. 16,51. Уч.-изд. л. 16,07. Тираж 10 000 экз. Зак. 3988
Изд. № 127. С. 44.

Издательство «Карелия». 185610, г. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина 1
Арендное предприятие. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина.
185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

КАРЖАЛАН
РАHVАНАН
РУНОЈА

КАРЕЛЬСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР
КАРЖАЛАН РАHVАНАН
РУНОЈА